
N. 14. г.
15482/8

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшіе и рѣчи
Ужъ замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».

(Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха Исторіографу Риза-кули-хану).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ШЕСТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1892.

1970

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

Стран.

I.

18 апрѣля 1841 года узнала Москва о совершившемся 16 числа бракосочетаніи Наслѣдника Русскаго Престола. Воспитатель его, генералъ-адъютантъ Кавелинъ, избранъ былъ Государемъ для сообщенія жителямъ древней столицы извѣстія о радостномъ событіи. На другой же день совершено было молебствіе въ Успенскомъ Соборѣ и прочтенъ манифестъ. „О, милость, милость“ восклицалъ Погодинъ, „ты небесное, божественное свойство! Какъ живо волнуешь ты сердце, какъ могущественно привлекаешь его къ себѣ,—сильнѣе всѣхъ законовъ на свѣтѣ. Да присѣдишь ты на вѣки вѣковъ престолу Русскихъ Самодержцевъ! И кому же миловать, какъ не Русскому царю! И когда же болѣе, какъ не при бракѣ Наслѣдника“.

Передъ самою свадьбою Наслѣдника, въ Дневникѣ Никитенко мы находимъ слѣдующую замѣтку: „Въ обществѣ ходятъ слухи. Говорятъ, что ко дню свадьбы Наслѣдника приготовленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Если это правда, нынѣшнее царствованіе будетъ ознаменовано событіемъ, которое возвеличитъ его. Но многіе изъ людей образованныхъ находятъ мѣру эту еще преждевременною. Говорятъ, что она поведетъ къ безпорядкамъ, что къ ней надо идти постепенно. Какой же моментъ, по ихъ мнѣнію, окажется своевременнымъ? И чего еще ждать? Чтобы помѣщики сами отказались отъ своихъ правъ? Или чтобы между крестьянами побольше распространилось просвѣщеніе?.. Всякая постепенность въ этомъ

пути была бы полумѣрою, а полумѣры всегда ошибочны и часто пагубны, потому что создаютъ фальшивыя положенія вещей. Что касается безпорядковъ, они, конечно, возможны, но что они въ сравненіи со зломъ, заключающимся въ этой отвратительной системѣ рабства? Мелкіе помѣщики неизбѣжно пострадаютъ, но какое же важное благотворное преобразованіе въ государствѣ совершается безъ жертвъ? Государю Николаю Павловичу приписываютъ слова: *Я не хочу умереть, не совершивъ двухъ дѣлъ: изданія Свода Законовъ и уничтоженія крѣпостнаго права*... Но все это одни гаданія. Подождемъ до среды (*16 апрѣля*)—и вопросъ рѣшится самъ собою. Впрочемъ, я мало надѣюсь. Хотя почему бы Николаю этого и не сдѣлать? Онъ всесиленъ: кого и чего ему бояться? И какое лучшее употребленіе можетъ онъ сдѣлать изъ своей самодержавной власти?“

На канунѣ свадьбы Наслѣдника Погодинъ получилъ извѣстіе отъ С. Т. Аксакова „объ освобожденіи крестьянъ“; а гуляя по своему саду съ Константиномъ Аксаковымъ, Погодинъ бесѣдовалъ съ нимъ „о Москвѣ, о крестьянахъ. Кажется“, пишетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „они будутъ освобождены скоро. Государь хотѣлъ задать большой праздникъ, но Васильчиковъ на колѣняхъ упросилъ отложить до времени. Дѣло за формою. При такихъ великихъ дѣйствіяхъ нельзя предусмотрѣть выгодъ и невыгодъ, кои развиваются сами собою, по своимъ законамъ. Что Богъ дастъ, то и будетъ. Рѣшенія синтетическія по вдохновенію; нота бене для Исторіи“.

Вскорѣ послѣ свадьбы Наслѣдника, въ маѣ 1841 г., посѣтилъ Москву вмѣстѣ съ новобрачными императоръ Николай I, „спѣша раздѣлить свою семейную радость вмѣстѣ съ первопрестольнымъ градомъ Русскаго Царства“.

Предъ вступленіемъ Государя съ новобрачными въ Успенскій Соборъ, митрополитъ Филаретъ произнесъ слово: „Благочестивѣйшій Государь! Уже сердце Россіи трепетало радостію при вѣсти о радости твоего родительскаго сердца и двухъ сердецъ, соединенныхъ на радость Россіи. Твой первородный,

исполнивъ собою высокія надежды Отечества, исполняетъ его пріятными надеждами, избравъ и соединивъ съ собою священными узами достойную сонаслѣдницу благословеній, которыми ущедрено свыше твое августѣйшее семейство.

Но нынѣ, по любви твоей къ подданнымъ отеческой, ты благоволилъ и наградить, и еще возвысить вѣрноподданическую радость твоей древней столицы, даруя ей счастіе лицезрѣнія твоего и виновниковъ твоей и нашей радости.

Святая же Церковь свойственною ей духовною радостію радуется, когда ты, Благочестивѣйшій Государь, среди веселія твоего Дома, воспомянувъ Святыню сего древняго Дома Божія, притекаешь въ сіе святилище царей, чтобы твою и чадъ твоихъ радость благодарственно и молитвенно принести Богу, ее даровавшему.

Царь царей да исполнитъ во благихъ желанія твои и благословеніемъ благостыннымъ, обильнымъ, потомственнымъ, да благословитъ благовѣрныхъ Александра и Марію, якоже благословилъ благочестивѣйшихъ Николая и Александру".

Прибытіе Государя съ новобрачными въ Москву погрузило Погодина въ слѣдующее размышленіе: „Высокое умилительное явленіе!" пишетъ онъ, „подобнаго ни по формѣ, ни по идеѣ, вы не найдете нигдѣ въ Европѣ: не происходитъ въ семействѣ царскомъ никакого событія безъ того, чтобъ Царь тотчасъ не поспѣшилъ сообщить его Москвѣ, какъ представительницѣ Святой Руси, въ доказательство, что онъ и она одно есть... И народъ Московскій, народъ чисто Русскій живо чувствуетъ этотъ родственный, кровный союзъ, этотъ священный завѣтъ единства и любви между Царемъ и Царствомъ, источникъ и корень нашего могущества,—простую Русскую тайну, которой однако жъ никакъ не можетъ постигнуть ни высокоумная западная философія, ни хитро-испытанная западная политика"... Во время пребыванія царской фамиліи въ Москвѣ, по свидѣтельству Погодина, „сколько слышалось здѣсь выраженій, коими изъявляется чувство гораздо сильнѣе, живѣе, чѣмъ на придворномъ языкѣ утонченной цивилизаціи. Имъ говоритъ про-

стое сердце, въ коемъ почиваетъ Богъ, а не грѣшный умъ, источникъ эгоизма“.

Пребываніе Царя въ Москвѣ навѣяло на Погодина мысли, которыя онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*. „Въ Кремль. Съ народомъ. Думалъ объ идеѣ царя, который у насъ грѣшить не можетъ, на котораго никто не жалуется, никто не винитъ. Это догматъ, хотя и не писанный. А это едва ли они понимаютъ. Чего нельзя сдѣлать съ этою идеею! Вышелъ въ казацкомъ платьѣ. По крайней мѣрѣ ближе къ Русскому. Квартальные хлопотали о проходѣ. *Не хлопочите, батюшка, пропустимъ*. Какъ бросился народъ на мѣста, и мигомъ они покрылись. Стоило одному начать. Толки каменьщиковъ: *Вотъ онъ идетъ, перышко видно*. Движеніе па улицѣ. Барабаны, звонъ и ура. Преклоняются знамена. Потомъ проѣхала коляска довольно скоро, около которой Государь и Наслѣдникъ. Вотъ и все. За нею, въ безпамятствѣ, толпа народа. Отправился пѣшкомъ въ Кремль. Кремль полонъ. Старуха съ пожилою вдовою, кажется, фабричною: *и наплакалась, и рада, вѣдь онъ нашъ Батюшка какимъ сахаромъ кормитъ*. Увидѣлъ Молодую въ окнѣ Грановитой Палаты, потомъ опять въ коляскѣ, на балконѣ. *А ее не показываютъ, жаль видно*. Не хотѣлось ѣхать въ театръ. Какъ то скучно и досадно“.

Еще въ ожиданіи прибытія императора Николая I въ первопрестольный градъ, Погодинъ „устроилъ статейку *о Москвѣ*“, въ которой, по его замѣчанію, оказалось „нѣсколько выраженій счастливыхъ“. Въ этой статьѣ Погодинъ доказываетъ, что *Москва есть корень, зерно, сѣмя, Русскаго государства*. „Ни Новгороду, ни Кіеву, ни Владиміру нельзя приписать этой чести. Новгородъ и Кіевъ древнѣе Москвы, они начинаютъ Русскую Исторію, но не начинаютъ нынѣшняго Русскаго Государства. Они присоединились къ Москвѣ, а не Москва присоединилась къ нимъ. Это Ока, Кама, кои впадаютъ въ Волгу. Началу Москвы соотвѣтствуетъ въ этомъ смыслѣ начало Волги, а не начало Оки или Камы. Когда вы хотите говорить о Волгѣ, то вы должны тотчасъ идти въ

Осташковъ, къ озеру Селигеру и далѣе, поймать тамъ первую каплю, преслѣдовать струю, идти за ручьемъ, рѣчкой, рѣкою, которой уже въ Нижнемъ приноситъ свою дань длинная многоводная Ока, а далѣе въ Казанской губерніи не менѣе важная Кама". Затѣмъ Погодинъ предлагаетъ вопросъ: „Гдѣ же это начало Москвы? Въ какихъ горахъ нашъ священный Гангесъ беретъ свое державное начало?" И отвѣчаетъ: „Первоначальная область Москвы, во владѣніи у перваго удѣльнаго ея князя Даніила Александровича, находилась между Лопасней и Можайскомъ, Клиномъ, Дмитровымъ, Радонежомъ, Коломною, которые принадлежали уже княжествамъ: Можайскъ къ Смоленскому, Клинъ къ Тверскому, Дмитровъ къ Владимірскому, Радонежъ къ Ростовскому, Коломна къ Рязанскому. Вотъ въ какихъ тѣсныхъ удоліяхъ заключалась Московская область; вотъ какой точкѣ судьбою назначено быть центромъ новаго, могущественнаго Европейскаго... всемірнаго государства; вотъ какая капля должна сдѣлаться моремъ-океяномъ". Свою статью о Москвѣ Погодинъ заключаетъ такими словами: „Дошла ли Святая Русь-Москва до своихъ столповъ Геркулесовыхъ, на которыхъ преданіе читало Nec plus ultra? Исторія отвѣчать не смѣетъ. Сердце Царево въ руцѣ Божіей".

II.

Въ первый день новаго, 1841 года, вышелъ въ свѣтъ первый нумеръ *Москвитянина*, который открывается статьею самого Погодина *Петръ Великій*. Статья эта была первоначально написана Погодинымъ для своихъ друзей, первыхъ Словенофиловъ, не отдававшихъ, по мнѣнію его, „справедливости великому дѣятелю Русской Исторіи". Предъ напечатаніемъ Погодинъ счелъ полезнымъ отправить ее на предварительное разсмотрѣніе Уварова, который, принимая живое участіе въ Погодинѣ, писалъ ему: „Возвращаю при семъ корректурные листы статьи. Прочелъ со вниманіемъ. Вы найдете нѣсколько

замѣтокъ и сомнѣній; вообще въ этой статьѣ много живости и ума. Что касается до деклараціи литературной, то считаю, что лучше бы было отсрочить оную. Существо мыслей и цѣль изданія должны отражаться въ самомъ журналѣ. Зачѣмъ объяснять впередъ, что должно быть общимъ выводомъ? Мнѣ такъ опротивѣла такъ называемая полемика, что совѣтовалъ бы вамъ безъ нужды не бросать перчатки: ваши противники не рыцари. Извините, что не могу болѣе писать; я занятъ до нельзя; мое здоровье поправляется, или точнѣе сказать, поправляюсь" [1]).

Такимъ образомъ съ измѣненіями, по указанію Уварова, была напечатана въ первомъ нумерѣ статья Погодина *Петръ Великій*, въ которой авторъ старался представить картину царствованія этого Государя, представить его значеніе въ Русской и Всеобщей Исторіи, необходимость его преобразованія, неосновательность однихъ осужденій и возможность другихъ, наконецъ обязанность, которая лежитъ на Русскихъ ученыхъ изслѣдовать во всѣхъ отношеніяхъ этотъ примѣчательнѣйшій періодъ Русской Исторіи. „Нынѣшняя Россія, т. е. Россія, Европейская дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литературная,— есть произведеніе Петра Великаго... Мы не можемъ открыть своихъ глазъ, не можемъ сдвинуться съ мѣста, не можемъ оборотиться ни въ одну сторону безъ того, чтобъ онъ вездѣ не встрѣтился съ нами, дома, на улицѣ, въ церкви, въ училищѣ, въ судѣ, въ полку, на гуляньѣ—все онъ, все онъ, всякій день, всякую минуту, на всякомъ шагу!

Мы просыпаемся. Какой нынѣ день? 1 января 1841 г. Петръ велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, Петръ Великій велѣлъ считать мѣсяцы отъ Января.

Пора одѣваться—наше платье сшито по фасону, данному Петромъ Первымъ, мундиръ по его формѣ. Сукно выткано на фабрикѣ, которую завелъ онъ; шерсть настрижена съ овецъ, которыхъ развелъ онъ.

Попадается на глаза книга—Петръ Великій ввелъ въ употребленіе этотъ шрифтъ и самъ вырѣзалъ буквы. Вы начнете

читать ее—этотъ языкъ при Петрѣ Первомъ сдѣлался письменнымъ, литературнымъ, вытѣснивъ прежній церковный.

Приносятъ газеты—Петръ Великій ихъ началъ.

Вамъ нужно купить разныя вещи—всѣ онѣ, отъ шелковаго шейнаго платка до сапожной подошвы, будутъ напоминать вамъ о Петрѣ Великомъ: однѣ выписаны имъ, другія введены имъ въ употребленіе, улучшены, привезены на его кораблѣ, въ его гавань, по его каналу, по его дорогѣ.

За обѣдомъ отъ соленыхъ сельдей и картофелю, который указалъ онъ сѣять, до винограднаго вина, имъ разведеннаго, всѣ блюда будутъ говорить вамъ о Петрѣ Великомъ.

Послѣ обѣда вы ѣдете въ гости—это ассамблея Петра Великаго. Встрѣчаете тамъ дамъ—допущенныхъ до мужской компаніи по требованію Петра Великаго.

Пойдемъ въ университетъ — первое свѣтское училище учреждено Петромъ Великимъ.

Вы получаете чинъ—по табели о рангахъ Петра Великаго.

Чинъ доставляетъ мнѣ дворянство—такъ учредилъ Петръ Великій.

Мнѣ надо подать жалобу—Петръ Великій опредѣлилъ ей форму. Примутъ ее—предъ зерцаломъ Петра Великаго. Разсудятъ—по Генеральному Регламенту.

Вы вздумаете путешествовать—по примѣру Петра Великаго; вы будете приняты хорошо—Петръ Великій помѣстилъ Россію въ число Европейскихъ государствъ, и началъ внушать къ ней уваженіе, и проч. и проч. и проч".

„Петръ Великій", продолжаетъ Погодинъ, „былъ геній, которому мало подобныхъ представляетъ Исторія, еслибъ даже иные и уравнялись съ нимъ въ томъ или другомъ достоинствѣ или свойствѣ. Правда, трудно русскому судить о немъ равнодушно и безпристрастно sine ira et studio, если Нѣмцы до сихъ поръ еще не могутъ говорить хладнокровно о Александрѣ Македонскомъ, по замѣчанію Герена (такую силу имѣютъ на насъ великіе люди).—Правда, мы родимся и воспитываемся подъ его вліяніемъ, начинаемъ мыслить объ немъ уже предубѣжден-

ные, а въ зрѣломъ возрастѣ тотчасъ уже восхищаемся имъ, благоговѣемъ предъ нимъ; національная наша гордость въ лучшіе пылкіе годы жизни питается размышленіями объ немъ: Нигдѣ не было такого великаго государя, сказалъ еще юный Карамзинъ—и мы поднимаемъ выше свою голову, смотримъ веселѣе на Европейскую Исторію. Безпристрастіе можетъ быть плодомъ только долговременнаго, глубокаго изученія, зрѣлаго человѣческаго образованія.—Все это правда; но геніальности Петра Великаго отдаютъ равную честь Русскіе и иностранцы, порицатели и почитатели. Дѣйствія Петровы продолжаются до сихъ поръ и имѣютъ вліяніе не только на Россію, но и на всю Европу, на весь міръ;—такіе люди не являются безъ надобности, или должно отвергнуть присутствіе Десницы міродержавной надъ дѣлами человѣческими. Мысль нелѣпая! Видно нуженъ былъ онъ, а не кто-либо иной! Смиримся и благоговѣемъ!

Для Данта была учреждена особая каѳедра въ университетахъ Италіанскихъ. Я почитаю себя счастливымъ, что могъ цѣлый семестръ посвятить въ Московскомъ Университетѣ изслѣдованіямъ о нашемъ Петрѣ. Петръ постоитъ Данта! Чѣмъ больше будутъ о немъ думать, говорить, писать, тѣмъ будетъ яснѣе становиться вся Русская Исторія" [2]).

Поправки, сдѣланныя въ этой статьѣ Уваровымъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны, но онѣ не ускользнули отъ зоркаго глаза князя П. А. Вяземскаго, и А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Князь Вяземскій, читая вашу статью о Петрѣ Великомъ, сообщилъ мнѣ, что онъ нашелъ въ ней какую-то разрозненность между ея частями, и предполагаетъ, что эта разрозненность была дѣломъ цензуры".

Въ той же первой книжкѣ *Москвитянина* было напечатано знаменитое стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки подъ заглавіемъ *Москва*:

Городъ чудный, городъ древній...

По Москвѣ ходила слѣдующая острота Чаадаева: „Въ Москвѣ каждаго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку

и большой колоколъ. Пушку, изъ которой стрѣлять нельзя, и колоколъ, который свалился прежде, чѣмъ звонилъ: Удивительный городъ, въ которомъ достопримѣчательности отличаются нелѣпостью".

Ѳ. Н. Глинкѣ, конечно, была извѣстна эта шутка; и онъ, не безъ умысла, въ своемъ стихотвореніи писалъ:

Кто собьетъ златую шапку
У Ивана звонаря?
Кто царь-колоколъ подниметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не снимѣтъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?

Это стихотвореніе обратило на себя вниманіе Начальника Москвы князя Д. В. Голицына. По этому поводу въ *Москвитянинѣ* было напечатано: „У гостепріимнаго и просвѣщеннаго Начальника нашей столицы собирается каждую недѣлю кругъ ученыхъ и литераторовъ. Въ мирной бесѣдѣ о наукѣ, искусствѣ и словесности, всегда готовый предложить имъ содѣйствіе, оцѣнить прекрасную мысль, ободрить полезное начало, онъ такимъ образомъ благородно отдыхаетъ отъ своихъ тяжкихъ трудовъ государственныхъ. На этихъ вечерахъ, по желанію благосклоннаго хозяина, читаются иногда произведенія извѣстныхъ литераторовъ нашихъ. Любя національную поэзію въ изящныхъ классическихъ формахъ и умѣя всегда вѣрно замѣтить и оцѣнить каждое прекрасное выраженіе, Князь и желалъ услышать изъ устъ самого Автора столь извѣстное публикѣ стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки, привѣтъ Москвѣ, напечатанное въ *Москвитянинѣ*". При этомъ замѣчено, что старшій братъ Князя, князь Борисъ Владиміровичъ Голицынъ, „учредилъ первый въ Москвѣ предъ нашествіемъ Французовъ, частныя литературныя собранія у себя въ домѣ, собранія, на коихъ присутствовали Карамзинъ и Мерзляковъ, и кои посѣщались г-жею Сталь" [3]).

III.

Товарищъ и другъ Погодина Шевыревъ въ томъ же первомъ нумерѣ *Москвитянина* помѣстилъ свой *Взглядъ Русскаго на образованіе Европы*, въ которомъ краснорѣчиво развиваются основныя воззрѣнія *Москвитянина*—выразителя людей, исповѣдующихъ Православно-Русское ученіе. Этимъ воззрѣніямъ *Москвитянинъ* остался вѣренъ до конца своего существованія. Поэтому мы считаемъ „добрымъ и полезнымъ“ короче познакомиться съ прекрасною статьею Шевырева. „Драма современной Исторіи“, пишетъ онъ — „выражается двумя именами, изъ которыхъ одно звучитъ сладко нашему сердцу! Западъ и Россія, Россія и Западъ — вотъ результатъ, вытекающій изъ всего предъидущаго; вотъ послѣднее слово Исторіи; вотъ два данныя для будущаго!

Наполеонъ содѣйствовалъ много къ тому, чтобы намѣтить оба слова этого результата. Въ лицѣ его исполинскаго генія сосредоточился инстинктъ всего Запада — и двинулся на Россію, когда могъ.

Хвала! Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ.

Западъ и Россія стоятъ другъ передъ другомъ, лицомъ къ лицу!—Увлечетъ ли насъ онъ въ своемъ всемірномъ стремленіи? Или устоимъ мы въ своей самобытности? Образуемъ міръ особый, по началамъ своимъ, а не тѣмъ же Европейскимъ?“ Для разрѣшенія этого вопроса Шевыревъ бросаетъ взглядъ на состояніе современной Европы и на отношеніе, въ какомъ находится къ ней наше Отечество. Свое разсмотрѣніе Шевыревъ начинаетъ съ тѣхъ двухъ странъ, которыхъ вліяніе менѣе всего доходитъ до насъ, т.-е. съ Италіи и Англіи.

„Первое мѣсто той, которая переноситъ насъ изъ міра корыстной существенности въ міръ наслажденій чистыхъ. Бывало прежде, народы сѣвера неслись черезъ Альпы съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы драться за южную красавицу странъ Европейскихъ, которая привлекала ихъ взоры. Теперь ежегодно ко-

лоніи мирныхъ странниковъ текутъ съ вершинъ Симплона, Монсени, Коль-дель-Борміо, Шплюгена и Бреннера, или обоими морями: Адріатическимъ и Средиземнымъ, въ прекрасные сады ея, гдѣ она мирно угощаетъ ихъ своимъ небомъ, природою и искусствомъ. Почти чуждая міру новому, который задвинутъ отъ нея навѣки снѣжноглавыми Альпами,—Италія живетъ воспоминаніями древности и искусствомъ... Вся ея почва—могила прошедшаго. Подъ міромъ живымъ — тлѣетъ міръ другой, міръ отжившій, но вѣчный. Ея виноградники цвѣтутъ на развалинахъ городовъ погибшихъ; ея плющъ обвиваетъ памятники величія древняго; ея лавры—не для живыхъ, а для мертвыхъ... Искусство, какъ вѣрный плющъ, обвиваетъ развалины Италіи... Италія совершила свое дѣло. Ея искусство стало собственностію всего образованнаго человѣчества"... „Любопытно видѣть", продолжаетъ Шевыревъ,—какъ вокругъ одного Преображенія Рафаэля сидятъ живописцы, русскій, французъ, нѣмецъ, англичанинъ и силятся въ разныхъ видахъ повторить неуловимые ничьею кистію образы неподражаемаго". Все это прошлое; но настоящее Италіи того времени, по свидѣтельству Шевырева, представляло: „Ваяніе цвѣтетъ, а живопись совершенно упала. Наука въ Италіи имѣетъ своихъ представителей по нѣкоторымъ отдѣльнымъ частямъ, но не соединяетъ ничего цѣлаго... Ученые Италіи — острова, отдѣльно плавающіе на морѣ невѣжества! Состояніе литературы представляетъ тотъ же феодальный видъ, какъ и наука. Но несмотря на то, что всѣ произведенія словесности Французской читаются писателями Авзонійскими, — ихъ вкусъ остался совершенно чистъ отъ развращеннаго вліянія Франціи. Причины такого явленія таятся въ духѣ и характерѣ Италіанскаго народа. Первая изъ нихъ —чувство религіозное... Вторая причина—чувство эстетическое... Литература въ Италіи въ упадкѣ; но вкусъ къ изящному, питаемый вѣчными образцами, входящими въ образованіе народное, поддерживается по преданію".

Переходя къ Англіи, Шевыревъ замѣчаетъ: „Англія — крайняя противоположность Италіи. Тамъ совершенная ни-

чтожность и безсиліе политическое; здѣсь средоточіе и держава современной политики! Тамъ чудеса природы и безпечность рукъ человѣческихъ; здѣсь скудость первой и дѣятельность вторыхъ; тамъ нищета искренно бродитъ по большимъ дорогамъ и улицамъ; здѣсь она скрыта роскошью и богатствомъ внѣшнимъ; тамъ идеальный міръ фантазіи и искусства; здѣсь существенная сфера торговли и промышленности; тамъ лѣнивый Тибръ, на которомъ изрѣдка увидишь лодку рыбачью; здѣсь дѣятельная Темза, на которой тѣсно отъ пароходовъ; тамъ небо вѣчно свѣтлое и открытое; здѣсь туманъ и дымъ навсегда скрыли чистую лазурь отъ глазъ человѣческихъ; тамъ каждый день процессіи религіозныя; здѣсь сухость безобрядной религіи; тамъ каждое воскресенье—шумный пиръ гуляющаго народа; здѣсь день воскресный — мертвая тишина на улицахъ; тамъ легкость, безпечность, веселіе, здѣсь важная и суровая дума сѣвера... Благоговѣешь передъ этою страною, когда въ ней самой видишь своими очами то прочное благоденствіе, которое она себѣ устроила. Преклоняешься передъ Англичанами, когда гостишь у нихъ и смотришь на чудеса ихъ всемірной силы, на дѣятельность ихъ могучей воли, на это великое ихъ настоящее, всѣми корнями своими держащееся въ глубинѣ строго-хранимаго и уважаемаго прошедшаго... Эта сила содержитъ въ себѣ двѣ другія, взаимнымъ совокупленіемъ которыхъ утверждается непоколебимая прочность Англіи. Одна изъ этихъ силъ стремится внѣ, жаждетъ обнять весь міръ, усвоить все себѣ; это ненасытимая сила колоніальная, которая основала Соединенные Штаты, покорила Восточную Индію, наложила руку на всѣ главнѣйшія гавани міра. Но есть сила другая въ Англіи, сила внутренняя, предержащая, которая все устрояетъ, все хранитъ, все упрочиваетъ и которая питается прошедшимъ. Эти двѣ силы не такъ еще давно, на нашихъ глазахъ, олицетворены были въ двухъ писателяхъ Англіи: Это Байронъ и Вальтеръ Скоттъ. Когда въ Лондонѣ, гуляя по необъятнымъ докамъ, обозрѣваешь корабли, готовые летѣть во

всѣ возможныя страны міра, тогда становится понятнымъ, какъ въ такой землѣ могъ родиться и воспитаться ненасытимый бурный духъ Байрона. Когда съ благоговѣніемъ входишь подъ темные своды Вестминстерскаго аббатства, или гуляешь по рощамъ Виндзора, Гамптонкура, Ричмонда, и отдыхаешь подъ дубами, рожденіемъ современными Шекспиру, тогда постигаешь, какъ на этой почвѣ преданія могъ созрѣть блистательный геній Вальтеръ Скотта. Въ Англіи то же самое явленіе, что и въ Италіи, въ отношеніи къ современной литературѣ Франціи: сія послѣдняя не произвела никакого вліянія на писателей Англіи. Въ Италіи нашли мы тому двѣ причины: религію и чувство эстетическое. Въ Англіи также двѣ: преданія своей литературы и мнѣніе общественное. Литература Англіи имѣла всегда въ виду цѣль нравственную... Мнѣніе общественное въ Англіи есть также власть, *полагающая преграды злоупотребленію личной свободы писателя, который своимъ развращеннымъ воображеніемъ захотѣлъ бы развращать и народъ*".

„Англія и Италія", свидѣтельствуетъ Шевыревъ, — „не имѣли никогда въ литературномъ отношеніи непосредственнаго вліянія на Россію. Онѣ заслонены отъ Россіи двумя странами. Франція и Германія вотъ тѣ двѣ страны, подъ вліяніемъ которыхъ мы непосредственно находились и теперь находимся. Въ нихъ, можно сказать, сосредоточивается для насъ вся Европа. Здѣсь нѣтъ ни отдѣляющаго моря, ни заслоняющихъ Альповъ. Всякая книга, всякая мысль Франціи и Германіи скорѣе откликается у насъ, нежели въ какой-либо другой странѣ Запада. Прежде преобладало вліяніе Французское; въ новыхъ поколѣніяхъ осиливаетъ Германское. Всю образованную Россію можно справедливо раздѣлить на двѣ половины: Французскую и Нѣмецкую, по вліянію того или другаго образованія". Приступая къ изложенію современнаго положенія этихъ двухъ странъ, Шевыревъ заявляетъ: „Здѣсь мы смѣло и искренно скажемъ наше мнѣніе, зная заранѣе, что оно возбудитъ множество противорѣчій, оскорбитъ многія самолю-

бія, разшевелитъ предразсудки воспитанія и ученій, нарушитъ преданія, доселѣ принятыя".

По мнѣнію Шевырева, „Франція и Германія были сценами двухъ величайшихъ событій, къ которымъ подводится вся исторія новаго Запада, или, правильнѣе, двухъ переломныхъ болѣзней, соотвѣтствующихъ другъ другу. Эти болѣзни были — реформація въ Германіи, революція во Франціи; болѣзнь одна и та же, только въ двухъ разныхъ видахъ. Мы думаемъ, что эти болѣзни уже прекратились. Нѣтъ, мы ошибаемся. Болѣзнями порождены вредные соки, которые теперь продолжаютъ дѣйствовать и которые въ свою очередь произвели уже поврежденіе органическое и въ той, и въ другой странѣ, признакъ будущаго саморазрушенія. Да, въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ мы не примѣчаемъ, что имѣемъ дѣло какъ будто съ человѣкомъ, носящимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ, окруженнымъ атмосферою опаснаго дыханія. Мы цѣлуемся съ нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства... и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхѣ пира будущаго трупа, которымъ онъ уже пахнетъ! Онъ увлекъ насъ роскошью своей образованности...; угождаетъ прихотямъ нашей чувственности, расточаетъ передъ нами остроуміе мысли, наслажденія искусства. Мы рады, что попали на пиръ готовый къ такому богатому хозяину... Мы упоены... Но мы не замѣчаемъ, что въ этихъ яствахъ таится сокъ, котораго не вынесетъ свѣжая природа наша... Мы не предвидимъ, что просвѣщенный хозяинъ, обольстивъ насъ всѣми прелестями великолѣпнаго пира, развратитъ умъ и сердце наше; что мы выйдемъ отъ него опьянѣлые не по лѣтамъ, съ тяжкимъ впечатлѣніемъ отъ оргіи, намъ непонятной..."

Въ заключеніе своей статьи Шевыревъ говоритъ: „Но если мы и вынесли нѣкоторые неизбѣжные недостатки отъ сношеній нашихъ съ Западомъ, за то мы сохранили въ себѣ чи-

стыми три коренныя чувства, въ которыхъ сѣмя и залогъ нашему будущему развитію.

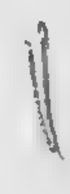
Мы сохранили наше древнее чувство религіозное. Крестъ Христовъ положилъ свое знаменіе на всемъ первоначальномъ нашемъ образованіи, на всей Русской жизни. Этимъ крестомъ благословила насъ еще древняя мать наша Русь и съ нимъ отпустила насъ въ опасную дорогу Запада.

Второе чувство, которымъ крѣпка Россія и обезпечено ея будущее благоденствіе, есть чувство ея государственнаго единства, вынесенное нами также изъ всей нашей Исторіи. Конечно, нѣтъ страны въ Европѣ, которая могла бы гордиться такою гармоніею своего политическаго бытія, какъ наше Отечество... Вотъ сокровище, вынесенное нами изъ нашей древней жизни, на которое съ особенною завистью смотритъ Западъ.

Третье коренное чувство наше есть сознаніе нашей народности... Объ это чувство разбиваются всѣ частныя безплодныя усилія нашихъ соотечественниковъ привить къ намъ то, что нейдетъ къ Русскому уму и къ Русскому сердцу. Это чувство есть мѣра прочнаго успѣха нашихъ писателей въ Исторіи Литературы, есть пробный камень ихъ оригинальности. Это чувство устремляетъ теперь насъ къ изученію нашей древней Руси. Само Правительство дѣятельно призываетъ насъ къ тому.

Тремя коренными чувствами крѣпка наша Русь и вѣрно ея будущее. Мужъ Царскаго Совѣта, которому ввѣрены поколѣнія образующіяся, давно уже выразилъ ихъ глубокою мыслію, и они положены въ основу воспитанія народа“.

Само собою разумѣется, что это исповѣданіе вѣры Шевырева не могло понравиться Западникамъ. Одинъ изъ выразителей ихъ въ данномъ случаѣ явился либеральный цензоръ и профессоръ Никитенко. „Чудаки эти Москвичи“, пишетъ онъ“,—даже Шевыревъ. Ругаютъ Западъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Западъ умираетъ, уже умеръ и гніетъ. Въ Россіи только

можно жить и учиться чему-нибудь. Это страна благополучія

и великихъ убѣжденій. Если это искренно, то Москвичи самые отчаянные систематики. Они отнимаютъ у Бога тайны Его предначертаній и рѣшаютъ по своему жизнь и упадокъ царствъ. Они похожи на школьниковъ, которые считаютъ себя всемірными мудрецами, все знаютъ и все могутъ. Они дѣйствительно являются выраженіемъ нашей *младенчествующей самостоятельности*. Въ такомъ случаѣ, они, говоря ихъ словами, историческія явленія. Ну, съ Богомъ!.. Гулялъ съ Комовскимъ... Онъ защищалъ *Москвитянинъ*, особенно Шевырева. Я спорилъ горячо, даже слишкомъ горячо и хотя сбилъ его съ основаній, однако, какъ водится, не убѣдилъ, а только остановилъ“ [4]).

IV.

Въ pendant ко *Взгляду Русскаго на современное образованіе Европы* И. И. Давыдовъ напечаталъ въ *Москвитянинъ* свое разсужденіе о томъ, *Возможна ли у насъ Германская Философія*. Разсужденіе это И. И. Давыдовъ прислалъ къ Погодину при слѣдующемъ письмѣ: „Я желалъ бы, чтобы (статья) помѣщена была въ мартовской книжкѣ по слѣдующимъ причинамъ. Вопервыхъ, Сергій Семеновичъ Уваровъ заповѣдывалъ мнѣ принять участіе въ *Москвитянинъ*, какъ вы видѣли изъ письма его ко мнѣ; а мнѣ хотѣлось бы, чтобъ онъ теперь же видѣлъ исполненіе своихъ словъ. Вовторыхъ, эта статья служитъ продолженіемъ того воззрѣнія на западное просвѣщеніе, какое показано въ первыхъ книжкахъ *Москвитянина*. Втретьихъ, я даже ссылаюсь на слова самого Сергія Семеновича. Если мало трехъ причинъ, есть въ запасѣ и четвертая; вѣдь и пиво мартовское лучше, нежели пиво другихъ мѣсяцевъ“ [5]).

Разсмотрѣвъ Германскую Философію, выразившуюся преемственно въ Философіи Лейбница, Канта, Фихта, Шеллинга и Гегеля въ связи съ современными отношеніями къ каждому изъ

этихъ проявленій философскаго духа, Давыдовъ замѣчаетъ: Германская философія, „окриленная торжествомъ Реформаціи, въ ослѣпленіи своемъ возмечтала руководить религію, ниспосланную свыше, да поставитъ человѣка на путь правый и истинный!“ Но Давыдовъ, конечно, отрицаетъ таковое ее покушеніе; по этому, говоритъ онъ, въ „настоящее время Германская современная Философія невозможна у насъ, по противорѣчію ея нашей народной жизни религіозной, гражданской и умственной, тѣмъ болѣе, что она перестаетъ быть оракуломъ даже и для своихъ соотечественниковъ. Философія, какъ поэзія и всякое творчество, должна развиться изъ жизни народа... Святая Вѣра наша, мудрые законы, изъ исторической жизни нашей развившіеся въ органическую систему, прекрасный языкъ, дивная исторія славы нашей—вотъ изъ чего должна развиваться наша Философія!“ Статью свою Давыдовъ заключаетъ такими словами: „Учиться, учиться надобно прежде, и потомъ философствовать. Да не устрашаютъ насъ труды, какихъ требуютъ наука и искусство отъ жрецовъ своихъ! Утѣшимся, что послѣ трудовъ во имя народнаго просвѣщенія наступитъ время, когда нашъ будущій Шеллингъ или Гегель возсоздастъ свою Философію, болѣе прочную и надежную, нежели Философія Германская, при благодати мудрости высшей, высказанной Тѣмъ, *словеса* Коего *не мимо идутъ*, когда *небо и земля мимо идетъ*“ [6]).

Прочитавъ эту статью, Погодинъ замѣтилъ: „Хороша статья Давыдова, если онъ не перевелъ ее откуда-нибудь [7])“. Но статья эта не удовлетворила Бецкаго, одного изъ представителей молодого поколѣнія. „Отъ статьи Давыдова“, писалъ онъ Погодину, — „ожидалъ больше. И мало, и черезъ чуръ дешево. Увѣряю, что наканунѣ, говоря съ Протопоповымъ о *возможности Германской философіи*, я почти то же сказалъ: что у насъ должна быть *своя философія*, осадокъ пережитой, такъ сказать, народной умственной жизни, собственнаго труда и пр. Это не новость; кромѣ того, такого рода вещи можно говорить натощакъ, чуть глаза продерешь,

не читавши ни одной философской книги. Это все общія мѣста, справедливыя, если хотите, но какъ-то на воздухѣ, трудно повѣрить въ дѣйствительность. Чтобъ доказать, нужно цѣлую книгу написать. Такъ ли долженъ трудиться тотъ, кто все постигъ, начиная отъ Греческой азбуки, дифференціаловъ— Гегелей, и включительно до вопроса о томъ, какъ Петра Е...ова вытащить въ дѣйствительные студенты" [8]).

Одновременно съ выходомъ перваго нумера *Москвитянина*, въ январѣ 1841 года, посѣтилъ Москву Жуковскій, которому, какъ мы уже видѣли, журналъ сей обязанъ своимъ основаніемъ, какъ нѣкогда *Московскій Вѣстникъ* былъ тѣмъ же обязанъ Пушкину.

Покончивъ свои обязанности воспитателя Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, Жуковскій переселился на берега Рейна и Майна и тамъ нашелъ себѣ подругу жизни, въ лицѣ осемнадцати-лѣтней дочери своего стараго друга Рейтерна Елизаветы Алексѣевны [9]). До отъѣзда въ чужіе края, но будучи уже женихомъ, Жуковскій посѣтилъ Москву для свиданія съ людьми близкими ему по плоти и духу. Въ день Богоявленія пріѣхалъ онъ въ Москву. „Разумѣется", свидѣтельствуетъ Погодинъ,—„всѣ литераторы и не литераторы носятъ его на рукахъ. Обѣдамъ и вечерамъ нѣтъ конца. Всякому хочется видѣть у себя и угостить знаменитаго гостя, воспитанника и пѣвца Москвы" [10]).

Пріѣздъ Жуковскаго оживилъ его стараго наставника А. А. Прокоповича-Антонскаго: почти забытаго его стали теперь всѣ навѣщать. „Ѣздилъ къ Антонскому", записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „и услышалъ отъ него множество любопытныхъ подробностей. Заѣзжалъ къ Жуковскому, но не видалъ его. Къ Антонскому. Толковали съ Масловымъ, какъ бы устроить юбилей ему. Заѣзжалъ къ А. П. Елагиной, слушалъ ея разсказы о Жуковскомъ, который становится передъ портретомъ своей любезной и разсматриваетъ ее молча".

20 января въ честь Жуковскаго А. Д. Чертковъ далъ обѣдъ, на который были приглашены Свербѣевъ, Хомяковъ,

Глинка, Шевыревъ, Орловъ, Дмитріевъ и Погодинъ; а на другой день былъ „великолѣпный ужинъ у Хомякова". На этотъ ужинъ былъ также приглашенъ и Погодинъ. „Жду тебя сегодня вечеромъ", писалъ ему Хомяковъ,—„на чай и трапезу. Будетъ Жуковскій" [11]). Ужинъ былъ великолѣпный. По описанію Погодина, „съ невиданною стерлядью, спаржею и дичиною въ перьяхъ, съ лучшими винами".

Но обѣдъ у Черткова и вечеръ у Хомякова сошли для Погодина неблагополучно. О послѣдствіяхъ для него отъ ужина Хомякова вотъ что онъ пишетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Съѣлъ и выпилъ чуть ли не лишнее. Но главное въ комнатѣ было очень жарко, на дворѣ слишкомъ 20⁰ морозу. Я ѣхалъ въ изношенной шубѣ и простудился. Притомъ воротился домой въ 3 часа. Жуковскій разсказывалъ о Карамзинѣ".

Подъ *22 января*. „Болитъ голова, и ознобъ и жаръ. На силу могъ вспотѣть".

Подъ *23 января*. „Гадость во рту. 24—лучше, но слабъ, и видно, что желчь дѣйствуетъ. Сердился по пустякамъ. По замѣчанію Лизы выходитъ, что желчь моя переполнилась и вылилась. Ставили піявки: пять Мяжевичей, пять Бѣлинскихъ и пять Сеньковскихъ".

Но вскорѣ Погодинъ оправился и имѣлъ возможность быть на обѣдѣ у А. А. Прокоповича-Антонскаго. „Набрались", записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* (подъ 1 февраля 1841 года), „люди пяти поколѣній: Антонскій: восьмидесяти лѣтъ, Жуковскій шестидесяти, Давыдовъ и Масловъ по пятидесяти, я сорока и Шевыревъ тридцатипяти. Разговоръ объ имени *Москвитянина* и другихъ граматическихъ вопросахъ, объ языкѣ, о толкованіи св. Августина на вопросъ Пилатовъ, *что есть истина*, о терминахъ философическихъ".

Въ февральской книжкѣ *Москвитянина* Погодинъ имѣлъ неосторожность описать обѣдъ, данный Чертковымъ. Сказавъ о томъ, что въ честь Жуковскаго „обѣдамъ и вечерамъ нѣтъ конца", Погодинъ между прочимъ писалъ: „Разговоръ зашелъ за столомъ о привидѣніяхъ, духахъ и явленіяхъ, и очень

кстати, предъ ихъ родоначальникомъ, который пустилъ ихъ столько по Святой Руси въ своихъ ужасно-прелестныхъ балладахъ. Всѣ гости разсказали по нѣскольку случаевъ имъ извѣстныхъ, кромѣ любезнаго Михаила Николаевича Загоскина, который слушалъ все внимательно, и вѣрно уже размѣстилъ ихъ въ умѣ у себя по повѣстямъ и романамъ. Но нѣтъ, извините, мой добрый теска, я перебиваю ихъ, по праву журналиста, и въ слѣдующей книжкѣ они явятся у меня,—разсказанные самими хозяевами" [12]).

Эта замѣтка Погодина возбудила протестъ Д. Н. Свербѣева и неудовольствіе Жуковскаго. „Опасаясь", писалъ Свербѣевъ Погодину, „чтобы молчаніе мое не было принято вами знакомъ согласія на помѣщеніе въ журналѣ вашемъ моего имени вмѣстѣ съ именами тѣхъ, которые своими литературными произведеніями или учеными трудами обращаютъ на себя общее вниманіе—я долженъ сказать вамъ, что не признаю я въ себѣ никакого права на извѣстность и нисколько ея не желаю. Почему покорнѣйше прошу васъ впередъ этого не дѣлать". Замѣткою Погодина былъ недоволенъ и М. А. Дмитріевъ, который писалъ ему: „Ваши извѣстія о Жуковскомъ и объ обѣдѣ—ни на что не похожи! То есть, просто ни къ селу, ни къ городу, и внѣ всякихъ приличій! Я первый *ахнулъ*, прочитавъ ее! Вотъ вамъ и судья праведный". Огорченный неудовольствіемъ Жуковскаго, Погодинъ написалъ ему повинную. Отвѣтъ былъ доставленъ ему А. П. Елагиной, при слѣдующей записочкѣ: „Я сообщила ваше письмо Жуковскому; посылаю вамъ отвѣтъ его, не думаю, чтобы онъ былъ вамъ очень непріятенъ; уважая васъ искренно, Жуковскій счелъ за долгъ высказать вамъ свое мнѣніе. Сама эта искренность доказываетъ вамъ, что вы не въ *опалѣ*, и что вѣроятно *крестникъ* *) будетъ съ крестомъ,—только не теперь". Самъ же Жуковскій писалъ Погодину: „Вы спрашиваете у Авдотьи Петровны, любезный Михаилъ Петровичъ, сердитъ ли я на васъ или нѣтъ? Отвѣчаю: не сердитъ, ибо не могу предполагать, чтобъ

*) Т. е. *Москвитянинъ*.

вы хотѣли мнѣ сдѣлать вашею статьею непріятность. Но долженъ вамъ признаться, что сама статья ваша для меня весьма непріятна. Вопервыхъ, въ ней нѣтъ истины: меня здѣсь *на рукахъ не носятъ, никто не даетъ мнѣ ни обѣдовъ, ни вечеровъ*; я пріѣхалъ сюда для своихъ родныхъ и весьма мало разъѣзжаю. Зачѣмъ же представленъ я такимъ жаднымъ посѣтителемъ обѣдовъ и баловъ? Что же касается до выраженія вашего: *родоначальникъ привидѣній и духовъ, пущенныхъ по Россіи въ прелестныхъ балладахъ* (данное вами мнѣ прозваніе), то иной приметъ его за колкую насмѣшку. И я самъ, хотя и не даю этому выраженію такого смысла, увѣренъ, что оно многихъ заставитъ на мой счетъ посмѣяться. Не помню, разсказалъ ли я какой анекдотъ на описанномъ вами обѣдѣ, но во всякомъ случаѣ прошу васъ моего разсказа не печатать. И вообще было бы не худо въ журналахъ воздерживаться отъ печатанія того, что ихъ издатели слышатъ въ обществѣ: на это они не имѣютъ никакого права. Иначе журналы сдѣлаются печатными доносами на частныхъ людей передъ публикою. Никому не можетъ быть пріятно видѣть свою домашнюю жизнь добычею общества или читать въ печати то, что имъ было сказано въ свободномъ и откровенномъ разговорѣ короткаго общества. Съ именемъ автора можно печатать только то, что самъ авторъ напечатать позволитъ. Сообщать о комъ-нибудь какое-нибудь извѣстіе—вѣрное ли оно или только слухъ—можно только съ его согласія. Печатать письма, кѣмъ-нибудь писанныя или полученныя, нельзя безъ позволенія того лица, къ кому они относятся. Безъ соблюденія этихъ правилъ журналы сдѣлаются бичемъ и язвою общества. Наши журналы въ этомъ еще не дошли до совершенства Англійскихъ и Французскихъ, и слава Богу. Примите благосклонно мое мнѣніе, сказанное вамъ искренно въ отвѣтъ на письмо ваше, и опять покорно прошу васъ ни рѣчей моихъ, ни статей моихъ, ни писемъ ко мнѣ или мною писанныхъ, безъ моего вѣдома, въ журналѣ вашемъ не печатать“ [13]).

Жившій въ домѣ А. П. Елагиной, Д. А. Валуевъ по

этому поводу писалъ Языкову: „Погодинъ наживаетъ себѣ непріятности за свою нелѣпость. Жуковскій обѣдалъ у Черткова: обѣдъ, послѣ котораго онъ просилъ А. П. Елагину что-нибудь поѣсть; а Погодинъ напечаталъ, что Жуковскаго закормили; описаніе обѣда, разговоровъ присутствующихъ, въ томъ числѣ помѣстилъ и Свербѣева. Свербѣевъ написалъ ему формальное письмо съ просьбою впередъ не дѣлать. Пошли споры, объясненія, извиненія и т. д. Жуковскій тоже просилъ оставить его въ покоѣ: отъ друзей не убережешься. Жуковскій уѣхалъ вчера отъ насъ. Стремится къ своей невѣстѣ. Дай Богъ ему счастія и не обмануться въ надеждѣ“ [14]).

V.

По выходѣ въ свѣтъ перваго нумера *Москвитянина*, Погодинъ прежде всего отправилъ его къ Уварову съ просьбою представить Государю. Вскорѣ Погодинъ получаетъ слѣдующее письмо отъ Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія: „С. С. Уваровъ поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что онъ признателенъ вамъ за доставленіе *Москвитянина,* и что онъ не замедлитъ, по разсмотрѣніи нумера, поднести оный Государю Императору. Его Высокопревосходительству угодно, чтобы вы лично представили экземпляръ журнала графу Н. А. Протасову, который теперъ же отправляется въ Москву“ [15]).

Разсмотрѣвъ нумеръ и оставшись имъ доволенъ, Уваровъ исполняетъ желаніе Погодина, и 10 января 1841 года онъ былъ осчастливленъ полученіемъ отъ Министра слѣдующаго письма: „При поднесеніи Его Императорскому Величеству первой книжки журнала *Москвитянинъ*, я счелъ долгомъ обратить вниманіе Его Величества на статью о *Петрѣ Великомъ* и на статью *Взглядъ Русскаго на Европейское образованіе*, равно какъ и на стихи Хомякова. При семъ случаѣ прибавилъ я: „Желательно, чтобы это новое періодическое изданіе, продолжая итти стезею благороднаго направленія, могло нѣкото-

рымъ образомъ служить и образцомъ для Русской журналистики, къ сожалѣнію столь мало соотвѣтствующей доселѣ собственной цѣли и общей пользѣ". Сообщая о семъ вамъ и сотрудникамъ вашимъ, остаюсь я въ надеждѣ, что ожиданіе Министерства исполнится, и что издаваемый вами журналъ никогда не уклонится отъ истиннаго своего назначенія".

Надо замѣтить, что въ 1841 году совершилось перенесеніе праха Наполеона съ острова св. Елены въ Парижъ; на это событіе Хомяковъ написалъ три стихотворенія и напечаталъ ихъ въ первыхъ трехъ нумерахъ *Москвитянина* того же года.

Стихотвореніе, напечатанное въ первомъ нумерѣ и обратившее на себя вниманіе Уварова, заключало въ себѣ, между прочимъ, слѣдующіе прекрасные стихи:

И въ тѣ дни своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой,
Но спалилъ огонь святыни
Силу гордости земной.

Помѣщая это стихотвореніе въ *Москвитянинѣ*, Погодинъ замѣтилъ: „Почитаю себя счастливымъ, что могу посредствомъ своего журнала передать публикѣ нѣсколько знакомыхъ и любимыхъ звуковъ, коихъ она давно не слыхала" [16]). Но эти стихотворенія Хомякова не понравились младшему поколѣнію Словенофиловъ и одинъ изъ нихъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, писалъ К. С. Аксакову: „Сейчасъ получилъ *Москвитянинъ*. Куда какъ плохъ! До чего дошелъ Хомяковъ съ своей точки зрѣнія! Наполеона повергла не сила народовъ и не *ровный* (вмѣсто равный) ему соперникъ, но Тотъ, Кто и т. д. Какъ будто не въ общемъ возстаніи и не въ Исторіи, а въ чемъ-то другомъ обнаруживается воля Божія или законъ необходимости. Только прекрасную статью Крюкова я прочелъ съ истиннымъ наслажденіемъ, за исключеніемъ первыхъ строкъ, въ которыхъ онъ нѣсколько сбивчивъ" [17]).

Вотъ эти стихи Хомякова, которые не понравились Ю. Ѳ. Самарину:

Не сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ *ровный* соперникъ;

Но Тотъ, Кто предѣлъ морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины [18]).

Въ противоположность Самарину Д. А. Валуевъ писалъ Языкову:

„Каковы стихи Хомякова. Это уже Наполеонъ третій. Первый былъ не такъ хорошъ и былъ весьма дурно принятъ всѣмъ домомъ Елагиныхъ; это раздосадовало А. С. Хомякова, и онъ написалъ двѣ славныя пьесы. Та же судьба постигла и *Москвитянинъ*, второй нумеръ былъ уже лучше, а третій рѣшительно хорошъ. А. А. Елагинъ говоритъ, что для того, чтобъ заставить Русскаго человѣка сдѣлать что-нибудь порядочное, надо сперва разбить ему рожу въ кровь“ [19]). Этотъ отзывъ Валуева относится именно къ тѣмъ стихамъ, о которыхъ писалъ Самаринъ.

Съ перваго же нумера *Москвитянина* Погодинъ началъ печатать отрывки изъ своего знаменитаго *Дорожнаго Дневника*, подъ заглавіемъ *Мѣсяцъ въ Парижѣ*. Шевыревъ, ограждая своего друга отъ насмѣшекъ, писалъ ему: „Пришли мнѣ вторую половину твоего *Мѣсяца* для цензуры. Сдѣлай милость, выкинь изъ него всѣ domestica facta. Много толковъ и насмѣшекъ. Зачѣмъ же подавать поводъ? *Во всемъ, что касается до приличія общественнаго, ты долженъ меня безусловно слушаться*. Въ клубѣ видѣлъ вчера, старичокъ сидѣлъ за твоимъ *Мѣсяцемъ въ Парижѣ*“.

Въ другой записочкѣ Шевырева читаемъ:

„Сдѣлай милость, выкинь всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится о деньгахъ, счетахъ, ѣдѣ (что ты за гастрономъ?). Ты тѣмъ уменьшаешь интересъ путешествія. А кромѣ того даешь поводъ насмѣшникамъ придираться“.

Но Погодинъ имѣлъ свой взглядъ на свой *Дорожный Дневникъ* и по поводу сыпавшихся на него насмѣшекъ замѣтилъ: „Смѣются..., но не видятъ тѣхъ важныхъ вещей и мыслей, которыми полна статья, и останавливаются на строчкахъ, кои, пожалуй, выбросьте. Не понимаютъ, что такое *Дневникъ*.

Если наполнять его всякій день отъ утра до вечера великолѣпными описаніями, гдѣ же будетъ правда!" [20])

Въ Парижѣ, какъ мы уже знаемъ, Погодинъ видѣлся съ Мицкевичемъ и свое свиданіе описалъ въ *Дорожномъ Дневникѣ*; но цензоръ *Москвитянина*, профессоръ Н. И. Крыловъ, дружески совѣтовалъ Погодину выключить это мѣсто.

„О *Мицкевичѣ*, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, думаю", писалъ онъ, „говорить вамъ, какъ православному Русскому профессору, не безопасно. Богъ знаетъ, что подумаютъ. Вы съ нимъ цѣлый день, можетъ быть и больше, были прежде съ нимъ знакомы, объясняете выгодно причину его отступничества и т. д. А знаете ли, какъ Государь раздраженъ противъ него и Лелевеля??? Право, страшно... Подумайте. И какой злой демонъ влечетъ васъ въ Парижѣ къ отъявленнымъ Полякамъ? Экая простота". Крыловъ былъ правъ. Еще прежде, Правитель Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія Комовскій писалъ Погодину: „Предположеніе ваше о Мицкевичѣ кажется С. С. Уварову не такъ удобнымъ въ исполненіи, и даже опаснымъ. Онъ совѣтуетъ вамъ быть осторожнѣе въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, Мицкевичъ можетъ обратиться къ Русскому Правительству чрезъ наше посольство въ Парижѣ".

Въ другой своей записочкѣ Крыловъ писалъ: „Что вашъ Мицкевичъ? Каковъ? Я всего изкрестилъ. Ну, ей Богу, пропустить нельзя. Ужъ кто меня либеральнѣе изъ нашей цензорской братіи".

Дорожный Дневникъ Погодина произвелъ на читателей самое разнообразное впечатлѣніе. „Твои путевыя записки были бы хороши, да ужъ черезъ-чуръ небрежны", писалъ ему Загряжскій. Любопытно впечатлѣніе, произведенное этимъ *Дневникомъ* на Бецкаго. „Это", писалъ онъ, „останется вкладомъ для вашего сына, если онъ когда-нибудь будетъ писать вашу біографію. Вы тутъ какъ на ладонѣ; вся ваша субъективность отражается въ каждой строчкѣ, какъ въ зеркалѣ. Не понимаю даже, какъ вы рѣшились такъ писать. Вѣдь музамъ хо-

рошо въ Греціи было ходить нагими, тамъ и климатъ приличнѣе, не простудишься; онѣ вѣрно и не краснѣли отъ изящной наготы; но у насъ... Иной такой подлецъ сыщется, что и обрадуется случаю".

Между тѣмъ Курбатовъ писалъ Погодину: „Послѣ писемъ Карамзина я ничего не читалъ занимательнѣе вашихъ записокъ о Парижѣ". Весьма сочувственно отнесся къ этому произведенію Погодина и В. И. Даль. „И вы", писалъ онъ,— „тоже ѣздили за границу не даромъ; въ запискахъ вашихъ нѣтъ этой пошлой, заказной брани на Французовъ, нѣтъ того несноснаго хвастовства: „мы, мы, мы, Русскіе, вездѣ ихъ за поясъ заткнемъ!" А есть за то убѣжденіе, есть убѣжденіе ума и сердца; видишь, что всякое слово сказано отъ души. Да, для насъ не годится Западъ, намъ пора собрать разметанные, сонные члены свои и встать и протереть глаза на чужомъ пиру съ похмѣлья, и приняться на свой пай за работу; но поднять и вразумить насъ можно только голосомъ души, затронувъ то, что сильно и спасительно въ насъ отзывается, а не пошлою, натянутою статьею, въ которой сквозитъ на каждой строкѣ: „я самъ вовсе не тѣхъ мыслей, господа, да и вообще, чортъ васъ возьми, дѣлайте, что хотите, мнѣ какая нужда? но вѣдь я иначе писать не смѣю, не велятъ, а Смирдинъ платитъ мнѣ пятнадцать тысячъ въ годъ". Что идетъ изъ души, то льется въ душу, а что мелетъ одинъ только языкъ, то много, много, если огорошитъ ухо" [21]).

Да и самъ Ю. Ѳ. Самаринъ, столь строго отнесшійся къ стихотвореніямъ Хомякова, былъ снисходителенъ къ *Дорожному Дневнику*: „Хроника Погодина не дурна", писалъ онъ къ К. С. Аксакову [22]).

VI.

Выпустивъ въ свѣтъ первые два нумера *Москвитянина*, Погодинъ предпринялъ поѣздку въ Петербургъ. Предъ отъѣздомъ онъ счелъ долгомъ явиться къ графу С. Г. Строганову

и „представить ему записку о дѣлахъ своихъ въ Петербургѣ“. При этомъ онъ „растолковалъ ему, что боится тайныхъ доносовъ, а не печатной брани“.

6 февраля 1841 года, еще не оправившись отъ болѣзни, Погодинъ выѣхалъ изъ Москвы, хотя и находилъ, что это было „безразсудно“, и ему „жалко было оставлять дома своихъ въ неизвѣстности“. Дорогою ему дали себя почувствовать ухабы, но чѣмъ ближе онъ приближался къ Петербургу, тѣмъ онъ чувствовалъ себя все „лучше и лучше“ [23]).

Въ Петербургѣ Погодинъ былъ обрадованъ успѣхомъ первыхъ нумеровъ своего *Москвитянина* и объ этомъ писалъ Шевыреву: „Напишу тебѣ о журналѣ. Такой эффектъ произведенъ въ высшемъ кругу, что чудо: всѣ въ восхищеніи и читаютъ наперерывъ. Графиня Строганова, Вьельгорскій, Протасовъ, Барантъ, Уваровъ... И замѣть, что всѣ эти господа ѣздятъ и трубятъ, и заставляютъ подписываться, напримѣръ, графъ Протасовъ и Уваровъ... Одоевскій говоритъ: какъ вамъ не стыдно, господа, все помѣстили вы въ первой книжкѣ, вѣдь вы не выдержите до трехъ; гдѣ взять вамъ столько отличныхъ статей? Первой книжкѣ достало бы на годъ, и проч. Веневитиновъ не слыхалъ нигдѣ ни одного слова порицанія, Одоевскій также, Загряжскій, Смирдинъ, Ратьковъ, молодые чиновники. А ужъ С. С. Уваровъ и говорить нечего. Велитъ выписывать по гимназіямъ и проч. Отъ моего *Парижа* всѣ безъ памяти. Твоя *Европа* сводитъ просто съ ума. Стихи переписываютъ. Экземпляръ Одоевскаго просто растерзанъ. Недавно пишетъ княгинѣ Одоевской Баратынская (Абамеликъ): „Пришлите скорѣе, Христа ради, я ожидаю une visite illustre, и проч...“ Однимъ словомъ—два года, и мы господа... какъ я хохочу надъ нашими умниками, не умницами—вотъ опозорились-то!..“ Отъ Данзаса Шевыревъ узналъ, что *Москвитянинъ* въ Петербургѣ въ такой славѣ, что Министерство Юстиціи положило подписаться. Въ Петербургѣ Погодинъ встрѣтился съ графомъ С. Г. Строгановымъ, который тоже „разсыпался въ похвалахъ *Москвитянину* даже постороннимъ лицамъ“.

При этой встрѣчѣ съ Московскимъ Попечителемъ Погодинъ завелъ съ нимъ рѣчь о почтенномъ старцѣ Каченовскомъ, который, замѣчаетъ Погодинъ, „кажется, уже жаловался". „Я", пишетъ онъ Шевыреву, — „сказалъ напрямки, что считаю своею обязанностью вывести на чистую воду злого педанта, который морочилъ и морочитъ еще публику безъ всякаго права. „Скажите мнѣ, Графъ, какое сочиненіе написалъ онъ въ сорокъ лѣтъ? Ну, разсужденіе? Ну, статью, даже рецензію? Нѣтъ ни одной! Одни доносы и угрозы. Еслибы онъ не былъ вреденъ студентамъ, я оставилъ бы его въ покоѣ; но онъ вздоромъ своимъ, своими ужимками смущаетъ неопытные умы". И замолчалъ мой Графъ, закрутивъ усы" [24]). Но у Каченовскаго были горячіе почитатели и въ Петербургѣ, и одинъ изъ нихъ дѣятель враждебной Погодину Археографической Коммиссіи Я. И. Бередниковъ писалъ П. М. Строеву: „Г. Погодинъ былъ здѣсь, и гдѣ только могъ лаялъ на Каченовскаго" [25]).

Не смотря на успѣхъ, который стяжалъ Погодинъ на журнальномъ поприщѣ, онъ былъ очень близокъ, именно въ это время, чтобы его оставить и перенести свою дѣятельность на иное поприще, даже оставить Москву и переселиться въ Петербургъ.

Во время пребыванія Погодина въ Петербургѣ, С. С. Уваровъ предложилъ ему занять мѣсто В. Д. Комовскаго, директора Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія. Погодинъ отвѣчалъ, что вдругъ не можетъ принять такое неожиданное для него предложеніе, но что обдумаетъ его дома и пришлетъ скоро свое согласіе или отказъ. Уваровъ выразилъ желаніе, чтобы Погодинъ посовѣтовался объ этомъ съ графомъ Н. А. Протасовымъ. Послѣдній весьма сочувственно отнесся къ этому выбору Уварова „и всѣми силами старался убѣдить" Погодина не отказываться и переѣзжать въ Петербургъ [26]).

Мысль о директорствѣ давно занимала Погодина. Объ этомъ мы находимъ неложныя свидѣтельства въ *Дневникѣ* его. Еще 3 января 1840 года, когда никто и не предлагалъ ему директорскаго мѣста, онъ писалъ: „Никакъ не могу рѣшиться

на директорское мѣсто. Одинъ день хочется, а другой нѣтъ". Наконецъ, 9 сентября того же года въ *Дневникѣ* мы читаемъ: „Думалъ объ управленіи Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія". Это были только мечты, а потому въ предложеніи Уварова Погодинъ увидѣлъ *сбытіе* своихъ мечтаній.

18 февраля 1841 года онъ вернулся въ Москву [27]), и послѣ недѣльнаго размышленія написалъ Уварову слѣдующее письмо: „Такъ угодно Богу, я рѣшаюсь. Счастливъ буду, если успѣю оправдать вашу довѣренность и исполнить ваши ожиданія; если принесу какую-нибудь пользу святому дѣлу просвѣщенія, подъ благопромыслительнымъ начальствомъ и управленіемъ вашимъ; если окажу какую-нибудь услугу любезному моему Отечеству, и могу со временемъ утѣшаться тѣмъ, позвольте употребить простое сравненіе:

На ваши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

Извѣщая ваше высокопревосходительство о моемъ согласіи, я почитаю священнымъ долгомъ честнаго и благороднаго человѣка изложить откровенно свои мысли о себѣ, о новой своей должности, о связи съ моими занятіями, объ отношеніяхъ къ вамъ, о положеніи моего семейства,—представить вамъ полную свою исповѣдь ученую, гражданскую, домашнюю.

Причины, побуждающія меня согласиться на благосклонное предложеніе вашего высокопревосходительства, суть слѣдующія: 1) Я желаю участвовать по мѣрѣ силъ въ дѣйствіяхъ Министерства, принимающаго рѣшительное вліяніе на судьбу Отечества; принесть для вашихъ высшихъ соображеній мои двадцатилѣтніе опыты по всѣмъ степенямъ учебныхъ нашихъ заведеній, отъ низшихъ училищъ до академіи, ближайшія свѣдѣнія объ ихъ нуждахъ, желаніяхъ и требованіяхъ, и наконецъ короткое знакомство почти съ двумя третями всѣхъ дѣйствующихъ на ученомъ поприщѣ въ Россіи. 2) Изъявить вамъ мою глубокую благодарность за все то добро, которое вы для меня сдѣлали вашимъ содѣйствіемъ моимъ ученымъ трудамъ. 3) Воспользоваться собраніемъ матеріаловъ Археографической

Коммиссіи, каковаго никогда не будетъ уже въ Россіи, и тѣми средствами, кои предлагаетъ Министерство для историческихъ изслѣдованій. 4) Познакомиться съ практической стороной жизни, посмотрѣть вблизи на устройство и движеніе государственной машины и на отношенія дѣйствующихъ лицъ между собою, дабы пріобрѣсть аналогію для разсужденія о прежней Исторіи. 5) Приготовить въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ нѣсколько молодыхъ людей на каѳедру Русской Исторіи, приготовить такъ сказать фундаментально, по подлиннымъ источникамъ и памятникамъ, проникнуть ихъ однимъ духомъ, дать имъ одно направленіе, согласное съ намѣреніями Правительства, съ пользою Отечества, со всѣми его данными, прошедшими, настоящими и будущими, подъ просвѣщеннымъ наблюденіемъ вашимъ, по вашимъ указаніямъ и наставленіямъ, и такимъ образомъ обезпечить судьбу Русской Исторіи, на долго застраховать сколько возможно образъ мыслей и слѣдовательно и дѣйствій будущихъ поколѣній. Если Правительство посылаетъ молодыхъ людей учиться въ Берлинъ и Дерптъ разнымъ наукамъ, то кольми паче оно должно призвать ихъ теперь въ Петербургъ къ источнику, который послѣ не откроется уже никогда съ такимъ обиліемъ.

Теперь обращаюсь собственно къ себѣ. Миссіей своей вообще я считаю Русскую Исторію, которою занимаюсь двадцать лѣтъ, для которой исписалъ уже своей рукою не одну тысячу листовъ, и довелъ изслѣдованія до временъ Петра I. Чѣмъ больше я занимался ею, тѣмъ яснѣе понималъ ея государственную и политическую значительность, кромѣ ученой и школьной, и теперь дохожу до новыхъ, неожиданныхъ и важныхъ результатовъ... Мнѣ остается работы года на два, послѣ которыхъ я намѣренъ писать Исторію, по слѣдамъ Карамзина, на твердомъ фундаментѣ, положенномъ вашимъ высокопревосходительствомъ. Отнимать много времени отъ этого занятія я почитаю гражданскимъ святотатствомъ, и потому надѣюсь, согласно съ обѣщаніемъ вашимъ, что отъ меня будутъ отстранены мелкія канцелярскія дѣла, кои затруднили

бы меня гораздо болѣе важныхъ и кои могутъ быть исполнены безъ ущерба службѣ всякимъ исправнымъ секретаремъ.

Такимъ образомъ перехожу я къ директорской должности. Я прошу неограниченной довѣренности и принимаю на себя обязанность отвѣчать ей неограниченною искренностію. Я не желаю быть обыкновеннымъ директоромъ-чиновникомъ, но директоромъ близкимъ, смѣю сказать, дружественнымъ, для котораго честь, слава Министра не раздѣльна съ его собственною, который соединяетъ свою гражданскую судьбу съ его судьбою, который во всякомъ случаѣ долженъ оберегать его, въ публикѣ, въ литературѣ, въ дѣлахъ службы, какъ зѣницу своего ока и быть вѣрною, правою его рукою, при всѣхъ его дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ. По моему характеру я долженъ предупредить, что, услышавъ отъ васъ какія-либо мысли, несогласныя съ моими, я не буду имѣть духа и способности вдругъ возражать вамъ; но представить свои возраженія на бумагѣ, хоть въ тотъ же часъ, или придти съ ними и начать ими рѣчь свою на другой день, — о, въ такомъ случаѣ я твердъ и смѣлъ. Я обязываюсь представить вамъ свои мнѣнія, но разумѣется только къ вашему свѣдѣнію и соображенію, не претендуя на безусловное принятіе ихъ. Я не буду сѣтовать внутренно, если вы ихъ принимать когда не будете, а васъ прошу не сердиться, какъ бы часто, по долгу своей совѣсти и присяги, я не предлагалъ вамъ оныя.

Въ образчикъ этой искренности я осмѣливаюсь сказать теперь о двухъ главныхъ недостаткахъ, которые, кажется мнѣ, имѣете вы, какъ государственный человѣкъ. Говорить о достоинствахъ было бы здѣсь неумѣстно. Вы увлекаетесь часто пылкостію вашего характера и быстротою соображенія; нѣкоторые планы ваши, важные и знаменитые, кажутся вамъ иногда уже исполнившимися въ минуту почти перваго зарожденія, и вы спѣшите говорить о нихъ, какъ видите ихъ въ своемъ воображеніи, а не въ дѣйствительности, ко вреду вашей истинной славы, къ соблазну посредственности, для которой больно воздавать честь достоинству и которая всегда

рада схватываться за мелочь въ людяхъ высокихъ. Дѣла ваши таковы, что они сами за себя говорятъ громче всѣхъ, и всякая зависть, и всякое злорѣчіе, рано или поздно, должны умолкнуть передъ ними. Напримѣръ, отправлены молодые люди путешествовать, опредѣлены ихъ занятія, устроенъ надзоръ; они воротились, испытаны, размѣщены по способностямъ; вотъ они уже профессоры, читаютъ лекціи, ободрены, двинуты, вотъ ихъ ученики, ихъ сочиненія, и вотъ переводы ихъ сочиненій на тотъ языкъ, на которомъ они учились. Я говорю объ Европейской книгѣ г. Неволина и переводѣ ея на Нѣмецкій языкъ. Петръ I пилъ подъ Полтавою здоровье своихъ Шведскихъ учителей; не имѣемъ ли мы также право выпить теперь за здоровье Нѣмцевъ (только не Остзейскихъ)? Если я, вашъ директоръ, въ самыхъ простыхъ словахъ, не прибѣгая ни къ какимъ риторическимъ украшеніямъ, опишу весь этотъ процессъ, разскажу, какъ это сѣмя предъ нашими глазами пущено въ землю, возникло, воспиталось, дало плодъ—какой врагъ вашъ осмѣлится назвать это описаніе лестью? Нѣтъ, это правда, очевидная правда, и очевидное право на блистательное мѣсто въ Русской Исторіи: вотъ книга г. Неволина, вотъ переводъ г. Куника. Угодно ли примѣръ въ другомъ родѣ: я, профессоръ, человѣкъ небогатый, ѣду путешествовать на деньги, скопленныя изъ жалованья (чего прежде никогда не бывало, и путешествовать предоставлялось однимъ богачамъ и знати), ибо мнѣ не нужны деньги, мнѣ не нужно заботиться, какъ прежде, о судьбѣ своего семейства, моя жена и дѣти получатъ пенсіи пять тысячъ, я обезпеченъ, успокоенъ, могу предаваться весь своей наукѣ, исполнять свои ученыя прихоти. И Шеллингъ, Океиъ, Гизо, Шафарикъ, Риттеръ восклицаютъ: „Ахъ какъ вы счастливы! У насъ этого нѣтъ“. Что скажутъ противъ этого ваши хулители?

Но когда читаешь въ газетахъ пошлое описаніе вашего путешествія по Бѣлоруссіи, сочиненное какимъ-нибудь школьнымъ учителемъ, то нельзя не считать его грубою лестью, которая вашими недоброжелателями и употребляется въ осу-

жденіе вамъ. Какъ вашъ директоръ, какъ охранитель вашей истинной славы, я не буду допускать этой грубой лести, которую вы иногда допускаете до себя, вслѣдствіе той же пылкости характера, видя въ ней только искреннюю дань признательности вашимъ заслугамъ и трудамъ, всегда пріятную для дѣлателя, для гражданина, посвятившаго себя на службу соотечественникамъ... Я не могу одобрить въ этомъ отношеніи многихъ донесеній въ протоколахъ Археографической Коммиссіи, исполненныхъ шарлатанства, слишкомъ непріятнаго для ученыхъ и знатоковъ, помрачающаго ея труды, истинно дѣльные и полезные. Я не понялъ, что̀ вы изволили сказать мнѣ объ ней. Быть ея предсѣдателемъ я считаю себя въ полномъ правѣ, и гораздо тверже убѣжденъ въ пользѣ моего предсѣдательства, чѣмъ директорства, если князь Ширинскій обременяется этою несогласною съ его занятіями должностью. Если же нѣтъ, то я могу назваться первенствующимъ членомъ, товарищемъ предсѣдателя, директоромъ или какъ угодно, лишь бы пользоваться *безвозбранно ея* матеріалами и руководствовать *безъ помѣхи* занятіями моихъ будущихъ воспитанниковъ. Во всякомъ случаѣ, я не стану ничего передѣлывать и спорить, ибо знаю, что лучше слѣдовать одному плану, какому бы то ни было, нежели перемѣнять планъ хорошій на лучшій. Своимъ присутствіемъ, голосомъ при новыхъ предпріятіяхъ, я буду еще имѣть много средствъ принесть пользу этому знаменитому учрежденію вашего Министерства.

Помѣщеніе мое въ Коммиссіи подъ какимъ-нибудь *особеннымъ* титуломъ необходимо для меня въ отношеніи къ публикѣ, и каюсь въ моей слабости, въ отношеніи къ моимъ врагамъ, которымъ тяжело было бъ для меня дать предлогъ къ обвиненію, хоть и ложному, въ измѣнѣ Исторіи. Въ этомъ смыслѣ я долженъ бы сохранить и званіе профессора, нужное, кажется, и для сохраненія моей пенсіи, по университетской службѣ, которая иначе прервется предъ окончаніемъ двадцати лѣтъ, исполняющихся мнѣ въ сентябрѣ. Оставьте мнѣ, убѣдительно прошу ваше высокопревосходительство, эту пристань, къ ко-

торой взоръ мой могъ бы обращаться всегда съ открытаго моря, какъ вашъ обращается къ Порѣчью. Мысль, что у меня есть убѣжище вѣрное, любезное, послужила бы мнѣ твердымъ и сладкимъ утѣшеніемъ среди неизбѣжныхъ бурь и случайностей. По нынѣшней организаціи университета мнѣ кажется это возможнымъ, ибо профессура не прикована къ той или другой каѳедрѣ, и двухлѣтнія откомандировки обыкновенны, а послѣ что̀ Богъ дастъ. Здѣсь не будетъ и несправедливости, ибо я отдамъ преемнику своему, адъюнкту, всѣ свои приготовленія и обработанныя лекціи и буду его пестуномъ и руководителемъ, стану наблюдать за его лекціями.

Если званіе директора канцеляріи принадлежитъ къ ученымъ должностямъ, или если званіе директора, члена въ Археографической Коммиссіи, причисляется къ онымъ, то пенсія моя впрочемъ и безъ того не пострадаетъ.

Касательно чина, при переводѣ мнѣ его не нужно, ибо я выслужилъ уже чинъ статскаго совѣтника, къ которому и представленъ еще въ прошломъ году.

Объ моемъ экономическомъ Московскомъ состояніи: я получаю шесть тысячъ руб. асс. разнаго жалованья, которое, скопленное изъ нѣсколькихъ лѣтъ, употребилъ на путешествіе, а теперь употребляю на собраніе древностей. На содержаніе семейства употребляю доходъ съ пенсіонеровъ, которыхъ живетъ у меня всегда отъ пяти до десяти человѣкъ, и которые платятъ мнѣ по двѣ тысячи рублей асс. за приготовленіе, подъ моимъ руководствомъ, къ поступленію въ университетъ и другія высшія учебныя заведенія. Семейство мое составляютъ жена, трое дѣтей, мать, теща, братъ. Довожу до свѣдѣнія вашего всѣ эти подробности только какъ данныя для вашего соображенія при моемъ перемѣщеніи; увѣренъ, что вы устроите это экономическое дѣло какъ нельзя лучше и выгоднѣе для моего семейства; не прошу ничего, напротивъ готовъ на пожертвованія и стѣсненія.

Точно также предоставляю вамъ и назначеніе суммы на подъемъ, очень тяжелый, и обзаведеніе. Я прошу васъ только

о квартирѣ подлѣ васъ. Я могу потѣснить свое семейство, но у меня есть еще дѣти—многочисленная библіотека и кабинетъ древностей, съ которымъ я, разумѣется, не могу разстаться, и который потѣснить нѣтъ никакой возможности. Одну часть ея, то-есть, книги по Всеобщей Исторіи и минцъ-кабинетъ иностранный, я буду искать случай продать, какъ ненужныя по настоящимъ моимъ занятіямъ, и, можетъ быть, буду со временемъ просить содѣйствія вашего.

Вотъ все, что̀ я почелъ нужнымъ сообщить вамъ. Перечелъ свое письмо, — страшно! Нѣтъ, вы не разсердитесь на мою откровенность; нѣтъ, вы оцѣните ее по достоинству, и я увѣренъ, что это письмо, какого не писалъ вѣрно ни одинъ директоръ ни къ одному министру, займетъ вмѣстѣ съ отвѣтомъ вашимъ Пирогову страницу въ вашей біографіи и моей. Когда вы сажаете меня подлѣ себя, когда вы приводите меня къ этому столу, на которомъ лежатъ ваши сношенія съ императоромъ Николаемъ, я считаю священною обязанностію не скрывать предъ вами никакой мысли. Угоденъ—я въ вашей канцеляріи, неугоденъ—остаюсь на своемъ мѣстѣ, съ чувствомъ того глубокаго почтенія и искренней благодарности, съ коими называюсь уже давно вашимъ покорнѣйшимъ слугою“ [28]).

VII.

Отправивши письмо къ Министру Народнаго Просвѣщенія, Погодинъ по обычаю погрузился въ размышленіе. Онъ думалъ о томъ, „какъ легко увлекаться прелестями міра. Надо непремѣнно удѣлить часъ на размышленіе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, воображая, что онъ уже живетъ въ Петербургѣ, предполагаетъ вмѣстѣ съ Директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія Княземъ П. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ ежедневно ходить къ обѣднѣ въ Казанскій Соборъ *), и по поводу этого своего

*) Извѣстно, что князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ имѣлъ благочестивый обычай ежедневно бывать у обѣдни въ Казанскомъ Соборѣ.

предположенія замѣчаетъ: „Признакъ не дурной для Русскаго Просвѣщенія: два директора всякій день въ церкви“ [29]). Къ вящшему удовольствію, Погодинъ получаетъ письмо отъ Загряжскаго, мнѣніемъ котораго онъ очень дорожилъ: „Я очень доволенъ твоимъ письмомъ къ С. С. Уварову, оно откровенно, благородно, дѣльно; увѣренъ, что будетъ принято хорошо“ [30]). Но Загряжскій ошибся. Изъ письма Погодина Министръ увидѣлъ, что онъ хочетъ быть его совѣтникомъ и даже нянькою; а онъ хотѣлъ найти въ немъ только вѣрнаго, безпрекословнаго и способнаго исполнителя его распоряженій и выразителя его мыслей. Не принять условій Погодина прямо и вдругъ казалось Уварову неловкимъ и онъ представилъ ему затрудненія въ слѣдующемъ письмѣ: „За множествомъ накопившихся занятій“, писалъ онъ Погодину, — „не могъ я доселѣ отвѣчать на ваше письмо отъ 28 февраля. Благодарю васъ за откровенное содержаніе онаго; всякій чистый порывъ самостоятельнаго образа мыслей я всегда умѣю цѣнить. Что касается до меня, то я самъ съ давнихъ поръ такъ привыкъ читать о себѣ въ печати и брань, и похвалу, и равнодушіе мое дошло до того, что многое мнѣ вовсе остается неизвѣстнымъ. Статью о поѣздкѣ по Бѣлоруссіи я не читалъ и объ ней не могъ ни отъ кого узнать. Предлагая вамъ занять извѣстное при мнѣ мѣсто, я побуждался увѣреніемъ, что найду въ вашихъ трудахъ облегченіе для собственныхъ трудовъ и въ вашихъ правилахъ ручательство въ безпристрастномъ и усердномъ содѣйствіи вашемъ. Эти побужденія остаются въ полной силѣ, такъ что въ нравственномъ отношеніи не вижу никакого затрудненія приступить къ окончательному опредѣленію вашему. Между тѣмъ, при внимательномъ разсмотрѣніи вашего письма, нахожу въ матеріальномъ смыслѣ нѣсколько недоумѣній, о коихъ не имѣлъ доселѣ точнаго понятія и безъ объясненія коихъ не дозволяю себѣ рѣшить объ участи вашей дальнѣйшей службы. Археографическая Коммиссія состоитъ, по учрежденію, изъ предсѣдателя и членовъ. Съ самаго начала князь Шихматовъ

занимаетъ должность предсѣдателя къ полному моему удовольствію и съ неутомимымъ усердіемъ къ успѣхамъ Коммиссіи, къ успѣхамъ, доказаннымъ трудами Коммиссіи, извѣстными публикѣ и Государю. Въ Комиссіи предлагалъ я вамъ быть членомъ. Я не имѣю ни права, ни прямого побужденія учреждать въ оной новыя званія, коими могли бы оскорбиться прежніе члены и тѣмъ нарушиться согласіе, между ними водворенное; да и самое вступленіе ваше въ Коммиссію встрѣтило бы вѣроятно для васъ самихъ много частныхъ непріятностей (коихъ я не могъ бы даже отвратить), еслибъ вы сначала явились не въ качествѣ члена, а съ какимъ-то особымъ, доселѣ небывалымъ званіемъ. Genus irritabile не только поэтовъ, какъ говоритъ Горацій, но даже и антикваріевъ. Изъ письма вашего вижу, что, находясь въ Москвѣ, вы получаете отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ рублей асс. прямого дохода. Это требуетъ, по крайней мѣрѣ съ моей стороны, особаго уваженія: штатное жалованье директора канцеляріи въ девять тысячъ рублей асс. На квартиру получаетъ тысячу пять сотъ рублей. Въ натурѣ имѣющаяся квартира состоитъ не болѣе какъ изъ пяти комнатъ, и Комовскій оную не занималъ; тѣмъ болѣе было бы для васъ затруднительно помѣщаться въ оной съ большимъ семействомъ и запасомъ книгъ. Я въ полной мѣрѣ уважаю готовность вашу отказаться отъ нѣкоторыхъ денежныхъ выгодъ, но не могу и не долженъ терять изъ виду благосостоянія вашего семейства въ ожиданіи какихъ-то гадательныхъ вспоможеній. Я считаю обязанностію предварительно сказать, что̀ могу и не могу сдѣлать; такъ, напримѣръ, я могу стараться доставить вамъ преждевременный пенсіонъ за двадцать лѣтъ, но не могу оставить при васъ оффиціально званіе профессора, ибо это званіе безъ каѳедры ничего не значитъ и не даетъ никакого особаго права. Учрежденіе здѣсь новаго разсадника для учителей и профессоровъ Исторіи есть мысль новая, которая и мнѣ кажется полезною; но будутъ ли даны для сего новыя средства Министерству, заранѣе нельзя опредѣлить за общимъ стѣсненіемъ

финансовыхъ обстоятельствъ. Въ подобномъ случаѣ я могу только отвѣтствовать за существующее; никогда бы не простилъ себѣ употребленіе какого-либо увлеченія къ отторженію васъ отъ настоящаго положенія, не взвѣсивши хладнокровно преимущества того и другого и не приведя въ совершенную ясность и матеріальную сторону этого дѣла. Я васъ прошу принять все это къ внимательному соображенію; прошу также быть увѣреннымъ, что ни въ какомъ случаѣ, слѣдовательно и въ случаѣ, если вы предпочтете чисто ученое поприще въ Москвѣ, сношенія мои личныя съ вами не могутъ измѣниться. Влеченіе ваше писать Исторію, коей посвящена вся жизнь ваша, есть призваніе высокое, а въ моихъ понятіяхъ все, что̀ можетъ служить къ славѣ царствованія Государя, должно быть предметомъ попеченія и любви со стороны людей, удостоенныхъ его довѣріемъ. Изъ сего длиннаго письма вы можете безошибочно заключить, что, желая васъ видѣть на службѣ въ непосредственномъ ко мнѣ отношеніи, я не рѣшаюсь стѣснять васъ въ свободѣ выбора и не хочу имѣть прямаго вліянія на ваше окончательное рѣшеніе. Повторяю, что, каково бы оно ни было, мое личное къ вамъ довѣріе останется невредимымъ“.

Прочитавъ это письмо, Погодинъ „принялъ всѣ эти разсужденія за чистыя деньги, счелъ свое перемѣщеніе въ Петербургъ дѣломъ рѣшеннымъ и отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ“ (22 марта 1841): „Послѣ долгихъ, тревожныхъ ожиданій получилъ я письмо вашего высокопревосходительства. Благодарю васъ за оное. Я успокоился, но не совершенно, какъ изволите увидѣть. Матеріальныя отношенія не много значили для меня, когда дѣло шло о такихъ важныхъ пунктахъ, какъ изложенные мною пять въ первомъ письмѣ. Я представилъ вамъ свои обстоятельства только къ свѣдѣнію; ибо, говоря все, что̀ у меня было на душѣ, я долженъ былъ для полноты сказать и объ томъ, что̀ у меня на тѣлѣ, не зная вовсе о положеніи директора. Впрочемъ большой разницы я не вижу: получаемое мною съ пансіонеровъ идетъ на ихъ и мое

содержаніе; въ Петербургѣ, безъ нихъ, будетъ достаточно и жалованья,—слѣдовательно я долженъ буду только отказаться на время отъ исполненія своихъ ученыхъ прихотей, которыя, надѣюсь, вознаградятся такъ или иначе. Что касается до Археографической Коммиссіи, я желалъ только невозбранно и безъ помѣхи пользоваться ея матеріалами. Объ особомъ титлѣ упомянулъ относительно. Впрочемъ такимъ титломъ обидѣться некому: какъ профессоръ съ двадцатилѣтнею службою по этой части и сотнею напечатанныхъ разсужденій, я старше всѣхъ ея членовъ, которые извѣстны только какъ издатели. Одну только квартиру подлѣ васъ я считалъ и считаю необходимостію, какъ то думалъ и графъ Н. А. Протасовъ. Объ ней прошу убѣдительно и теперь. Ѣздить въ Петербургъ по квартирамъ наемнымъ, съ своими книгами и бумагами, я подумать не могу безъ трепета. Но это все еще не главное для меня въ сію минуту: главное вотъ что. Не огорчилъ ли я васъ? Не употребилъ ли я во зло вашей снисходительной благосклонности? Не сердитесь ли вы на меня? Всѣ сіи вопросы возникли у меня въ головѣ по прочтеніи вашего письма. На другой день, т.-е. въ сію минуту, — вы изволите видѣть, что я продолжаю говорить по прежнему,—я перечелъ оное: точно я огорчилъ васъ, и вы, щадя меня, не хотѣли отвѣчать мнѣ тотчасъ, чтобъ не выказалось ваше неудовольствіе. Прошло двѣ недѣли, оно разсѣялось, и вы написали письмо благосклонное; и я былъ бы имъ очень, очень доволенъ, еслибъ не видалъ Порѣчья, еслибъ не получалъ отъ васъ прежде другихъ писемъ, отъ которыхъ у меня было теплѣе на сердцѣ. Но теперь проходятъ еще двѣ недѣли, и я увѣренъ, что вы расположены ко мнѣ по прежнему; я не долженъ бояться, не долженъ раскаяваться, что, почитая вашу довѣренность, довѣренность Министра къ директору, священною, открывался предъ вами вполнѣ съ чувствами глубочайшаго почтенія, съ коими остаюсь теперь, въ Москвѣ и Петербургѣ, въ Порѣчьѣ и па Дѣвичьемъ полѣ, нынѣ, присно

и во вѣки вѣковъ вашего высокопревосходительства покорнымъ слугою“.

Уваровъ, свидѣтельствуетъ Погодинъ, „увидя, что я не понимаю его или, по крайней мѣрѣ, представляюсь не понимающимъ, написалъ ко мнѣ новое письмо, съ рѣшительнымъ отреченіемъ отъ своего перваго предложенія, но также очень любезное и безъ выраженія малѣйшей досады“. „Ваше письмо, отъ 22“, писалъ онъ, „любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, я получилъ на страстной, когда говѣлъ. Изъявляю вамъ полную признательность за новый опытъ вашего образа мыслей и вашихъ личныхъ ко мнѣ чувствъ. Съ равною откровенностію, поблагодаря васъ отъ души за готовность перемѣнить родъ службы, нахожу обязанностью вамъ сообщить, что по нѣкоторымъ вновь оказавшимся обстоятельствамъ, коихъ не имѣлось въ виду, и которыя совершенно независимы отъ моихъ съ вами переговоровъ, я долженъ, къ сожалѣнію, отказаться отъ мысли имѣть васъ при себѣ въ званіи директора канцеляріи. Это не имѣетъ никакого отношенія къ тому, что могло бы, по вашему мнѣнію, огорчить меня въ вашемъ прежнемъ письмѣ, коего откровенность я, напротивъ, считаю лучшимъ доказательствомъ вашего моральнаго уваженія и преданности. Обстоятельства, которыя заставляютъ меня измѣнить мое намѣреніе, родились послѣ нашей переписки. Къ тому долженъ прибавить, что квартиры, вблизи моей, въ домахъ Департамента, не существуетъ, и хотя необходимость оной для директора очевидна, но я не могъ бы устранить и это затрудненіе. Впрочемъ, само собою разумѣется, слѣдую вашей же формулѣ, что въ Москвѣ, какъ въ Петербургѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, равно какъ въ Порѣчьѣ, мое искреннее участіе будетъ всегда сопровождать васъ, ваши чистыя побужденія и полезные труды, въ какомъ бы видѣ послѣдніе ни представлялись мнѣ. Радуюсь, что содержаніе сего письма, не измѣнивъ ни положенія, ни желаній вашихъ, нимало васъ не огорчило. Признаю даже съ благодарностію, что всякая перемѣна въ вашей службѣ была бы сопряжена

съ пожертвованіями разнаго рода, и что это пожертвованіе вы соглашались понесть въ видахъ безкорыстныхъ и благородныхъ. Поприще, вами въ теченіе двадцати пяти лѣтъ обработываемое, не лишается достойнаго дѣятеля, а Московскій Университетъ отличнаго профессора. Все это меня совершенно успокоиваетъ; а изъ всего этого остается и должно оставаться только воспоминаніе о моемъ къ вамъ довѣріи и о вашей готовности быть полезнымъ общему дѣлу и мнѣ“ [31]).

VIII.

Итакъ, рушились мечты Погодина сдѣлаться директоромъ канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія. Получивъ отказъ Уварова, онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Вотъ тебѣ разъ! Не огорчился, не удивился: или Уваровъ не захотѣлъ при себѣ имѣть человѣка, который далеко запускаетъ лапу, или Царь не хотѣлъ утвердить, какъ то случилось въ 1828 году. Уваровъ лишилъ себя великой помощи, и, смѣю сказать, славы. А мнѣ хорошо и здѣсь. Можетъ быть, судьба останавливаетъ, какъ она останавливала нѣсколько разъ отъ путешествія. Можетъ быть, климатъ былъ бы для меня вреденъ. Буди какъ угодно Богу“ [32]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ писалъ Уварову: „Эдипъ, отгадывая загадки Сфинкса, одинъ изъ всего человѣческаго рода и оставался загадкою самъ себѣ на всю жизнь. Мнѣ посчастливилось открыть нѣсколько тайнъ въ Русской Исторіи, но собственная судьба моя остается для меня тайною. Не получая долго отвѣта на первое письмо отъ вашего высокопревосходительства, я подумалъ, что вѣрно вы хотите прислать мнѣ прямо утвержденіе вмѣсто отвѣта и, объявивъ Строганову, согласно съ вашимъ наставленіемъ, о своемъ намѣреніи (не отсюда ли преграда?), началъ приготовляться. Написавъ второе письмо, я нисколько не сомнѣвался уже въ переѣздѣ, сроднился съ этою мыслію; обязанность моя стано-

вилась для меня яснѣе и яснѣе, я восхищался заранѣе въ воображеніи, какъ и въ чемъ особенно могу быть полезнымъ для вашего высокопревосходительства, чтобъ оправдать вашу довѣренность, засвидѣтельствовать мою благодарность, какъ вдругъ получаю отъ 30 марта извѣстіе о новыхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе которыхъ не могу служить при васъ. Случилось, что въ это же время, вслѣдствіе внезапной болѣзни, поставлено мнѣ было сорокъ піявокъ и до пятидесяти каленыхъ припарокъ. Теперь мнѣ лучше, но я послѣ этой душевной и тѣлесной операціи нахожусь въ совершенномъ недоумѣніи, и всѣ понятія перемѣшались въ головѣ, кромѣ одного, это неограниченная преданность, глубочайшее почтеніе и искренняя благодарность, съ коими остаюсь навсегда и вездѣ, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою".

На этомъ письмѣ кончилась переписка о директорствѣ. По поводу этой оригинальной переписки Погодинъ замѣчаетъ: „Читатели согласятся, что въ сношеніяхъ Министра съ профессоромъ, гораздо его младшимъ и по лѣтамъ, нельзя было быть любезнѣе, вѣжливѣе, снисходительнѣе. Я не оцѣнилъ вполнѣ этихъ качествъ при полученіи писемъ, потому что все-таки въ подкладкѣ ихъ находился отказъ, и мнѣ было досадно, что разстревоженъ былъ по пустому. Но теперь чрезъ тридцать лѣтъ я перечиталъ ихъ съ чувствомъ глубокой признательности и почтенія. Прибавлю здѣсь, что всѣ письма С. С. Уварова были собственноручныя отъ первой строки до послѣдней: они доказываютъ, что Уваровъ писалъ по-русски съ хорошимъ знаніемъ Русскаго языка, въ чемъ сомнѣвались тогда многіе".

Отношенія Погодина къ Уварову со времени приведенной переписки нисколько не перемѣнились; Уваровъ не питалъ ни малѣйшей досады за указаніе ему въ глаза его недостатковъ, расположенія къ грубой лести, тщеславія и слишкомъ услужливаго воображенія [33]).

Слухъ о переговорахъ Погодина съ Уваровымъ касательно

директорства быстро разнесся по Петербургу и достигъ отдаленныхъ предѣловъ нашего Отечества. „Отъ Вани Аксакова слышалъ я“, писалъ ему Калайдовичь изъ Петербурга,—„о вашихъ дѣлахъ и безъ труда понялъ, почему вы хотѣли, чтобъ я остался въ Петербургѣ. Но теперь я радъ, что вы хотя еще на нѣсколько времени остаетесь въ Москвѣ. Вашъ секретъ не знаю какимъ образомъ разнесся въ Петербургѣ, и я узналъ его вскорѣ по вашемъ отъѣздѣ. *Отечественно-записочная* молодежь въ особенности указывала на вашъ переходъ, какъ на отступничество отъ науки изъ страха бороться съ новыми молодыми соперниками. Теперь они узнаютъ, что вы отказались, и должны будутъ прикусить язычки“. Въ подтвержденіе этихъ строкъ А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Да вотъ странность, откуда взялъ Краевскій разсказывать, будто бы вы переѣзжаете сюда директоромъ канцеляріи нашего Министра“? Изъ провинціи начали уже приходить къ Погодину просьбы о мѣстѣ. Нѣкто Бѣлецкій писалъ ему: „Узнавъ отъ студентовъ, пріѣхавшихъ изъ Москвы, о вашемъ перемѣщеніи въ Министерство Народнаго Просвѣщенія въ должность секретаря, я рѣшился изъявить вамъ радость, какую произвело въ душѣ моей это извѣстіе. Теперь начинается новая эпоха въ вашей жизни—это переходъ отъ жизни ученой къ практической, чисто государственной: зная вашъ образъ мыслей, вашу любовь къ наукѣ и страсть къ уединенію, посреди котораго вы столь многое уже совершили, я почти угадываю, что вы не съ большой охотой вступаете въ новую должность. Да будетъ для васъ нынѣшняя перемѣна судьбы ступенію къ достиженію высочайшихъ почестей въ государствѣ; но никакое возвышеніе, никакой блескъ не будетъ въ состояніи ослѣпить васъ, и что всегда благородныя чувства и высокія мысли о благѣ человѣчества будутъ управлять всѣми вашими дѣйствіями, какъ и до сихъ поръ онѣ были неотступными вашими путеводителями... Я вознамѣрился прибѣгнуть подъ ваше покровительство и просить васъ объ улучшеніи моей участи, и я рѣшаюсь просить васъ о достав-

леніи мнѣ мѣста штатнаго смотрителя въ которомъ-нибудь изъ дворянскихъ училищъ Бѣлорусскаго округа".

О своихъ переговорахъ съ Уваровымъ Погодинъ не утаивалъ отъ друга своего Загряжскаго, который, узнавъ о неудачѣ, постигшей Погодина, писалъ ему: „Послѣднее письмо твое къ Уварову меня поразило удивленіемъ. Кѣмъ ты былъ извѣщенъ объ отказѣ сюда переѣхать. Давно я слышалъ о перемѣнѣ его въ переводѣ тебя сюда и вмѣстѣ *о запрещеніи твоего журнала*, но все это я принялъ за городскія сплетни. Видно, тяжко ему слышать и малѣйшую правду—жалкій же онъ человѣкъ; въ этомъ отношеніи нечего сожалѣть, что вы не сошлись, я боюсь только, чтобы это не имѣло вреднаго вліянія на твои историческія занятія. Объ запрещеніи журнала я слышалъ, что это по проискамъ Греча".

IX.

Въ то время, когда Погодинъ велъ переговоры съ Уваровымъ о своемъ директорствѣ, въ третьемъ апрѣльскомъ нумерѣ его *Москвитянина* были напечатаны десять пошлыхъ, но совершенно невинныхъ анекдотовъ, и одинъ изъ нихъ начинается такъ: „Проситель приходитъ въ канцелярію справиться о своемъ дѣлѣ и подходитъ къ одному столу, за которымъ сидитъ подъячій, углубившійся въ *Сѣверную Пчелу*, чуть ли не въ нравоучительную статью г. Булгарина" и т. д. Прочитавъ эти пошлые анекдоты, Уваровъ писалъ графу Строганову (12 марта 1841): „Въ третьемъ нумерѣ *Москвитянина* замѣтилъ я въ Смѣси нѣсколько анекдотовъ, въ коихъ не находится ни приличія, ни вкуса. Почему покорнѣйше прошу ваше сіятельство, призвавъ къ себѣ г. Погодина, поставить ему на видъ неосторожность въ выборѣ статей для журнала, о которомъ хотѣлось бы мнѣ имѣть выгоднѣйшее понятіе, судя по образованности и хорошему духу издателя". На другой день Уваровъ получаетъ отъ графа Бенкендорфа слѣдующее оффиціаль-

ное письмо: „Въ третьей части журнала *Москвитянинъ*, издаваемаго М. Погодинымъ, въ отдѣленіи *Смѣсь* напечатаны два анекдота о чиновникахъ. Прочитавъ ихъ съ величайшимъ удивленіемъ, я нахожу, что въ напечатаніи ихъ не столько виноватъ цензоръ, сколько издатель журнала, ибо статьи такого рода показываютъ недостатокъ уваженія его къ образованной публикѣ и желаніе угодить ими самому развратному классу людей; сверхъ сего, подобные анекдоты выказываютъ въ издателѣ не одно безвкусіе, но и злоупотребленіе довѣрія, которымъ, какъ журналиста, облекло его Правительство, ибо выставлять чиновниковъ въ такомъ невѣроятномъ и отвратительномъ видѣ, клеветать ихъ поступками и дѣйствіями, въ сословіи чиновниковъ въ настоящее время не существующими, и придавать имъ безобразные характеры, есть преступленіе противъ Правительства, коего чиновники суть органы. Что помѣщеніе подобныхъ статей, приводящихъ въ негодованіе благонамѣреннаго читателя и доставляющихъ пріятную пищу только тѣмъ неблагонамѣреннымъ людямъ, которые ищутъ случая посмѣяться надъ званіемъ чиновника и тѣмъ оскорбить Правительство—доказываетъ самое грубое безвкусіе, развращенность понятій, ложный и вредный взглядъ на предметы государственные и неблагонамѣренность самого издателя... Этихъ причинъ, по мнѣнію моему, было бы весьма достаточно, чтобы воспретить г. Погодину изданіе *Москвитянина*". Въ заключеніе письма графъ Бенкендорфъ проситъ Уварова „почтить его увѣдомленіемъ, какое распоряженіе угодно будетъ ему сдѣлать по сему предмету". Уваровъ явился защитникомъ Погодина и прежде своего отвѣта графу Бенкендорфу онъ писалъ Погодину: „Въ третьей книгѣ *Москвитянина* помѣщены два пошлые и безвкусные анекдота, которые произвели большой шумъ. Совѣтую вамъ остерегаться на будущее время подобныхъ ошибокъ. На этотъ разъ я могу этотъ шумъ прекратить; впредь не отвѣчаю. Во всякомъ случаѣ, въ дѣльномъ и серьезномъ журналѣ подобныя шутки низшаго разряда совершенно неумѣстны". Графу Бенкендорфу же Уваровъ отвѣчалъ: „До полученія

отношенія вашего сіятельства я сдѣлалъ строгое замѣчаніе издателю и цензору за напечатаніе сихъ пошлыхъ шутокъ; другому взысканію за подобный проступокъ я не счелъ справедливымъ ихъ подвергнуть, увѣренъ будучи, что мѣра наказанія соразмѣряется съ существомъ вины, ибо не могу раздѣлить мнѣнія, чтобы шутка, даже неумѣстная и безвкусная, на счетъ безъименнаго чиновника низшаго разряда, могла равняться съ преступленіемъ противъ Правительства. Не защищая ни мало ошибку цензора и оплошность редактора, невозможно мнѣ, при всей извѣстной вашему сіятельству взыскательности, видѣть тутъ *оскорбленіе Правительства*, еще менѣе *развращенность понятій и вредный взглядъ на предметы государственные и неблагонамѣренность издателя* и находить тутъ поводъ къ прекращенію журнала. Вашему сіятельству вполнѣ извѣстно, что Капнистъ за комедію *Ябеда*, а въ наше время Гоголь за комедію *Ревизоръ*, въ которыхъ выводится бытъ нѣкоторыхъ чиновниковъ въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ, и множество другихъ авторовъ, шутившихъ болѣе или менѣе удачно надъ *титулярными совѣтниками и чиновниками особыхъ порученій*, не подвергались подобному нареканію, и что ихъ произведенія являются и доселѣ ежедневно на нашихъ театрахъ. Излагая откровенно мой взглядъ на сей вопросъ, я увѣренъ, что ваше сіятельство изволите убѣдиться въ томъ, что сдѣланное мною распоряженіе вполнѣ соотвѣтствуетъ мѣрѣ вины. Приношу въ семъ случаѣ, какъ и всегда, вамъ совершенную благодарность за содѣйствіе къ держанію журнальной литературы въ подлежащихъ границахъ вкуса и порядка". По порученію Уварова, князь В. Ѳ. Одоевскій писалъ своимъ друзьямъ, Погодину и Шевыреву, слѣдующее: „Мнѣ поручилъ, господа, С. С. Уваровъ сверхъ оффиціальнаго головомытія, которое вѣроятно вы уже получили, просить васъ частнымъ образомъ сколь возможно быть осмотрительнѣе какъ въ выборѣ статей, такъ и въ выраженіяхъ *Москвитянина*. Онъ увѣренъ въ чистотѣ вашихъ намѣреній монархическихъ и истинно русскихъ чувствахъ,—но надобно,

чтобъ всѣ были въ этомъ увѣрены; чтобъ не было у васъ статей (подобныхъ оплеухѣ чиновника), которыя столь же противны хорошему вкусу и приличію, симъ могутъ подать поводъ неблагонамѣреннымъ людямъ къ превратному толкованію. Чужая душа—потемки, судятъ о томъ, что на бумагѣ. Вы не должны полагаться на то, что цензоръ пропустилъ— и вы въ сторонѣ; напротивъ, вы должны оберегать цензора какъ люди болѣе образованные, болѣе могущіе имѣть того чутья, которое угадываетъ то впечатлѣніе, какое можетъ произвести на читателей иногда самая невинная статья.— С. С. Уваровъ ручался за васъ—не введите его въ слово. Теперь скажу вамъ отъ себя: получивъ третій нумеръ *Москвитянина*, я напалъ на статью о чиновникахъ. „Быть бѣдѣ"—подумалъ я. Къ сожалѣнію, мое чутье не обмануло меня. Разсказывать подробностей нечего; скажу вамъ только, что были большія хлопоты—и что *Москвитянину* грозило *полное запрещеніе*. Прошло одинъ разъ,—не пройдетъ въ другой. Прочитывая корректуру, забывайте на время, что вы издатели, постарайтесь сдѣлаться читателями и старайтесь угадать, какое дѣйствіе произведетъ та или другая статья на человѣка для васъ совершенно посторонняго, не имѣющаго о васъ понятія. Совѣтуйтесь съ людьми, которые, по опытности или по положенію своему, могутъ дать вамъ хорошій совѣтъ. Вспомните, что вы не принадлежите къ шайкѣ тѣхъ господъ въ нашей литературѣ, которые хотятъ только одного—уничтожить всѣ журналы, кромѣ своихъ, дабы имѣть въ своихъ рукахъ монополію всей книжной торговли и наживаться. Эта шайка не проститъ вамъ никогда ни вашихъ талантовъ, ни учености, ни особенно добросовѣстности, ни вниманія къ вамъ публики, ни вашихъ отзывовъ о произведеніяхъ этихъ господъ. Противъ враговъ же они не разборчивы въ средствахъ: клевета, умышленно превратное толкованіе самыхъ невинныхъ рѣчей, разглашеніе въ публикѣ такого толкованія—все имъ кажется позволеннымъ, особливо когда такія статьи, какъ въ третьемъ нумерѣ *Москвитянина* о чиновникахъ, даютъ имъ

точку опоры. Дѣятельность враговъ бываетъ иногда непостижима. При самомъ началѣ моей службы, покойный Дашковъ показывалъ мнѣ доносъ, писанный на меня Булгаринымъ, гдѣ меня обвинялъ въ разныхъ нелѣпостяхъ, но такъ искусно связанныхъ съ разными обстоятельствами моей жизни, что можетъ быть только одна пятнадцати-лѣтняя моя служба, гдѣ я могъ на дѣлѣ показать всю неосновательность клеветы, могла смыть съ меня пятно, наведенное симъ доносомъ. Вашъ отвѣтъ на клевету можетъ быть лишь въ самомъ вашемъ журналѣ, не только въ общемъ его направленіи, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Вотъ что почиталъ я нужнымъ сказать вамъ, друзья мои. Грустно это письмо, такъ грустно, что ничего и прибавить больше не хочется. Да благословитъ Богъ ваши совѣстливые труды и благонамѣренность; рано или поздно чистая совѣсть заставитъ замолкнуть своекорыстныхъ враговъ, и я вамъ на это примѣръ“ [34]).

Съ своей стороны и Уваровъ писалъ Погодину: „Совѣтую вамъ построже наблюдать за Москворѣцкими юмористами. Я полагаю, что князь Одоевскій писалъ къ вамъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ довольно живой перепалки, которая между тѣмъ кончилась безъ особаго оголоска“. На это письмо Погодинъ отвѣчалъ: „Позвольте объясниться о журналѣ: смѣсь и проза приводятъ въ отчаяніе. Съ самаго начала я сдѣлалъ планъ, чтобъ десять печатныхъ листовъ посвящать дѣльному и серьезному, а остальные, отъ пяти до десяти, всякой всячинѣ, которая удовлетворяетъ большинству подписчиковъ. Со временемъ намѣревался я уменьшить это число, но не уничтожить, ибо иначе журналъ остался бы при образованныхъ однихъ читателяхъ, которыхъ счетомъ сто въ Петербургѣ, сто въ Москвѣ и сто въ губерніяхъ. Нельзя распространять дѣльное (кормить горечью), если въ то же время края сосуда не омажутся медомъ. Нѣтъ вкуса въ анекдотахъ, ибо нѣтъ его въ тѣхъ мнимыхъ лицахъ, кои изображаются ими. Ни я, ни цензоръ, не могли вообразить, чтобъ такія пустыя строки могли произвесть шумъ, строки, изъ которыхъ

состоитъ цѣлая комедія *Ревизоръ* или *Ябеда*, кромѣ ихъ органическаго созданія. Я осмѣливаюсь приписывать шумъ тѣмъ шмелямъ, которымъ непріятенъ нашъ успѣхъ и нашъ образъ мыслей о словесности, обнаруженный въ критикѣ. Ихъ боялся я прежде изданія и просилъ вашего покровительства, безъ котораго мы не смѣли, не смѣемъ и теперь, думать о журналѣ. Если Правительство одобряетъ духъ журнала, видный въ главныхъ статьяхъ, то мелочи, кои самъ издатель часто не читаетъ, должны быть оставлены безъ вниманія. Не позволите ли подать вамъ формальное объясненіе? Я совершенно упалъ журнальнымъ духомъ".

Въ подтвержденіе этого письма Погодина могутъ служить слѣдующія строки въ письмѣ къ нему Бецкаго изъ Харькова: „Вотъ вамъ сужденіе о *Москвитянинѣ*. Нѣкто жаловался на сухость журнала. „Мало повѣстей, хотите сказать? За то *ученое* направленіе". Да что же развѣ для *учителей* журналъ издается?", отвѣчалъ мнѣ тотъ господинъ" [35]).

X.

Беллетристика не удавалась *Москвитянину*. Еще во второмъ нумерѣ этого журнала была напечатана статья подъ заглавіемъ *Соперничество шести невольницъ*, которая обратила на себя вниманіе Министерства Народнаго Просвѣщенія, и Погодинъ получилъ слѣдующее оффиціальное письмо отъ вице-директора Департамента П. И. Гаевскаго: „Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, при подписаніи циркулярнаго предложенія Гг. Попечителямъ о выпискѣ для учебныхъ заведеній журнала вашего *Москвитянинъ*, изволилъ приказать мнѣ увѣдомить васъ, что при подробнѣйшемъ разсмотрѣніи второго нумера сего журнала обратилъ онъ вниманіе на статью *Соперничество шести невольницъ*. Статья эта, ни по достоинству литературному, ни по приличію, требуемому отъ журнала вашего, какъ отъ книги, назначаемой въ руки молодыхъ

людей, не должна бы имѣть здѣсь мѣста, и потому Его Высокопревосходительство желаетъ, чтобъ впредь вы были строже въ выборѣ матеріаловъ, тѣмъ болѣе, что журналъ вашъ намѣрены выписывать также и духовныя училища".

Въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ *Москвитянина* Погодинъ помѣстилъ повѣсть Ивана Головина—*Левъ*, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ автора: „*Левъ* мой старѣе *Льва* Соллогубова; но молодой опередилъ стараго, что довольно естественно" [36]). Эта повѣсть, хотя и не обратила на себя вниманіе Министерства Народнаго Просвѣщенія, но оскорбила нравственное чувство одного изъ неизвѣстныхъ почитателей *Москвитянина*, который по этому поводу писалъ Погодину: „Будучи самымъ искреннимъ почитателемъ вашего прекраснаго, благонамѣреннаго, умнаго журнала, смѣю спросить васъ: неужели на листахъ благороднаго *Москвитянина* могла явиться сказчонка *Левъ*, столько ничтожная, недостойная, не умная сказчонка. Полный уваженія къ вамъ, могу только думать, что эта грязная вещь, простите шероховатость словъ, могла прокрасться въ *Москвитянинъ* совершенно безъ вашего вѣдома,—въ отсутствіе, или болѣзнь вашу. Обратите же вниманіе на эту повѣстцу, взгляните, что за недостойное содержаніе: двѣ развратныя женщины высшаго общества (?) навязываются ничтожному французику (ужъ вовсе не Льву!), Мужъ одной изъ нихъ узнаетъ о невѣрности жены, стрѣляется, убиваетъ соблазнителя и потомъ,—какъ будто ничего не бывало, снова нѣжничаетъ съ женою и, за достойную прикрасу глупаго лба, украшаетъ жену лучшею персидскою шалью!! Не правда ли: содержаніе самое изящное? А дѣйствующія лица? Распутная вдова, княгиня, соблазнительница.—Отвратительная молодая женщина, бросающаяся въ объятія пустому повѣсѣ,—пришедшая къ разврату даже безъ всякой борьбы съ сердцемъ, съ честью; холодная тварь, запятнавшая мужа и бросившая его больнымъ въ горячкѣ. А разговоры?—Посмотрите-ка на разсужденія бальныхъ кавалеровъ (стр. 314) „о улучшеніи породъ животныхъ",—разсужденія, достойныя

скотныхъ заводчиковъ, а не свѣтскихъ львовъ на балѣ. И все это въ Петербургѣ, въ столицѣ приличій и вкуса! Бѣдный Петербургъ! А каковъ „Русскій язычекъ! Михаилъ Петровичъ! Ради чистоты славы, столь достойно заслуженной до этого *Москвитяниномъ,* ради уваженія къ самимъ себѣ и къ намъ, искренно желающимъ *Москвитянину* продолженія на всегда этой чистой славы,—не помѣщайте въ журналѣ вашемъ вещей, подобныхъ *Льву,* котораго, безъ сомнѣнія, не напечатали бы *даже* ни *Библіотека для Чтенія,* ни *Отечественныя Записки*".

Съ своей стороны почтенный Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ, движимый доброжелательнымъ чувствомъ къ *Москвитянину,* совѣтывалъ Погодину „проглядывать статьи съ бо̀льшею оглядкою"

Въ своемъ письмѣ Иванчинъ-Писаревъ указываетъ Погодину на нѣкоторыя мѣста изъ разныхъ статей, помѣщенныхъ въ *Москвитянинѣ,* которыя онъ не желалъ бы видѣть напечатанными въ этомъ журналѣ. „Служившій", писалъ онъ,— „пять лѣтъ цензоромъ почтамтскимъ подъ ферулою перваго въ свѣтѣ труса покойнаго Ружковскаго, беретъ смѣлость совѣтовать... № 3, стр. 154: „*Боярская спѣсь успѣла отпечатлѣть начало избирательности въ Учрежденіи о Губерніяхъ*". Это говорится о безсмертнѣйшемъ твореніи Великой Екатерины. Въ той же статьѣ развернутъ какой-то планъ новой династіи боярства, будто всегда измѣнявшагося. Исчезали, правда, имена славныя, то отъ пресѣченія рода, то отъ жестокостей Іоанна IV, но это не было *системою* нашихъ Государей. Личныя достоинства искони выводили у насъ простолюдиновъ въ знать, не смотря на мѣстничество, но не было *системою* замѣнять новыми родами старые роды бояръ *). *Въ балладѣ* **) прочитаютъ по лавочкамъ и въ лакейскихъ, а въ провинціяхъ есть и кабинеты, гдѣ читатели незнакомы еще съ Карломъ V, прочитаютъ, что кто-то *согнетъ императора во прахъ*, оставя,

*) Статья Морошкина: *Москвитянинъ* 1841, № 3, стр. 154.
**) Баллада *Карлъ V*, К. К. Павловой (№ 4).

что *согнуть во прахъ* неправильно, — самый образъ и выраженія не такъ-то пріятны" [37]).

Искренно сочувствуя направленію *Москвитянина* и оберегая его, князь П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: „Читаю *Москвитянинъ* съ большимъ удовольствіемъ, и вообще онъ здѣсь хорошо принятъ. Продолжайте, и мы будемъ имѣть журналъ. Только, ради Бога, будьте осторожны, бдительны, зорки, догадливы. Помните припѣвъ Пушкина:

Не спи казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ бродитъ за рѣкой,

то-есть, жандармы бродятъ за рѣкой, или: Булгаринъ бродитъ за рѣкой. Ваша благонамѣренность и добросовѣстность не спасутъ васъ. Все можно перетолковать, а толковники сыщутся. Боюсь, напримѣръ, за вашу послѣднюю статью о христіанской философіи *). Тутъ могутъ быть для васъ опасны. . . . .
. . . .Журналисту нуженъ необыкновенно тонкій тактъ. Въ Москвѣ очень трудно въ этомъ отношеніи издавать журналъ. Вы тамъ руководствуетесь благоразуміемъ и совѣстію, и думаете, что довольно. Ничуть! Есть еще тысяча другихъ необходимыхъ условій. Позвольте мнѣ еще одно замѣчаніе. Въ вашей критикѣ, то-есть, въ вашемъ способѣ изложенія, желалъ бы я болѣе разнообразія. Все, что вы говорите, дѣльно, умно и хорошо; но вы всегда говорите съ каѳедры. На каѳедру можно иногда взбираться, но когда разбираемая книга того стоитъ. Напримѣръ, въ критикѣ о Курдюковой vous l'avez pris trop au sérieux. Сами же вы сказали, что это фарса и прекрасно опредѣлили, что̀ фарса и что̀ комедія. Но фарсою и трактуйте ее. Мятлевъ мастеръ врать стихами и прозою, и ему хотѣлось поврать о томъ о семъ, обо всемъ и о прочемъ, и онъ выбралъ Курдюкову сосудомъ вранья своего, какъ Байронъ Чайльдъ Гарольда сосудомъ поэзіи своей. Разумѣется, Курдю-

---

*) Въ 6-мъ № *Москвитянина* 1841 года Шевыревъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ: *Христіанская Философія. Бесѣды Бадера* со слѣдующимъ эпиграфомъ: „Братіе, блюдитеся, да никто же васъ будетъ прелщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіамъ міра, а не по Христѣ" (*Колосс.* 2, 8).

ковой характеръ не выдержанъ, но чортъ ли въ ней и чортъ ли въ ея характерѣ? Тутъ одинъ Мятлевъ на сценѣ, который почти всегда забавно и часто очень остроумно дурачится. А о планѣ, о цѣли онъ и не помышляетъ" [38]).

Къ числу доброжелателей *Москвитянина* принадлежалъ и почтенный В. И. Даль. „Радуюсь душевно", писалъ онъ Погодину, „вашему здоровью, радуюсь также весьма, что вы остаетесь въ Москвѣ, у насъ были слухи, что васъ перезвали къ такому дѣлу, отъ котораго нельзя было бы отказаться. Скорблю душевно, что и вы испытали уже, въ то противное время, всѣ обычныя непріятности журналиста—это тѣмъ больнѣе, что у насъ идетъ все то не отъ житейскихъ суетъ и трудностей изданія — а отъ препятствій, убивающихъ духъ. При такихъ обстоятельствахъ руки не поднимаются на работу, голова тупѣетъ, сердце дремлетъ" [39]).

Въ своемъ *Дневникѣ* Погодинъ записалъ замѣчательныя слова графа А. П. Толстаго: „По утру былъ графъ Толстой, съ которымъ много говорили о Россіи нынѣшней и прошедшей. *Журналъ вашъ запретятъ, сказалъ онъ, потому что въ немъ слишкомъ ясенъ Русскій духъ и много Православія. Есть какая-то невидимая, тайно дѣйствующая сила, которая мѣшаетъ всякому добру въ Россіи. Вѣрно, она имѣетъ свое начало въ чужихъ краяхъ, трепещущихъ Россіи и дѣйствующихъ чрезъ золото*".

Но на стражѣ *Москвитянина* стоялъ князь Д. В. Голицынъ и, уѣзжая въ Петербургъ, обѣщалъ его издателямъ „гремѣть" тамъ „за журналъ и велѣлъ роздать еще сто билетовъ" [40]).

XI.

При самомъ началѣ своего предпріятія, издатель *Москвитянина*, какъ то ни странно, менѣе всего нашелъ сочувствія, не говоримъ уже поддержки, со стороны тѣхъ людей, на которыхъ онъ болѣе всего имѣлъ право разсчитывать, то есть, отъ

людей, которыхъ Бѣлинскій прозвалъ *Словенофилами.* Погодинъ, описывая Шевыреву успѣхъ первыхъ нумеровъ *Москвитянина* въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ, съ горечью писалъ ему, вспоминая своихъ Московскихъ друзей. „Какъ я хохочу надъ нашими умниками, не умницами—нашими аристократами XIV класса, героями Конюшенной и Арбата... Скажи этимъ дрянямъ, что я только изъ великодушія не разсказываю объ ихъ чопорности, приличной только нѣмецкимъ мѣщанамъ, и то у Коцебу" [41]).

Съ давнихъ лѣтъ Погодинъ находилъ въ семействѣ Аксаковыхъ полнѣйшее участіе во всѣхъ своихъ дѣлахъ ученыхъ, литературныхъ и даже сердечныхъ. Но не то мы видимъ въ періодъ основанія *Москвитянина.* Въ это время произошло охлажденіе, и даже больше, Аксаковыхъ къ Погодину. Виною этого охлажденія былъ Константинъ Аксаковъ, котораго родители боготворили. На первыхъ же порахъ С. Т. Аксаковъ, какъ мы уже знаемъ, выразилъ Погодину свое неудовольствіе за то, что тотъ напечаталъ въ первомъ нумерѣ *Москвитянина* стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки *Москва,* безъ посвященія его сыну Константину. Въ сочельникъ, на канунѣ Богоявленія, Погодинъ посѣтилъ Аксаковыхъ и вотъ что записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Къ Аксаковымъ въ комнату, гдѣ были Надеждинъ, Томашевскій, такъ что нельзя было укрыться. О *Москвѣ* долженъ былъ заговорить самъ. Больно. Гегелева философія, ха, ха, ха, разлучаетъ меня съ добрыми людьми. Замѣтилъ *охлажденіе* и изъ сужденій Сергѣя Тимоѳеевича о моихъ статьяхъ, сужденій, совершенно глупыхъ и пустыхъ. Почти такія же о статьяхъ Шевырева. Значитъ, что сынъ нашепталъ въ уши, и тотъ по слѣпой любви повѣрилъ. Я не виню ни того, ни другого, но жалко. Разумѣется это пройдетъ. Одна Ольга Семеновна остается и останется мнѣ вѣрною. Упросили остаться и играть съ Надеждинымъ и Томашевскимъ въ преферансъ. Остался съ *отвращеніемъ, ибо желалъ бы въ церковь* *). Смѣшныя толко-

---

*) Въ Крещенскій сочельникъ.

ванія молодого Аксакова о своихъ видахъ, о религіи и проч. *У насъ религія очищенная, точно такъ, какъ у иностранцевъ;* но гораздо противнѣе величавыя сужденія Надеждина: *мы безъ обрядовъ и безъ такихъ-то глупостей.* Гадко слушать. Послѣ пріѣхалъ Загоскинъ читать. Я собрался было уѣхать, но у него разболѣлась голова, и онъ упросилъ меня играть съ нимъ. Сѣлъ и съ величайшею досадою проигралъ рублей около ста. Раздосадованный пріѣхалъ домой. Отзывъ Загоскина о Шевыревѣ, который будто ругаетъ въ обществахъ его статьи, обвиняетъ его за униженіе Москвы. Это точно дурно. Дѣло объяснилось. Когда-то Загоскинъ звалъ Шевырева въ школу. Тотъ привезъ Мельгунова и не извинился, не рекомендовавъ его. Загоскинъ разсердился, это замѣтилъ Шевыревъ и отвѣчалъ, что и ему самому мало удовольствія быть въ школѣ. Inde irae. Да, Шевырёвъ заносчивъ. О люди, люди! А Загоскинъ хвалитъ и прославляетъ его статью". Въ это время и Загоскинъ охладѣлъ къ Аксаковымъ. По крайней мѣрѣ вотъ что мы читаемъ въ томъ же *Дневникѣ* Погодина: „Загоскинъ съ обвиненіемъ противъ Аксакова, котораго, кажется, терпѣть не можетъ. Я изумился и защищалъ, но надо бы сильнѣе. Загоскинъ называетъ его лицемѣромъ. Нѣтъ, это не правда, и завтра я поѣду объяснять ему. Онъ вчера не читалъ повѣсть у Аксакова, замѣтивъ будто бы нерасположеніе слушать. Это пустое. Чортъ глаза мутитъ. А между тѣмъ и я все утро нынче думалъ о завтрашнемъ письмѣ къ Аксакову, чтобъ заявить *охлажденіе* [42]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ получаетъ слѣдующее письмо отъ самого С. Т. Аксакова слѣдующаго содержанія: „Вчера я узналъ, что добрые пріятели наши постарались передать вамъ мои невыгодные отзывы о журналѣ вашемъ и о васъ самихъ въ такомъ видѣ, что вы тѣмъ огорчились; послѣднее мнѣ очень прискорбно. Я вчера не могъ ни пріѣхать къ вамъ, ни написать. Приступаю къ объясненію. Я точно осуждалъ иногда съ большимъ жаромъ, по всегдашнему моему обычаю, васъ какъ журналиста за нѣкоторыя выходки и многія статьи въ жур-

налѣ, въ томъ числѣ ваши и Щевырева. Искренность моего участія заставляла меня горячиться. Я осуждалъ даже (вы все это знаете) самое намѣреніе ваше издавать журналъ *теперь* и предсказывалъ полную неудачу: очень радъ, что мое предсказаніе повидимому не сбывается. Все это я говорилъ съ людьми самыми близкими, общими нашими короткими пріятелями, принимающими, какъ мнѣ казалось, живое участіе въ вашемъ изданіи, которые и сами, болѣе или менѣе, осуждали то, что порицалъ я, для которыхъ безпристрастіе мое и рѣзкость выраженій пятнадцать лѣтъ уже не новость, и которые вмѣстѣ со мной желали только одного: полнаго успѣха вашему журналу... Любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ! Неужели вы до сихъ поръ меня не знаете. Да развѣ я могу говорить не то, что чувствую? Я могу только молчать, что я и дѣлаю съ людьми посторонними, *не нашими*, когда заходила рѣчь о вашемъ журналѣ... Да еслибы мои братъ, отецъ выдавалъ *Москвитянина*, я и тогда безпощадно высказывалъ бы свои задушевныя мнѣнія, разумѣется—не на улицѣ и не передъ всѣми. Одно вы можете сказать: для чего не все и не съ такою силою было высказываемо мною лично вамъ? Этому причиною вы сами. Я начиналъ говорить два раза, но вы только раздражались, горячились и защищались съ явнымъ желаніемъ *не согласиться*. Въ васъ это было чѣмъ-то даже болѣзненнымъ—и я оставилъ до времени мои замѣчанія и совѣты. Признаюсь вамъ, мнѣ въ голову не приходило, чтобъ кто-нибудь могъ осмѣлиться перетолковать слова мои и передать ихъ вамъ въ видѣ недоброжелательства!.. Еще менѣе, чтобъ вы могли принять ихъ такимъ образомъ... Вижу, что я ошибся, и очень сожалѣю о томъ... Впрочемъ, я остаюсь въ полномъ убѣжденіи, что насъ съ вами *никто* и *ничто* поссорить не можетъ. Мы слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга, дружба наша уже стара и построена на прочномъ основаніи. Чтобъ не оставить ничего на душѣ, скажу вамъ, что у меня было непріятное къ вамъ чувство послѣ выхода первой книжки, но оно уже давно прошло... Пріѣзжайте, пожалуйста, сегодня

вечеромъ съ вашей милой и почтенной Елизаветой Васильевной слушать продолженіе романа Загоскина". Но какъ бы то ни было *Москвитянинъ* сдѣлался яблокомъ раздора между Погодинымъ и С. Т. Аксаковымъ, который въ другомъ своемъ письмѣ писалъ ему: „Я не понимаю записки вашей также какъ и Гегелевой философіи: и такъ, кого вы подъ ней разумѣете? Если Константина, то это грубѣйшая ошибка... Не хвалить вашъ журналъ—значитъ у васъ преступленіе. Неужели разномыслie о *Москвитянинѣ* можетъ быть помѣхою въ нашихъ отношеніяхъ?" [43]).

Въ то время, когда шли эти пререканія о *Москвитянинѣ*, семейство Аксаковыхъ постигло страшное горе. 5 марта 1841 года „Богу было угодно поразить насъ", писалъ С. Т. Аксаковъ,—„ужаснымъ и неожиданнымъ ударомъ. Потеряли мы сына Михаила, полнаго крѣпости тѣлесныхъ силъ и всякихъ блистательныхъ надеждъ" [44]).

Само собою разумѣется, что какъ Погодинъ, такъ и Шевыревъ, не смотря на охлажденіе къ Аксаковымъ, происшедшее вслѣдствіе литературной размолвки, отнеслись къ несчастію, постигшему ихъ домъ, съ самымъ сердечнымъ участіемъ. „Ужасное извѣстіе объ Аксаковыхъ" писалъ Шевыревъ Погодину,—„соболѣзную всею душою. Бѣдная Ольга Семеновна! Страшная зима! Только и слышишь объ умирающихъ". До привоза тѣла изъ Петербурга въ Москву Погодинъ ежедневно посѣщалъ Аксаковыхъ. Въ особенности онъ старался утѣшать Ольгу Семеновну. Вотъ что Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Выговаривалъ О. С. Аксаковой, что гнѣвитъ Бога прихотью материнской нѣжности. Давно хочется мнѣ сказать ей, чтобъ она приготовлялась къ смертямъ". Замѣчательно, что эти строки были записаны Погодинымъ 8 марта, а 10 къ нему пріѣзжаютъ Григорій и Константинъ Аксаковы съ извѣстіемъ „о кончинѣ Миши. Всѣ мы" пишетъ Погодинъ,—„были поражены. Думали, какъ сообщить несчастной матери. Хорошо, что пріѣхалъ отецъ. Весь вечеръ у нихъ" [45]). Къ горю Аксаковыхъ весьма сочувственно отнесся и Ѳ. Н. Глинка.

„Смерть Миши Аксакова", писалъ онъ Погодину,—„принадлежитъ къ феноменамъ *нынѣшняго* времени. Обнимите за меня безутѣшнаго отца". Наконецъ 31 марта С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Прахъ нашего Миши будетъ въ Симоновомъ монастырѣ. Ждемъ Ивана каждую минуту. Лукьяновна вчера срѣзала меня! Я сказалъ ей, что жду своего Ивана, а она мнѣ въ отвѣтъ: *И другого-то ждемъ на свѣтлый праздникъ. Тяжело твоему сердцу: никто твоей тягости не знаетъ.* Ей никто не могъ сказать, ибо никто не знаетъ" [46]).

„Между тѣмъ Гоголь", пишетъ С. Т. Аксаковъ,—„получилъ извѣстіе о нашемъ несчастіи. Онъ написалъ ко мнѣ утѣшительное письмо, которое до меня не дошло и осталось для меня неизвѣстнымъ. Письмо было послано чрезъ Погодина; вѣроятно, оно заключало въ себѣ такого рода утѣшенія, до которыхъ я былъ большой неохотникъ, и могъ скорѣе разсердиться на нихъ, чѣмъ утѣшиться ими. Погодинъ зналъ это очень хорошо и не отдалъ письма" [47]). Намъ неизвѣстно письмо Гоголя къ Аксакову, но извѣстно письмо его къ Погодину, въ которомъ заключаются слѣдующія замѣчательныя строки: „Ужасно мнѣ жаль Аксаковыхъ, не потому только, что у нихъ умеръ сынъ, но потому, что безграничная привязанность до упоенья къ чему бы ни было въ жизни—есть уже несчастье. Такъ мало знать жизнь, чтобы не помнить, что всякую минуту мы можемъ лишиться всего, позабыть, что всякую минуту мы должны благодарить за то, что остается намъ, жить обманомъ и стараться вѣчно обманываться—страшно, просто страшно. *Мы ропщемъ только на утраты и никогда не благодаримъ за блага, которыя даются намъ щедро, обильно*; но мы замѣчаемъ ихъ только въ минуту, когда лишаемся ихъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось быть въ эту минуту въ Москвѣ" [48]).

Сдѣлавъ это невольное отступленіе, обратимся къ *Москвитянину*.

Изъ старшихъ Словенофиловъ одинъ только Хомяковъ принялъ нѣкое участіе въ изданіи своихъ друзей; но и тотъ писалъ Языкову: „*Москвитянинъ* началъ являться. Первая книжка не хо-

рошо составлена, хотя Шевырева статья славная; журналистической ухватки нѣтъ". Въ то же время Шевыревъ писалъ Погодину: „Вчера бранился за *Москвитянинъ* съ нашими лѣнтяями, только и знающими что бранить. Добраго слова никогда отъ нихъ нѣтъ. Ужь я же ихъ отдѣлалъ. Бранился съ Хомяковымъ за *Москвитянинъ*. И Аксаковы тоже видно по прежнему. Хомяковъ повторяетъ и угождаетъ". Но въ томъ же письмѣ Шевыревъ пишетъ: „Посылаю тебѣ стихи Хомякова къ *Дѣтямъ*. Они давно написаны, но онъ ихъ все таилъ подъ спудомъ отъ жены. Теперь же напечатать можно. Онъ хоть и не давалъ согласія, но съ нимъ можно и безъ спросу. Онъ ихъ закабалилъ въ Валуевскую *Библіотеку для воспитанія*. Стихи прекрасные". Знаменитое стихотвореніе Хомякова *Кіевъ*, написанное для *Кіевлянина* Максимовича, какъ мы знаемъ, не попало по назначенію, но въ искаженномъ видѣ было напечатано въ Петербургскомъ журналѣ *Маякъ*. По этому поводу М. А. Стаховичъ писалъ А. Н. Попову: „Нынче я видѣлъ, какъ Хомякова немилосердно и низко обокрали: въ *Маякѣ* помѣщенъ его *Кіевъ* съ подписью Э. И.....о, *воспитанникъ третьей гимназіи*".

Это не ускользнуло отъ вниманія Уварова, и онъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „Усмотрѣвъ", писалъ онъ Петербургскому Попечителю,—„что въ XIV книжкѣ *Маяка* напечатано извѣстное стихотвореніе Хомякова: *Кіевъ*, съ пропускомъ токмо нѣсколькихъ строфъ, подъ именемъ *Э. И.....о, воспитанника третьей гимназіи*, я нахожу это весьма неприличнымъ, и вообще желаю, чтобы никакое сочиненіе воспитанниковъ учебныхъ заведеній не было напечатано безъ предварительнаго распоряженія директоровъ сихъ заведеній, и не иначе какъ съ вѣдома вашего сіятельства".

Съ своей стороны Хомяковъ, прося у Погодина „новыхъ книжицъ, о которыхъ говоритъ Куникъ, о Словенскихъ или Скандинавскихъ древностяхъ", писалъ ему: „Если хочешь, то напечатай *Кіевъ*, если можно. Это будетъ протестъ противъ *Маяка* [49]). Но помѣщеніе этого стихотворенія и въ *Москвитя-*

нинѣ встрѣтило цензурное затрудненіе. Цензоръ Н. И. Крыловъ писалъ Погодину. „О трехъ послѣднихъ куплетахъ великое раздумье. Вотъ что объ нихъ сказано въ иностранной газетѣ, гдѣ стихи Хомякова переведены на Нѣмецкій языкъ: „Русская цензура ихъ не пропустила; но на Нѣмецкомъ языкѣ, при другихъ условіяхъ цензуры, можно ихъ помѣстить“. Итакъ можно понимать ихъ въ отношеніи къ Австріи; а это не хорошо. — Если вслѣдствіе вашей выноски смыслъ объ Уніи опредѣляется, то никакъ нельзя открыто въ журналѣ этого выразить. Дѣло это предано тайнѣ, молчанію, по причинѣ глупаго и неразсудительнаго распоряженія нѣкоторыхъ мѣстныхъ властей въ уніатскихъ губерніяхъ, и вслѣдствіе Австрійской ноты, присланной къ нашему Двору.—Вотъ какая исторія! Не лучше ли: *да мимо идетъ чаша сія?* Правило издателя и цензора: если можно что нибудь in futuro предполагать—то лучше опустить. Я прошу васъ убѣдительно согласиться на сей разъ со мною. Ей Богу—вчера цѣлый день сердце колыхалось отъ страха за эти куплеты. А съ вашей выноской больше рѣзкости и намека“. Не смотря на это, Погодинъ всетаки напечаталъ *Кіевъ* въ своемъ *Москвитянинѣ* и къ тремъ послѣднимъ куплетамъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Какъ живо эти три куплета изображаютъ Унію, которая, по благому дѣйствію Промысла, возвратилась въ Православіе въ нынѣшнее царствованіе“ [50]). Съ своей стороны Шевыревъ писалъ Погодину: „Отрывокъ Лажечникова плохъ. Стихи Языкова слабы—Сѣверное Сіяніе ужъ Боже вынеси! Будутъ бранить. Вѣдь два листа дурныхъ стиховъ. А *Кіевъ* ты затеръ всѣмъ этимъ вздоромъ. Выставь его на первый планъ. О *Маякѣ* надо же изъ приличія отзываться осторожнѣе и учтивѣе. А ты его ужъ слишкомъ за *Кіевъ*“.

Въ это время Хомяковъ былъ углубленъ въ свою *Семирамиду* и разбиралъ Ликійскія надписи. „Можешь, если хочешь объявить“, писалъ онъ Погодину, „что въ Ликіи найдены давно надгробныя надписи...... Мною разобрано. Словенскіе, и несомнѣнно, за нѣсколько вѣковъ до Рождества

Христова!!! Если будешь про это говорить, то имени моего не упоминай..... Не принимай за шутку".

Братья Кирѣевскіе не принимали никакого участія въ *Москвитянинѣ*, и сношенія ихъ съ Погодинымъ въ это время ограничивались только тѣмъ, что Петръ Васильевичъ поручилъ Елагину просить Погодина прислать ему на время *Софійскій Временникъ*, изданный П. М. Строевымъ [51]). При личномъ же своемъ посѣщеніи Погодина Петръ Васильевичъ „обобралъ у него пѣсни". Бесѣдуя же однажды съ его братомъ, Иваномъ Васильевичемъ, о своемъ журналѣ, Погодинъ примѣтилъ, что *отсталъ отъ Москвитянина и онъ*" [52]).

Младшее же поколѣніе Словенофиловъ въ это время погрузилось въ философію Гегеля и весьма несочувственно относилось къ *Москвитянину*. Это положеніе наше подтверждаетъ нижеслѣдующее письмо Ю. Ѳ. Самарина къ К. С. Аксакову: „К. К. Павлова мнѣ сказывала, что вы съ ней спорили о томъ, признаетъ ли Гегель Откровеніе, признаетъ ли въ Іисусѣ Христѣ Сына Божія, и будто вы сказали, что признаетъ? Въ такомъ случаѣ намъ должно будетъ уяснить этотъ вопросъ, потому что я думаю совсѣмъ иначе. Мнѣ кажется, Гегель понимаетъ всю Исторію, все развитіе какъ Откровеніе Божіе, но не принимаетъ Откровеніе въ извѣстное только время, одному или нѣкоторымъ лицамъ? Говорили мы также и очень долго о безсмертіи души, о сотвореніи міра, потомъ перешли къ Шевыреву.—Кстати, что Шевыревъ наговорилъ въ своемъ *Взглядѣ Русскаго на современную образованность Европы*?!" [53]). Даже В. В. Григорьевъ, считающій себя Словенофиломъ и не смотря на свою близость къ Погодину, вотъ что писалъ своему другу П. С. Савельеву: „*Москвитянинъ*, коего я имѣю счастіе быть сотрудникомъ, судя по первой книжкѣ,—нѣчто очень безхарактерное. Эти Москвичи толкуютъ о духѣ и направленіи, и никакъ не смогутъ одѣть этотъ духъ плотію, этому направленію подчинить свои дѣйствія и труды" [54]).

Итакъ, къ *Москвитянину*, къ этому единственному въ

то время изъ свѣтскихъ журналовъ выразителю *Православно-Русскаго* направленія, люди этого направленія далеко не отнеслись съ тѣмъ единодушнымъ сочувствіемъ и дѣятельною помощію, какъ враги ихъ Западники къ *Отечественнымъ Запискамъ*, или какъ нѣкогда люди, принадлежавшіе къ Веневитиновскому кружку, отнеслись къ *Московскому Вѣстнику*, старшему брату *Москвитянина*.

XII.

Погодинъ и Шевыревъ, не найдя поддержки и ободренія между своими Московскими друзьями, встрѣтили ихъ отъ многихъ знаменитыхъ и простыхъ соотечественниковъ нашихъ, не принадлежащихъ ни къ Словенофиламъ, ни къ Западникамъ, а просто Русскихъ, чтущихъ Православно-Русское направленіе *Москвитянина*.

Старый другъ и товарищъ Погодина и вмѣстѣ съ нимъ и Шевыревымъ вѣрный служитель *Православія*, *Самодержавія* и *Народности*, М. А. Максимовичъ, познакомившись съ *Москвитяниномъ*, писалъ Погодину изъ Кіева: „Спасибо тебѣ и Шевыреву за изданіе *Москвитянина*: два нумера опредѣлили уже, каковъ онъ, — пусть же будетъ такимъ, — славно будетъ: и учено, и умно; и разнообразно и солидно; — твой *Петръ* очень понравился Иннокентію, у котораго объ немъ въ воскресенье шла рѣчь долгая съ здѣшними магнатами, какъ разсказывалъ мнѣ вчера Кайсаровъ. *Мѣсяцъ* твой любопытенъ, но только ужъ подлинно *Русскій мѣсяцъ*—три мѣсяца тянется. Шевырева, еслибъ я красивъ былъ, расцѣловалъ бы за его критику—истинно усладительно читать послѣ пустословія *Записокъ*, скучнаго скоморошества *Библіотеки* и проч. Знаешь только, не слишкомъ ли часто вы напоминаете объ отчужденіи отъ Запада: пусть оно будетъ постоянно въ виду, но только не каждый разъ на выставку. Поклонись Шевыреву, Хомякову, Загоскину, Аксакову и всѣмъ вамъ, и давай, давай, давай жизни и пищи умамъ твоимъ

Москвитяниномъ". На призывъ Погодина участвовать въ его журналѣ Максимовичъ отвѣчалъ: „Сочинять что-нибудь нарочно не стану; ибо, какъ уже сказалъ, по пріѣздѣ домой *) обмою руки отъ чернилъ въ моей нагорной криницѣ и не возьму пера до осени—развѣ только для коротенькаго письмеца. Но, если хочешь, я пришлю тебѣ въ *Москвитянинъ* свое *Сказаніе о Колившинѣ*. Его, по милости Карлгофа покойнаго и Богородскаго,—Министръ, по мнѣнію Протасова нашелъ неудобнымъ помѣщать въ *Кіевлянинѣ*, какъ въ мѣстномъ изданіи,—и притомъ въ 1839 году, когда только что присоединились уніаты. Я было лично заговорилъ С. С. Уварову, чтобъ напечатать въ нынѣшнемъ году, но онъ сказалъ, что не хочетъ вмѣшиваться тамъ, гдѣ замѣшалась духовная цензура. Потому—если надѣешься имѣть ходъ прямо къ Протасову, то—въ *1841* году, и *не въ здѣшнемъ*, а *въ Московскомъ* изданіи, онъ вѣрно согласится разрѣшить свой запретъ,—тѣмъ болѣе, что въ самомъ *Сказаніи* не болѣе рѣзкаго, какъ и въ изданномъ отъ Синода *предисловіи* къ Актамъ Присоединенія Уніатовъ къ Православію,—и что объ Колившинѣ (бывшей 1768 г.) теперь издано на Польскомъ языкѣ нѣсколько записокъ съ точки зрѣнія католической и не Русской; а Русскому человѣку не даютъ, посмотрѣвши на это событіе съ нашей точки зрѣнія, сказать свое слово. А все изъ-за Карлгофа съ Богородскимъ; Богородскій далъ мнѣніе такое: „Въ настоящее время, когда уніаты вступили добровольно въ братскій союзъ съ православными, неприлично выставлять прежнюю вражду въ такихъ рѣзкихъ чертахъ". Цензурный Комитетъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, и потомъ спросилъ у Министра: можно ли напечатать?!.... Вотъ тебѣ исторія этого дѣла".

Когда *Москвитянинъ* достигъ Кяхты, то находившійся тамъ старинный сотрудникъ *Московскаго Вѣстника*, Н. И. Любимовъ, увидя его, писалъ Погодину: „Вообразите мою радость, нашелъ вашъ журналъ *Москвитянинъ*, о которомъ прежде не слыхалъ, который напомнилъ мнѣ и *Московскій*

*) То-есть, на Михайлову Гору.

Вѣстникъ, и лѣта юности, и все былое. Теперь съ жадностью его читаю и васъ за оный благословляю. Помните когда-то я вамъ говорилъ, что, бывши въ чужихъ краяхъ и возвращаясь въ край отцовъ,—я за одно паче всего благодарилъ Бога: что уродилъ меня русскимъ, а не инымъ кѣмъ. Это чувство еще во сто кратъ сильнѣе чувствовалось въ Китаѣ,—въ Пекинѣ, ибо душевный развратъ Запада предъ таковымъ же Китайскимъ ровно ничего не значитъ. Видно, точно они долго жили, чтобы дожить до такого положенія. Если бы у меня спросили: что такое Китай, въ двухъ словахъ? Я бы сказалъ: *гробъ повапленный* (не знаю даже—повапленный ли). Все тамъ превратилось въ одно только приличіе и въ одну форму. Ни въ чемъ нѣтъ *души*, не говорю уже религіи. Но что всего удивительнѣе,—что именно этою формою и этимъ приличіемъ все и держится, вся машина. Какъ я радъ, что вы подвизаетесь опять на литературномъ поприщѣ, въ славу Москвы и въ память усопшихъ! Это точно христіанское дѣло и я увѣренъ, что вы съ этимъ чувствомъ за него и принялись. *Его* *) теперь у насъ нѣтъ, но благодареніе всеблагому Богу, что есть еще Хомяковы и... право не знаю кого назвать вдругъ послѣ него. Помнится, у Лермонтова по временамъ вырывалось нѣчто могучее; были также стихи Кольцова; *все прочее* едва ли не погибло безвозвратно. Вашего *Петра* я также читалъ, и онъ разшевелилъ мою душу. Я даже плакалъ, когда читалъ. Путевыя ваши замѣтки также прелесть. Простота и истина,—что всего дороже на семъ свѣтѣ. Вообразите, что одинъ Верхнеудинскій уѣздъ заключаетъ въ себѣ сто шестьдесятъ три тысячи шестьсотъ восемьдесятъ одну квадратныхъ верстъ. А управляется исправникомъ и двумя или тремя засѣдателями, получающими какихъ-нибудь триста рублей жалованья въ годъ“.

Въ это время возвратился изъ чужихъ краевъ въ Варшаву П. А. Мухановъ и „принялся за русскую литературу“, отъ которой отсталъ во время своего пребыванія внѣ предѣ-

*) То-есть, Д. В. Веневитинова.

ловъ Отечества. „Хвала и честь *Москвитянину*“, писалъ онъ Погодину,—„въ особенности порадовали меня извѣстія о всемъ, что дѣлается у насъ на Св. Руси. На Дубровскаго теперь плохая надежда. Онъ самъ сдѣлался журналистомъ. Усердствуя для вашего *Москвитянина*, старался найти для васъ умнаго, трудолюбиваго корреспондента, и попеченія мои увѣнчались полнымъ успѣхомъ. У васъ есть корреспондентъ г. Софіано, чиновникъ дипломатической канцеляріи князя Варшавскаго,—очень добрый и дѣятельный молодой человѣкъ. Онъ служитъ въ одной и той же канцеляріи съ княземъ Волконскимъ, достойнымъ ученикомъ просвѣщеннаго Шевырева“.

Въ Харьковѣ доживалъ свои преклонные годы В. Н. Каразинъ, принимавшій нѣкогда, какъ мы видѣли, живое участіе въ изданіи *Московскаго Вѣстника*, и теперь, доживъ до *Москвитянина*, не остался и къ нему равнодушенъ. Посредникомъ между имъ и *Москвитяниномъ* явился, проживавшій въ Харьковѣ, И. Е. Бецкій. Погодинъ поручилъ послѣднему доставить Каразину письмо; но съ этимъ письмомъ случилась презабавная исторія, которую и описалъ Бецкій. „Не посѣщавши Каразина“, писалъ онъ Погодину,—„я не пошелъ самъ къ нему, а просилъ его стараго знакомаго передать ему письмо, чтобъ избавиться отъ лишняго знакомства. Но письмо ваше начиналось слѣдующимъ образомъ: „Честь имѣю представить вамъ *Москвитянина*, и пр. и пр.“—Журнала вашего Каразинъ еще не получалъ, и вовсе не зналъ объ его существованіи. Вотъ онъ и вообрази себѣ, что *Москвитянинъ*-то я!!! Онъ и пишетъ ко мнѣ записку, въ которой проситъ обѣдать. Я прихожу.—Послѣ обыкновенныхъ фразъ, онъ спрашиваетъ меня: „Скажите пожалуйста, какимъ образомъ вы меньшой сынъ Михаила Петровича, а *Московскій Вѣстникъ* вамъ съ родни?—Вы вѣрно участвовали въ немъ?“ Я признаюсь подумалъ, что попалъ къ сумасшедшему. Дѣло объяснилось, когда онъ показалъ мнѣ ваше письмо. Сцена была довольно забавная. Тому-то, можетъ быть, стало жаль

обѣда, — а мнѣ жаль потраченнаго времени. Я отвѣчалъ ему, что я въ самомъ дѣлѣ *москвичъ*, по *Москвитяниномъ* едва ли буду и на томъ свѣтѣ.—Только что хотѣлъ идти, старикъ опять на меня напалъ: „Да почему же вы мнѣ не принесли *Москвитянина?* Гдѣ же онъ? Вамъ вѣрно его прислалъ Михаилъ Петровичъ?“ Представить ему *Москвитянина* я не могъ, оттого что онъ и до сего дня не полученъ въ Харьковѣ.—Насилу могъ выбраться отъ него; онъ охотникъ, кажется, толковать, и страдаетъ тою же страстію, какою и азъ грѣшный,—записки писать. Я уже получилъ одну, въ которой онъ проситъ прочесть что-нибудь изъ моихъ трудовъ (!!).—Разсказывалъ мнѣ, какъ Александръ плакалъ съ нимъ, и какъ онъ плакалъ съ Александромъ, какъ поднесъ онъ ему на колѣняхъ прожектъ объ Университетѣ Харьковскомъ, о Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и пр. и пр., какъ потомъ засадили его въ Шлиссельбургскую крѣпость, „гдѣ свѣта Божьяго не видно... Много испыталъ я въ жизни... Мнѣ уже семьдесятъ лѣтъ... Занимала химія... Теперь пишу... (тутъ вручилъ онъ мнѣ листокъ *Харьковскихъ Вѣдомостей*) о новомъ заведеніи для образованія школъ для низшаго сословія... Почта въ Россіи скверная“... и пр. и пр.—Я уже не зналъ, что мнѣ отвѣчать, плакать ли вмѣстѣ съ нимъ, когда онъ плакалъ съ Александромъ и Александръ плакалъ съ нимъ,... написать ли ему оду, яко Іову, или притвориться такимъ ужъ болваномъ, чтобъ онъ отложилъ всякое попеченіе добиться отъ меня *сочувствія*.—Растолкуйте мнѣ пожалуйста, что это за вещь на свѣтѣ: *умные дураки*. Спереди уменъ, ученъ, ну просто геніальный человѣкъ... а повернется задомъ, такъ и кажется, что рехнулся немного. Я, впрочемъ, извлекъ пользу изъ моего посѣщенія: Каразинъ обѣщалъ мнѣ напечатать въ *Харьковскихъ Вѣдомостяхъ* объявленіе о *Москвитянинѣ* съ содержаніемъ первыхъ двухъ нумеровъ“. Въ этомъ же письмѣ Бецкій жалуется Погодину на неисправность доставки *Москвитянина*. „Какъ же тутъ“, пишетъ онъ,—„ожидать подписчиковъ въ провинціи, а вѣдь Россія велика и обильна,

хоть порядка въ ней нѣтъ. Главную денежную поддержку журналу должно ожидать отъ шерстяныхъ помѣщиковъ; если журналы получаются черезъ два мѣсяца, вотъ помѣщикъ и скажетъ: „нѣтъ, ужъ насъ не проведешь, подписывались мы на *Наблюдателя*, а получили только два нумера", и проч. При этомъ Бецкій разсказываетъ слѣдующій анекдотъ. Встрѣтившись съ какимъ-то господиномъ, онъ показалъ ему программу *Москвитянина* и сказалъ „подпишитесь дескать". Тотъ съ важностью началъ читать. „Да скажите пожалуйста"—отвѣчалъ строгій цѣнитель искусства,—„отчего это во всѣхъ этихъ программахъ *все одно и то же*? Должно быть заимствуютъ другъ отъ друга. Вѣдь въ нынѣшнемъ вѣкѣ все требуешь новаго; журналы же рѣшительно отстали отъ вѣка; ну вотъ и въ *Москвитянинѣ* опять старая пѣснь: *науки*, *поэзія*, *исторія*, *критика*... Пора бы уже господамъ журналистамъ оставить всѣ эти науки, стихи и романы, выдумали бы что-нибудь *новое*"... Изъ этого съ дипломатическою точностью переданнаго разговора", продолжаетъ Бецкій, „вы можете заключить, въ какія руки попадется подчасъ *Москвитянинъ*. Впрочемъ, я таки настоялъ, и этотъ господинъ подпишется. Онъ, собственно, принадлежитъ къ числу господъ разсуждающихъ; другой же просто махнетъ рукою и больше ничего не спрашивай".

Когда же Каразинъ получилъ настоящій *Москвитянинъ*, то писалъ къ его издателю: „Плѣняясь журналомъ вашимъ, я предполагаю непремѣнно вносить въ него кое-что изъ моихъ портфелей. На первый случай честь имѣю представить аутографъ великой Екатерины II. Прошу васъ литографировать хотя первый періодъ сего торжественнаго доказательства личныхъ трудовъ и благонамѣренности Великой Государыни. Исторія сего отрывка есть слѣдующая: Императрица, учреждая Коммиссію о Училищахъ, повелѣла прежде ея президенту, а потомъ и другому члену, написать руководство для воспитанниковъ, которое бы напечатано бывъ во множествѣ экземпляровъ, могло быть раздаваемо каждому отроку при его вступ-

леніи въ училище. Прочитавъ принесенные ей проекты, она ни тѣмъ, ни другимъ не осталась довольна. И, чтобы изъяснить, въ какомъ слогѣ написанною и какого содержанія она желала бы видѣть требуемую ею книгу, изволила немедленно взять перо, и въ полчаса, при краснѣющемъ президентѣ, котораго она между тѣмъ посадила въ своемъ кабинетѣ, написала *то,* что я вамъ препровождаю — съ грамматическими, конечно, ошибками, свойственными иностранкѣ, но въ духѣ Государыни, *Матери* своихъ Россіянъ. Слезы у меня текутъ въ сію минуту. Нѣтъ! мы, грамотѣи, не довольно цѣнимъ заслугъ величайшей изъ преемницъ Петровыхъ. Я имѣлъ еще счастіе видѣть признательность къ ней благодарнаго Русскаго Народа: я видѣлъ, какъ онъ ее, гуляющую на новой набережной, безчисленною толпою окружалъ, тѣснился вокругъ ея, забѣгалъ впередъ, чтобы взглянуть на свѣтлыя ея черты, и восклицалъ поминутно: „Матушка наша, Матушка!..“

XIII.

Весьма утѣшало и ободряло Погодина живое участіе, принимаемое въ его трудномъ дѣлѣ и такихъ писателей нашихъ каковы: Квитко, Даль и П. И. Мельниковъ.

„Что сказать вамъ“, писалъ ему Квитко,—„За *Москвитянина*? Сотни, тысячи спасибо? Мало, ничтожно противъ той пользы, которую онъ уже приноситъ и обѣщаетъ еще болѣе принести многимъ и во многомъ. Шествуйте впередъ не смущаясь и не огорчаясь, еслибы гдѣ и *забрехàла* шавка ничтожная. Цѣль ваша благородная, патріотическая; исполненіе прекрасно, отчетно; судьи, понимающіе дѣло, уже на вашей сторонѣ, а потому и побѣда несомнительна. Неужели не доживемъ до того вожделѣннаго времени, что вся эта крамола, возникшая отъ безпечности даровитыхъ, исчезнетъ какъ прахъ отъ благотворнаго вѣянія? И благомыслящіе, желающіе общаго блага, не насладятся удовольствіемъ увидѣть людей, искав-

шихъ одной корысти, хотя бы съ попраніемъ всего великаго, священнаго, посрамленныхъ, отчужденныхъ, презрѣнныхъ и принужденныхъ умолкнуть? О! дѣйствуйте, дѣйствуйте неутомимо, дѣйствуйте, какъ начали, и скоро достигнете цѣли для общаго блага и спокойствія, и утѣшенія желающихъ и ждущихъ сего блага. Мой низменный поклонъ почтенному вашему сотруднику и ревностному поборнику правды, Шевыреву". Когда же до Квитки дошло извѣстіе, что слухъ о намѣреніи Погодина прекратить *Москвитянинъ* несправедливъ, то онъ съ радостію писалъ ему: „Душевно благодарю васъ за утѣшительное извѣщеніе, что *Москвитянинъ* будетъ продолжаемъ вами и дѣятельнымъ сотрудникомъ вашимъ. О, да укрѣпитъ васъ Богъ въ благородномъ предпріятіи истребить плевелы изъ той нивы, гдѣ должно рости и прозябать все чистое, благородное, святое; нивы, обработываемой для того людьми свѣдущими, призванными, предвидящими, что̀ вредно собирать или сохранять въ житницѣ и что̀ именно и какую пользу принесетъ благородное дѣланіе. Зло такъ укоренилось, что восторженіе плевелъ едва ли поможетъ, нужно бы *сѣчь*, если хотите и по дѣтскому понятію, рубить, жечь, истреблять, искоренять, *да не когда* плевелы заглушатъ пшеницу, или размноженіемъ своимъ противъ всѣхъ усилій приведутъ въ ослабленіе ревность дѣлателей. Спрашивать мнѣнія публики, по чистому переводу—толпы, и дѣйствовать по нему, также возможно, какъ отыскать согласный аккордъ въ крикѣ разногласицы. Богъ съ нею, съ публикою! Идите своею дорогою, вами избранною, вами обработанною, не слушайте, вспомнивъ Арабскія сказки, кликовъ, воплей, писковъ, визговъ, старающихся васъ смутить; не забудьте, они кричатъ, или, правильнѣе, шипятъ *за вами*, позади васъ. Такъ *слѣдуя, достигнете* до цѣли, предназначенной себѣ и, кромѣ утѣшенія сердечнаго, что вы ревностно трудились для святаго дѣла, какое наслажденіе быть увѣренну, что и потомство скажетъ спасибо за ратоборство ваше при защищеніи цѣлости, чистоты, величкости Русскаго слова! Гдѣ нынѣ искать его? Въ сборникахъ, компилюемыхъ

школьниками, не умѣющими составить фразы и въ чванствѣ своемъ мнящими себя быть судьями, и полагающими, что мнѣнія ихъ уважаются, потому что толстые журналы наши расходятся тысячами. И точно—увы!—правда расходятся. Но если еще потворять шалунамъ и равнодушно смотрѣть, какъ они свои парши и шелуди разсыпаютъ въ міръ людской, то, смотрите, чтобы не успѣли во злѣ". Въ томъ же письмѣ, по адресу Шевырева, Квитко пишетъ слѣдующее: „Критика у васъ благородна, здорова, справедлива, право правяща слово истины. Опрятна тѣмъ, что удаляется всякаго кощунства, не является въ публику съ размалеванною смѣшными узорами рожею, не скалитъ зубовъ; и знавши дѣло въ совершенствѣ, не принимаетъ на себя диктаторскаго тона; указываетъ скромно, не крича: „совѣтуемъ, напоминаемъ". Не кидаетъ въ автора грязью. Между нами говоря: мудрое Правительство, въ отвращеніе такой крамолы, *признало* блюсти цензурѣ такое благочиніе, но какъ исполняется? Скоро дойдетъ по-русски: въ батюшку и матушку, а цензура поставитъ форменное дозволеніе и—будетъ тиснуто. Авторъ у васъ не выставленъ, одно сочиненіе судится. Справедливо одинъ сказалъ, что пишущій книги есть существо несчастное, подверженное самому рѣзкому, обидному посмѣянію даже въ личности, осмѣянію въ родѣ ругательства. Послѣдній пьянюжка, плутъ, не явленный мошенникъ, въ личности своей неприкосновененъ, судъ и расправа спѣшатъ къ защитѣ его; а бѣдный авторъ, жертвующій здоровьемъ, временемъ, состояніемъ, разруганъ, осмѣянъ, обезчещенъ печатно—гдѣ найдетъ защиту. По моему мнѣнію, невыносимое оскорбленіе для автора и то, когда не призванный въ судьи, не имѣющій никакого понятія о разбираемомъ предметѣ, школьникъ, не доучившійся Русской грамотѣ, могущій писать только афиши о театрѣ, устрицахъ, рестораціяхъ и прочемъ вздорѣ, дерзко принимается судить сочиненіе и осмѣливается кричать: мы совѣтуемъ, предлагаемъ автору!.. Съ завидною опрятностью ведетъ себя ваша критика и въ томъ, что и сама не пачкаетъ рукъ и не заставляетъ читателя за-

тыкать носъ, при разборѣ и переборѣ до послѣдней частицы грязнаго сочиненія, какъ дѣлаютъ другіе журналы: выставятъ всѣ мерзости и постараются прикрасить еще своими гадостями, думая тѣмъ *распотѣшить* публику. О, жалкіе!"

Любопытно также прослушать и мнѣніе Даля о *Москвитянинѣ*. „Это", писалъ онъ,—„первый журналъ, въ которомъ есть цвѣтъ, краска, видишь повременное изданіе, видишь, что издатель держался цѣли, маяка, знаешь, чего искать и ожидать, словомъ это завлекаетъ. Знакомить Русскихъ съ заморьемъ въ такомъ духѣ, какъ вы дѣлаете, знакомить Русскихъ съ Русью, это предметъ, это цѣль, это задача—и задача достойная. Къ сожалѣнію, я Шевырева знаю мало; не знаю, какъ ему покажется, если я осмѣлюсь высказать, что я думаю и чувствую, читая статью его; но я бы желалъ, чтобы все, что мнѣ и другимъ добрымъ людямъ удастся написать, было разобрано *такъ*. При такой критикѣ всякое самолюбіе, всякая личность становится поодаль, въ сторону, глядишь на произведеніе, а не на человѣка, сердце порывается къ истинно прекрасному, паритъ гораздо выше пресмыкающихся въ прахѣ. Разругай меня въ пухъ на этотъ ладъ и строй, и у меня не станетъ на критика ни одной капли желчи, я съ душевнымъ уваженіемъ протяну къ нему руку. Тутъ критикъ и сочинитель въ сторонѣ: тутъ на поприщѣ одно только *произведеніе* и олицетворенное *искусство*, изящное художество. Мы отвыкли отъ этого ладу. *Расхвалить* и *разругать* сдѣлались издавна техническими выраженіями нищенской критики *нашей* въ мишурныхъ галунахъ; критика—царь, но какого царя намъ доселѣ показывали? Намъ выводили на позоръ царя шпалернаго, съ короной и державой подъ сусальнымъ золотомъ, изъ-за котораго выглядывалъ, для *увеселенія* публики, балаганный шутъ, отъ котораго въ казарменныхъ представленіяхъ предостерегаютъ зрителей перваго ряда скамеекъ... Если вы прежде заглядывали въ журналы, то убѣдитесь, что во мнѣ не говоритъ обиженное самолюбіе; меня не *разругали*, сколько знаю и видѣлъ по крайней мѣрѣ, нигдѣ..."

По поводу предлагаемаго Погодинымъ гонорара по сту рублей за печатный листъ, Даль писалъ: „Издатели *Отечественныхъ Записокъ* люди добрые, прекрасные, я съ ними давно коротокъ, я готовъ былъ принести малыя силенки свои имъ на помощь также охотно, какъ теперь вамъ, они платятъ мнѣ двѣсти рублей за листъ, но я отсталъ потихоньку (между нами!), потому что желудокъ у меня не варитъ того духа, который управляетъ издателями. Сначала я писалъ къ нимъ, высказалъ чистосердечно все, что чувствовалъ и думалъ, что не идетъ благомыслящимъ, благороднымъ людямъ руководствоваться такими правилами, такимъ духомъ: это жалкое подражаніе барону Брамбеусу, жалкое тѣмъ, что оно невольное, безсознательное; не повѣрили, не могли или не хотѣли отстать; языкъ почти хуже, чѣмъ былъ въ *Библіотекѣ*; критика—хоть святыхъ выноси; крючки, придирки, личности... Безбожнымъ языкомъ переведенные романы въ пять, шесть томовъ печатаются сподрядъ—развѣ это журналъ?“ Вмѣстѣ съ тѣмъ Даль увѣряетъ Погодина, что авторское самолюбіе его очень не велико и ограничивается однимъ: „Отдай мнѣ“, пишетъ онъ,—„мое маленькое, но должное, и я полѣзу на ножъ за правду, за Отечество, за Русское слово, языкъ, за все истинное и изящное. Вслухъ я подобной вещи не скажу... но въ письмѣ, которое читать будутъ только жена моя и люди, съ которыми я теперь говорю, Погодинъ и, можетъ быть, Шевыревъ“.

XIV.

Ознакомившись съ программою и первыми нумерами *Москвитянина*, Павелъ Ивановичъ Мельниковъ выразилъ полную готовность быть его сотрудникомъ. „Судя по программѣ и первымъ двумъ книжкамъ вашего *Москвитянина*“, писалъ онъ,—„я полагаю, что главная цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы познакомить Русскихъ съ Русью и съ ихъ братьями—Словенами Западными. Желая быть сколько могу полезнымъ къ до-

стиженію вами этой высокой цѣли, я посылаю вамъ четыре статьи, изъ которыхъ одна можетъ нѣсколько познакомить читателей *Москвитянина* съ отдаленнымъ краемъ Европейской Россіи и двѣ съ поэзіею старинныхъ Чеховъ. Быть можетъ я былъ такъ счастливъ, что статьи мои, помѣщенныя въ *Отечественныхъ Запискахъ*, обратили на себя ваше просвѣщенное вниманіе. Изъ нихъ вы могли видѣть предметы моихъ занятій. Теперь мои работы состоятъ въ слѣдующемъ: я продолжаю *Исторію Суздальско - Владимірскаго Великаго Княжества*, оканчиваю *Персію при Сассанидахъ*, сочиненіе, составленное по Восточнымъ, Греческимъ, Латинскимъ и Армянскимъ авторамъ и—перевожу *рукопись Краледворскую.* Составленіе Чешской грамматики для Русскихъ, сочиненіе народной повѣсти Володиміръ Красно Солнышко и очерковъ провинціальной жизни—суть мои второстепенныя занятія. Если я могу быть сколько-нибудь полезнымъ для *Москвитянина*, то сочту себѣ за особенную честь быть постояннымъ вашимъ сотрудникомъ. Позвольте просить васъ объ увѣдомленіи, желаете ли вы принять мое сотрудничество. Какъ скоро получу я это увѣдомленіе, я пришлю вамъ окончаніе поѣздки въ Кунгуръ и еще кое-что. При принятіи литератора въ сотрудники, господа журналисты обыкновенно обращаютъ вниманіе на литературныя условія. Поэтому я предлагаю вамъ свои: не смотря на то, что я человѣкъ очень небогатый—*за деньги я не пишу*. Такъ дѣлалъ и дѣлаю я и съ А. А. Краевскимъ, съ которымъ впрочемъ у насъ сверхъ этого существуютъ отношенія короткаго знакомства. Отъ гонораріа, котораго я попрошу отъ васъ—вы вѣроятно не откажетесь: онъ состоитъ въ безденежной присылкѣ *Москвитянина* (одинъ экземпляръ разумѣется) на мое имя. Само собой разумѣется, что, сдѣлавшись вашимъ сотрудникомъ, я буду сообщать вамъ и всѣ Нижегородскія новости. Если угодно—я составлю вамъ описаніе Древностей Нижегородскихъ“ [55]).

Наконецъ слухъ, впрочемъ весьма смутный, о явленіи въ свѣтъ *Москвитянина* дошелъ и до Фрейвальдау, откуда при-

кованный къ одру болѣзни О. М. Бодянскій писалъ (3 февраля 1841 года) Погодину: „Я очень радъ появленію вашего *дневника*; но скажите пожалуйста: какъ его имя? Право, одни зовутъ его *Москвичемъ*, съ придачей *Кремлевскаго сторожа*, другіе напротивъ полулатинскимъ именемъ *Москвитяниномъ*. Но мнѣ первое лучше, или же если послѣднее, то *Московитъ*. Ужь давно нуждались мы въ дневникѣ добросовѣстномъ, сколько это возможно для существъ страстныхъ, дневникѣ, издаваемомъ не торгашами, выходцами, пройдохами и *перевертнями*, для которыхъ *пенязи-князи*, а *помози бозе и васимъ и насимъ*, какъ говорятъ дѣти Израиля—основный камень и послѣдняя высшая цѣль ихъ стремленія, ихъ Палестина, vita vitalis, punctum saliens, но людьми извѣданной учености, свѣдѣній, доказанныхъ самимъ дѣломъ, испытаннаго честнаго характера, занимающихся имъ съ любовію, съ увлеченіемъ, ухаживающихъ за нимъ, какъ мать за своимъ единцемъ. Конечно *достоинъ дѣлатель мзды своея*, но пускай же эта мзда не составляетъ уже планетной оси, вокругъ которой все должно вертѣться, какъ вертится эта планета — журналистъ - ростовщикъ. Вы знаете: *служай алтарю да отъ алтаря и питается*, но не слѣдуетъ дѣлать жертвенника Богу нашей дойной коровой. Итакъ, я увѣренъ, что вы съ этими, а не другими мыслями выплываете на треволненное море журналистики, иначе были бы вы не вы, или же я худо бы зналъ васъ. Быть не можетъ, чтобы вы не имѣли сотрудниковъ: всѣ честные, благонамѣренные, любящіе словесность, вѣдѣнія, искусства и т. д. не изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ, но для нихъ самихъ, всѣ истинно Русскіе писатели умомъ и дѣломъ предложатъ вамъ свои братскія услуги, руку помощи, потянутъ вмѣстѣ съ вами къ цѣли высокой, благородной—освобождать Русскую письменность отъ *находниковъ* Варягъ, нехристей Татаръ, беззаконной Литвы и безмозглыхъ Ляховъ, однимъ словомъ *насильниковъ Руси*. Я убѣжденъ, что теперешній вашъ дневникъ перегонитъ покойнаго *Московскаго Вѣстника*, хоть и тотъ въ свое время много и много дѣльнаго, вѣщаго намъ

приносилъ. Десять лѣтъ въ жизни человѣка право не бездѣлица. Ваша *правая рука* *) извѣданной упругости и ловкости, десница мощная и вѣрная въ пріемахъ и ударахъ. Со временемъ, надѣюсь и вы не откажете мнѣ стать, по крайней мѣрѣ, ошуюю васъ и тѣмъ сколько—столько содѣйствовать общему благу. Если Господь позволитъ мнѣ возстать отъ одра болѣзни, вы найдете во мнѣ одного изъ самыхъ надежныхъ и постоянныхъ сотрудниковъ *по моей части* **), которая, кажется, будетъ для нашихъ соотечественниковъ не послѣдней занимательности и, увѣренъ, мало-по-малу возбудитъ живое и долгое участіе" [56]).

Нѣкто, скрывшій свое имя, подъ иниціалами *А. А-їй*, въ письмѣ своемъ къ Погодину дѣлаетъ такую характеристику *Москвитянину*: „До сихъ поръ у насъ не было журнала съ направленіемъ чисто Русскимъ, безъ примѣси чужеземной премудрости. Если скучно слышать смѣсь нарѣчій Французскаго съ Нижегородскимъ въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ: какое жъ удовольствіе читать въ Русскомъ журналѣ большею частію переводныя статьи, а критику или наряженную по послѣдней Парижской модѣ, или закутанную въ идеально-туманную философію Нѣмцевъ. Будто у насъ нѣтъ своего ума, своего чувства, своего религіознаго направленія!.. Нынче уже и въ высшемъ нашемъ обществѣ стали понимать цѣну Русскаго языка и забывать Французское пустословіе. Хоть до сихъ поръ таятся кой-гдѣ остатки прежняго зараженія иноземщиною; но вѣдь это только остатки болѣзни, а не самая болѣзнь. Быть можетъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ чистыхъ понятій не многихъ, но положительныхъ мыслителей на Русской почвѣ, нравственное здоровье нашего общества поправится, и новое поколѣніе, настроенное духомъ вашего ученія и убѣжденіемъ, такъ рѣзко высказаннымъ въ вашемъ журналѣ, смѣло пойдетъ по прямой дорогѣ, проложенной мудрымъ и заботливымъ нашимъ Правительствомъ. До сихъ

*) То-есть, Шевыревъ.
**) См. Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1892 г. V, 98.

поръ Историческіе и Литературные матеріалы Русской земли составляли въ другихъ журналахъ второстепенный отдѣлъ. Въ вашемъ журналѣ совсѣмъ другое направленіе, противоположное съ старымъ; и потому читающая публика раздѣлилась на двѣ партіи: одна держитъ вашу сторону, а другая вопіетъ противъ васъ. Но—*exspectandum est, donec lux adveniat* [57]).

XV.

Когда еще только слухъ объ изданіи *Москвитянина* достигъ *Отечественныхъ Записокъ*, то тамъ писали: „Въ Москвѣ издается съ нынѣшняго года новый журналъ *Москвитянинъ*. Главный редакторъ его Погодинъ, главный сотрудникъ Шевыревъ. Не беремся пророчить о судьбѣ новаго изданія, но смѣло можемъ поручиться, что онъ есть предпріятіе честное, добросовѣстное, благонамѣренное, чисто литературное и нисколько не меркантильное; что у него будетъ своя мысль, свое мнѣніе, съ которымъ можно будетъ соглашаться и не соглашаться, но которыхъ нельзя будетъ не уважать; противъ которыхъ можно будетъ спорить, но съ которыми нельзя будетъ браниться“. Въ томъ же духѣ отозвались въ *Отечественныхъ Запискахъ* и о первой книжкѣ *Москвитянина*. „Полученная здѣсь первая книжка“, читаемъ тамъ,—„вполнѣ оправдываетъ ожиданія, возлагавшіяся тѣми, кому извѣстны были свѣдѣнія, дарованія и добросовѣстность его редакторовъ. Желаемъ отъ всего сердца, чтобы этотъ единственный въ Москвѣ журналъ былъ принятъ Русскою публикою такъ же радушно, какъ онъ заслуживаетъ того по своей добросовѣстности и честному литературному характеру, чуждому всякихъ меркантильныхъ разсчетовъ и спекуляцій на легковѣріе публики“ [58]). Даже самъ И. И. Панаевъ искренній приверженецъ западниковъ писалъ Погодину: „*Москвитянинъ* здѣсь чрезвычайно всѣмъ нравится, первый нумеръ заинтересовалъ всѣхъ, втораго ждутъ

съ нетерпѣніемъ,—а мы всѣ желаемъ вамъ отъ всего сердца тысячи четыре подписчиковъ“ [59]).

Но эти доброжелательныя чувства *Отечественныхъ Записокъ* къ *Москвитянину* продолжались недолго, вскорѣ они смѣнились иными чувствами, кипѣвшими непримиримою враждой.

Православно-Русское направленіе *Москвитянина* съ особенною силою и самоотверженіемъ проповѣдывалъ почтенный Шевыревъ. Вступая на поприще критика въ *Москвитянинѣ*, Шевыревъ взываетъ къ *Музѣ, мысли и вкусу*, „да охранитъ“ она его критику „отъ тяжелой безсмыслицы неопредѣленныхъ и годныхъ на все теорій, отъ зѣвоты длинныхъ, сухихъ, утомительныхъ пересказовъ, и наконецъ отъ площаднаго хохота и шутовства, которые позволительны только въ самыхъ темныхъ закоулкахъ литературнаго міра“. [60]). Разбирая всѣ примѣчательныя произведенія текущей литературы, Шевыревъ вступилъ въ ожесточенную войну съ *Отечественными Записками* и Бѣлинскимъ, какъ прежде въ *Московскомъ Вѣстникѣ* съ *Московскимъ Телеграфомъ* и Полевымъ, а въ *Московскомъ Наблюдателѣ* съ *Библіотекою для Чтенія* и Сенковскимъ. „Война съ *Отечественными Записками*“, повѣствуетъ Погодинъ,—„сдѣлалась еще ожесточеннѣе. Мы не могли простить Бѣлинскому дерзкихъ и невѣжественныхъ выходокъ противъ Словенъ, противъ Древней Русской Исторіи, противъ Русскихъ писателей прошедшаго столѣтія, противъ началъ Русской жизни“ [61]).

Но гласъ Шевырева не былъ гласомъ вопіющаго въ пустыни. „Что Шевыревъ и *Москвитянинъ*?“, писалъ Вигель Хомякову,—„не знаю, что они тамъ, но здѣсь они въ большой чести и славѣ. Всѣ друзья литературы, не принадлежащіе къ литературнымъ партіямъ, единогласно находятъ, что *Москвитянинъ* единственный журналъ, который можно у насъ читать; на статьи же Шевырева указываютъ какъ на образцы вѣрныхъ наблюденій, безпристрастныхъ сужденій и учтиваго тона. Сказать ли вамъ правду? Вы всѣ, господа, не пророки въ родимой вашей Москвѣ; ей нужны плѣшивые лжепророки *).

*) Чаадаевъ.

За то послушали бы вы здѣсь: новый графъ Блудовъ раза три посылаетъ въ книжную лавку за послѣднимъ нумеромъ *Москвитянина* и сердится, что онъ долго не выходитъ; ваши имена гремятъ здѣсь между всѣми, кто только знаетъ Русской грамотѣ. Но никто не подозрѣваетъ тлѣющаго во тьмѣ въ углу старой Басманной сенъ-симонизма: когда случится назвать Московскаго Анфантеня, всѣ спрашиваютъ: кто бишь это такой?" Критика Шевырева была оцѣнена по достоинству и самимъ княземъ П. А. Вяземскимъ. „Умомъ и сердцемъ", писалъ онъ Шевыреву,—„благодарю васъ за статью о Пушкинѣ. Читая такія статьи, перестаешь отчаяваться въ Русской литературѣ и отдыхаешь отъ падающихъ на насъ обваловъ *громадныхъ критиковъ* нашихъ" [62]).

Извѣстно, что *Отечественныя Записки,* благодаря Бѣлинскому, получили самостоятельное значеніе. Нѣкоторые изъ друзей Бѣлинскаго принимали участіе въ *Отечественныхъ Запискахъ* и ранѣе его, но только съ вступленіемъ Бѣлинскаго этотъ журналъ вполнѣ сталъ органомъ Московскаго Западнаго кружка. „Бѣлинскій", по свидѣтельству его біографа,— „былъ въ это время совсѣмъ не тотъ, какимъ былъ въ Москвѣ. Его тогдашній (то-есть, Московскій) консервативный идеализмъ могъ бы помириться съ издателями *Москвитянина.* Теперь, когда Бѣлинскій достигъ своего новаго образа мыслей, враждебное противорѣчіе между имъ и Погодинымъ съ Шевыревымъ возросло до послѣдняго предѣла. *Москвитянинъ* явился представителемъ цѣлаго взгляда; смыслъ этого взгляда состоялъ *въ превознесеніи той дѣйствительности,* которую съ такимъ негодованіемъ отвергалъ теперь Бѣлинскій, *въ возвеличеніи порядковъ,* въ которыхъ онъ видѣлъ чистое зло, *въ поклоненіи преданіямъ,* за которыми Бѣлинскій оставлялъ только ихъ историческое мѣсто. Съ перваго раза *Москвитянинъ* заявилъ свою тенденцію самымъ рѣшительнымъ образомъ, провозгласивъ противоположность Востока и Запада. Востокъ надѣленъ былъ всѣмъ величіемъ Исторіи и настоящаго, Западъ обреченъ гніенію. Невозможно было поставить

вопроса Русской жизни и образованности болѣе враждебно всему, что было убѣжденіемъ и упованіемъ Бѣлинскаго и его друзей".

Столкновенія *Москвитянина* съ *Отечественными Записками* начались съ перваго же года существованія перваго [63]). Исполняя желаніе Погодина, Ѳ. Н. Глинка напечаталъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* статью о *Москвитянинѣ*. Въ этой статьѣ онъ весьма одобряетъ мысль Шевырева, что Западъ похожъ на человѣка, который *носитъ въ себѣ заразительный недугъ*, и заключаетъ свою статью слѣдующими словами: „Можетъ ли на твердомъ основаніи существовать поэзія, когда у нея отнимаютъ лучшее изъ правъ ея поучать? Едва ли не дожили мы уже до того, что мнѣніе, которое передавалось шопотомъ, произносится вслухъ. Смѣлѣе приподымая маску, уже начинаютъ проповѣдывать, что поэзія должна быть безъ нравоученія, философія безъ вѣры! Посмотримъ, куда придемъ мы съ поэзіею безнравственною, съ философіею безвѣрною!" [64]). Прочитавъ эти строки, Бѣлинскій взволновался. „Какъ можно", писалъ онъ, — „писать и печатать подобныя вещи въ 1841 году отъ Р. Х.? Европа — изволите видѣть — окружена атмосферою опаснаго дыханія, полна скрытаго яда; она будущій трупъ, который уже пахнетъ; въ ней развращено воображеніе, развращена мысль, испорчены соки!!! Помилуйте! Да вѣдь это хула на науку и на искусство, на все живое, человѣческое, на самый прогрессъ человѣчества!.. Пора бы, право, перестать извергать такія хулы на Европу и на нашъ великій XIX вѣкъ. Господи Боже мой! Да неужели мы ѣздимъ въ Европу для того только, чтобы заражаться ядовитымъ дыханіемъ этого будущаго трупа? Неужели юноши наши, безпрерывно отправляемые, на счетъ нашего мудраго и просвѣщеннаго Правительства, за границу, возвращаются оттуда никуда негодными, и изъ нихъ не выходятъ Брюловы, Бруни, Басины, — или не превращаются они въ отличныхъ университетскихъ преподавателей, которые живымъ знаніемъ своимъ, въ этой же Европѣ пріобрѣтеннымъ, затмѣваютъ другихъ, не знающихъ Европы, или если и глядѣвшихъ на нее, то видѣвшихъ все кверху но-

гами?.. Сужденіе г. Глинки есть только повтореніе того, что во всѣ вѣка проповѣдывали люди стараго поколѣнія новому".

Между тѣмъ въ Москвѣ вышла книжка *Малолѣтокъ, кормилецъ престарѣлаго, обнищавшаго отца своего, или чистое родительское благословеніе* (1841), сочиненіе извѣстнаго Александра Анфимовича Орлова. Бѣлинскій, находясь подъ впечатлѣніемъ статьи Ѳ. Н. Глинки, разбирая эту книжечку, возсталъ противъ воззрѣнія, что *поэзія есть нравственность, а нравственность есть поэзія.* „Если", замѣчаетъ Бѣлинскій,— „сочинитель не пилъ вина даже за обѣдомъ, не бралъ въ руки картъ, кухарку свою держалъ въ почтительномъ отъ себя отдаленіи, тогда вы заключаете: означенный сочинитель есть поэтъ". При этомъ Бѣлинскій лично задѣлъ и Ѳ. Н. Глинку. „Да", пишетъ онъ,—„нравственность есть поэзія, поэзія есть нравственность. *Нравственный* поэтъ нашъ, Ѳ. Н. Глинка, того же мнѣнія. Въ одномъ изъ нумеровъ весьма нравственной газеты *Московскія Вѣдомости* онъ помѣстилъ очень нравственную статью о торжествѣ нравственности и поэзіи, привязавъ это нравственное сужденіе къ самой нравственной цѣли: похвалѣ журнала *Москвитянина*, въ которомъ онъ участвуетъ. Намъ остается душевно пожалѣть, что Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька такой прекрасный, нравственный человѣкъ, никогда не бралъ пера въ руки—вѣроятно отъ застѣнчивости. Какихъ изящныхъ созданій должно было ожидать отъ человѣка, который въ сорокъ лѣтъ сохранилъ свою невинность, стыдился говорить съ персоной женскаго пола... Необыкновенный человѣкъ! Многаго лишилась въ немъ изящная Русская Литература! Есть, однакожъ, противники общаго мнѣнія... Къ числу такихъ противниковъ принадлежатъ Жуковскій и Крыловъ. Первый... ясно высказалъ, что можно быть справедливымъ судьею, искуснымъ полководцемъ, истиннымъ поэтомъ—и не быть истинно добрымъ, и на оборотъ...; а второй дерзнулъ даже замѣтить:

По моему ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй" [65]).

Эта статья Бѣлинскаго глубоко возмутила и „встревожила“ М. А. Дмитріева, который предложилъ Погодину „написать офиціальную бумагу и подписать ее всѣмъ противъ правилъ, проповѣдуемыхъ *Отечественными Записками*“. На это предложеніе Погодинъ замѣтилъ: „Все это вздоръ, и я не понимаю, какъ слабы эти религіозные люди, смущаясь подобными выходками дряни и сволочи“. Но Дмитріевъ не успокоивался. „Къ Дмитріеву“, пишетъ Погодинъ,—„который топорщится за Глинку и говоритъ даже дерзости“... [66]). Съ своей стороны и Шевыревъ, задѣтый тоже Бѣлинскимъ, писалъ Погодину: „Выходка противъ Глинки гадка: за нее надо высѣчь Бѣлинскаго. Слѣдовало бы тебѣ напечатать нѣсколько строкъ отъ своего имени, чтобы дать только *окликъ* на пьяницу Бѣлинскаго, чтобы не обижалъ честныхъ людей, и на *Отечественныя Записки*, чтобы не позволяли у себя такихъ выходокъ противъ людей, которые кромѣ литературнаго имени ограждены противъ нахальныхъ нападеній нравственнымъ достоинствомъ“. Но Погодинъ уклонился вступать въ личное состязаніе съ Бѣлинскимъ, а потому въ защиту Ѳ. Н. Глинки и себя принужденъ былъ выступить Шевыревъ, не подписавши, впрочемъ, подъ статьею *Къ Отечественнымъ Запискамъ* своего—имени. „Кто-то, не подписавшій своего имени“, писалъ онъ, „по случаю какой-то книжки, приводя изъ нея чувства любви сыновней, весьма похвальныя, разговорился вдругъ тономъ самымъ неприличнымъ о поэзіи и нравственности и осмѣлился самымъ пошлымъ намекомъ бросить клевету на извѣстнаго писателя Ѳ. Н. Глинку, обвинить его въ томъ, что онъ печатаетъ похвалу журналу, въ которомъ принимаетъ участіе корыстное. Ѳ. Н. Глинка, хотя и украшалъ безмездно своими произведеніями страницы *Москвитянина*, но никакого иного участія въ журналѣ не принимаетъ“. Въ заключеніе Шевыревъ писалъ: „Мы уважали *Отечественныя Записки* за ихъ благонамѣренность, хотя и не одобряли ихъ мнѣній, философскихъ и критическихъ, и часто негодовали на образъ сужденій о нашей старой литературѣ; мы уважали дѣятельность издателя,

уважали многихъ сотрудниковъ; потому-то намъ было крайне жаль видѣть, что какой-нибудь журнальный писака, навеселѣ отъ Нѣмецкой Эстетики, которой самъ за незнаніемъ Нѣмецкаго языка не читалъ, а объ которой только слышалъ, и то въ искаженномъ видѣ изъ третьихъ устъ,—что такой непризванный судья, развалившись отчаянно въ креслахъ критика, и размахавшись борзымъ перомъ своимъ, всенародно осмѣливается въ этомъ журналѣ праздновать шабашъ поэзіи и нравственности, и забывъ всѣ приличія, извергаетъ насмѣшки и клевету на писателя, огражденнаго отъ подобныхъ оскорбленій мнѣніемъ литературнымъ и общественнымъ" [67]).

Но кромѣ Дмитріева и Шевырева, горячимъ защитникомъ и почитателемъ Ѳ. Н. Глинки явился университетскій товарищъ Погодина, житель Воронежа, Баталинъ, который, однако, въ молодости былъ, какъ говорятъ Французы, esprit fort. Въ это время Ѳ. Н. Глинка пребывалъ въ Воронежѣ для поклоненія мощамъ святителя Митрофана. „Здѣсь", писалъ Баталинъ Погодину,—„теперь живетъ на богомольи солнце Россійской поэзіи Ѳ. Н. Глинка, предъ коимъ всѣ эти жалкіе Пушкины, Кольцовы, Щепкины, Тряпицыны съ братіею, меньше нежели тѣнь предъ свѣтомъ, а просто выгорки". Въ другомъ письмѣ Баталинъ писалъ: „Вы очень предубѣждены противъ моихъ стиховъ; между тѣмъ, посмотрите въ *Отечественныя Записки*, какіе жалкіе мужицкіе стихи Кольцова помѣщаются, надъ которыми онъ самъ смѣется, просто гиль, ни риѳмъ, ни связи. Я написалъ преострую критику на *Отечественныя Записки*, гдѣ защищаю Ѳ. Н. Глинку". Но Погодинъ, относясь довольно равнодушно и даже опасливо къ полемикѣ, возникшей по поводу Глинки, не далъ ходу „преострой критикѣ" Баталина, и сей послѣдній писалъ: „Жалѣю, что вы хворали, а всему причина страсть къ наукамъ. Что касается до меня, то я давно охладѣлъ къ этой Вавилонской работѣ: у всякаго свой взглядъ на вещи. Ежели вы не захотите оскорбить Краевскаго помѣщеніемъ моей піесы *Знай нашихъ*, по крайней мѣрѣ про-

читайте ее душевно чтимому мною поэту Ѳ. Н. Глинкѣ и попросите напечатать ее въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*“ [68]).

Между тѣмъ уязвленный Шевыревымъ Бѣлинскій не замедлилъ отвѣчать *Москвитянину*. „Мы имѣемъ“, писалъ онъ,— „полное право спросить: Какъ осмѣлился какой-то журнальный писака, спрятавшій свою физіономію подъ кривыми и угловатыми литерами NN, какъ осмѣлился, говоримъ, этотъ журнальный борзописецъ, забывъ всѣ приличія, извергнуть безсмысленную хулу, клевету и оскорбленія на журналъ, который самъ не могъ не назвать *благонамѣреннымъ*. Мы имѣли бы право спросить: какъ могъ человѣкъ до такой степени забыться, до такой степени раздружиться со всевозможными общественными и литературными приличіями, чтобъ, размахавшись *борзымъ* перомъ своимъ, написать и—что всего непостижимѣе—напечатать самую нелѣпую клевету, приписавъ *Отечественнымъ Запискамъ* обвиненія г. Глинки *) въ томъ, въ чемъ онѣ никогда не думали обвинять его, и сказавъ, съ неслыханною дерзостію, безъ всякихъ доказательствъ. Мы надѣялись“, заканчиваетъ Бѣлинскій свой отвѣтъ,— „что будемъ уважать *Москвитянина* за его благонамѣренность, хотя и не одобряли его мнѣній, философскихъ и критическихъ; мы уважали дѣятельность его издателей; уважали нѣкоторыхъ изъ его сотрудниковъ;—потому-то намъ было крайне жаль видѣть, что какой-нибудь журнальный писака, *навеселѣ* (въ восторгѣ), только ужъ не отъ Нѣмецкой Эстетики, о которой онъ, видно, и не слыхивалъ, въ противномъ случаѣ былъ бы поблагопристойнѣе,—что такой непризванный судья, развалившись отчаянно на креслахъ критика и размахавшись борзымъ перомъ своимъ, всенародно осмѣливается въ этомъ журналѣ праздновать шабашъ истины и нравственности, и, забывъ всѣ приличія, извергать клевету на журналъ, огражденный отъ подобныхъ оскорбленій мнѣніемъ литературнымъ и общественнымъ“ [69]). Хотя питомецъ Погодина Ѣецкій и писалъ своему

---

*) То-есть, въ участіи съ корыстною цѣлію въ *Москвитянинѣ*.

наставнику, что „статьи Бѣлинскаго и *статьи критическія Краевскаго* (sic) для меня имѣютъ живой интересъ“, что „у нихъ какое-то поэтическое чутье, онѣ понимаютъ красоту“, но тотъ же Бецкій писалъ и слѣдующее: „Читаю, слушаю, и все болѣе вижу недостатокъ религіи въ обществѣ XIX вѣка. Не говорю уже о томъ нелѣпомъ, безсознательномъ безбожіи нашей молодежи“.

Какъ нѣкогда графъ Д. И. Хвостовъ оказывалъ особое вниманіе *Московскому Вѣстнику*, такимъ же вниманіемъ сталъ пользоваться новорожденный братъ его *Москвитянинъ* со стороны князя П. И. Шаликова. „Забудьте о неудовольствіи“, писалъ онъ Погодину,—„своемъ на меня, источникомъ котораго былъ одинъ изъ собратій вашихъ, сказавшій, будто вы напечатали гдѣ-то, что я послѣдняя спица въ колесницѣ, это было тѣмъ для меня прискорбнѣе, что я нѣкогда отозвался о произнесенной вами въ университетѣ рѣчи со всею похвалою, которую она заслуживала. „При томъ же вы знаете, какъ раздражительны чада Аполлоновы; а я знаю, что вы не злопамятны, и потому прошу васъ убѣдительно дать стихамъ моимъ мѣстечко въ своемъ прекрасномъ журналѣ, какого у насъ давно, давно не было. Честь и слава Москвѣ! Достойный сынъ ея торжествуетъ надъ завистливымъ, надъ корыстолюбивымъ, надъ двуличнымъ *дядею своимъ, г. Петербургомъ* (sic), котораго литературныя чада не стоятъ подчасъ иныхъ наемщиковъ. Если вы ободрите меня помѣщеніемъ этой безделки, то я пришлю къ вамъ нѣчто поважнѣе — статью, за которую удостоенъ отъ его сіятельства графа Сергія Григорьевича Строганова лестной благодарности и которую онъ совѣтуетъ мнѣ отдать въ журналъ: для этой статьи *Москвитянинъ* былъ бы всего приличнѣе, ибо рѣчь идетъ о Русскомъ языкѣ, а Московскій Университетъ положилъ на него печать, долженствующую охранять его отъ варварскихъ нашествій“. Отвѣтъ Погодина успокоилъ князя Шаликова, и послѣдній писалъ ему: „Какъ мнѣ было пріятно читать, что терпѣть не можете сплетней, которыхъ и я ненавижу до того, что убѣгаю любителей ихъ,

какъ чумы, и при встрѣчѣ стараюсь скорѣе разойтись, чтобы не услышать какого-либо словца изъ поганыхъ устъ" [70]).

Между тѣмъ С. Д. Нечаевъ, устроивъ 2 апрѣля 1841 года концертъ въ пользу нищихъ, на которомъ играла на арфѣ Марья Даниловна Кубитовичева [71]), писалъ Погодину: „Мнѣ желалось, чтобъ вы сами посѣтили мой концертъ, отдали справедливость Русскому генію Алябьеву и о доброй его жертвѣ упомянули въ книжкѣ, гдѣ такъ счастливо соединяете все для насъ родное. Князь Шаликовъ умиралъ отъ восторговъ; на другой же день прислалъ, по своему обычаю, похвальные стихи, и теперь изъявляетъ желаніе видѣть ихъ въ вашемъ *Москвитянинѣ* [72])". Описаніе этого концерта было напечатано въ *Москвитянинѣ* и въ заключеніи статьи сказано: „извѣстный нашъ ветеранъ, князь П. И. Шаликовъ, тотчасъ написалъ стихи:

Какой союзъ добра, талантовъ и веселья и пр. [73]).

Въ благодарность за напечатаніе стихотворенія князь Шаликовъ присылаетъ Погодину обѣщанную прозаическую статью [74]) *О литературномъ размежеваніи* съ посвященіемъ „Питомцамъ Московскаго Университета, положившаго печать совершенства на Русскій языкъ". Статья эта начинается такъ: „*Каждая литература чрезполосное владѣніе*, нѣкогда сказано въ *Сѣверной Пчелѣ*; а мы, воспользовавшись сею новою апоѳегмою, скажемъ: увы! наша литература, кажется, навсегда размежевалась съ богатыми владѣльцами минувшаго времени къ чувствительному для себя убытку, ибо оставила за собою одни только низменныя поля, одни только пески зыбучіе, одни только болота неосушимыя, столь зловредныя для слабаго юношества литературнаго" [75]).

XVI.

Начавъ издавать *Москвитянинъ*, Погодинъ осуществилъ свою давнишнюю мысль и учредилъ книжную лавку. Онъ также

мечталъ и основать типографію. „Погодину непремѣнно хочется“, писалъ преосвященный Иннокентій Максимовичу, — „завести лавку и типографію; пишетъ и проситъ позволенія издать мои проповѣди. — Что мнѣ дѣлать? — Условіе отдаетъ на мою волю; а мнѣ придется отдать на его“ [76]). И дѣйствительно, въ 1841 году, Погодинъ издалъ въ Москвѣ *Страстную Седмицу*.

Къ предпріятію Погодина завести книжную лавку и типографію весьма сочувственно отнесся Максимовичъ. „Мнѣ чрезвычайно отрадно“, писалъ онъ, — „было слышать, что ты предпринимаешь учредить книжную лавку и типографію въ Москвѣ. Самъ Господь тебя надоумилъ на это дѣло, которое и для тебя самого будетъ выгодно и прибыльно; да и для нашей братіи, пишущихъ провинціаловъ, выгодно также и въ матеріальномъ и психическомъ смыслѣ; ибо не будемъ по крайней мѣрѣ чувствовать обидной необходимости быть въ сношеніяхъ съ ракаліями, при которыхъ невольно оскорбляется твое внутреннее достоинство. Петербургскіе торгаши литераторы и несчастные А. А. Орловы и Голоты сдѣлали то, что наши книгопродавцы и въ усъ не дуютъ и считаютъ въ зависимости у себя писателей. — Бога ради скорѣе печатай *Москвитянина* въ Погодинской типографіи, — продавай свои и наши книжки въ своей книжной лавкѣ, и, коли дѣло пойдетъ хорошо, я наймусь у тебя быть прикащикомъ: безъ ногъ поневолѣ буду сидѣть безвыходно, лишь бы комната была теплая, да супомъ хорошимъ кормила бы меня твоя хозяйка. Но до того времени пока отдохну у себя на Горѣ на просторѣ поднебесномъ“.

Въ то же время Погодинъ возмечталъ сдѣлать роскошное изданіе проповѣдей Московскаго митрополита Филарета.

Но къ стремленію Погодина шествовать по стопамъ Новикова весьма недовѣрчиво отнесся Загряжскій и по этому поводу написалъ ему слѣдующее замѣчательное письмо: „Еслибы я видѣлъ въ открытіи тобою книжной лавки, что ты дѣйствительно хочешь идти по слѣдамъ Новикова, я бы сказалъ

тебѣ, да благословитъ Господь, но откровенно скажу тебѣ—я этого не вижу. Начало твоего торговаго поприща совершенно противоположно Новиковскому. Ты хочешь начать съ роскошнаго изданія проповѣдей Филарета, Новиковъ такъ не поступалъ; роскошныя изданія доступны только людямъ роскошнымъ, а ихъ немного; какимъ же образомъ ты этимъ составишь оппозицію вредному чтенію; люди грамотные—но бѣдные, а они-то и составляютъ массу, будутъ только слышать о изданіи проповѣдей, пользоваться же ими не будутъ, потому что дороги, а романы Орлова дешевы. Богачи предпочтутъ всѣмъ Филаретамъ ничтожные англійскіе альманахи въ великолѣпныхъ переплетахъ съ красивыми картинками. Новиковъ, чтобы распространить полезное чтеніе, продавалъ нравственныя книги по самымъ дешевымъ цѣнамъ и цѣна эта не покрывала типографскихъ издержекъ; для того была составлена компанія, которая жертвовала милліонами, цѣлыми огромными состояніями. Ошибаешься, любезный другъ, ты смотришь на Новикова слишкомъ односторонно, не забывай, что Новиковъ кромѣ Русской грамматики ничего не зналъ, онъ дѣйствіями своего ума и силою воли совершилъ чудеса: подражать ему въ его оборотахъ для блага человѣчества было бы дерзостію, безъ особеннаго на то призванія. Твое призваніе на пользу человѣчества другое: Богъ даровалъ тебѣ большія способности, ты образовалъ ихъ науками, слѣдовательно, поприще твое есть поприще ученаго;—оно такъ высоко и славно, что еслибы Новиковъ могъ завидовать, онъ бы позавидовалъ тебѣ.—Всякаго рода торговля требуетъ особенныхъ способностей, ты ихъ совершенно не имѣешь; сверхъ того, занятія сіи столь разнообразны и обширны, что и отъ способнѣйшихъ людей требуютъ *исключительно* всей дѣятельности; что же будетъ съ твоими учеными занятіями? Ты по необходимости долженъ будешь ввѣрить весь книжный оборотъ въ другія руки, останется только твое имя для прикрышки корыстолюбія торговцевъ, и этимъ барышничествомъ ты повредишь себѣ въ ученомъ мірѣ.—Даже названіе жур-

налиста только можетъ быть терпимо съ званіемъ истинно ученаго. А потому, какъ другу говорю тебѣ, брось эту нелѣпую и даже преступную мысль, я вижу въ этомъ намѣреніи дѣйствіе темной силы, она хочетъ обольстить тебя видомъ мнимаго добра, дабы запутать тебя и отвлечь отъ истиннаго, къ которому мы призваны. Вотъ тебѣ мои мысли о торговлѣ, пожалуйста въ присутствіи Божіемъ, помолясь усердно, обдумай, можетъ быть, тебѣ Господь откроетъ глаза“.

Долгъ безпристрастія обязываетъ насъ привести и нижеслѣдуюшія строки изъ письма Загряжскаго о Филаретѣ, при чемъ должны съ сожалѣніемъ замѣтить, что онѣ исходятъ не отъ враждебной Филарету стороны: „Теперь“, пишетъ Загряжскій, — „о порученіи твоемъ: какъ же тебѣ пришло въ голову, что я могу подѣйствовать на Филарета?! Князь А. Н. Голицынъ отъ слѣпоты совсѣмъ не тотъ, что былъ; онъ теперь окруженъ дамами, которыя ему читаютъ и забавляютъ; я съ нимъ очень рѣдко вижусь, а потому никакого вліянія на него имѣть не могу. Цѣлое лѣто Филаретъ былъ въ Москвѣ, и ты его видѣть не могъ; да почему же тебѣ было не написать ему, попросить назначить свиданіе? Не на однѣ же проповѣди ты заводишь книжную торговлю, отложи до удобнаго съ нимъ свиданія. Но нужнымъ считаю напомнить тебѣ: я просилъ его, чрезъ князя и самъ, дозволить тебѣ пользоваться матеріалами Синодальной Библіотеки: ты знаешь, какъ онъ тебѣ помогъ. Хотѣлъ ты составить опись библіотеки Синодальной: какъ онъ тебѣ помогъ?—Иннокентій издавалъ *Воскресное чтеніе*; оно расходилось (потому что дешево); понравилось ли это? Спроси Филарета. Иннокентій въ Кіевѣ былъ на своемъ мѣстѣ, тамъ могъ онъ образовать не одно поколѣніе; его перевели не въ Москву или Петербургъ, гдѣ его способностямъ былъ бы кругъ дѣйствій обширнѣе, но въ Вологду,—зачѣмъ?—Спроси Филарета. Единственное мѣсто, гдѣ можно купить Священное Писаніе,—синодальная книжная лавка, и я едва въ недѣлю, всякій день ходивши, могъ купить Библію, все была заперта—а для чего? Спроси Филарета. Начали здѣсь издавать краткія

житія святыхъ, маленькими книжечками, по самымъ низкимъ цѣнамъ, и послѣ нѣсколькихъ тетрадокъ изданіе прекращено, а зачѣмъ? Спроси Филарета. Но довольно, я бы никогда не кончилъ. Самъ видишь, какъ у насъ духовенство, и во главѣ его должно поставить Филарета, содѣйствуетъ распространенію полезнаго чтенія".

Но мечта Погодина издать творенія митрополита Филарета не осуществилась. Эта высокая честь выпала, на долю, въ 1844 году, Московскому купцу и собирателю Древностей Алексѣю Ивановичу Лобкову. По поводу этого предпріятія Митрополитъ смиренно писалъ А. Н. Муравьеву: „Охотники начинаютъ и моихъ словъ (если только не празднословія) изданіе, къ которому вы меня побуждали. Если сему не слѣдовало быть, то и вы въ семъ не безвинны. Пожелайте, чтобы не пустыя плевы посѣялись" [77]).

1 марта 1841 года, именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Св. Сѵноду, Иннокентію, епископу Чигиринскому, Всемилостивѣйше повелѣно быть епископомъ Вологодской Церкви [78]). Это перемѣщеніе очень огорчило Кіевлянъ. „Какую грустную вѣсть получилъ я сегодня", писалъ Максимовичъ Погодину,—„нашего несравненнаго душеспасительнаго Иннокентія переводятъ въ Вологду, отнимаютъ у Кіева, который безъ него очень осиротѣетъ, особливо для меня, хотя послѣднее время моей болѣзни и не видался съ нимъ часто... но онъ былъ здѣсь—и уже этого довольно было. Его отлученіе отъ Кіева особенно жаль еще мнѣ потому, что въ послѣднее время онъ рѣшительную возъимѣлъ было наклонность къ Исторіи здѣшняго края—и что̀ бы онъ могъ сдѣлать для нея съ своимъ яснымъ и всеобъемлющимъ умомъ... А Исторія здѣшняго края находится въ страшномъ запущеніи, и для нея надобно работать и работать вновь, ибо, что ни сработано было Евгеніемъ, Бантышемъ и другими, все это не болѣе какъ подмалевка или грунтовка будущей картины Кіевской, Южно-Русской жизни: особливо правая сторона Днѣпра — просто terra incognita для Русской вашей Исторіи [79])".

Еще въ началѣ 1841 года, Максимовичъ, бесѣдуя однажды

съ Иннокентіемъ, пришелъ къ той мысли, что пора бы и въ Кіевѣ быть историческому обществу, когда есть оно не только въ Москвѣ, но уже и въ Одессѣ. Попечитель Кіевскій князь С. И. Давыдовъ охотно взялся содѣйствовать исполненію этой мысли, и не замедлилъ собрать у себя кружокъ любителей Исторіи. У Максимовича сохранился подлинный листъ—протоколъ того историческаго вечера. Въ заглавіи написано рукою Иннокентія: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Кіевское Общество Исторіи и Древностей Словено-русскихъ.* Затѣмъ слѣдуетъ, писанная рукою князя Давыдова, программа, въ тотъ вечеръ составившаяся, со спискомъ предполагаемыхъ двадцати дѣйствительныхъ членовъ и девяти членовъ основателей. Вотъ имена послѣднихъ: Преосвященный Иннокентій, князь Давыдовъ, Максимовичъ, Неволинъ, Фундуклей, Юзефовичъ, Шодуаръ, Скворцовъ, Ржевуцкій [80]). Самъ Иннокентій писалъ Погодину: „Импровизуемъ два Общества, одно публичное—Исторіи и Древностей, а другое частное—для изданія *Богословскаго Лексикона.* Вообразите, что мнѣ, который древностями занимался доселѣ только какъ послѣдній amateur, доводится быть главнымъ основателемъ Общества Древностей въ Кіевѣ. Таково еще у насъ безлюдье въ ученыхъ людяхъ! Какъ бы нужно было у насъ въ Университетѣ явиться какому-либо хорошему историку Отечественной Исторіи. Его лекціи могли бы служить лекарствомъ на политическія бредни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на грубое незнаніе края здѣшнихъ демократовъ. И мнѣ кажется очень страннымъ, что вашъ Министръ не попечется о семъ. Я бы взялъ первый васъ, давъ вамъ все, что нужно за лишеніе Москвы“ [81]).

По свидѣтельству Максимовича, „Записка и уставъ Кіевскаго Общества Исторіи и Древностей переписаны были скоро и представлены княземъ Давыдовымъ Д. Г. Бибикову, уѣзжавшему въ Петербургъ. Но видно не была еще пора исполниться замышленію Иннокентія о Кіевскомъ Обществѣ, да и самъ онъ вскорѣ былъ оторванъ отъ Кіева *)“ [82]).

*) Черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ эта благая мысль Иннокентія и Ма-

Когда Погодинъ узналъ о перемѣщеніи Иннокентія, то посыпалъ на Максимовича рядъ вопросовъ: „Что съ Иннокентіемъ? Противъ воли? Что же это немилость? Когда онъ отправится? Чрезъ Москву?“ [83]) Максимовичъ отвѣчалъ: „Иннокентій предполагаетъ ѣхать въ началѣ мая, и если поѣдетъ, то чрезъ Москву. Въ назначеніи его нѣтъ немилости, а есть особые виды. Впрочемъ, у насъ прослышано слухами, будто вмѣсто сѣвера онъ поворотитъ на западъ“. Но эти слухи не имѣли основанія, и вскорѣ послѣ того Погодинъ получилъ слѣдующую записочку отъ К. С. Аксакова: „Батюшка получилъ письмо отъ Максимовича: Иннокентій будетъ сюда около 20 мая и пробудетъ дней десять“ [84]).

По пріѣздѣ въ Москву, Иннокентій остановился въ Донскомъ монастырѣ у гостепріимнаго архимандрита Ѳеофана. Погодинъ въ тотъ же день посѣтилъ Преосвященнаго. Объ этихъ свиданіяхъ и бесѣдахъ сохранились любопытныя записки въ *Дневникѣ* Погодина:

„*Подъ 19 мая*: Иннокентій пріѣхалъ. Къ нему, а онъ собирался ко мнѣ. Мы очень обрадовались другъ другу. Переводъ свой онъ приписываетъ больше случаю, менѣе нашему Филарету. Говорили много обо всемъ. Бибиковъ преданъ плану освобожденія крестьянъ, нужнаго наиболѣе для западныхъ губерній. Хвалитъ и графа Воронцова. Въ 1830 году много было мыслей о преобразованіяхъ. Митрополитъ Филаретъ великъ тамъ, гдѣ можетъ брать умомъ, но не умѣетъ идти со временемъ и дѣлаетъ часто грубыя ошибки въ этомъ отношеніи. Объ Уваровѣ. О Протасовѣ, который повертываетъ слишкомъ круто и небережно: многое не подведено подъ ясное сознаніе. Иннокентій министръ. Я не встрѣчалъ никого умнѣе и дѣльнѣе его. Нельзя сомнѣваться въ его добротѣ и расторопности. Донской архимандритъ понравился мнѣ очень, какъ русскій старикъ съ шутками, весельчакъ, хлѣбосолъ.

ксимовича воплотилась въ Кіевѣ, когда, по почину Ивана Петровича Хрущова, тогда доцента по каѳедрѣ Русской Словесности, въ концѣ 1872 года было учреждено при Университетѣ Св. Владиміра Историческое Общество Нестора Лѣтописца.

Обѣдъ отличный съ разварною стерлядью, шампанскимъ и смородиновкою. Заѣхалъ къ Хавскому и разсмотрѣлъ почтенные его труды. Тоже русскій человѣкъ.

Подъ 23 мая. Въ 10 часовъ въ Кремль. Ушаковъ извиняется, что некому провожать Иннокентія въ Оружейную Палату. Обошли Соборы. На Ивановскую колокольню и восхищались видомъ. Послушникъ Ѳеоѳана сказалъ, что Оружейную Палату смотрятъ. Отправились и осмотрѣли. Чай пить къ Иннокентію. Разсказывалъ мнѣ о Ганцѣ, правителѣ канцеляріи у Константина, умномъ и образованномъ человѣкѣ, который не зналъ, что ему дѣлать на старости, и обѣщался, по его совѣту, писать записки. Иннокентій обѣщался подарить мнѣ прокламацію, приготовленную Константиномъ. Говорили о министрахъ нынѣшнихъ, объ Исторіи Русской Церкви, за которую онъ хочетъ приниматься, объ Исторіи Польской Церкви, которая есть лучшая защита Православія, о Греческомъ началѣ въ Польшѣ. Познакомился съ епископомъ Аарономъ".

Новое поколѣніе питомцевъ Московскаго Университета питало сочувствіе и уваженіе къ преосвященному Иннокентію. Доказательствомъ сего можетъ служить слѣдующее письмо М. А. Стаховича А. Н. Попову: „Ступай ты сейчасъ въ Донской монастырь. Знаешь къ кому? Къ Иннокентію Кіевскому. Онъ у васъ въ Москвѣ на недѣлю, ѣдетъ въ епархію въ Вологду; былъ на родинѣ въ Ельцѣ, въ своемъ бывшемъ селѣ—нашемъ приходѣ Трегубовѣ и въ Пальнѣ; меня обласкалъ, ободрилъ, какъ новая жизнь какая, и, кажется, полюбилъ. Скажи ты ему, каковы наши отношенія съ тобою, и что я тебя стремглавъ увѣдомилъ о его прибытіи. Нечего много толковать: ты увидишь, что это за человѣкъ въ жизни" [85]).

29 мая 1841 года преосвященный Иннокентій прибылъ въ Вологду [86]).

XVII.

Самъ Погодинъ сознавался: изданіе *Москвитянина*, равно какъ и прежде *Московскаго Вѣстника* „было для меня всегда дѣломъ придаточнымъ, а главное Русская Исторія, которой посвящено мое время, или, лучше сказать, жизнь".

Покончивъ борьбу со скептиками, своими врагами, Погодинъ на первыхъ же порахъ существованія *Москвитянина* вступилъ въ полемику со своими друзьями Н. И. Надеждинымъ, Ѳ. Л. Морошкинымъ и М. А. Максимовичемъ. „Гг. Надеждинъ, Максимовичъ, Морошкинъ", писалъ онъ,—„мои товарищи, близкіе пріятели, но amicus Plato, amicus Aristoteles, sed magis amica veritas".

Въ 1840 году Н. И. Надеждинъ въ Одесскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей произнесъ рѣчь *О важности историческихъ и археологическихъ изслѣдованій Новороссійскаго края, преимущественно въ отношеніи къ Исторіи и Древностямъ Русскимъ.* Авторъ предлагаетъ обозрѣніе, оглавленіе происшествій Исторій Всемірной, и потомъ Русской, коихъ сценою былъ Новороссійскій край, „въ чертахъ рѣзкихъ", замѣчаетъ Погодинъ,—„яркихъ, кистію опытною и широкою, и доставляетъ много пищи для размышленія". Но когда Надеждинъ, въ своей рѣчи, обратился къ Русской Исторіи и высказалъ свое мнѣніе о происхожденіи Руси, не согласное съ мнѣніемъ Погодина, то послѣдній выступилъ противъ него въ *Москвитянинѣ* и напечаталъ рецензію, въ которой, между прочимъ, по поводу замѣчанія Надеждина, что Россы, упоминаемые патріархомъ Фотіемъ, были давно извѣстны Грекамъ, Погодинъ написалъ: „Объ этомъ вскорѣ я буду говорить особо въ своихъ изслѣдованіяхъ, ибо пора уже наконецъ прекратить это *толченіе воды*, которое нѣсколько разъ у насъ прерывалось и нѣсколько разъ возобновляется" [87]). Какъ это выраженіе, такъ и вообще вся рецензія очень не понравились Надеждину. Еще Мурзакевичъ писалъ Погодину: „Едва ли вы теперь дождетесь чего-либо письменнаго отъ Надеждина.

Вашу рецензію на его рѣчь нѣкто передалъ въ превратномъ видѣ, а вы знаете: писатели—irritabile genus". Да и Максимовичъ писалъ Погодину: „къ Надеждину ты слишкомъ, какъ говорилъ В. М. Котельницкій, *въѣдчивъ*". И дѣйствительно, вскорѣ между Надеждинымъ и Погодинымъ завязалась по этому поводу переписка, которая чуть не кончилась разрывомъ. „Вотъ тебѣ, Михулька", писалъ Надеждинъ, — „подарокъ къ новому году: оттискъ моей статьи, напечатанной въ *Wiener Jahrbücher*. Прочти со вниманіемъ, а не такъ, какъ *Рѣчь*, которая показалась тебѣ *толченьемъ воды*, оттого—что ты самъ вѣчно толчешься, какъ угорѣлый. Прочти и скажи свое мнѣніе, пожалуй хоть печатно въ своемъ *Москвитянинѣ* или *Москотильникѣ* - какъ бишь онъ называется—твой журналъ, который ты такъ добродушно провозглашаешь „отличнымъ"! Только, пожалуйста, ради собственной твоей чести — чтобъ это было сказано прилично, безъ тѣхъ варяго-россійскихъ остротъ, которыми „сей отличный журналъ", къ сожалѣнію, столь же охотно и столь же роскошно украшается, какъ и типографскими опечатками! Буде, по прочтеніи, захочешь, то я пожалуй—скрѣпя сердце, единственно въ надеждѣ твоего исправленія—пришлю тебѣ русскій оригиналъ для напечатанія въ „отличномъ журналѣ". Смотри только, чтобъ статья не была слишкомъ тяжела для твоего любезнаго дѣтища и не опрокинула бы его „вверхъ-тормашки", или „тормашкой" (до объясненія, котораго мы ждемъ отъ Константина *), я не знаю, какъ должно правильно говорить эту варяго-россійскую рѣчь, ибо—прости моей откровенности—твой „отличный журналъ" хотя и не претендуетъ, повидимому, на легкость, но въ сущности похожъ на тѣ огромные кули съ угольями, которые Молдаване возятъ къ намъ въ Одессу изъ Бессарабіи: кажется грузно, а вѣсу очень немного! Вижу, вижу ужь отсюда, какъ губы твои надуваются, носъ начинаетъ сопѣть, и всѣ прочіе признаки бури, готовой разразиться изъ твоихъ устъ надъ моею головою: *Все тотъ же тонъ, тожъ кощун-*

*) Аксакова.

ство, какъ и въ Москвѣ! Да, мой любезнѣйшій сиволапчикъ! Это наказаніе, которое ты заслужилъ. Я въ Москвѣ говорилъ съ тобой твоимъ варяго-россійскимъ тономъ и языкомъ: *толокъ воду*, въ буквальномъ смыслѣ этого слова! Тебѣ это было непріятно? А? Утрись—все пройдетъ. Брызги отъ воды все же лучше, чѣмъ тѣ, которыя летятъ отъ тебя во всѣ стороны, когда ты, какъ...—Но довольно! Я съ своей стороны готовъ прекратить дурачество: поумнѣй же и ты! Кончимъ *варяго-россійствовать*! Начнемъ говорить какъ люди, какъ просто русскіе, какъ старые пріятели и товарищи — не послужбѣ—а по любви къ истинѣ, по ревности къ наукѣ!

Новую бесѣду съ тобой я начну теперь—не погнѣвайся—*словомъ обличительнымъ*, и въ этомъ словѣ буду говорить: вопервыхъ—о тебѣ самомъ; вовторыхъ — о твоемъ журналѣ. Вопервыхъ. Здѣсь я начну благодарностью тебѣ за сообщеніе извѣстія объ учредительной буллѣ епископства Пражскаго. Впрочемъ, эту благодарность заслуживаетъ только твое усердіе. Булла эта давно уже извѣстна, и важное для насъ мѣсто, которое ты изъ ней выписалъ, терто и вытерто учеными. Еще въ осьмидесятыхъ годахъ толковали объ немъ извѣстный Добнеръ и Шмидтъ (Лужицкій протестантскій пасторъ). Католики, которымъ смерть не хочется допустить первенство Греко-Словенскаго обряда въ Богеміи передъ Латинскимъ, усиливались всегда заподозрить подлинность всей буллы, которая въ самомъ дѣлѣ нигдѣ не находится, кромѣ Козьмы Пражскаго: въ этомъ грѣшенъ даже и нашъ почтенный Ганка, который въ своей *Slawin* напечаталъ длинную филиппику противъ брошюрки Шмидта, написанной въ антилатинскомъ духѣ и за то давно уже переведенной на Сербскій языкъ нашими Венгерскими единовѣрцами. Я съ своей стороны вѣрю въ подлинность буллы, ибо имѣю достаточно другихъ доказательствъ о существованіи Русской Церкви до Владиміра—да! любезный другъ! — *Русской Церкви до Владиміра!* — Но теперь не въ томъ дѣло. Я намѣренъ говорить съ тобой собственно о тебѣ. Пишешь ты, что извѣстился *случайно* объ этой буллѣ. Хорошъ же

ты, братъ! Профессоръ Русской Исторіи, занимающійся своимъ предметомъ уже лѣтъ двадцать—ты только теперь, и то случайно, получилъ свѣдѣніе о столь важномъ для насъ документѣ, который написанъ у извѣстнаго лѣтописца, о которомъ давно уже было столько толковъ и споровъ! Видишь ли, по крайней мѣрѣ, хоть теперь, что я не былъ вовсе не правъ, называя тебя Никитою-Пустосвятомъ, не въ смыслѣ невѣжества, но въ смыслѣ упрямства, которое не утолчешь въ ступѣ семью пестами. А отчего это упрямство? Хочешь ли, я тебѣ растолкую! Вѣдь, братъ, я говорилъ тебѣ въ глаза и говорю за глаза, что ты *мужикъ сѣръ, а умъ-то у тебя не кто съѣлъ!* Но вотъ въ чемъ весь корень зла—въ лѣности—въ проклятой лѣности, которая, по весьма справедливой пословицѣ, конечно *родилась прежде насъ съ тобой*, и, къ сожалѣнію, видно не умретъ съ нами! Съ тѣхъ поръ какъ Шлецеръ обработалъ для насъ первыя главы нашей Исторіи, никому—въ томъ числѣ и тебѣ—не хочется приняться не только его провѣрить, но даже выступить изъ того заколдованнаго круга, который онъ очертилъ вокругъ себя. Шлецеру—человѣку нѣмецкому—конечно простительно было, что онъ, какъ клещь, впился въ Сѣверъ и ничего рѣшительно не хотѣлъ знать объ Югѣ. Но простительно ли это намъ? Простительно ли это тебѣ? Какъ видно, ты еще не принимался за Чешскихъ лѣтописцевъ, ибо въ противномъ случаѣ, конечно, началъ бы съ Козьмы, и у него на первыхъ страницахъ нашелъ бы примѣчательную буллу. Ну, а развертывалъ ли ты лѣтописцевъ Венгерскихъ, которые, хотя и называются Венгерскими, а вѣдь были всѣ почти настоящіе Словене? А? Думаю, нѣтъ! Какъ же ты послѣ того смѣлъ увѣрять, что ты все уже рѣшилъ досконально? Скажешь: Шлецеръ объявилъ всѣхъ Чеховъ и Венгерцевъ дураками, сказочниками, не стоющими вниманія? Да не то же ли этотъ собака-нѣмецъ брехалъ и объ Скандинавскихъ сагахъ! А ты, однако, въ нихъ вѣруешь! Итакъ, будь по-крайней мѣрѣ консеквентенъ! Когда держаться во всемъ Шлецера, такъ ужь подъ столъ саги! Если же для нихъ дѣлаешь ис-

ключеніе, то удостой подобной чести и Чеховъ, и Венгерцевъ (разумѣя подъ послѣдними не только собственно Венгерскихъ, по и Иллирійскихъ дѣеписателей)!—Главное же займись своимъ дѣломъ, не какъ доселѣ занимался—не кидаясь изъ угла въ уголъ, не *рвя съ дубу,* какъ говорится — а чинно, благоговѣйно, прилежно, со страхомъ Божіимъ, какъ самъ же ты учишь другихъ въ своихъ лекціяхъ. Открывъ главный корень всѣхъ твоихъ недостатковъ въ *лѣности,* я считаю это открытіе столько же важнымъ, какъ и открытіе Руссовъ на Югѣ до Рюрика. Говорю это не шутя: ибо увѣренъ, что если ты исправишься, то можешь сдѣлать много, очень много для Русской Исторіи, обогатишь и можетъ быть гораздо важнѣйшими открытіями: Dixi! Honny soit qui mal y pense! Во вторыхъ. Твой журналъ... Но эта матерія слишкомъ пространная. Теперь нѣтъ ни времени, ни мѣста пускаться въ сіе море великое... гдѣ животная малая со великими... Удовольствуюсь только повтореніемъ, что и тутъ корень всего—*лѣность.* На первый разъ займись хоть внимательнѣйшимъ просмотромъ корректуры, которая, по единогласному воплю всѣхъ твоихъ читателей отъ моря Балтійскаго до моря Чернаго, представляетъ настоящій образецъ небрежности! Я увѣренъ, что ты примешь къ сердцу, но не съ сердцемъ, всѣ эти замѣчанія, внушенныя—скажу откровенно—истиннымъ желаніемъ добра тебѣ и наукѣ...

Ну, прощай пока... будь здоровѣе и умнѣе. Я же всегда остаюсь къ тебѣ тотъ же, цѣлую крестъ на старинѣ" [88]).

Это нравоучительное письмо привело Погодина въ негодованіе. „*Толченье воды*", отвѣчалъ онъ,—„задѣло видно тебя за живое, и ты до сихъ поръ не можешь утереться порядочно, какъ ни ухищряешься вылѣзть и показаться сухимъ, не замочившимся. Вотъ уже ты требуешь отъ меня Козьмы Пражскаго. Отвѣчаю не тебѣ, а Дмитрію Максимовичу *), для котораго больше, чѣмъ для меня, писалъ ты свое посланіе. Русская Исторія такъ обширна и такъ молода, что требо-

*) Княжевичу.

вать отъ ея профессора короткаго знакомства съ посторонними лѣтописателями—даже смѣшно. Онъ долженъ знать ихъ, поколику они имѣютъ отношеніе къ его предмету. Если онъ и прочелъ ихъ вполнѣ или отрывочно, то можетъ послѣ оставить въ покоѣ, принявъ себѣ только къ свѣдѣнію, гдѣ что сыскать можетъ въ случаѣ нужды. Со своими домашними документами онъ не можетъ еще справиться—и я скажу тебѣ не обинуясь, что я *Уложенія* не изучалъ еще основательно. Русская Исторія должна быть вся перестроена—и у меня есть еще множество промежутковъ до Романовыхъ. Слѣдовательно, мнѣ надо пополнять ихъ. Тогда профессоръ Русской Исторіи будетъ виноватъ, когда онъ издастъ что-нибудь о такомъ предметѣ, о которомъ есть свѣдѣніе въ Козмѣ, или Гельмольдѣ, или Адамѣ, не справившись съ этими лѣтописателями, а помнить на всякую минуту—что̀ у нихъ есть,—требованіе нелѣпое. Кого ты обморочить хочешь и съ какою цѣлію ты представилъ такое обвиненіе? Ты силенъ на общія мѣста. Да выходи на бой публичный. Что ты размахиваешься изъ-за угловъ и въ потемкахъ. Всякій годъ печатаю я по нѣскольку историческихъ разсужденій о самыхъ важныхъ предметахъ Русской Исторіи: о Несторѣ, Петрѣ, Борисѣ, Удѣльномъ періодѣ, Мѣстничествѣ и проч.... Разсмотри ихъ, укажи мнѣ *именно:* вотъ это пропущено, вотъ что не понято, вотъ что представлено не въ настоящемъ свѣтѣ, и я буду тебѣ очень благодаренъ, и выражу свою благодарность, какъ то ни будетъ больно для моего самолюбія. Точно также буду благодаренъ и тебѣ, и всякому другому, кто указалъ бы мнѣ на дурныя черты въ моемъ характерѣ, показалъ бы мнѣ и самыя дѣйствія. А ты говоришь только общими мѣстами, въ которыхъ былъ всегда силенъ, и на которыя отвѣчать нечего. Не смѣю я увѣрять, *что все рѣшилъ досконально*, какъ ты мнѣ приписываешь. Такъ могутъ увѣрять люди съ мѣднымъ лбомъ, а я говорю только, что тотъ *толчетъ воду,* кто берется болтать, какъ ты, *о происхожденіи Руси*, не открывъ ничего новаго и затемняя умышленно старое! Это обвиненіе

совершенно характеризуетъ тебя и высказываетъ твою недобросовѣстность. Точно такъ и слѣдующее показываетъ давнишнюю твою антикритическую замашку: *ты вѣруешь въ Шлецера и принимаешь саги — такъ будь же консеквентенъ, и не принимай ихъ.* Я уважаю въ тебѣ обширный умъ и сожалѣю о ледяномъ сердцѣ, для меня противномъ. Предъ Шлецеромъ благоговѣю, а слова его объ Руси 866 года считаю нелѣпыми и неконсеквентности не вижу. Прицѣпляться къ какому-нибудь слову, какъ ты прицѣпленъ, я не любилъ еще въ молодости и считалъ недостойнымъ не только автора, но и человѣка, кольми паче теперь. Вѣдь это очень легко. Напримѣръ, прочтя въ твоемъ письмѣ: *да, другъ мой, Христіанство до Владиміра,* я долженъ бы сказать въ твоемъ тонѣ: помилуй, что ты это говоришь. Ты стало быть не читалъ того-то и того-то, но даже ты не знаешь Нестора. А Константинъ Багрянородный написалъ вотъ что. И у Ламберта есть. Ахъ ты такой сякой и проч. Оставь, братъ, такой родъ переговоровъ твоимъ Петербургскимъ друзьямъ, а со мною говори иначе. Въ *толченіи воды* повинись и *крестъ поцѣлуй*... ты видишь, что я не претендую *рѣшать все досконально* о Руси, о пророкахъ, о церкви, о Пушкинѣ, о Гегелѣ и проч., а въ одной только Русской Исторіи иду и знаю дорогу отъ Рюрика до Ярослава твердо, отъ Ярослава до дома Романовыхъ съ нѣкоторыми пропусками, а новую поверхностно. Вотъ моя университетская исповѣдь и бросай въ меня камень! На обвиненіе *въ лѣности* я расхохотался. Заключаю: искреннимъ ты быть не хочешь или, что̀ для тебя оправдательнѣе, не можешь, что̀ мы видѣли *въ собственномъ твоемъ сердечномъ дѣлѣ,* не только въ какомъ чужомъ. Вмѣсто призываній имени Божія всуе, давай лучше писать одинъ другому *вы.* Будемъ встрѣчаться какъ старые знакомые и довольно".

Въ этомъ письмѣ Погодинъ не вполнѣ излилъ свой гнѣвъ на Надеждина. Въ *Дневникѣ* Погодина около того же времени находится гораздо болѣе рѣзкая замѣтка объ его одесскомъ пріятелѣ, которую приводимъ здѣсь, не вдаваясь, впро-

чемъ, въ объясненіе всѣхъ заключающихся въ ней намековъ: „Обѣдалъ у Аксаковыхъ, и толковали о Надеждинѣ, о которомъ услышалъ новость: онъ обманывалъ насъ всѣхъ, а меня въ особенности и мы дѣлались подлыми его орудіями“.

Въ заключеніе своей рецензіи на *Рѣчь* Надеждина, Погодинъ задѣлъ за живое и Максимовича, сказавъ: „Я раздѣляю чаяніе Надеждина о *казакахъ, въ связи съ первыми Норманнами,* и имѣлъ случай распространяться о немъ на лекціяхъ двухъ послѣднихъ годовъ. Долгъ справедливости требуетъ однакожъ замѣтить, что эта мысль принадлежитъ первоначально г. Сенковскому“ [89]). По поводу этихъ строкъ Максимовичъ писалъ Погодину: „Теперь-таки скажу, что если тебя заняло казачество, то ты зачѣмъ же, увлекаясь норманствомъ, приписываешь одному Сенковскому... Забылъ, что у васъ въ Москвѣ былъ прямой, истый, а теперь въ полномъ смыслѣ *вольный казакъ!* У меня и безъ Сенковскаго сказано было, что *Святославъ есть первообразъ головъ* казацкихъ... Взгляни на зародышъ этотъ—столь полюбившейся тебѣ мысли въ краткомъ очеркѣ *развитія казачества* (начиная съ 67, на 68, 70 стр.) въ моихъ *Украинскихъ Народныхъ Пѣсняхъ* (Москва. 1834); но пріими этотъ зародышъ въ оболочкѣ болѣе выработавшейся мысли моей о *развитіи* Южной Руси, какое начато на 47—50 страницахъ моей *Исторіи Русской Словесности.* Жаль, что не привелъ Богъ писать о второмъ періодѣ: тамъ о казачествѣ я высказалъ бы ясно мысль свою и подробно изложилъ бы письменно, о чемъ говорилъ на лекціяхъ, бросая зерна на почву каменистую“ [90]).

XVIII.

Иныхъ мыслей о *происхожденіи Руси* держался и Ѳ. Л. Морошкинъ. Свое воззрѣніе объ этомъ предметѣ онъ выразилъ въ сочиненіи своемъ *О значеніи имени Руссовъ и Словенъ,* напечатанномъ въ Москвѣ въ 1840 году. Приступая къ разбору этого

сочиненія. Погодинъ преподаетъ автору слѣдующее наставленіе: „Предъ г. Морошкинымъ“, пишетъ онъ,—„простирается прекрасное, широкое, плодоносное поле—новь, на которой онъ можетъ собрать богатую жатву для чести своего имени, для науки, для общественной пользы. Я говорю о полѣ Русскаго Права, на которомъ онъ показалъ уже себя достойнымъ дѣлателемъ въ разсужденіяхъ о *Владѣніи*, *Уложеніи*, объ услугахъ Московскаго Университета, въ прекрасномъ органическомъ преложеніи Рейцовой книги объ *Исторіи Русскаго Законодательства* (обруганной нашими критиками, вмѣстѣ съ прекраснымъ переводомъ г. Платонова о древнѣйшемъ правѣ Руси). Вся наша древняя Исторія по преимуществу есть юридическая. Мало ли здѣсь ему дѣла? Тѣмъ болѣе, что знатоки Германскаго, Римскаго, Кельтическаго и всѣхъ Американскихъ правъ не удостоиваютъ до сихъ поръ своимъ вниманіемъ Отечественной Исторіи. Зачѣмъ, зачѣмъ съ этого прекраснаго поля бѣжитъ онъ въ лѣсъ?“ Высказавъ это, Погодинъ продолжаетъ: „Я сказалъ *въ лѣсъ*, и это безъ фигуры, ибо г. Морошкинъ въ концѣ своихъ изслѣдованій нашелъ, что Русь, Славонія, Турція, Германія, Гилея, Архія, Аорсія, Боисція, Рузія, Сѣча, Гелонъ, Кіевъ, Немогарда, Таврія, всѣ сіи имена, столь разнородныя и разнозвучныя, значатъ лѣсъ,—а Лукари, Лутичи, Урмане, Саки, Роксолане, Грутунги, Будины, Гелоны, Агатирсы, Аорсы, Агазирцы, Хозары, Анты, Россіяне значатъ жителей лѣсовъ!!! Вся Европа—лѣсъ, съ немногими залѣсьями и заволочьями, а мы всѣ фавны, сатиры, гамадріады мужескаго рода, чтобы не сказать лѣшіе“.

Въ своемъ предисловіи Морошкинъ жалуется на то, что „не опровергаютъ его ученымъ образомъ“. Но Погодинъ спрашиваетъ: „Съ какою же цѣлію предпринять этотъ неблагодарный трудъ?“ При этомъ онъ беретъ одно изъ заключеній Морошкина и замѣчаетъ: „Словене, Русскіе Турки—значатъ одно и то же. *Я турокъ, ибо я русскій*; *я русскій, ибо я словенинъ*. А говорите ли вы по турецки? Нѣтъ, не говорю. Такъ вы не турокъ. Кончено ли дѣло? Не Турки, и также не Нѣмцы. Если ваши изслѣдованія“, продолжаетъ

Погодинъ, — „приводятъ къ такому заключенію, очевидно и осязательно невѣрному, оно, выражусь какъ можно учтивѣе, невѣроятно, и не заслуживаетъ подстрочнаго опроверженія, хотя и занимаетъ можетъ быть нужную, необходимую степень въ развитіи науки, хотя обилуетъ ученостію, занимательными сближеніями, представляетъ любопытную игру ума сильнаго“.

Въ заключеніе своей рецензіи Погодинъ опять впадаетъ въ нравоученіе и на этотъ разъ преподаетъ оное *молодымъ изслѣдователямъ исторіи.* „Гг. Морошкинъ и Каченовскій олицетворяютъ для меня двѣ крайности исторіи: историческое суевѣріе и невѣріе, и служатъ для меня *маяками* не современнаго просвѣщенія (такъ называется особый Петербургскій журналъ), но историческихъ пропастей, критической Сциллы и Харибды, кои пожрали уже многихъ добрыхъ ревнителей науки. Съ этой стороны они приносятъ большую пользу. Молодые изслѣдователи исторіи! Смотрите на гг. Каченовскаго и Морошкина,—не вѣрьте всему, какъ г. Морошкинъ, не сомнѣвайтесь во всемъ, какъ г. Каченовскій, не спускайте глазъ съ маяковъ, держитесь въ *равномъ разстояніи* отъ того и другого, и будьте увѣрены, что вы идете по вѣрной стезѣ историческихъ изслѣдованій, прямо къ истинѣ. Но горе вамъ, если пошатнетесь въ которую-нибудь сторону, къ г. Морошкину или къ г. Каченовскому, вы непремѣнно попадете въ крайность, голова у васъ закружится, и вы не принесете никакой пользы наукѣ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ заявляетъ, что Морошкинъ, отдавъ неизбѣжную дань парадоксамъ въ жизни всякаго ученаго, возвращается изъ отъѣзжей пустоши, гдѣ напрасно искалъ владѣнія, на свое поле, и мы надѣемся въ слѣдующемъ нумерѣ украсить наши страницы его картиною древней Руси временъ царя Алексѣя Михайловича по Кошихину“.

Въ этомъ предупрежденіи, обращенномъ къ читателямъ *Москвитянина*, выражался настоящій взглядъ Погодина на истинное призваніе Морошкина. Автора рѣчи *объ Уложеніи*

онъ считалъ преимущественно историкомъ-юристомъ. Любопытно, что также смотрѣли тогда на Морошкина и люди западнаго направленія. Вотъ что писалъ о немъ въ 1844 году Герценъ: „Перечиталъ рѣчь *объ Уложеніи* Морошкина. Изъ всего, что я читалъ, писаннаго Словенофилами, это, безъ сомнѣнія, и лучшее, и талантливѣйшее сочиненіе. Онъ глубоко понялъ Русскую юридическую жизнь. *Уложеніе* представляло возможность органическаго развитія, а не Петровскаго столпотворенія, помутившаго новыми началами старыя, старыми новыя...“ [91]).

Прочитавъ рецензію Погодина, добродушный Морошкинъ писалъ ему: „Мнѣ не нравится въ вашей статьѣ опроверженіе: говорятъ ли Турки по русски?—нѣтъ: слѣдовательно,.... Вы пренебрегли сдѣлать разборъ какъ надобно. *Маякъ суевѣрія*!! *бойтесь приставать... это направленіе не принесетъ пользы наукѣ, изъ пустоши отъѣзжей.* Это принимаютъ за двусмысленность. Впрочемъ много и чести. Вотъ вамъ мой совѣтъ: бойтесь выставлять о профессорѣ, что онъ занимается *не своимъ дѣломъ.* Это у насъ вредно очень. Мы, профессора, такъ много вредимъ другъ другу. Не правда ли?—Если вы дѣйствуете въ Исторіи Русской по убѣжденію, вы должны написать не такой разборъ моимъ историческимъ статьямъ. Плюньте на вашего Шлецера и возьмите у него славу, которая уготована вамъ. За рецензію о Кошихинѣ примусь сегодня. Напередъ скажу, что одушевленія нѣтъ: ибо я *Москвитянинъ*, а вашъ журналъ *Варяго-Русъ*“ [92]).

„Съ XVIII вѣка“, повѣствуетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,— „рядомъ съ защитниками Скандинавскаго происхожденія Варяговъ стоятъ защитники происхожденія ихъ отъ Словенъ. Первымъ представителемъ этого мнѣнія былъ великій Ломоносовъ, выводившій Варяговъ изъ Пруссіи, населеніе которой онъ считаетъ Словенскимъ“ [93]).

Однимъ изъ представителей этого Ломоносовскаго мнѣнія въ наши дни былъ М. А. Максимовичъ. Еще въ 1837 году, какъ мы уже знаемъ, онъ напечаталъ въ Кіевѣ книгу, посвя-

щенную памяти Ломоносова: *Откуда идетъ Русская Земля?* Противъ этой книги выступилъ защитникъ Скандинавскаго происхожденія Варяговъ, правовѣрный шлецеріанецъ Погодинъ. Начавъ писать рецензію на эту книгу въ 1837 году, онъ напечаталъ ее только въ 1841. Рецензія эта написана Погодинымъ въ формѣ дружескаго письма къ автору, который въ свою очередь отвѣчалъ *антикритикой*, а на эту послѣднюю Погодинъ напечаталъ *отвѣтъ*, которымъ мирно и окончилось на время состязаніе. Въ *отвѣтѣ* своемъ Максимовичу Погодинъ заявляетъ: „Съ большимъ удовольствіемъ... я увидѣлъ, что ты не разсердился на меня за мое откровенное, безъ обиняковъ, мнѣніе о твоемъ сочиненіи. Я былъ увѣренъ въ томъ. Да и какъ могло быть иначе: кто преданъ наукѣ, кто любитъ истину. Морошкинъ также не посѣтовалъ на мою рецензію, которая написалась, какъ я теперь вижу, еще жестче, и прислалъ *Москвитянину,* даже въ отсутствіи редактора, свою статью. Я хотѣлъ основать въ своемъ журналѣ критику въ новомъ духѣ, то-есть, критику безпристрастную, и, сколько возможно, дѣльную, чуждую кощунства, хоть и умнаго, чуждую болтовни, даже и не умной, чуждую дерзости, которая происходитъ отъ невѣжества, чуждую пристрастія. Съ этою цѣлію, для примѣра, я избралъ темою сочиненія близкихъ мнѣ людей. Ну—теперь возвратимся къ нашимъ Варягамъ-Руси, которыхъ ты считаешь Словенами, а я Нѣмцами. Inde irae. Знаешь ли, что я ни у кого изъ нашихъ высшихъ критиковъ и ихъ подмастерьевъ не читалъ такого яснаго, хотя и софистическаго, разбора доказательствъ противъ Норманства, какъ у тебя.

Постараюсь состязаться съ тобою въ ясности, и распутать бережно силки, разставленные тобою, чтобъ поймать наше Норманство“. Затѣмъ Погодинъ приступаетъ къ разсмотрѣнію *пяти* возраженій Максимовича: 1) Несторъ говоритъ: Новгородцы пошли къ Варягамъ-Руси, которые такъ называются Русью, какъ другіе Шведами, третьи Англичанами, четвертые Датчанами, пятые Готами, шестые Урмами (Норвежцами). Я

заключаю: Шведы, Англичане, Датчане, Норвежцы, Готы суть Норманны, слѣдовательно, и Русь—Норманны. А ты говоришь: нѣтъ, изъ словъ Нестора слѣдуетъ заключить только, что Русь была Варяги, а кто Варяги—все таки неизвѣстно. Это діалектическая уловка. Твое заключеніе неполно: Русь были Варяги, и прибавь вотъ что: *такіе* же Варяги, какъ Шведы, Датчане, Готы, Норвежцы. Такіе же—вотъ въ чемъ дѣло. Вотъ тебѣ и примѣръ: поѣхалъ я къ Нѣмцамъ—Саксонцамъ, которые называются такъ Саксонцами, какъ другіе Баварцами, третьи Австрійцами, четвертые Швабами, пятые Пруссаками. Неужели изъ такихъ словъ нельзя заключить объ единоплеменности Саксонцевъ съ Пруссаками, Баварцами и пр.? Еслибъ Несторъ не хотѣлъ указать на происхожденіе, на племя своихъ Варяговъ Руси, то къ чему бы прибавлять ему всѣхъ этихъ Шведовъ, Готовъ и Англичанъ? Согласись же, что ты просто откидываешь объясненіе Нестора и самовольно не употребляешь его въ дѣло.

2) Ліутпрандъ говоритъ: на сѣверъ отъ Константинополя живутъ Венгерцы, Печенѣги, Козары, Русы, *которыхъ мы называемъ Норманнами*. Я заключаю: Ліутпрандъ называлъ Руссовъ нашихъ Норманнами, а Норманнами назывались у него по преимуществу Шведы, Датчане, Норвежцы, слѣдовательно—Руссы составляли такое же племя, что̀ согласно и съ вышеприведенными словами Нестора.

Ты говоришь, что изъ словъ Ліутпранда видно только сѣверное ихъ происхожденіе.

3) Всѣ почти слова у нашихъ Словенъ, кои относятся до гражданскаго управленія, изъ коихъ я указалъ *только* на тіунъ, вервь, губа, вира, суть чисто Норманно-Нѣмецкія, слѣдовательно—заключаю, было время, когда какое-то Нѣмецкое племя господствовало надъ нашими Словенами, управляло по своему и ввело у нихъ въ употребленіе свои слова.

А ты говоришь, что Нѣмецкія слова попались прежде Балтійскимъ Словенамъ, усвоились ими, и *потомъ* принесены были къ нашимъ.

Отвѣчаю: твое предположеніе дальше, если можно такъ выразиться, сложнѣе, ибо заключаетъ два предположенія: 1) Балтійскіе Словене заняли слова; 2) Балтійскіе Словене принесли ихъ къ нашимъ. Но гдѣ же ты видѣлъ, чтобъ какое-нибудь племя Балтійскихъ Словенъ было подъ игомъ Нѣмецкимъ въ IX столѣтіи, или прежде, что необходимо надо тебѣ предположить еще (третье предположеніе), чтобъ понять занятіе ими Нѣмецкихъ словъ. Это противорѣчитъ всей Исторіи. Нѣмцы утвердились гораздо позднѣе. Развѣ примешь ты здѣсь древнѣйшее кочевье Готовъ! Не въ десять ли разъ простѣе мое, согласнѣе съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей: Скандинавскія-Нѣмецкія слова принесены Скандинаво-Нѣмецкимъ племенемъ, которое именно и приводится Несторомъ и называется такъ Ліутпрандомъ.

4) Дѣйствія нашихъ пришедшихъ Варяговъ-Руси суть частныя Норманскія, слѣдовательно они были Норманны, заключаю я, а ты говоришь, что также дѣйствовали и приморскіе Словене. Помилуй—могутъ ли любезные наши Словене стать на ряду съ Норманнами въ ихъ морскихъ набѣгахъ на всѣ берега Европейскихъ морей, именно въ то время. Словене могли слѣдовать за ними, но не предводительствовать. Всѣ описанія Нестора точь въ точь съ описаніями западныхъ лѣтописей о Норманнахъ.

5) Изъ пятаго твоего возраженія я беру слѣдующія слова въ усиленіе пятаго моего доказательства-вопроса: *приведенные тобою* (то-есть, мною) *имена не только Норманскія, но и Нѣмецкія; изъ нихъ видно, что Рюрикъ съ своимъ родомъ былъ изъ Варяговъ Нѣмецкихъ*".

На этомъ Погодинъ прекращаетъ свои возраженія и говоритъ, обращаясь къ Максимовичу: „Довольно, довольно,—объ чемъ намъ спорить? Все прочее я уступаю тебѣ, позволяю навербовать въ войско сколько угодно тебѣ Словенъ Балтійскихъ, Вильцевъ и Оботритовъ, Вагировъ и Руссовъ Морошкина изъ-подъ Франкфурта на Одерѣ, и буду съ нетерпѣніемъ ожидать твоихъ доказательствъ, почему *изъ этого*

еще не слѣдуетъ, чтобъ и Руссы, пришедшіе въ Новгородъ подъ знаменами Рюрика, а потомъ перешедшіе въ Кіевъ, подъ предводительствомъ Аскольда и Дира, были также Нѣмецкаго племени, и проч. Скажу тебѣ впередъ, что я не понимаю, для чего тебѣ нужно такое раздѣленіе, и что изъ него можно вывести для Исторіи. Во всякомъ случаѣ я радъ говорить съ тобою, чтобъ мимоходомъ образумить нашихъ незванныхъ рецензентовъ, которые пищатъ изрѣдка по журналамъ о Русской Исторіи. Было время, что и мнѣ не хотѣлось никакъ признать Рюрика иноплеменникомъ, норманномъ, да надо, мой другъ, уступить ученой необходимости. Основа нашего народа есть Словенская, но многіе народы Европейскіе подливали намъ своей крови; можетъ быть—даже всѣ, если вспомнить, что земля наша была перепутьемъ для всѣхъ обитателей Европы. Можетъ быть, это обстоятельство есть одно изъ причинъ нашего преимущества, тѣлеснаго, нравственнаго, умственнаго. Впрочемъ я захожу теперь въ твою область, область естествоиспытанія, и останавливаюсь, прося тебя написать намъ разсужденіе о смѣшеніи породъ въ царствѣ животномъ и прививкахъ въ царствѣ растеній. Позволь мнѣ въ заключеніе напомнить о старой баснѣ, которая печатается въ нашихъ азбукахъ: Одинъ отецъ, умирая, позвалъ къ себѣ сыновъ и велѣлъ подать нѣсколько прутьевъ, сложилъ ихъ вмѣстѣ и велѣлъ сыновьямъ переломить пучекъ; никто не былъ въ силахъ. Онъ развязалъ пучекъ и отдалъ имъ прутья порознь: всѣ легохонько переломали. Можетъ быть, въ сотнѣ доказательствъ о Скандинавствѣ Варяговъ-Руси нѣкоторыя слабы, и могутъ быть уничтожены (впрочемъ до сихъ поръ нѣтъ еще ни одного уничтоженнаго),—но *всѣ вмѣстѣ*,—(и такъ должно смотрѣть на нихъ),—но всѣ вмѣстѣ они составляютъ такую каменную цѣпь, которой никакимъ наскокомъ и натискомъ прорвать едва ли кому удастся, въ чемъ увѣряя, равно какъ и въ моемъ искреннемъ уваженіи къ твоему добросовѣстному труду, остаюсь и проч.“ [94]).

Прочитавъ полемику Погодина съ друзьями, которую онъ

желалъ сдѣлать образцомъ степенной ученой критики, И. Е. Бецкій писалъ рецензенту: „Разборы Историческіе читалъ. Только въ *пріятели* подъ часъ къ вамъ не попадайся, особенно по части Русской Исторіи! Откуда это остроуміе взялось у *Москвитянина*? Это не наслѣдство отъ *Московскаго Вѣстника*".

Въ то время, когда Погодинъ, съ одной стороны, велъ переговоры съ Уваровымъ о своемъ директорствѣ въ его Канцеляріи и о занятіи въ Археографической Коммиссіи какого-то первенствующаго положенія; а, съ другой стороны—состязался о происхожденіи Руси съ Надеждинымъ, Морошкинымъ и Максимовичемъ, въ это самое время Археографическая Коммиссія издала третій томъ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей*, заключающій въ себѣ Новгородскія Лѣтописи. Этимъ *третьимъ* томомъ Археографическая Коммиссія начала изданіе этого рода источниковъ. Главнымъ редакторомъ этого изданія былъ представитель, враждебной Погодину, Скептической школы, горячій поклонникъ Каченовскаго, Я. И. Бередниковъ. Еще до выхода въ свѣтъ третьяго тома *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей* Я. И. Бередниковъ забилъ тревогу по поводу могущихъ быть нападковъ на него со стороны современной журналистики. Особенное вниманіе Главнаго Редактора устремлено было на *Москвитянинъ*. Отъ 18 апрѣля 1841 года онъ писалъ П. М. Строеву: „Читалъ *Москвитянинъ* и сердцемъ сокрушался. Угадываю пресловутаго антикварія профессора, которому не нравится издатель Русскихъ Лѣтописей. Будь издатель ихъ *прихода*, дѣло пошло бы иначе: А. А. Орлова съ братіею—выдали бы за Монфокона. Я тружусь изъ всѣхъ силъ, а гроза виситъ надъ головой... Знаю, что эти цѣнители нынче *очень сильны*. Я однакожъ въ свое время, попрошу начальство отобрать мнѣніе объ изданіи Лѣтописей отъ такихъ судей, которые въ этомъ дѣлѣ посмышленнѣе г. г. Погодина и Шевырева... Жди бѣды со всѣхъ сторонъ, какъ выйдетъ третій томъ Русскихъ Лѣтописей". Въ другомъ своемъ письмѣ, посланномъ 18 іюня, то-есть, послѣ того, какъ вышелъ

въ свѣтъ третій томъ Лѣтописей, Бередниковъ писалъ Строеву: „Московскіе злые языки, изъ которыхъ на одного вы мнѣ намекнули, конечно изощрятъ свое жало и постараются, при семъ удобномъ случаѣ, зачернить и уничтожить мой трудъ. Я имѣю на это доказательство и знаю, кто мои доброжелатели: голосъ ихъ *нынче силенъ*, сѣти раскинуты далеко. Защитите отъ нихъ въ случаѣ нужды: если вашего мнѣнія не уважать, то кому же повѣрятъ?.. Не откажите признать, что тутъ труда много и нѣсколько умѣнья, то-есть, поболѣе, чѣмъ у Полеваго и Погодина съ братіею“ [95]).

Бередниковъ не ошибся. Погодинъ, по его выраженію, „изощрялъ свое жало“ и написалъ злую критику на третій томъ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей*. Получивъ отъ Уварова этотъ томъ еще до выхода его въ свѣтъ, Погодинъ „началъ его перечитывать для окончанія изслѣдованія о Новгородскомъ княжествѣ“ [96]). Но не съ одною мирною цѣлію перечитывалъ онъ этотъ трудъ Бередникова. Въ то же время онъ написалъ на него критику, которую намѣревался напечатать въ своемъ *Москвитянинѣ*. Прежде всего Погодинъ напалъ на сдѣланное раздѣленіе и заглавіе Новгородскихъ Лѣтописей. „Г. Бередниковъ“, писалъ онъ, — „называетъ главную Новгородскую Лѣтопись, обнимающую, по Синодальному Харатейному списку, пространство времени отъ первыхъ лѣтъ до 1356 года *Первою Новгородскою Лѣтописью*. Но развѣ это одно сочиненіе? Развѣ это — одна лѣтопись? Развѣ одинъ авторъ началъ описывать происшествія съ такого-то года и довелъ ихъ до 1356 года? Нѣтъ, ничего этого не бывало!.. Какимъ же образомъ трудамъ многихъ лицъ дать одно названіе?.. Самъ Барковъ не впалъ въ ошибку такого рода и назвалъ свое изданіе Лѣтописью Несторовой съ *продолжателями* по Кенигсбергскому списку... Бѣда, если г. Бередниковъ распорядится такъ, раздѣляя на категоріи прочія наши Лѣтописи“. Затѣмъ Погодинъ нападаетъ на предисловіе Бередникова, которое онъ находитъ „неопредѣленнымъ, неточнымъ и отзывающимся общими мѣстами“. Вмѣстѣ съ тѣмъ

Погодинъ замѣчаетъ: „Изданіе Новгородскихъ Лѣтописей, если оно вѣрно, въ чемъ не имѣю права сомнѣваться, есть трудъ почтенный, важный, заслуживающій полную благодарность г. Бередникову отъ лица всѣхъ друзей Русской Исторіи; но его собственныя мысли, мнѣнія и разсужденія объ Исторіи и критикѣ—не выдерживаютъ никакой критики. Мы совѣтуемъ ему ограничиться впредь изданіемъ текстовъ, коими онъ окажетъ великую заслугу Русской Исторіи, бывъ вѣрнымъ чтецомъ и исправнымъ корректоромъ. А разсужденія обличаютъ только его полное невѣдѣніе объ элементарныхъ началахъ критики, филологіи и исторіи: рѣшительно это не его дѣло!“ [97]). Но эта критика Погодина, написанная въ 1841 году, очевидно, не могла появиться въ печати въ свое время. Она увидѣла свѣтъ только въ 1857 году, когда ни Уварова, ни Бередникова не было уже въ живыхъ.

Въ то же время А. Ѳ. Бычковъ (1 февраля 1841 г.) сообщаетъ Погодину слѣдующее любопытное свѣдѣніе: „Передаю вамъ одно любопытное извѣстіе, высказанное мнѣ Сахаровымъ. Слѣды существованія Лѣтописи Троицкой, о которой вы говорили намъ на лекціяхъ, снова находятся. Она теперь у васъ въ Москвѣ въ рукахъ раскольника Рахманова, бывъ куплена на аукціонѣ у Лаптева однимъ изъ здѣшнихъ раскольниковъ, она потомъ была передана Рахманову!“

XIX.

Изучая удѣльный періодъ нашей Исторіи, а также и Мѣстничество, весьма естественно, Погодинъ живо интересовался родословіемъ древнихъ родовъ. „Въ настоящее время“, писалъ ему А. Ѳ. Бычковъ,—„въ Петербургѣ Отечественная Исторія по преимуществу обращаетъ на себя ученое вниманіе. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Правительству, которое для этого не щадитъ издержекъ. Графъ В. А. Соллогубъ печатаетъ сборникъ историческихъ матеріаловъ, куда

взойдутъ многія любопытныя вещи; князь Щербатовъ приготовилъ родословную книгу своего дома. Особенно отрадна дѣятельность нашихъ Вельможъ на этомъ поприщѣ. Пусть труды князя П. В. Долгорукаго, не изъятые впрочемъ отъ недостатковъ, даже и очень важныхъ, вызовутъ къ труду ученому и прочихъ представителей княжескихъ родовъ, тогда отъ нихъ мы бы получили по возможности полныя фамильныя исторіи“.

Еще въ 1840 году извѣстный родословъ князь П. В. Долгоруковъ издалъ въ свѣтъ свое *Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ*. Посылая экземпляръ своего сочиненія Погодину, князь Долгоруковъ писалъ ему: „Позвольте мнѣ предложить вамъ экземпляръ изданной мною книги, *Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ и Россійскаго Родословнаго Сборника*. Примите ихъ въ знакъ уваженія, внушеннаго мнѣ къ вамъ историческими трудами вашими и вмѣстѣ личнымъ съ вами знакомствомъ въ теченіе прошлой зимы, знакомствомъ, оставившемъ во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія“ [98]).

Познакомившись съ этимъ сочиненіемъ, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Кончилъ Долгорукаго, изъ котораго радъ случаю сдѣлать выписки; но боюсь похвалить слишкомъ“ [99]). Не смотря на это опасеніе, онъ написалъ объ этой книгѣ весьма сочувственную рецензію и къ ней предпослалъ слѣдующее введеніе: „Со времени покойнаго или лучше безпокойнаго подъ старость *Вѣстника Европы* рецензенты наши старались выказывать свою ученость и остроуміе надъ недостатками, или даже маловажными ошибками разбираемыхъ сочиненій. Періодъ младенчества критики! Нѣтъ ничего легче, какъ находить подобныя мелочи, подбирать случайные обмолвки и описки, и опечатки,—и всякій молодой студентъ нынче могъ бы сыграть очень удачно роль лихого рецензента, въ родѣ знаменитаго переводчика *Терезы* и *Фальдони*. Гораздо труднѣе и вмѣстѣ гораздо полезнѣе для литературы, тѣмъ болѣе литературы молодой, какъ Русская, представлять хорошія стороны сочиненій и выставлять заслуги или ободрять сочинителей, особенно только выступающихъ на поприще, и воз-

буждать ревность новыхъ подвижниковъ на пользу науки. Мы становимся на эту точку критики и приступаемъ къ разбору примѣчательнѣйшихъ произведеній Русской Исторической Литературы послѣдняго времени".

Приступая затѣмъ къ самому сочиненію, Погодинъ замѣчаетъ: „*Сказаніе о родѣ князей Долгорукихъ* есть явленіе совершенно новое, которому подобныхъ по многимъ отношеніямъ у насъ не было". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воздаетъ честь, славу и благодарность князю П. В. Долгорукову и „за прекрасный примѣръ, который онъ подаетъ всѣмъ княжескимъ и дворянскимъ фамиліямъ. Если онъ", замѣчаетъ Погодинъ,— „найдетъ подражателей, то Средняя наша Исторія освѣтится гораздо болѣе, а Новая получитъ богатые матеріалы для потомства". Пользуясь этимъ случаемъ, Погодинъ указываетъ на почтеннаго „ревнителя Русской Исторіи" князя М. А. Оболенскаго, который „занявъ теперь мѣсто Миллера, Стриттера, Бантышъ-Каменскаго и Малиновскаго, давно уже собираетъ матеріалы для подобной книги о родѣ князей Оболенскихъ".

Желая быть безпристрастнымъ, Погодинъ указываетъ и недостатки, которые онъ примѣтилъ въ сочиненіи князя Долгорукова. „Но главное мое обвиненіе", пишетъ рецензентъ,— „обвиненіе капитальное, въ которомъ я ни уступлю ни одной іоты автору, относится къ его имени. Онъ пишетъ и хочетъ, чтобы всѣ писали Долгоруковъ, а не Долгорукій. Ни за что! Ни за что! Это историческое святотатство... Ни въ одномъ старинномъ актѣ не читалъ я этой странной формы Долгоруковъ, какъ и Наговъ и Толстовъ".

Обращаясь ко всѣмъ князьямъ Долгоруковымъ, Погодинъ проситъ ихъ убѣдительно „не измѣнять своей исторической фамиліи—не послушаться въ этомъ случаѣ своего почтеннаго Исторіографа", а писать не Долгорук*овъ*, а Долгорук*ій*.

Въ той же рецензіи Погодинъ обращаетъ вниманіе и на слѣдующее: „Записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери фельдмаршала графа Шереметева, знаменитой своими необыкновенными несчастіями, теряютъ почти всю свою цѣну

отъ исправленій, кои были въ духѣ прошедшаго столѣтія, но теперь непозволительны. Надо просить владѣтелей драгоцѣнной рукописи, чтобы они издали ее въ первоначальномъ ея видѣ" [100]).

По поводу требованія Погодина писать Долгорук*ій*, а не Долгорук*овъ*, Арцыбашевъ писалъ ему: „Вы хотите, чтобы князья писались Долгорук*ими*, а не Долгорук*овыми*, и весьма справедливо, но (usus tyranus) они давно уже измѣнили свое первобытное прозвище и именуются послѣднимъ; въ доказательство приведу рескриптъ, данный мнѣ—на золотую милиціонную медаль—княземъ Юріемъ Владиміровичемъ; онъ тутъ подписался: князь Юрій Долгоруковъ; при уничтоженіи Мѣстничества приговоръ подписанъ также Долгорук*овыми*, а не Долгорук*ими*; слѣдовательно, дѣлать теперь нечего, какъ сообразжаться съ принятымъ или новымъ прозвищемъ; иначе введетъ въ сомнѣніе: не два ли эти разные рода. Въ первомъ томѣ *Собраніе Грамотъ и Договоровъ* найдете вы еще такія—напримѣръ, *Вельяминовъ*, вмѣсто *Веніаминовъ*,—употребляющіяся донынѣ и принявшія видъ правильности" [101]).

Въ 1840 году писатель школы Карамзинской Николай Дмитріевичъ Иванчинъ-Писаревъ напечаталъ въ Москвѣ *День въ Троицкой Лаврѣ*, *Вечеръ въ Симоновѣ монастырѣ*, *Утро въ Новоспасскомъ монастырѣ*. Эти сочиненія почтеннаго автора подверглись глумленію *Отечественныхъ Записокъ*. „Учитель его", читаемъ тамъ, – „Карамзинъ, что̀ очень хорошо. Предметъ его похвалы—время прошлое, и это очень хорошо. Цѣль его нападокъ—время нынѣшнее, что̀ не совсѣмъ хорошо. Какая-то сладенькая, иногда приторная чувствительность, вздохъ при взглядѣ на камелекъ, еще при видѣ упавшаго листка, грусть при полетѣ жучка,—и вотъ характеристика сердечныхъ движеній почтеннаго автора... Но дѣло не въ образѣ мыслей и не въ качествѣ ощущеній г. Иванчина-Писарева: дѣло въ томъ, что въ трехъ книжкахъ его очень много любопытныхъ историческихъ извѣстій, замѣчаній и приложеній. Его примѣчанія право любопытнѣе главнаго текста" [102]). Но

иначе отнесся Погодинъ къ этому писателю: „Г. Иванчинъ-Писаревъ посвящаетъ перо свое прославленiю предковъ, къ возбужденiю въ современникахъ чувствъ благочестiя, любви къ Отечеству, престолу, добродѣтели. Труды его достойны общей признательности. Самая *риторика*, къ которой онъ часто прибѣгаетъ, имѣетъ для меня въ этомъ смыслѣ свою цѣну. Простота, великое достоинство литературное, была бы здѣсь не у мѣста“.

Особенное вниманiе Погодина обратило замѣчанiе Иванчина-Писарева о благочестiи Русскомъ: „Вся дорога“, пишетъ онъ,— „усѣяна вереницами богомольцевъ. Я спрашивалъ: Откуда?— Изъ Епифани, Ельца, Тамбова *къ Троицѣ Сергiя — къ Сергiю Радонежскому.* — О Русь, Святая Русь! ты, не смотря па мудрованiя вѣка, не перестаешь тѣснить пути, стремясь къ великому слугѣ Божiему, къ твоему вѣковому предстателю. Скажу изъ глубины сердца: нѣтъ, на Троицкомъ пути я встрѣчалъ прямое вѣрованiе, прямую теплоту, прямое сокрушенiе простыхъ сердецъ, еще не изсякшiя въ нашемъ Отечествѣ“. Это примѣчанiе вызвало у Погодина воспоминанiе о своемъ путешествiи къ Троицѣ. „Никогда не забуду я“, пишетъ онъ,— „какъ однажды, прiѣхавъ къ Троицѣ, остановился я у церкви, гдѣ почиваетъ св. Сергiй, и дожидался, чтобъ отворили церковь, вдругъ спѣшитъ крестьянская старуха, опираясь на костыль, въ сопровожденiи четырехъ или пяти женщинъ. Дверь заперта. Подходитъ монахъ. Батюшка, обращается она къ нему, скоро ли заблаговѣстятъ къ вечернѣ? „Черезъ часъ“. Отецъ родной, нельзя ли теперь? „Нѣтъ, нельзя, подожди“. Монахъ прошелъ. Старуха была въ ужасномъ волненiи, и, казалось, не знала что дѣлать. „Почему же ты не хочешь подождать?“ сказалъ я. Кормилецъ! мочи нѣтъ, я не ѣла другой день, а хочется приложиться на тощакъ; не вынесу— и голодъ моритъ, да и силы нѣтъ: весь день мы почти бѣжали, чтобы поспѣть хоть къ вечернѣ. Кормилецъ, вотъ у меня есть двугривенный—нельзя ли дать ему, чтобъ онъ только отперъ мнѣ дверь теперь. Пусть улыбнутся наши умники;

но и теперь, безъ умиленія, я не могу вспомнить объ этой рѣчи, объ этомъ двугривенномъ, который вѣрно стоитъ Евангельской лепты и дороже иного милліона. Вотъ какимъ духомъ, подумалъ я тогда, вотъ какими молитвами, желаніями, Евангельскихъ избранныхъ ради, а не нашими философіями, изысканіями и открытіями, держится наша Святая Русь, и врата адова не одолѣютъ ю!"

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ находитъ, что многія свѣдѣнія „надо повторять безпрестанно отъ поколѣнія къ поколѣнію, чтобы они всегда были свѣжи въ народной памяти, напримѣръ: Доска съ гроба св. Сергія находилась при Петрѣ I во время Полтавскаго сраженія. Петръ, взявъ Азовъ, велѣлъ укрѣпить тамъ двѣ башни и назвать одну Сергіевской, а другую Никоновской. Царевны вышивали пелены или другія вещи для церквей, стоя и поя псалмы и пѣсни духовныя. Не только великіе князья, но и большая часть вельможъ у насъ оканчивали дѣятельную жизнь свою въ стѣнахъ монастыря" [103]).

Прочитавъ въ *Москвитянинѣ* рецензію на свои книжки, Иванчинъ-Писаревъ писалъ Погодину: „Что могу болѣе сказать о своей къ вамъ благодарности за упоминаніе столь внимательное и столь для меня лестное о моихъ бездѣлкахъ, какъ то, что до глубины сердца былъ тронутъ? Меня болѣе бранивали, чѣмъ хвалили, въ журналахъ. Друзья утѣшали меня,—говоря: „это обычай Русскихъ журналистовъ: брань оживляетъ журналъ". Я плохо понималъ этотъ образъ заманивать и образовывать вкусъ поколѣнія, но долженъ былъ покориться, не отвѣчая, разумѣется, никогда; ибо не однѣми формами письмянъ, но и этою чертою я Карамзинистъ. Я въ шутку назвалъ рецензіей полстраничку Сенковскаго, въ которой два раза названъ *благонамѣреннымъ*: это брань на языкѣ Сенковскаго. Я рисковалъ еще тащиться по обветшалымъ слѣдамъ Карамзина,—и вы весьма счастливо замѣтили, что я писалъ не для ученыхъ, не для археологовъ. За то мнѣ плетется вѣнокъ отъ нашихъ дамъ! Съ какимъ восторгомъ, нѣсколько и для меня смѣшнымъ, читаютъ онѣ *мнѣ* мои распѣвы, и бо-

жатся за себя и своихъ дочекъ, что никогда не рѣшатся читать одни числа и годы, розыски и доводы. Но и вы не ушли отъ замѣчаній. *Московскія Вѣдомости* застали и васъ (въ истинно превосходной статьѣ *) по богатству идей, живости образовъ, силѣ выраженій, сжатости, которая сыплетъ искры) и васъ застали въ *птичьемъ полетѣ;* и вашъ дважды упомянутый *поларшина* выставленъ; и объ *васъ сказано, что* „очарованный авторъ статьи увлекся пiитизмомъ своего видѣнія и забылъ о философіи, о вопросахъ *за* и *противъ* Петра, часто основательныхъ“. Только послушай ихъ: они охотники ошибать крылья, хотя и сами птицы *разноперыя*, осаживать восторгъ, охлаждать порывъ къ высокому, этотъ лучшій даръ Неба человѣку среди всѣхъ мерзостей земли. Порывы не по нутру позитивному вѣку; они слишкомъ благородятъ человѣка, — итакъ нужно выказать ихъ смѣшными. Я говорю здѣсь съ сочувственникомъ, съ русскимъ, съ благонамѣреннымъ русскимъ, не худо быть на стражѣ у поколѣнія и хранить его отъ заразъ всеохлаждающаго ученія“.

Но въ другомъ своемъ письмѣ Иванчинъ-Писаревъ вступается за *риторику*, въ которой отчасти упрекалъ его и Погодинъ. „Въ рецензіи“, пишетъ онъ, „столь для меня лестной, вы замѣчаете, что я исполненъ набожности и патріотизма. Итакъ, что такое набожность? — Чувство. Что такое патріотизмъ? — Чувство. Чѣмъ выражается чувство? — Риторикой. Отъ Псалмовъ, книги Бытія и Иліады до нашихъ брошюрокъ чувство не переставало выражаться риторикой. Еслибы я подчивалъ своихъ читателей извѣстіями, въ которомъ году такой-то архимандритъ устроилъ часы на колокольнѣ, а такой-то перепродалъ келліи такой-то обители и выстроилъ сарай для дровъ,—это дѣло другое“ [104]).

Вмѣстѣ съ брошюрами Иванчина-Писарева Погодинъ обратилъ вниманіе на книжку князя Александра Козловскаго: *Взглядъ на Исторію Костромы* **). Приступая къ разбору этого

*) *О Петрѣ I.*

**) Москва. 1840.

сочиненія, Погодинъ весьма основательно замѣчаетъ: „Всякое примѣчательное мѣсто въ Россіи должно быть описано, сперва хоть какъ-нибудь, а потомъ лучше и лучше. Надо возбуждать въ народѣ охоту къ историческимъ знаніямъ: пусть всякій мѣщанинъ знаетъ что-нибудь о своей приходской церкви, о городскомъ соборѣ, о своемъ городѣ, когда онъ построенъ, что съ нимъ было, кто изъ жителей оставилъ по себѣ добрую память, какія есть въ немъ достопамятности. Любопытство не остановится на этомъ: узнавъ о своемъ городѣ, захотятъ они узнать и объ Москвѣ, потомъ и о всей Россіи, и о всемъ Божіемъ свѣтѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ преподаетъ поучительное наставленіе сочинителямъ городскихъ Исторій. „Они должны", пишетъ онъ, — „помѣщать какъ можно менѣе *общаго* въ свои *частныя* Исторіи, развѣ гдѣ общее сливается совершенно съ частнымъ, напримѣръ, пребываніе Михаила Ѳедоровича въ Костромѣ... Общій историкъ долженъ заимствовать отъ частнаго, а не на оборотъ". По поводу упоминанія о преподобныхъ Іаковѣ Желѣзно-борокскомъ и Геннадіи Костромскомъ Погодинъ указываетъ на важное значеніе Житій Святыхъ, какъ историческій источникъ. „Житія Святыхъ", пишетъ онъ, — „есть такой драгоцѣнный источникъ Исторіи и Литературы, который доставитъ множество *воды живыя* для той и другой. Жаль, что никто у насъ не обращаетъ на него вниманія, жаль, что они не издаются какъ должно". При этомъ Погодинъ обращаетъ вниманіе и нашихъ литераторовъ, особенно „молодыхъ", на „Житія нашихъ святыхъ, древнія сказанія о монастыряхъ и церквахъ, молитвы и службы, какъ на источникъ поэзіи высокой, національной". „Они вообразить еще не могутъ", пишетъ онъ, — „что за сокровища тамъ найдутся. Пора, пора намъ выбраться изъ нѣмецкой теми и дичи и познакомиться съ этими заповѣдными лугами, дубровами и нивами, гдѣ красуются райскіе цвѣты и плоды, а не поддѣльные, тафтяные". Читая книжку князя Козловскаго объ исторіи Костромы, Погодинъ съ горестью увидѣлъ новыя доказательства, „съ какимъ варварствомъ продолжаетъ поступать невѣжество съ

священными памятниками нашей древности". Въ Юрьевѣ, въ 1821 году, были еще цѣлы нѣкоторыя древнія башни; на мѣстѣ, гдѣ явилась икона Θедоровскія Божіей Матери, основанъ монастырь Спасо-Запрудненскій; но въ 1840 году церковь эта была уже передѣлана по новѣйшей архитектурѣ „усердіемъ христолюбивыхъ городскихъ жителей... Избави насъ Богъ отъ этого невѣжественнаго усердія", пишетъ Погодинъ,— которое изглаживаетъ всѣ слѣды нашей старины не только въ селахъ, но и въ городахъ и столицахъ, измѣняя ихъ какою-то новѣйшею архитектурою". Церковь Θеодора Стратилата по многимъ догадкамъ была первою каменною церковью въ Костромѣ, но ее, къ сожалѣнію, передѣлали. Домъ, принадлежащій будто бы Матвѣеву, въ 1840 году предположено было перестроить для помѣщенія духовнаго училища. Въ келіяхъ Ипатіевскаго монастыря, гдѣ жилъ Михаилъ Θеодоровичъ, стѣны были расписаны изображеніемъ восшествія его на престолъ. Къ 1840 году келіи сіи выбѣлены.

Изъявляя благодарность князю Козловскому за его трудъ, Погодинъ выражаетъ желаніе, чтобы при второмъ изданіи онъ обратилъ вниманіе на Исторію промысловъ Костромичей, ихъ богатства и бѣдности; собралъ бы свѣдѣніе о гражданахъ примѣчательныхъ по добродѣтелямъ, по уму, по богатству, по подвигамъ, по какимъ-нибудь особенностямъ — кромѣ помянутыхъ, имѣвшихъ гражданское и политическое значеніе.

XX.

Съ давнихъ лѣтъ Смутное время составляло предметъ любимаго изученія Погодина. „Тридцати-лѣтній періодъ, отъ смерти Грознаго до вступленія на престоль фамиліи Романовыхъ", пишетъ онъ,—„есть самый богатый происшествіями, характерами, случаями, явленіями, матеріалами и вопросами. Надолго еще будетъ здѣсь работы изслѣдователямъ, критикамъ, историкамъ. Для романистовъ, нувеллистовъ, драматиковъ источ-

никъ неизсякаемый. Въ послѣднее время найдено множество новыхъ источниковъ. Одно собраніе актовъ Археографической Экспедиціи представляетъ сокровища неоцѣненныя".

Понятно, что появленіе такой книги, какъ сочиненіе сенатора Д. П. Бутурлина: *Исторія Смутнаго времени въ началѣ XVII вѣка* *) возбудило въ Погодинѣ живѣйшій интересъ. Приступая къ разбору этого сочиненія, онъ говоритъ: „Г. Бутурлинъ принялъ на себя обязанность воспользоваться вновь сдѣланными открытіями и перенесть ихъ въ Исторію, которой непремѣнно нужно періодическія обновленія такого рода. Трудъ почтенный, заслуживающій полную благодарность публики, тѣмъ болѣе, что онъ сопровождается новыми мыслями, новыми взглядами автора, которые доказываютъ его любовь къ предмету, стремленіе къ истинѣ, внимательное изученіе. Вы можете спорить съ его положеніями—тѣмъ лучше: въ этихъ спорахъ жизнь науки, которая подвигается ими впередъ,—но вы обязаны ему уваженіемъ, обязаны благодарностію, которая должна выражаться во всякой строкѣ вашей".

Обращаясь же къ общественному положенію автора, Погодинъ высказываетъ: „Наконецъ нельзя упустить здѣсь еще одного обстоятельства, важнаго особенно у насъ. Исторія Смутнаго періода принадлежитъ государственному сановнику, который удѣлилъ на обработываніе ученаго предмета время отъ трудовъ гражданскихъ. Много ли такихъ примѣровъ? Они на перечетъ еще! Тѣмъ болѣе должны мы уважать начинателей и привѣтствовать ихъ на своемъ поприщѣ съ рукоплесканіями, а не кликами порицанія. Такъ пришлось къ слову. Да, мы читали съ отвращеніемъ рецензію этой книги г. Полеваго..."

Отдавая справедливость достоинствамъ сочиненія Бутурлина, Погодинъ, однако, выражаетъ „совершенное несогласіе" съ мнѣніемъ Автора объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича Димитрія. „Не Годуновъ виноватъ", пишетъ Погодинъ,— „въ погибели Царевича Димитрія! Ѳеодоръ жилъ еще семь лѣтъ

*) С.-Пб. 1839 и 1841. Часть первая—вторая.

по кончинѣ Св. Димитрія, могъ имѣть дѣтей, и имѣлъ ихъ, могъ потерять жену и жениться на другой, и проч.—Не слишкомъ ли рано было Годунову замышлять въ 1591 году свое злодѣяніе? Неужели Годуновъ, при великомъ умѣ своемъ, извѣстной осторожности и мнительности, не умѣлъ совершить своего злодѣянія тише, скрытнѣе, по крайней мѣрѣ не среди бѣлаго дня, не при свидѣтеляхъ? Какъ вздумалъ онъ послать на слѣдствіе Василья Шуйскаго, принадлежавшаго къ роду лютѣйшихъ враговъ его, и отдавать ему въ руки такія страшныя на себя улики; Шуйскаго, который даже не получилъ никакого награжденія за то ни въ Ѳеодорово, ни въ Борисово царствованіе! Впрочемъ, я писалъ объ этомъ подробное разсужденіе лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, которое *изподтишка* было переписано нѣкоторыми новыми изслѣдователями, и къ которому я теперь отсылаю моихъ читателей".

Прочитавъ эту рецензію, Бутурлинъ замѣтилъ: „Г. Погодинъ не принадлежитъ къ числу такихъ порицателей, коимъ отвѣчать было бы противно достоинству благовоспитаннаго человѣка. Его критика, хотя по мнѣнію нашему несправедлива, но добросовѣстна, изложена въ приличныхъ выраженіяхъ, и указываетъ прямо на замѣченные имъ недостатки. Слѣдовательно, она заслуживаетъ тщательнаго разбора и отвѣта", а потому Бутурлинъ написалъ *Замѣчанія на критику г. Погодина Исторіи Смутнаго Времени.*

Свои *Замѣчанія* Д. П. Бутурлинъ прочелъ князю П. А. Вяземскому, который писалъ Погодину: „Д. П. Бутурлинъ читалъ мнѣ возраженія на ваши замѣчанія о книгѣ его и говорилъ, что хочетъ напечатать ихъ въ одномъ изъ Петербургскихъ журналовъ. Я выпросилъ статью его съ тѣмъ, чтобы передать ее вамъ для напечатанія въ *Москвитянинѣ*, или по крайней мѣрѣ дать вамъ на выборъ видѣть ее напечатанною у васъ, или въ другомъ журналѣ. Если позволите мнѣ дать мой голосъ въ этомъ дѣлѣ, то скажу откровенно, что на вашемъ мѣстѣ напечаталъ бы я ее у себя". Отвѣтъ Погодина на это письмо князь Вяземскій сообщилъ

Бутурлину. О содержаніи этого отвѣта мы узнаемъ изъ другого письма князя Вяземскаго Погодину: „Я сообщилъ письмо ваше Д. П. Бутурлину“, пишетъ онъ,—„онъ оставляетъ совершенно на вашъ произволъ печатать отвѣтъ особо, или въ видѣ возраженія подъ каждымъ пунктомъ его замѣчаній. Между тѣмъ онъ изъявилъ мнѣ сожалѣніе, что вы признаете отвѣтъ его насмѣшливымъ, и готовность исключить изъ онаго послѣднія строки о буквѣ к *), если онѣ въ особенности показались вамъ неумѣстными. Въ письмѣ вашемъ говорите вы мнѣ: „Какъ хозяинъ у себя въ домѣ, постараюсь избѣгнуть ихъ (то-есть, насмѣшекъ)“. Какъ должно разумѣть эти слова? Что вы, какъ хозяинъ, не будете трунить надъ своимъ гостемъ? Такъ ли? А не то, что, какъ хозяинъ дома, выключите вы изъ статьи то, что находите неприличнымъ, на что, разумѣется, Бутурлинъ согласиться не можетъ. Я, опять непрошеный, позволю себѣ сказать свое мнѣніе: кажется мнѣ, что вы точно накидали свои замѣчанія на скорую руку и потому впали въ погрѣшности. Въ такомъ случаѣ лучше всего пропустить ихъ молчаніемъ. На мнѣніе же автора отвѣчать вамъ своими мнѣніями ни къ чему не поведетъ. У васъ нѣтъ новыхъ фактовъ, изливающихъ свѣтъ на предметъ, предлежащій спору вашему. Это дѣло присяжное. Вы говорите: по совѣсти моей предъ Богомъ и людьми, Годуновъ правъ. Бутурлинъ также говоритъ: Годуновъ виноватъ. Оставьте общему мнѣнію или потомству утвердить тотъ или другой приговоръ. Такимъ образомъ я на вашемъ мѣстѣ напечаталъ бы статью Бутурлина безъ возраженій, безъ журнальной перепалки: оно было бы хорошо и ново, а развѣ прибавить маленькую оговорку: что, какъ хозяинъ дома вѣжливый и безпристрастный, вы охотно разрѣшаете гостю вашему отстаивать свое мнѣніе—противорѣчить вамъ, предоставляя себѣ въ другой разъ и при удобномъ случаѣ—для избѣжанія спора—представить свои поясненія и отмѣтки“.

---

*) Бутурлинъ напечаталъ: тѣло Самозванца было сожжено на котлахъ. Погодинъ замѣтилъ: *Котлы* есть село около Москвы.

Какъ бы то ни было, *Замѣчанія* Бутурлина Погодинъ напечаталъ въ своемъ *Москвитянинѣ* „съ чувствомъ особенной благодарности за лестную довѣренность“.

Погодинъ, однако, не принялъ благоразумнаго совѣта князя Вяземскаго не отвѣчать на возраженія Бутурлина. Напечатавъ эти *возраженія* въ Москвитянинѣ, онъ сопроводилъ ихъ своими оправдательными замѣчаніями и, сверхъ того, упрекнулъ Бутурлина въ его невниманіи къ похваламъ, высказаннымъ въ критикѣ. Тонъ Погодинскихъ примѣчаній крайне не понравился питомцу Погодина Бецкому, который писалъ ему:

„Отвѣтъ вашъ на рецензію Бутурлина не понравился мнѣ. Или онъ, можетъ, какой тузъ изъ Индѣйскихъ. Онъ ругается, а вы какъ будто благодарите“ [105]).

Вращаясь преимущественно въ сферѣ Древней, до-Петровской Русской Исторіи, Погодинъ не оставался равнодушенъ и къ новой. Любимымъ героемъ его, послѣ Петра, былъ Суворовъ. Погодинъ съ радостью сталъ помѣщать въ *Москвитянинѣ Разсказы о Суворовѣ*, полученные имъ при слѣдующемъ письмѣ нѣкоего *А. А—скій*: „По частной необходимости проѣзжая степныя мѣста южной губерніи, я завернулъ къ одному моему родственнику, заслуженному штабъ-офицеру. Проживши въ царской службѣ почти сорокъ лѣтъ, покрытый тяжелыми ранами, онъ скрылся въ дальнемъ отъ обѣихъ столицъ краю обширнаго отечества, и тамъ свободный отъ гражданскихъ обязанностей и мірскихъ суетъ наслаждается пожатыми лаврами въ ожиданіи послѣднихъ дней земного поприща. Въ глуши, куда съ трудомъ проникаетъ свѣтъ современнаго развитія наукъ, онъ, хоть поверхностно, однакожъ слѣдитъ за ходомъ народнаго образованія. Часто въ дружеской бесѣдѣ онъ вспоминаетъ прошедшее, особенно времена Суворовскія, и съ энергіею молодого воина разсказываетъ такіе случаи своей жизни, которые стоятъ многихъ томовъ нашей литературной промышленности. Въ бытность мою у него и я не разъ бывалъ въ числѣ слушателей, не разъ восхищался прелестью его разсказовъ, приправленныхъ ѣдкою ироніею на новое поколѣніе. Однажды мнѣ попались

походныя его записки. Увлеченный любопытствомъ, я перелистывалъ книгу и нашелъ въ ней много замѣчаній, довольно важныхъ. Между прочими статьями попадались разные анекдоты и характеристическіе портреты извѣстнѣйшихъ мужей на Русскомъ военномъ поприщѣ. Тутъ же я прочиталъ и эти три разсказа, которые прилагаю при письмѣ. Я выпросилъ позволеніе напечатать ихъ въ издаваемомъ вами журналѣ *Москвитянинѣ*. Если эти разсказы имѣютъ какой-нибудь общій интересъ для читающей публики, то съ удовольствіемъ отдаю мою рукопись въ ваше распоряженіе; и если подобныя статьи могутъ сколько-нибудь служить къ объясненію историческихъ характеровъ, ознаменовавшихъ свою жизнь извѣстными свѣту подвигами, то я приложу всеусерднѣйшее мое стараніе и выпрошу у моего родственника много другихъ разсказовъ, гораздо важнѣйшихъ по содержанію" [106]).

Погодинъ воспользовался этимъ сообщеніемъ и помѣстилъ на страницахъ *Москвитянина* цѣлый рядъ воспоминаній этого Суворовца, которыя потомъ издалъ и отдѣльною книгою подъ заглавіемъ *Разсказы Стараго Воина о Суворовѣ*. Издатель придавалъ этимъ разсказамъ большую цѣну и усердно рекомендовалъ ихъ бывшему военному министру графу Д. А. Милютину для распространенія ихъ въ средѣ воспитанниковъ Военно-Учебныхъ заведеній.

Рядомъ съ занятіями Древнею Исторіею Погодинъ интересовался и Новѣйшею Исторіей. Такъ, гуляя съ гостившимъ у него А. А. Куникомъ по тѣнистымъ липовымъ аллеямъ своего сада, Погодинъ бесѣдовалъ съ нимъ не только объ Исторіи Силезіи, но также и о приснопамятной эпохѣ *Двѣнадцатаго года*. Объ одной изъ такихъ бесѣдъ вотъ что записалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Съ Куникомъ, который спорилъ, что морозъ истребилъ Наполеоново войско..." [107]).

Отдѣлу *Матеріаловъ для Исторіи Россіи и ея Словесности* Погодинъ отвелъ въ *Москвитянинѣ* почетное мѣсто, и въ этомъ отношеніи онъ явился родоначальникомъ и *Русскаго Архива*, и *Русской Старины*.

XXI.

Въ качествѣ секретаря Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Погодинъ издалъ вторую и третью книжку *Русскаго Историческаго Сборника*. Въ одной изъ этихъ книжекъ появилась статья самого Президента Общества, графа С. Г. Строганова, о серебрянныхъ вещахъ, найденныхъ во Владимірской и Ярославской губерніяхъ въ 1836 и 1837 годахъ.

Потерпѣвъ крушеніе въ Московскомъ Университетѣ, А. М. Кубаревъ нашелъ себѣ пріютъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, и сюда онъ перенесъ свою ученую дѣятельность. Давно изучая твореніе нашего лѣтописца Нестора, онъ написалъ о немъ большое сочиненіе, которое было отдано на разсмотрѣніе С. П. Шевырева. Послѣдній въ засѣданіи Общества (1 февраля 1841 г.) заявилъ, что „порученное ему на разсмотрѣніе изслѣдованіе Кубарева о Несторѣ не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго въ цензурномъ отношеніи противъ подобныхъ статей автора о Патерикѣ, равно какъ и сравнительно съ изслѣдованіями преосвященнаго Евгенія, Тимковскаго, Буткова и Калайдовича, кромѣ одного мѣста о числѣ, которое авторъ и согласился исключить", почему Общество и опредѣлило напечатать это изслѣдованіе Кубарева въ четвертой книжкѣ *Сборника*" [108]). Въ судьбѣ этого сочиненія Погодинъ принималъ живѣйшее участіе, и потому былъ очень доволенъ этимъ опредѣленіемъ Общества [109]).

Такимъ образомъ Русская Литература обогатилась прекраснымъ сочиненіемъ А. М. Кубарева, которое, подъ заглавіемъ *Несторъ, первый писатель Россійской Исторіи церковной и гражданской*, вышло въ свѣтъ въ Москвѣ въ 1842 году.

Въ то время, когда Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ печатало третій томъ *Повѣствованія о Россіи* Арцыбашева и препиралось по поводу онаго съ цензоромъ И. М. Снегиревымъ, дни автора этого многолѣтняго труда были уже изочтены. Еще въ началѣ 1841 г. онъ

писалъ Погодину: „Чудное дѣло, какъ И. М. Снегиревъ сталъ робокъ въ пропускѣ книгъ: сомнѣвается даже въ актѣ, изданномъ по Высочайшему повелѣнію! Еслибы я подсвистывалъ моимъ предшественникамъ, то иностранцы имѣютъ актъ въ рукахъ и произведутъ его въ дѣло, порицая нашихъ дѣеписателей невѣжественнымъ подражаніемъ, а потомство будетъ судить, что мы къ Исторіи еще не созрѣли". Послѣдніе годы своей жизни Арцыбашевъ занимался Новою Русскою Исторіею и взывалъ къ Погодину: „О, еслибы вы помѣстили извлеченія изъ книгъ: Бишинга, Вебера, Физельдека, *), Миниха, и проч. и проч.! Наша Новая Исторія весьма бѣдна; кому же ее обогатить какъ не вамъ, когда *кто-то изъ толпы издалъ записки герцога де-Лиріа* въ *Сынѣ Отечествѣ* 1839 г." Замѣтимъ здѣсь кстати, *Записки герцога де-Лиріа* переведены и напечатаны послѣднимъ секретаремъ, тоже отшедшей въ вѣчность въ 1841 году, Россійской Академіи, почтеннымъ Д. И. Языковымъ, другомъ юности самого Арцыбашева, и этотъ трудъ Языкова былъ очень полезенъ для его товарища. „Я", писалъ Арцыбашевъ Погодину,— „дня два тому назадъ распрощался съ своимъ почтеннымъ собесѣдникомъ, герцогомъ де-Лиріа... Теперь тружусь надъ описаніемъ правительства императрицы Анны". Занимаясь новымъ періодомъ Русской Исторіи, Арцыбашевъ, по своему странному обычаю, вооружился противъ изслѣдователей этого періода Вейдемейера и Арсеньева, и въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ Погодину писалъ: „Я, правда, и не силенъ, а посерживаюсь на Вейдемейера; какъ можно такія прекрасныя извѣстія писать безъ всякой ссылки? Эти господа превосходительные думаютъ, что они пріобрѣли уже право на неограниченную довѣренность! Анъ нѣтъ.... Арсеньевъ также хотя и даетъ мѣстами выписки изъ не напечатанныхъ актовъ: но *неглиже съ отвагой*. Сверхъ того, *судитъ и рядитъ и вдоль носа глядитъ отъ себя*: какъ будто бы видѣлъ все самъ!" [110]).

Это письмо писано Арцыбашевымъ 18 марта 1841 года,

*) Псевдонимъ знаменитаго Шлецера.

а 27 августа того же года онъ скончался. Между тѣмъ Погодинъ, ничего не зная даже и о болѣзни Арцыбашева, въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 27 сентября 1841 года, по обязанности секретаря читалъ слѣдующую записку о ходѣ изданій Общества: „*Повѣствованія о Россіи* г. Арцыбашева печатаются оба отдѣленія третьяго тома въ одно время. Послѣдняя корректура посылается къ автору въ Цивильскъ. Печатаніе было замедлено нѣсколько по той причинѣ, что одинъ листъ изъ царствованія Θеодора Іоанновича съ повѣствованіемъ о гибели царевича Димитрія препровожденъ былъ отъ Московскаго цензурнаго комитета въ Главное правленіе цензуры, которое возвратило съ замѣчаніями. Замѣчанія отправлены были къ автору, который сдѣлалъ по онымъ исправленіе. Исправленный опять былъ переданъ въ Цензурный комитетъ, который поручилъ разсмотрѣть оный цензору Снегиреву [111]).

Когда это читалось, Арцыбашева, какъ мы уже знаемъ, не было въ живыхъ. Вскорѣ послѣ того Погодинъ получаетъ письмо отъ вдовы покойнаго. „Зная ваши соотношенія“, писала она,—„съ покойнымъ моимъ мужемъ, почла себѣ обязанностію извѣстить васъ о его кончинѣ, случившейся прошлаго августа въ 27 день, и прибѣгнуть къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою подать мнѣ чистосердечный и полезный совѣтъ, какъ должна я поступить съ изданною, съ издаваемою и вновь заготовленною *Исторіею Государства Россійскаго*. Покойный не успѣлъ довести ее до предназначенной имъ цѣли, то-есть, до смерти Елизаветы Петровны. Остались не доконченными девятнадцать лѣтъ. Корректурные листы обращаю назадъ, они свѣрены и вмѣстѣ съ ними посылаю рукописный, по немъ еще много недостаточно; повѣряла ихъ со вниманіемъ, ошибокъ мало; извините, если при поправкѣ найдете мѣста, измаранныя чернилами, это произошло отъ непривычки къ такого рода занятіямъ, и до которыхъ одно несчастіе могло меня довести; впередъ постараюсь быть аккуратнѣе. Отзывъ покойнаго моего мужа о вашемъ къ нему благорасположеніи и благородствѣ

чувствъ вашихъ подаетъ мнѣ полную надежду, что вы не отвергнете моей всепокорнѣйшей просьбы—быть мнѣ руководителемъ, окромѣ васъ я не имѣю никого, къ кому бы могла отнестись въ подобныхъ случаяхъ. Итакъ, милостивый государь, простите великодушно, если я затрудняю васъ". Съ полнымъ сочувствіемъ отнесся Погодинъ къ горю несчастной вдовы. „Чувствительно вамъ обязана", отвѣчала она,—„за участіе, которое вы принимаете въ покойномъ моемъ мужѣ; хотя и совѣстно, но рѣшусь сказать откровенно, что онъ по добротѣ своей, справедливости и по преданности къ Отечеству, для котораго и взялъ на себя столь многолѣтній трудъ, достоинъ былъ уваженія. Да! усилія, употребленныя имъ въ послѣдніе полтора года, когда онъ писалъ четвертый томъ, совершенно изнурили его здоровье. Даже въ самой слабости послѣ болѣзни торопился окончить свою Исторію, и это напряженіе умственныхъ способностей произвело приливъ крови на мозгъ; 25 августа въ 5 часовъ сдѣлался съ нимъ лихорадочный пароксизмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ спячка, такъ что едва успѣли его на другой день пріобщить. Просыпался уже черезъ сутки, и то на нѣсколько секундъ, потомъ засыпалъ тотчасъ; всѣ старанія лѣкаря остались безуспѣшны; 27 августа, за семь часовъ до смерти, спалъ уже безъ просыпу и ровно въ двое сутокъ, то-есть, 27 въ 5 часовъ по полудни скончался. Мнѣ было бы крайне пріятно сообщить вамъ что-нибудь особенное въ жизни покойника, но истинно не нахожу ничего: онъ изъ пристрастія къ Отечественной Исторіи оставилъ всѣ притязанія и на чины, и на почести. Будучи съ малолѣтства воспитанъ въ Петербургѣ у Бамане въ Пансіонѣ, учился только Французскому и Нѣмецкому языкамъ. Латинскому, Англійскому, Италіанскому и поверхностно многіе другіе изучилъ самъ, на что также требовалось много времени. Желала бы душевно исполнить волю вашу насчетъ его біографіи; но право никого не знаю. Онъ имѣлъ короткихъ себѣ любителей Словесности и въ Петербургѣ, и въ Казани, когда онъ служилъ; но имѣлъ ихъ не много. Первые труды его была *Рогнѣда или Взятіе*

Полоцка, потомъ, между временемъ, для отдыха писалъ нѣсколько стиховъ и другіе отрывки. Чувствительно обяжете, если избавите меня отъ корректуры; не зная Польскаго и Греческаго языковъ, легко могу сдѣлать погрѣшность. Препровождаю рукописные листы, которые вы желаете. Затѣмъ повторяю мою всепокорнѣйшую просьбу: быть моимъ руководителемъ".

Черезъ три года по кончинѣ Арцыбашева Погодинъ получилъ отъ его вдовы письмо, въ которомъ заключаются слѣдующія біографическія данныя: „Что касается до біографіи покойнаго моего мужа", писала она,—„то онъ, по строгости своихъ правилъ, давши честное слово своимъ знакомымъ непремѣнно написать Исторію, посвятилъ на нее всю свою жизнь; однѣ юридическія бумаги иногда отвлекали его, а впрочемъ всѣ хозяйственныя обязанности возложены были на меня. Онъ обыкновенно вставалъ въ 6 часовъ утра, напившись чаю, отъ 7 до 12 часовъ, не выходилъ изъ своего кабинета, потомъ послѣ обѣда, успокоясь нѣсколько минутъ, отъ 3, а иногда даже отъ 2 съ половиною часовъ писалъ до 6. Одно воскресенье давалъ себѣ свободу цѣлые послѣ обѣда, потому что въ этотъ день, по обыкновенію, собирались наши знакомые. Выѣзжалъ очень рѣдко, развѣ случалась какая необходимость" [112]).

Мы знаемъ, что Погодинъ давно стремился проникнуть въ Московскую Сѵнодальную и Типографскую библіотеки; но это до сихъ поръ ему неудавалось. Наконецъ, въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ было прочитано письмо Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода на имя Вице-Президента Общества, коимъ онъ увѣдомляетъ, „что Контора Св. Сѵнода, согласно указу Св. Сѵнода, предписала указомъ сѵнодальному ризничему іеромонаху Евстафію, чтобы онъ допускалъ въ Сѵнодальную Библіотеку членовъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, для изученія рукописей, по предъявленіи ими билетовъ, выдаваемыхъ отъ Общества за подписью секретаря, профессора Погодина; равно о семъ же посланъ указъ въ контору Московской Сѵнодальной типографіи" [113]).

XXII.

Въ то время, когда Погодинъ занятъ былъ изданіемъ *Москвитянина*, Кіевскій пріятель его М. А. Максимовичъ приступилъ къ составленію второй книжки своего *Кіевлянина*. Судьбы Кіевской и Галицкой Руси, языкъ ея послужили главнымъ содержаніемъ и второй книжки. Въ ней, между прочимъ, нашли себѣ мѣсто Родословныя записки, въ коихъ поименовано до девяноста дворянскихъ фамилій на Волыни, принадлежавшихъ въ XVII вѣкѣ къ Православной Церкви.

16 марта 1841 года Максимовичъ писалъ Погодину: „Наконецъ, дочиталъ и подписалъ корректуру двадцать перваго и—слава тебѣ, Господи—послѣдняго листа *Кіевлянина!* Измучился, истратился до-нельзя; а что будетъ за наличный трудъ и наличныя траты, не знаю, да и не предвижу ничего отраднаго. Вспоминаю Раича, котораго утѣшали, говоря, что хорошо литераторамъ—напишутъ да и читаютъ. Вспоминаю и В. И. Оболенскаго, который послѣ изданія *Платоновыхъ разговоровъ* цѣлую недѣлю игралъ на флейтѣ безъ сапоговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Максимовичъ жалуется Погодину, что *Кіевлянину* не судьба содержать въ себѣ что-нибудь примѣчательное. Надеждинъ написалъ мнѣ *Палладія Роговскаго*—здѣсь не пропустили. Зубрицкій написалъ мнѣ статью о *Галицкой Руси*—она не дошла сюда изъ Радзивилова. Хомяковъ написалъ мнѣ *Кіевъ*—изъ первой книги вырвалъ его Карлгофъ своею временно-попечительскою властью" [114]).

Не смотря на это, *Кіевлянинъ* Максимовича обратилъ на себя достодолжное вниманіе всего ученаго міра. Такъ, С. М. Соловьевъ, приступая къ разбору *Кіевлянина*, начинаетъ свою рецензію словами лѣтописца: „Кто убо не возлюбитъ Кіевскаго княженія, понеже вся честь, и слава, и величество, и глава всѣмъ землямъ Русскимъ Кіевъ и отъ всѣхъ дальнихъ многихъ царствъ стецахуся всяко человѣцы, и купцы, и всякихъ благихъ отъ всѣхъ странъ бываше въ немъ". Далѣе Соловьевъ говоритъ: „Погибла честь и слава, и величество Кіева,

но великому старцу осталось лучшее украшеніе старости— воспоминаніе славнаго прошедшаго; не погибла къ нему и любовь народная: толпы пришельцевъ изъ странъ далекихъ не переставали посѣщать его. То не были толпы ратниковъ подъ знаменами враждующихъ князей, то были толпы богомольцевъ, стекавшихся не дивиться его чести, и славѣ, и величеству, но смиренно поклониться памятникамъ вѣчнымъ, остаткамъ нетлѣннымъ"... Появленіе въ свѣтъ *Кіевлянина* Максимовича Соловьевъ привѣтствовалъ такими словами: „Наконецъ пришла пора бросить просвѣщенный взглядъ на пройденное поприще, уяснить себѣ прошедшее для уразумѣнія настоящаго и будущаго: для этого надобно было исполнить обѣщаніе Боголюбскаго, поставить въ Кіевѣ храмъ... И храмъ воздвигнутъ лучше, чѣмъ Золотыя Ворота, лучше, чѣмъ хотѣлъ Боголюбскій; воздвигнутъ храмъ Вѣры и Науки вмѣстѣ, посвященный имени Святого Просвѣтителя Россіи. Наука посѣтила славныя развалины, и развалины заговорили, и Кіевъ далъ объ себѣ вѣсть". Затѣмъ, разобравъ важнѣйшія статьи *Кіевлянина*, Соловьевъ заключаетъ свой разборъ такими словами: „Вполнѣ достигаетъ своей прекрасной цѣли издатель *Кіевлянина*. Передъ нами только двѣ книжки, но уже сколько относящагося къ бытію Кіева и всей Южной Руси изслѣдовано и приведено въ надлежащую извѣстность, и все это совершено усиліями только одного ученаго". При этомъ Соловьевъ выражаетъ желаніе, чтобы „по примѣру *Кіевлянина* появились и Смольнянинъ, и Тверитянинъ, и Черниговецъ, и Рязанецъ съ подробными извѣстіями о своихъ Дубровицахъ, Луцкахъ и Острогахъ! Но за матерью городовъ Русскихъ останется послѣ Москвы честь и слава благого начинанія!"

Покончивъ съ *Кіевляниномъ* и получивъ увольненіе отъ службы, Максимовичъ не замедлилъ оставить Кіевъ. 28 апрѣля 1841 года онъ навсегда простился въ Михайловскомъ Златоверхнемъ монастырѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ. Святитель подарилъ на память своему другу прекрасный эстампъ Спасителя Леонардо Винчи, предъ которымъ онъ писалъ всѣ

лучшія свои творенія: *Седмицы* и *Послѣдніе дни земной жизни Спасителя*.

За нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Кіева, Максимовичъ писалъ Погодину: „Дня черезъ два прощаюсь съ Кіевомъ, и поплыву на дубѣ широкимъ раздольемъ Днѣпра на свою Гору. Богоспасаемому Граду желаю новаго благословенія Божія, а тебѣ здоровья и успѣха въ твоихъ предпріятіяхъ. Зачѣмъ и ты это хвораешь? Негодится! Москва и Москвитяне помоложе Кіевлянъ“ [115]).

Имѣніе Максимовича, Михайлова Гора, находится на лѣвомъ берегу Днѣпра въ Золотоношскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, верстахъ въ ста шестидесяти отъ Кіева. Мѣстность Михайловой Горы необыкновенно живописна. Вотъ какъ описываетъ ее самъ владѣлецъ: „Прямо противъ того мѣста, гдѣ рѣка Рось поворачиваетъ къ Днѣпру, на нашей сторонѣ его, надъ селомъ Прохоровкою, выдалась моя Михайлова Гора, съ которой такъ далеко видно во всѣ стороны. Сколько разнообразныхъ картинъ сливается здѣсь въ одну полную, живую панораму, и какъ хорошо отсюда поглядѣть на просторъ и красоту Божьяго міра!.. Цѣлую половину кругозора моего обнялъ собою Днѣпръ, сверкая мнѣ на шестидесяти верстахъ своего теченія. Прекрасенъ Днѣпръ и въ сіяніи дневномъ, когда на его свѣтлыхъ водахъ забѣлѣются полные паруса, ныряя въ зелени прибрежныхъ деревъ, и въ сумракѣ ночномъ, когда на его стемнѣвшихъ берегахъ засвѣтятся огни и мимо ихъ проходятъ огни на плывущихъ плотахъ. Прекрасенъ видъ Заднѣпровья, съ широкими раздолами его темныхъ, лѣсистыхъ луговъ, разлегшихся на полдень отъ Роси, подъ синѣющимися полосами горъ Корсунскихъ и Мошенскихъ, съ его величавою, нарядною возвышенностью Роденскою, бѣлѣющею въ концѣ своемъ городомъ Каневомъ, и съ выходящею изъ-за Канева отраслью Терехтемировскихъ горъ. Но еще ненаглядпѣе для меня видъ побережья, на которомъ, какъ на разостланномъ коврѣ, безпечно раскинулись наши села. Тамъ улеглась бездна зелени, въ лугахъ и лѣсахъ, сплетаясь безчисленными очерками и оттѣн-

ками въ одну ткань съ струями и зыбями блѣдножелтыхъ песковъ, поднимающихся холмами на сѣверъ. А на востокъ отъ меня потянулась привольная степь, съ разсѣянными по ней лѣсками, садиками и хуторами и этими таинственными могилами, безъ которыхъ и степь не степь на Украйнѣ". Въ этой-то живописной мѣстности на Михайловѣ Горѣ, расположенной противъ того горнаго хребта, гдѣ нѣкогда существовалъ историческій городъ Родня, и поселился М. А. Максимовичъ. Съ того времени въ Литературѣ нашей Михайлова Гора сдѣлалась неразлучною съ его именемъ. Князь П. А. Вяземскій писалъ Пономареву: „Еслибы я чего могъ желать въ моей жизни, то пожить на Михайловой Горѣ" [116]); а владѣлецъ ея въ такихъ стихахъ изливалъ свои чувства:

Я къ Горѣ моей прикованъ
Словно цѣпію стальной,
И тоска-печаль какъ воронъ
Сердце мнѣ клюетъ порой;
Но и здѣсь еще мелькаетъ
Милый призракъ лучшихъ дней,
И мнѣ радость навѣваетъ
Сладкопѣвецъ соловей [117]).

Въ то время, когда Максимовичъ уединялся на свою Михайлову Гору, Древлехранилище его друга Погодина на Дѣвичьемъ Полѣ все болѣе и болѣе распространялось и процвѣтало. „Помогай тебѣ Богъ", писалъ ему Шевыревъ,—„въ самомъ дѣлѣ такъ и валитъ. Тебѣ Правительство должно давать деньги ужъ и за то, что ты собираешь. Но все это со временемъ должно сдѣлаться собственностью Москвы. Ты долженъ все это продать не иному кому, какъ *городу—Москвѣ* съ условіемъ, чтобы носило названіе *Погодинскаго Собранія*. Когда пріѣдетъ князь Д. В. Голицынъ, надобно ему предложить пріобрѣсти все это для Московскаго, какъ бы назвать, только не Музея, а Книгохранилища".

Но въ это время князя Д. В. Голицына постигло семейное горе. 28 января 1841 г. скончалась его супруга княгиня Татьяна Васильевна, рожденная Васильчикова. Погодинъ и

Шевыревъ, столь близкіе Князю и его семейству, приняли самое сердечное участіе въ постигшемъ его несчастіи. „Она скончалась", писали они въ *Москвитянинѣ*,— „къ неутѣшной скорби своего семейства, родныхъ, знакомыхъ, бѣдныхъ, сирыхъ, нищихъ, безпріютныхъ, беззащитныхъ. Она давно уже жила для неба и какъ будто на небѣ. Тамъ, тамъ получитъ она награду за свои земныя, неземныя добродѣтели. Миръ твоему праху, душа добрая, нѣжная, кроткая!

Вчера, 31 января, было погребеніе въ Донскомъ монастырѣ. Казалось, цѣлый городъ двинулся принесть усопшей послѣднюю дань признательности и благоговѣнія. *Память праведнаго съ похвалами!*" [118]).

XXIII.

Издавая журналъ, собирая Древлехранилище, Погодинъ начиналъ все болѣе и болѣе тяготиться профессорскими обязанностями и былъ озабоченъ пріисканіемъ себѣ преемника по каѳедрѣ Русской Исторіи въ Московскомъ Университетѣ. Выборъ его между прочими палъ на оріенталиста В. В. Григорьева.

Еще въ 1838 году Григорьевъ переселился изъ Петербурга въ Одессу и тамъ занялъ каѳедру Восточныхъ языковъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ. Но Одесса не пришлась ему по душѣ. Вотъ что писалъ онъ другу своему П. С. Савельеву: „Живешь между людьми сирота сиротой, не дружишься съ ними потому, что они неспособны къ дружбѣ, и потому еще, что здѣшняя дружба хуже вражды. Пріятель такъ и сторожитъ своего друга, чтобы поднять его на смѣхъ. Откровенность здѣсь такъ же рѣдка, какъ птица анка. Провинціаламъ столицы не нравятся потому, что тамъ никто на нихъ вниманія не обращаетъ, а столичнымъ жителямъ, какъ намъ грѣшнымъ, крѣпко тошно въ провинціи отъ того, что дѣлаешься виднымъ лицомъ, и каждый шагъ, каждое слово взвѣшивается и подвергается суду и осужденію" [119]). Пользуясь своимъ сотрудничествомъ въ *Москвитянинѣ*, Григорьевъ отправилъ

туда цѣлую статью объ Одессѣ при слѣдующемъ письмѣ къ Погодину: „Шлю вамъ *Вѣсти изъ Одессы.* Вамъ можетъ показаться, что статейка эта написана слишкомъ рѣзко. Согласенъ, но дѣло въ томъ, что она представляетъ Одессу въ истинномъ видѣ. Этотъ сквернѣйшій и подлѣйшій городъ, скопище дураковъ и мошенниковъ представляютъ себѣ въ Россіи чѣмъ-то очаровательнымъ, и это ложное мнѣніе вредитъ многимъ... Обязанность всякаго честнаго человѣка сказать то, что я сказалъ, а ваша обязанность, какъ честнаго человѣка— напечатать это сказанное мною безъ вымарокъ и поправокъ. Если любите меня—напечатайте какъ можно скорѣе... Знаете ли вы, что я страшный *словенофилъ*? Если это для васъ новость, то я думаю не непріятная... Я работалъ бы для васъ болѣе, да въ Одессѣ, чортъ возьми, нѣтъ самыхъ обыкновенныхъ пособій. Фу, какая гадость эта Одесса! не называйте меня впередъ Одесскимъ ученымъ, какъ вы разъ уже это сдѣлали. Прибавка *Одесскій* къ моему имени кажется мнѣ хуже каторжнаго клейма“ [120]).

Надо замѣтить, что Григорьевъ былъ человѣкъ съ оригинальнымъ образомъ мыслей. Петербургскій журналъ *Маякъ* очень не нравился П. С. Савельеву, который въ письмѣ своемъ Григорьеву отозвался о немъ такимъ образомъ: „*Маякъ* еще поддерживаютъ постнымъ масломъ, и оттого-то онъ имѣетъ свой духъ, который очень по вкусу монахамъ. Для нихъ это лучшій Русскій журналъ“. Григорьевъ же, возражая своему другу, писалъ ему: „*Маякъ* издаютъ люди безъ способностей, а направленіе его ей-ей прекрасное“ [121]). Также оригинальныхъ мыслей исполнена и статья его объ Одессѣ, которая появилась въ *Москвитянинѣ* съ большими урѣзками и съ такимъ примѣчаніемъ самого Погодина: „Audiatur et altera pars. По этому правилу, принятому нами для критики, мы исполняемъ желаніе *неизвѣстнаго корреспондента*, и помѣщаемъ извѣстія имъ доставленныя, хотя признаемся, намъ издали кажется, что онъ несправедливъ и слишкомъ строго судитъ Одессу, а въ особенности ея *Вѣстникъ*, истинно

полезное изданіе. Надѣемся получить скоро возраженіе отъ Одесскихъ корреспондентовъ“. Въ этой статьѣ своей Григорьевъ между прочимъ пишетъ: „Торговое направленіе, деспотически господствующее надъ умами, подавляетъ и уничтожаетъ всѣ другія. Главный недостатокъ Одессы тотъ, что въ ней нѣтъ никакой потребности въ обществѣ. Всякій живетъ здѣсь для себя и у себя. Торговыя выгоды соединяютъ купцевъ—на биржѣ, мелочныхъ скупщиковъ и промышленниковъ—въ кофейняхъ, охотниковъ до картъ—въ клубѣ. Прочіе классы жителей бываютъ вмѣстѣ только въ театрѣ, да на балахъ зимою, да въ храмѣ Божіемъ. Впрочемъ, въ любви къ сплетнямъ и пересудамъ уѣздный городъ Одесса не уступитъ ни одному губернскому. Много винограду и абрикосовъ, тьма дынь и арбузовъ, халвы и всякихъ сластей—ѣшь не хочу; да за то столько же грязи и пыли, пронзительныхъ вѣтровъ, пекучаго жару; а отъ людей такъ и несетъ холодомъ. Русскаго радушія слыхомъ не слыхать, не то чтобы видомъ повидать. Да какъ и существовать ему, этому свѣжему, теплому, святому чувству, въ городѣ, населенномъ преимущественно Евреями и выходцами изъ Западной, дряхлой, хладѣющей и отживающей вѣкъ свой Европы! Купецъ будетъ процвѣтать въ этой атмосферѣ толковъ о привозѣ и вывозѣ, человѣкъ съ высшими потребностями будетъ вянуть отъ недостатка сочувствія“ [122]).

Хотя подписи Григорьева и не было выставлено подъ корреспонденціей его, но автора ея тотчасъ же узнали. „По понятіямъ мѣстнаго общества“, пишетъ Н. И. Веселовскій,— „Одессу можно было только хвалить, хотя и въ ущербъ справедливости. Григорьевъ первый рѣшился высказать о ней правду, и тѣмъ вооружилъ противъ себя почти всю Одесскую интеллигенцію“. Замѣтимъ, что въ это время царилъ въ Одессѣ графъ М. С. Воронцовъ. Но Григорьевъ въ письмѣ своемъ къ Савельеву сдѣлалъ и о немъ колкое замѣчаніе. „При дворѣ графа Воронцова“, писалъ онъ,—„есть обычай совершенно царскій: нѣкоторыя дамы и дѣвицы цѣлуютъ руку у его су-

пруги... А, каково? Вотъ тебѣ и англоманія на тибетскую стать" [123]).

Между тѣмъ въ *Москвитянинѣ* появилось возраженіе *Жителя Одессы* гдѣ въ свою очередь высказывались нѣкоторыя колкости по адресу заѣхавшихъ въ провинцію столичныхъ обывателей. „Есть два сорта людей", писалъ *Житель Одессы*,—„одни—эти *тяжелые* обитатели маленькихъ городковъ, пріѣзжающіе изъ глуши въ нашъ городъ... Другіе—выходцы изъ столицъ, видѣвшіе свѣтъ и людей, особенно гг. *Петербуржскіе*, принадлежащіе къ той кастѣ современныхъ молодыхъ людей, пародируя Чацкихъ, вездѣ скучаютъ, вездѣ видятъ только смѣшное, исключая самихъ себя, и нигдѣ не находятъ удовлетворенія своимъ высшимъ потребностямъ. Эти господа—о, они горячо любятъ все Русское! Они вездѣ ищутъ свѣжихъ, прекрасныхъ чертъ юнаго нашего народа; а загляните въ нихъ—тамъ не видно и малѣйшаго слѣда Русскаго духа, а сами они пропитаны западной, *отжившей вѣкъ* свой, Философіей... Какого же радушія ждалъ г. Неизвѣстный отъ Одессы? Чего онъ хотѣлъ отъ этого города? Неужели здѣшнимъ жителямъ слѣдовало распахнуть ему свои объятія? Или Одесскимъ купцамъ бросить свою торговлю... и пуститься въ разсужденіе о Байронѣ и т. п.? Москва славится истиннымъ радушіемъ, часто бывающимъ даже источникомъ насмѣшекъ; но неужели всякаго, являющагося туда NN, она прижимаетъ къ своему горячему Русскому сердцу? Недавно туда явился Каратыгинъ, и, какъ пишутъ, принятъ тамъ очень радушно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сюда пріѣзжалъ Щепкинъ... и пусть спросятъ Русскаго артиста, умѣетъ ли маленькая Одесса радушно принимать тѣхъ, кто пріобрѣлъ на это право" [124]).

Мы уже знаемъ, какое участіе принималъ Погодинъ въ судьбѣ нашего, молодого тогда, ученаго Павла Яковлевича Петрова, въ которомъ онъ провидѣлъ славу Россіи. Въ 1838 году онъ былъ отправленъ за границу, а именно въ Берлинъ, Парижъ и Лондонъ, гдѣ продолжалъ свои занятія подъ руководствомъ свѣтилъ Европейской науки Боппа, Риттера, Жу-

бера, Бюрнуфа и другихъ, преимущественно обращая вниманіе на древній языкъ Брахмановъ. Особенную пользу принесло ему въ Парижѣ чтеніе рукописей въ разныхъ библіотекахъ, а въ Лондонѣ посѣщеніе музеумовъ и изученіе древностей [125]). Среди этихъ трудовъ Погодинъ засталъ Петрова въ Парижѣ въ 1839 году, и ему пріятно было удостовѣриться отъ Европейскихъ ученыхъ, что Петровъ обѣщаетъ Россіи первокласснаго оріенталиста, и что уже многіе Европейскіе ученые имѣютъ нужду въ его отзывѣ. „Прилежаніе", свидѣтельствуетъ Погодинъ, — „у него всегда было безпримѣрное, охота, можно сказать, смертная, способности отличныя, и при всемъ томъ онъ могъ всегда довольствоваться коркою хлѣба, стаканомъ воды и чашкою чая" [126]). Въ 1840 году съ запасомъ основательныхъ знаній Петровъ вернулся въ Отечество съ искреннимъ желаніемъ посвятить себя на служеніе ему [127]). Но тутъ ему пришлось испытать разочарованіе, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ его писемъ къ Погодину. „Обстоятельства мои", писалъ онъ, — „чрезвычайно странны. Я былъ посланъ для усовершенствованія себя въ Санскритскомъ, выучился этому языку, но, пріѣхавъ въ Россію, нашелъ, что каѳедра этого предмета занята другимъ... У меня есть нѣкоторые труды, но я не могу и думать о напечатаніи ихъ, тѣмъ болѣе, что въ Академіи до сихъ поръ нѣтъ Санскритскаго шрифта. Изъ этого я заключаю, что начальству не угодно обратить вниманіе на этотъ предметъ. Вслѣдствіе этого я думаю, что мнѣ лучше пустить въ ходъ свое знаніе Персидскаго и Арабскаго... Вамъ хорошо называть меня безтолковымъ, но я увѣряю васъ, что когда ученому приходится ежедневно думать о средствахъ своего пропитанія, то ему не поможетъ ни наука, ни толковитость, а развѣ только природная веселость, если Аллахъ не отказалъ ему въ этомъ дарѣ. Меня же онъ щедро надѣлилъ имъ... Еслибы вы могли достать мнѣ мѣсто при какихъ-нибудь библіотекахъ, то я вѣкъ не забылъ бы такого одолженія. Сдѣлайте милость постарайтесь. Мы о васъ за это помолимся всѣмъ Индусскимъ и Буддійскимъ богамъ—вѣдь они также

чего нибудь да стоятъ". Не смотря на это, Буддійское спокойствіе не оставляло Петрова. „Дѣла мои", писалъ онъ въ другомъ своемъ письмѣ къ Погодину,—„нейдутъ впередъ. Въ службу мнѣ вступить не позволяютъ, мѣста же по нашему Министерству не даютъ, не смотря на всѣ мои старанія. Какъ бы то ни было, но все-таки лучше быть на Руси, нежели въ чужой землѣ".—Но всему бываетъ предѣлъ, а также и терпѣнію Петрова. „Я", писалъ онъ Погодину,—„не причисленъ никуда и ровно годъ не получалъ отъ начальства ни копѣйки—живу Богъ знаетъ чѣмъ и какъ: то явится какой-нибудь урокъ—то напишу статью—то займу, и такимъ образомъ перебиваюсь довольно неудачно. Мѣстъ по восточной части въ Университетѣ есть два: каѳедра Санскритскаго, для которой меня нарочно посылали за границу и которой мнѣ теперь не даютъ, и еще мѣсто адъюнкта Персидскаго языка, которое я очень могъ бы занять. Признаюсь вамъ, что я не желалъ бы быть въ Москвѣ. Я очень былъ бы счастливъ, еслибы могъ служить подъ начальствомъ графа С. Г. Строганова, но что̀ могу я сдѣлать по своей части въ Московскомъ Университетѣ? Тамъ всего только одиннадцать мусульманскихъ рукописей (онѣ мною же были описаны). Разстаться съ Петербургомъ для меня то же, что̀ совершенно оставить восточную часть. Я подавалъ записки и Попечителю, и Министру, просилъ черезъ другихъ, но отвѣта не получалъ"[128]).

Наконецъ, въ самомъ исходѣ 1841 года, Петровъ опредѣленъ былъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ Санскритскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ, гдѣ и оставался до 1852 года[129]).

XXIV.

Въ своемъ *Москвитянинѣ* Погодинъ знакомилъ не только съ Россіей, но и со Словенскими землями.

Путешествовавшій по Словенскимъ землямъ Надеждинъ на-

печаталъ въ *Москвитянинѣ* письмо, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „*Вопросъ Восточный*, до сихъ поръ занимавшій собой исключительно умы политиковъ и столбцы газетъ, теперь смѣнился *Вопросомъ Словенскимъ*. Со всѣхъ концовъ Германіи бьютъ тревогу; распускаютъ слухи, подозрѣнія, страхи; проповѣдуютъ вообще ополченіе противъ какого-то страшилища, окрещеннаго мистическимъ именемъ *панславизма*. Удивительно, какъ иногда можетъ помѣшаться даже такой степенный, основательный, глубокомысленный народъ, какъ Нѣмцы! Можно извинить Венгерцамъ, что они, напримѣръ, мнѣніе покойнаго Венелина о словенствѣ Атиллы признаютъ одной изъ зажигательныхъ бомбъ *Словенской Пропаганды*... Но Нѣмцы! Нѣмцы! Все дѣло состоитъ въ томъ, что Словенская народность, до сихъ поръ забитая, затоптанная въ грязь, дѣйствительно на всѣхъ концахъ Нѣметчины зашевелилась, сознаетъ свое достоинство, получаетъ довѣріе къ своимъ силамъ. Громкій голосъ даетъ отъ себя она въ литературѣ. Но тѣмъ однимъ все и ограничивается. Вѣрные своему праотеческому имени Словенъ, наши западные собратія стараются паче всего возстановить, или лучше—спасти свое *слово*. Возрожденіе Словенизма, которое производитъ столько шуму и толковъ, есть собственно не что иное, какъ возрожденіе Словенской народной литературы. Естественность и законность этого движенія Словенской народности очень хорошо понимается тамъ, гдѣ вещи обсуживаются прямѣе и свѣтлѣе. Нынѣшній король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ IV уже декретировалъ учрежденіе каѳедры Словенскихъ языковъ при университетахъ Берлинскомъ и Бреславскомъ. Въ Австріи, гдѣ Словене составляютъ двѣ трети всего народонаселенія Имперіи, разумѣется, возрожденіе ихъ ощутительнѣе... Труды и усилія Чеховъ слишкомъ извѣстны. Имъ подаютъ теперь руку Кроаты, подъ предводительствомъ пламеннаго патріота Гая. Гай дѣйствуетъ, точно какъ нашъ Новиковъ: онъ завелъ въ Загребѣ типографію, и сыплетъ въ народъ книгами на родномъ языкѣ... этого было довольно, чтобы зашумѣть о панславизмѣ! Впрочемъ само

Правительство оказываетъ благосклонность, даже покровительствуетъ патріотическому рвенію Гая. Онъ безъ труда получилъ привиллегію на открытіе типографіи... То же самое Правительство вознаградило патріотическіе труды Юнгмана неслыханною почестью—орденомъ!" Между тѣмъ въ Вѣнѣ Копитаръ, который, по свидѣтдльству Надеждина, „конечно имѣлъ бы всѣ права занять мѣсто Добровскаго, присужденное ему Гриммомъ, только-что сердится и стрѣляетъ то въ Прагу, то въ Загребъ. Безъ отдыха и безъ пощады продолжаетъ онъ гремѣть не только противъ *Суда Любуши,* но даже и противъ Краледворской рукописи... Впрочемъ въ самыхъ изліяніяхъ желчи сколько у него вырывается поучительнаго, дѣльнаго, плодотворнаго!... Но вотъ явленіе, которое съ избыткомъ выкупаетъ эту пустоту. Вукъ, давнишній житель Вѣны, приготовилъ новое изданіе своего *Собранія Сербскихъ народныхъ пѣсней,* этого истинно безцѣннаго сокровища не для однихъ Сербовъ, но для всего Словенскаго міра".

Въ то же время самъ Погодинъ, печатая въ *Москвитянинѣ* статью подъ заглавіемъ *Словенскія племена,* въ переводѣ Пельта, дѣлаетъ къ ней такое примѣчаніе: „Европейскіе путешественники пускаются за ученой добычею во всѣ концы земного шара: во внутренность пустынь Африканскихъ, на снѣжныя вершины горъ Азіатскихъ и къ полюсамъ Америки. Не странно ли, что внутри Европы есть множество земель совершенно неизвѣстныхъ, не странно ли, что можно сказать, почти половина Европы неизвѣстна. Да, Европа неизвѣстна, кромѣ Германіи и большихъ дорогъ и городовъ въ Англіи, Франціи, Италіи; даже въ знаменитыхъ государствахъ есть цѣлые края, кои укрывались до сихъ поръ отъ всякихъ изслѣдованій, и между тѣмъ заключаютъ въ себѣ источники Исторіи вѣрнѣе всякихъ лѣтописей: имена, слова, нарѣчія, физіономіи, повѣрья. Недавно въ горахъ Аппенинскихъ найдено племя, говорящее нарѣчіемъ, близкимъ къ Латинскому. Нарѣчія Франціи, чрезъ которую проходило столько племенъ въ началѣ новой Исторіи, не изслѣдованы. Наконецъ, вся

Южная Европа отъ Адріатическаго моря до Чернаго, заселенная племенами Словенскими, совершенно неизвѣстна Европейскимъ географамъ. Не удивятся ли даже мои соотечественники, если я скажу имъ, что изъ Москвы, а слѣдовательно изъ Тобольска, Иркутска, Камчатки, до пролива Отрантскаго, то-есть, до предѣловъ Римской области, Неаполитанскаго королевства, можно проѣхать Словенами, не прикоснувшись ни къ одному иноплеменному селенію, съ объѣздомъ только нѣсколькихъ городовъ, которые онѣмечились или омадьярились? Не удивятся ли они, если я скажу имъ, что чѣмъ дальше мы поѣдемъ по этому пути, тѣмъ сходнѣе, понятнѣе языкъ будемъ находить съ нашимъ, такъ что съ самыми крайними, Иллирійцами, сосѣдями Римлянъ и Неаполитанцевъ, мы будемъ говорить безъ всякого почти затрудненія, тѣмъ болѣе, что церковный языкъ у насъ и у нихъ есть одинъ и тотъ же? Не удивятся ли они, если я скажу имъ, что Польское, сосѣднее нарѣчіе, есть самое дальнее по своему организму, которому однакожъ всякій русской выучивается въ два мѣсяца, какъ и русскому полякъ. Европейцы не имѣютъ никакого понятія, или имѣютъ самое темное о Словенахъ. Самые Нѣмцы, которые учатся по Китайски, Коптски, Санскритски, съ одинакимъ ревніемъ, никакъ не могутъ рѣшиться на изученіе Словенскихъ нарѣчій, хотя живутъ между Словенами и на Словенской землѣ. Отчего это? Богъ посылаетъ видно затмѣніе! Но намъ, намъ стыдно заботиться о познаніи народовъ чуждыхъ и пренебрегать своими, единоплеменными, въ которыхъ течетъ одна кровь съ нашею, которые говорятъ однимъ языкомъ и исповѣдуютъ отчасти одну вѣру.

Москвитянинъ почитаетъ своей миссіей распространять въ Россіи свѣдѣнія о племенахъ Словенскихъ, которыя составляютъ треть всего Европейскаго народонаселенія (восемьдесятъ милліоновъ изъ двухсотъ сорока)." [130]).

Самъ Погодинъ давно сдѣлался центромъ Словенскаго вопроса въ Россіи. Къ нему прямо обращаются о всемъ, касающемся сего вопроса. Такъ, профессоръ Энциклопедіи Права

въ Ришельевскомъ Лицеѣ М. А. Соловьевъ пишетъ ему: „Только одинъ разъ въ жизни судьба доставила мнѣ удовольствіе видѣться съ вами. Въ концѣ 1838 года, бывши въ Москвѣ, проѣздомъ въ Одессу, я провелъ нѣсколько часовъ въ памятной для меня бесѣдѣ вашей, и никогда не забуду чисто Русскаго Московскаго гостепріимства, съ которымъ я познакомился въ лицѣ вашемъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда: позвольте теперь, спустя почти три года, поблагодарить васъ за дружелюбный пріемъ, сдѣланный вами мнѣ — человѣку вамъ неизвѣстному. Я никогда не забуду вашихъ блиновъ вкусныхъ и по своему достоинству, но еще несравненно вкуснѣйшихъ по радушію и благосклонности хозяина мною высоко уважаемаго. Зная вашу задушевную любовь къ наукѣ и къ Словенщинѣ, я почитаю себя совершенно счастливымъ, что теперь имѣю честь предстать передъ вами ходатаемъ за одного словенина-болгарина, жаждущаго пищи духовной. Еслибы я не зналъ вашего высокаго стремленія служить для пользы и славы міра Словенскаго, то никогда не рѣшился бы утруждать васъ своимъ ходатайствомъ; зная вашу Словенскую душу, я думаю, что вамъ сдѣлать добро для словенина не только что не тяжело, но пріятно и утѣшительно! Если, какъ я надѣюсь, вы съ удовольствіемъ окажете снисходительность и доброжелательство предстоящему вамъ болгарину, то доставленіе вамъ случая сдѣлать добро въ пользу Словенщины да почтется выраженіемъ моей благодарности и глубокаго уваженія, съ которыми не разлучатъ меня никакія обстоятельства. Г. Иліевъ, по обыкновенію достаточныхъ Болгаръ, получилъ первоначальное образованіе въ Аѳинской гимназіи, гдѣ словеноненавидцы — Греки, желая очистить его отъ Словенщины, перемѣнили его фамилію. Но не развращенному греку пересоздать сердце словенское! Понимая, что Русь, одна только Русь, можетъ возродить и воскормить его народъ, г. Иліевъ жаждалъ познакомиться съ благодѣтельницею Словенъ; для достиженія этой цѣли онъ чувствовалъ необходимость изученія Русскаго языка и — началъ изучать его у Русскихъ пѣв-

чихъ, находящихся при нашей Аѳинской миссіи, составленной изъ Грековъ. Распросите его, и онъ доставитъ вамъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ трудно болгарину учиться по Русски между Греками, которые за всѣ благодѣянія, сдѣланныя имъ Русью, платятъ черною неблагодарностью и недоброжелательствомъ! Г. Иліевъ избралъ Московскій Университетъ для окончательнаго своего образованія; онъ надѣется выйти изъ него возрожденнымъ, освѣщеннымъ свѣтомъ истины для того, чтобы плоды своихъ трудовъ и ягоды принести въ даръ дорогой отчизнѣ. Безъ руководителя и русскому трудно не заблудиться въ Москвѣ Бѣлокаменной, что же станется съ болгариномъ, незнакомымъ съ нашими формами? Съ чего начать, къ кому обратиться? Рѣшеніе этихъ вопросовъ для него terra incognita. Слыша отъ всѣхъ и каждаго, что вы, по добротѣ души своей, никому не отказываете въ помощи, я смѣло вызвался снабдить его письмомъ къ вамъ и обнадежилъ его, что вы примете въ немъ участіе. Русскіе ли покажутся холодными въ отношеніи Болгаръ, которые такъ жадно ищутъ нашего знакомства, для нихъ благодѣтельнаго? И какъ дорого цѣнятъ Болгары каждое доброе дѣло для нихъ сдѣланное, каждое доброе слово въ пользу ихъ замолвленное! Въ своей рѣчи, которую я имѣлъ честь препроводить вамъ чрезъ В. В. Григорьева, я сказалъ нѣсколько словъ о Болгарахъ—и что же? Какія живыя благодарности я слышалъ и слышу отъ здѣшнихъ Болгаръ! Какъ безцѣнна для меня поднесенная мнѣ Болгарами золотая цѣпь во имя союза братскаго!..“

Извѣстный путешественникъ Егоръ Петровичъ Ковалевскій, издавъ свое путешествіе по Черногоріи, писалъ Погодину: „Прямою обязанностью поставляю доставить вамъ книгу о Черногоріи; такъ же, какъ и мнѣ, все Словенское близко вашему сердцу и можетъ быть болѣе извѣстно, чѣмъ мнѣ. Примите ее милостиво. Тяжкія и продолжительныя мои розысканія въ Черногоріи, частыя военныя экспедиціи и мучительныя, хотя и мирныя сношенія съ ея сосѣдями, искупаютъ грѣхъ изданія книги. Впрочемъ, составленіе карты,

которой достоинство уже оцѣнено въ Европѣ, карты, совершенно преобразившей этотъ край, и уничтоженіе тѣхъ несправедливыхъ понятій, которыя распространяютъ о немъ Австрійцы, нѣкоторымъ образомъ уполномочивало меня на изданіе книги. О Сербіи—другое дѣло, — я молчу. Я состою въ частыхъ сношеніяхъ съ Черногоріей и съ Владыкою: если позволите доставлять въ вашъ журналъ свѣдѣнія объ этомъ краѣ, то я со всею готовностью это исполню".

С. Д. Нечаевъ, собравши деньги на дорогу одному „усердному ходатаю за церковь Боснійскую", проситъ Погодина пригласить его къ нему „на прощальный обѣдъ" [131]).

Но не всѣ раздѣляли Словенолюбіе Погодина и не всѣ вѣрили въ пользу для Россіи возбужденія Словенскаго вопроса. Такъ, Никитенко, въ *Дневникѣ* своемъ подъ 24 октября 1841 года записалъ слѣдующее: „Вчера обѣдалъ у Д. М. Княжевича, недавно пріѣхавшаго изъ-за границы. Съ нимъ ѣздилъ и Надеждинъ, который также вернулся. Разговоръ шелъ о Словенахъ Австріи. Я не ошибся: я всегда думалъ, что Словенскій патріотизмъ, мечтающій о централизаціи Словенскаго міра, существуетъ только въ головахъ нѣкоторыхъ фанатиковъ, какъ Шафарикъ, Ганка, Погодинъ и проч., но что народы Словенскіе вообще живутъ себѣ преспокойно подъ Австрійскимъ владычествомъ, ни мало не думая о какой-либо политической самобытности. Исключеніе составляютъ только Венгерскіе Словене и Русины, которые очень угнетены магнатами. Все это подтвердилъ Надеждинъ, который, однако, самъ не изъ послѣднихъ словенофиловъ" [132]).

Недовѣрчиво относился къ Словенскому вопросу и Московскій Попечитель графъ С. Г. Строгановъ. „Въ послѣдніе годы", писалъ онъ Уварову, - „нѣкоторые журналы, *и въ особенности Москвитянинъ*, приняли за особенную тему выставлять живущихъ подъ владычествомъ Турціи и Австріи Словенъ, какъ терпящихъ особое угнетеніе и предвѣщать скорое отпаденіе ихъ отъ иноплеменнаго ига. А какъ при дѣйствіи въ Государствѣ цензуры на Правительство падаетъ отвѣт-

ственность и за частное политическое направленіе журналистики, я почитаю обязанностію, для дальнѣйшаго руководства своего, спросить ваше высокопревосходительство, согласно ли будетъ съ настоящими видами Правительства нашего: возбуждать участіе къ политическому порабощенію нѣкоторыхъ Словенскихъ народовъ; представлять имъ Россію какъ главу, отъ которой могутъ они ожидать лучшаго направленія къ будущности своей и явно рукоплескать порывамъ ихъ къ эмансипаціи. Я чувствую, что слабость самихъ писателей, принявшихъ это направленіе, дѣлаетъ и пропаганду не опасною; но здѣсь меня не занимаетъ угрожающая Австріи и Турціи опасность, а просто вопросъ приличія въ своевременности, при существующихъ пріязненныхъ отношеніяхъ Россіи съ сосѣдними Державами". На это Уваровъ отвѣчалъ (16 іюля 1842): „Въ сообщенныхъ журналомъ *Москвитянинъ* и нѣкоторыми другими изданіями свѣдѣніяхъ о Словенскихъ племенахъ и преимущественно о литературныхъ явленіяхъ у нихъ ваше сіятельство усматриваете поводъ предложить на разрѣшеніе Правительства вопросъ о соотвѣтствіи сихъ статей съ настоящими видами онаго въ разсужденіи политическаго состоянія этихъ народовъ. Доселѣ вышеозначенныя статьи не подвергались никакимъ со стороны Правительства замѣчаніямъ касательно предполагаемаго въ нихъ значенія и при извѣстной благонамѣренности обоихъ издателей *Москвитянина,* профессоровъ Погодина и Шевырева, можно надѣяться, что и впредь они не подадутъ повода къ какимъ-либо нареканіямъ въономъ смыслѣ. Вообще всякія нарушенія дружественныхъ отношеній между союзными съ Россіею Державами, посредствомъ книгопечатанія, предупреждается уже постановленіями § 9 Устава о Цензурѣ; и потому если въ какихъ-либо изданіяхъ вообще могло быть нарушено должное приличіе въ этомъ отношеніи, то отвѣтственность, на основаніи цензурныхъ учрежденій, падаетъ на то лицо, съ разрѣшенія коего подобное изданіе поступило въ печать. Что касается до существованія, по словамъ вашего сіятельства, *пропаганды,* я дол-

женъ сообщить вамъ, милостивый государь, что предполагаемое существованіе подобной *пропаганды* выходитъ далеко изъ черты обыкновенныхъ литературныхъ или цензурныхъ погрѣшностей и даже предѣловъ моего вѣдомства и требуетъ особыхъ наблюденій. Почему предлагаю вашему сіятельству войти въ конфиденціальное сношеніе о семъ съ г. Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, которому я съ своей стороны не оставлю передать содержаніе вашего отношенія".

Дополненіемъ и частію разъясненіемъ приведенной довольно колкой переписки между Министромъ и Попечителемъ можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ позднѣйшихъ Воспоминаній Погодина. „Онъ" (то-есть, графъ Строгановъ), пишетъ Михаилъ Петровичъ,—„посылалъ на меня даже доносъ по поводу статей моихъ о Словенахъ, коими, писалъ онъ, можетъ быть возбуждена у Россіи война съ Оттоманскою Портою. Уваровъ обратилъ этотъ доносъ въ шутку и переслалъ его къ Московскому Генералъ-Губернатору, которому поручено охраненіе столицы. Князь Д. В. Голицынъ, по пріѣздѣ Уварова вскорѣ въ Москву, звалъ его къ себѣ побесѣдовать вечеромъ о средствахъ предотвратить войну. Это разсказывалъ мнѣ начальникъ его секретной экспедиціи генералъ Барышниковъ, уже чрезъ нѣсколько лѣтъ на балѣ у А. Д. Черткова, по поводу разговора о болгаринѣ Бусиловѣ, который жилъ у меня нѣсколько времени, почему-то былъ вхожъ къ генералу Барышникову и не задолго предъ тѣмъ умеръ въ Университетской больницѣ. Наконецъ, въ нынѣшнемъ году всѣ эти извѣстія подтвердились для меня окончательно въ напечатанной отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книгѣ о Цензурѣ. Сдѣлаю здѣсь простое замѣчаніе. Еслибъ онъ былъ добрый и справедливый человѣкъ, то ему слѣдовало бы призвать меня, какъ попечитель профессора, объяснить свой взглядъ на вещи и подать благой совѣтъ, чтобъ я воздерживался отъ такихъ статей. Можно судить, сколько я терпѣлъ притѣсненій по цензурѣ".

Такимъ образомъ Погодинъ, неожиданно для самого себя,

становился жертвою обостренныхъ отношеній между Уваровымъ и Строгановымъ.

XXV.

16 іюня 1841 года Погодинъ имѣлъ несчастіе потерять сына младенца Петра, которому исполнился всего одинъ годъ. Невинный младенецъ доставлялъ отцу своему великое утѣшеніе. Ровно за мѣсяцъ до его кончины Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „.... Петрунька забавляетъ"; а черезъ мѣсяцъ, въ томъ же *Дневникѣ* мы читаемъ: „Петруша занемогъ, и мы были въ ужасной тревогѣ". Наконецъ 16 іюня все кончилось. „Мы лишились нашего милаго Петруши. Буди воля Божія! Грусть и тоска". 20-го его похоронили въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Предавшись волѣ Божіей, Погодинъ „насилу принялся за работу. Русь", замѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, — „одолѣваетъ меня, и никакъ не могу совладать" [133]).

Какъ бы въ утѣшеніе Погодина пріѣзжаетъ въ Москву Уваровъ. О его пріѣздѣ было возвѣщено въ *Москвитянинѣ*: Министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ проѣзжаетъ почти ежегодно черезъ Москву, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ свой Тускулумъ, село Порѣчье, Можайскаго уѣзда, отдыхать отъ трудовъ государственныхъ, среди любезной ему древности, въ обществѣ представителей классической словесности, которые находятся въ его библіотекѣ въ такомъ собраніи, какихъ мало въ Европѣ".

Уваровъ очень обласкалъ Погодина и вмѣстѣ съ другими пригласилъ его къ себѣ въ Порѣчье.

По свидѣтельству И. И. Давыдова, въ 1841 году, постоянныхъ гостей въ Порѣчьѣ было девятеро. Между ними были пожилые и юноши, профессоры: И. И. Давыдовъ, И. М. Симоновъ, М. П. Погодинъ; художники: М. О. Лопыревскій, С. И. Хазановъ (?), и „образованные любители наукъ и

искусствъ": М. А. Окуловъ, Г. В. Грудевъ, Е. Е. Нагель и И. Т. Спасскій *).

„Всѣ мы", повѣствуетъ И. И. Давыдовъ, — „иные по двое, другіе порознь, жили въ особыхъ прекрасныхъ комнатахъ, чистыхъ, всѣмъ снабженныхъ, съ восхитительными видами изъ оконъ. Вотъ нашъ обыкновенный день. Поутру каждый пьетъ чай или кофе у себя въ комнатѣ, и работаетъ до 10 или 11 часовъ, или съ книгою отправляется въ садъ и паркъ. Молодежь большею частію любила удить рыбу, ѣздить верхомъ, стрѣлять и купаться. Въ 10 или въ 11 часовъ всѣ собираемся у хозяина, и когда онъ занятъ, идемъ во свояси—я съ товарищемъ моимъ (Погодинымъ) обыкновенно въ библіотеку; но если хозяинъ къ этой порѣ оканчивалъ утреннія занятія свои, то ходилъ съ нами въ паркъ, на излучистые берега Иночи. Первыя двѣ недѣли все наше общество съ хозяиномъ проводило утреннее время въ библіотекѣ, которую мы устанавливали въ отдѣланныхъ вновь залахъ. Это была работа веселая, живая, занимательная.... Мнѣ съ товарищемъ моимъ поручено было распоряженіе этимъ дѣломъ. Съ какимъ усердіемъ и съ какою ревностію всѣ трудились, зная, какъ поспѣшалъ окончаніемъ этой работы дорогой нашъ хозяинъ, тутъ же съ нами трудившійся! За полчаса передъ обѣдомъ оканчивали мы работы наши въ библіотекѣ и прогулки въ паркѣ. Въ 4-мъ часу обѣдали. За роскошнымъ и вкуснымъ обѣдомъ сколько высказывалось остротъ, каламбуровъ! Въ этомъ пальма первенства безспорно принадлежала остроумнымъ, образованнымъ и любезнымъ собесѣдникамъ, М. А. Окулову и Г. В. Грудеву. Сколько отъ души смѣялись чистосердечно, безъ малѣйшей обиды кому-либо. Послѣ обѣда юноши играли на билліардѣ, а пожилые обыкновенно съ хозяиномъ выходили на террасу, и, среди померанцевыхъ деревьевъ и въ ароматѣ цвѣтовъ, пили кофе и около

---

*) За содѣйствіе къ раскрытію инициіаловъ въ знаменитой статьѣ И. И. Давыдова о *Порѣчьѣ* мы обязаны благодарностью Его Высокопревосходительству Барону Ѳедору Андреевичу Бюлеру.

часа бесѣдовали о всякой всячинѣ. Каждый говорилъ откровенно; чаще любили мы слушать самого хозяина, неистощимаго въ мысляхъ, съ сладкимъ словомъ. Отъ бесѣды опять иные уходили къ себѣ для минутнаго отдыха, другіе въ паркъ или въ садъ. Въ 6-ть часовъ снова собирались въ большомъ домѣ и отправлялись или на сельскія работы, или на фабрику, или всѣ вмѣстѣ въ огромной линейкѣ ѣздили въ ближнія деревни, осматривали обширныя поля, волновавшіяся рожью, пшеницею, ячменемъ, овсомъ, льномъ, или бродили по лѣсу. Въ 9-ть часовъ мы уже дома. Тутъ ожидали насъ жирныя сливки и варенецъ, земляника и малина, душистый чай. Между тѣмъ завязывался разговоръ, всегда занимательный и поучительный, разумѣется, приправляемый шутками и остротами—и мы непримѣтно бесѣдовали до полуночи. Всякій разъ намъ недоставало времени для окончанія начатаго разговора. Бесѣды вечернія смѣнялись иногда игрою на роялѣ и пѣніемъ одного изъ членовъ нашего сельскаго общества. Во все время, помнится, два или три раза вечеромъ играли въ преферансъ: это случилось въ ненастную погоду, когда дождь ливмя лилъ на дворѣ, и въ 6-ть часовъ нельзя было ни гулять, ни кататься по окрестностямъ. Прощались съ хозяиномъ, условливались въ занятіяхъ слѣдующаго дня— и лишь неожиданная непогода измѣняла наши предположенія. Порядокъ провожденія времени оставался безъ всякой перемѣны, когда пріѣзжали къ намъ въ гости сосѣди. Этой неизмѣняемости въ сельскихъ наслажденіяхъ помогало намъ нынѣшнее поистинѣ *красное* лѣто. По воскресеньямъ къ обыкновеннымъ занятіямъ прибавлялась обѣдня. Какое утѣшеніе для души въ деревнѣ даетъ намъ молитва въ храмѣ! Какъ умилительно въ уединеніи собраніе христіанъ!“ [134]).

Въ то время когда Погодинъ благодушествовалъ въ Порѣчьѣ, Шевыревъ, лишившись въ началѣ того же 1841 года матери, отправился въ Пензенскую губернію навѣстить своихъ родныхъ и оттуда писалъ Погодину въ Порѣчье: „Вотъ мы и въ Пензѣ. Въ дорогѣ мы претерпѣли всевозможныя непріят-

ности, какія только съ дорожными бываютъ: въ первый день отъ неосторожности ямщика коляска сломалась—и Покровскій кузнецъ исправлялъ издѣліе Вѣнскаго мастера; подъ Владиміромъ воры сундукъ отрѣзали, и люди мои потеряли все, что съ ними было; на станціяхъ была нерѣдко задержка въ лошадяхъ; въ Муромскомъ лѣсу—зной Африки и міръ пыли, родъ мученія изъ Дантова аду; дорога по большей части дурна; мосты трясутся, какъ ѣдешь; ямщики гонятъ по ухабамъ. Въ Муромѣ слышалъ я, что въ селѣ Карачаровѣ есть еще потомки Ильи Муромца: двѣнадцать дворовъ фамиліи Тороповыхъ. Илья былъ изъ этой фамиліи родомъ. Замѣчательно, что Тороповы до сихъ поръ отличаются непомѣрною силою. Донеси объ этомъ нашему Меценату, бесѣдою котораго вы теперь наслаждаетесь. Крайне жаль мнѣ, что я не тутъ же. Моя надежда на будущій годъ. Одинъ старичекъ хвалилъ мнѣ мое *толкованіе критики.* Здѣсь молебствуютъ о дождѣ. Засуха здѣсь по всей дорогѣ ужасная". Въ Порѣчьѣ же Погодинъ получилъ письмо и отъ А. Ѳ. Бычкова изъ любезной Уварову Археографической Коммиссіи: „Что вамъ сказать о моихъ приготовленіяхъ по предстоящему экзамену? Доканчиваю Древнюю Исторію и читаю теперь Римскую... Теперь вы отдыхаете, между тѣмъ какъ мы постоянно сидимъ за работою довольно скучною, потому что только изрѣдка, въ кучѣ болѣе или менѣе извѣстныхъ актовъ, попадается новый. Сокровища, собранныя въ Коммиссіи, стерегутся, какъ яблоки сада Гесперидскаго; боятся, чтобы разсматривающій рукопись не списалъ бы чего-нибудь и не издалъ бы въ свѣтъ прежде Коммиссіи. Главный дѣятель, Бередниковъ, какъ нельзя болѣе схожъ съ вашимъ описаніемъ, человѣкъ добрый, но непремѣнно желающій быть аристократомъ въ наукѣ" [135]). . . . .

. . . .

. . . .

Между тѣмъ, къ обычному препровожденію времени въ Порѣчьѣ, въ 1841 году, присоединились еще чтенія въ библіотекѣ. „Какъ, чтенія въ библіотекѣ", замѣчаетъ И. И.

Давыдовъ,—„въ сельскомъ отдохновеніи? Да, чтенія въ библіотекѣ о нѣкоторыхъ ученыхъ предметахъ, бесѣда, подобная Аттическимъ бесѣдамъ въ древней Академіи, Портикѣ, Пританеѣ, или на берегу Алфея. Однажды собрались всѣ въ большомъ кабинетѣ, у подножія Минервы, и согласились вполнѣ выслушать другъ друга о тѣхъ предметахъ, о которыхъ прежде бесѣдовали отрывисто, неокончательно". Читали И. И. Давыдовъ о *Прекрасномъ*; Погодинъ о *Димитріи Самозванцѣ*; И. Т. Спасскій объ *Отличіяхъ человѣка физіологическихъ и психологическихъ*. Сверхъ того, „юный талантливый художникъ предложилъ нѣсколько новыхъ мыслей объ архитектурѣ".

Остановимся только на чтеніи Погодина о *Димитріи Самозванцѣ*. „Все прекрасное", началъ Погодинъ,—„исчислено прекрасно моимъ товарищемъ; мнѣ остается одинъ прекрасный предметъ—бѣгло обозрѣть, какимъ чудомъ, въ углу бѣднаго Можайскаго княжества, котораго имя не достигало до Кіева, не только что въ Европу, воздвигнутъ этотъ palazzo, не уступающій лучшимъ зданіямъ Рима, Парижа, Лондона, съ рисунками Рафаэля и Гверчино, статуями Кановы и Финнели, изданіями Альдовъ и Эльзевировъ, машинами Кокрилля—palazzo, котораго владѣлецъ есть начальникъ шести университетовъ, двухъ Академій съ Педагогическимъ Институтомъ и тремя лицеями, около сотни гимназій, почти двухъ тысячъ училищъ, членъ ученыхъ обществъ: Аѳинскаго, Калькутскаго и Филадельфійскаго, кромѣ Европейскихъ. Но по опредѣленію злой судьбы (тутъ профессоръ коснулся особенныхъ случайныхъ обстоятельствъ, въ то время свѣжихъ для всѣхъ собесѣдниковъ), я долженъ говорить о самомъ мрачномъ, печальномъ, безобразномъ періодѣ Русской Исторіи — о періодѣ Самозванцевъ". За юмористическимъ вступленіемъ слѣдовало любопытнѣйшее изложеніе самаго запутаннаго мѣста въ нашей Исторіи. Тутъ показано было, что „въ продолженіе этого періода (1584—1613) разрушалась обветшалая древняя Россія Іоаннова, Россія Царская, и приготовлялась Россія новая, Европейская, Петрова. Начало и источникъ всѣхъ происшествій — гибель

Царевича Димитрія, безъ котораго не было бы самозванцевъ, не было бы междуцарствія, не было бы Петра Великаго и этой комнаты, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ. Самозванецъ былъ громовымъ ударомъ, разрушившимъ древнее зданіе. Много горючаго вещества должно было собраться въ атмосферѣ Русской, чтобъ разразиться этому громовому удару: и это вещество собиралось въ продолженіе сорокалѣтняго царствованія Іоанна Грознаго. Всѣ людскія страсти, мысли, чувствованія, сжатыя его желѣзною рукою, по закону психологической упругости, должны были разрѣшиться и разорвать продолжительное гнетеніе при его преемникахъ. Къ 1613 году страсти стихли; главныя дѣйствующія лица сошли со сцены; бурно разлившаяся рѣка вошла въ свои берега: и вотъ мирно вступаетъ на престолъ семнадцатилѣтній юноша, который имѣлъ сыномъ Алексѣя, а внукомъ Петра Великаго". Здѣсь профессоръ опредѣлилъ главные вопросы своей задачи. Предлагаемъ одни выводы его отвѣтовъ на эти вопросы. Говоря о гибели царевича Димитрія, онъ старался доказать, что Борисъ Годуновъ не принималъ въ ней никакого участія. Изслѣдованія о Самозванцѣ касались, вопервыхъ, вопроса: не былъ ли это настоящій Димитрій? Это мнѣніе, по которому предки наши впустили Самозванца въ Святую Русь, рѣшительно опровергнуто. Вовторыхъ, должно было разсмотрѣть: точно ли Самозванецъ былъ Отрепьевъ? И этотъ вопросъ рѣшенъ отрицательно. Втретьихъ, не Поляки ли или Іезуиты подставили его?—Эти предположенія, при глубокомъ изслѣдованіи, оказываются тоже несправедливыми. „Что же за таинственное лицо этотъ Самозванецъ?—Очевидно, онъ былъ русскій, вѣроятно, по происхожденію казакъ, попавшійся подъ руководство Поляковъ и Іезуитовъ уже въ позднѣйшее время; зародышъ же его мысли остается для Исторіи тайною". Тутъ профессоръ слегка упомянулъ о новой догадкѣ: не въ Москвѣ ли, между боярами, первоначально возникъ этотъ зародышъ? Подробнаго заключенія профессоръ не успѣлъ сдѣлать, и чтеніе окончилось, какъ и началось, прекраснымъ юморомъ. Раз-

дался звонъ обѣденнаго колокольчика—и чтеніе, по словамъ его, должно было *остаться безъ ногъ, какъ было безъ головы*, примѣненіе также къ извѣстному обстоятельству, во время чтеній свѣжему и всѣмъ знакомому...“

Объясненіе этихъ послѣднихъ строкъ находимъ въ Воспоминаніяхъ Погодина, причемъ его толкованіе связывается съ разсказомъ о враждебныхъ отношеніяхъ къ нему графа С. Г. Строганова, враждовавшаго также и съ Уваровымъ. „Лѣтомъ въ Порѣчьѣ“, писалъ Погодинъ, — „у Уварова, находившагося въ страшной враждѣ съ Строгановымъ, мы, гости, иногда читали лекціи. Мнѣ случилось читать послѣднюю передъ обѣдомъ. Я началъ ее такъ: *Времени намъ осталось мало, и я прямо приступаю къ предмету*. Когда я проговорилъ не больше четверти часа, раздался звонокъ къ обѣду, и я сказалъ: *Извините, милостивые государи, нынѣшняя лекція моя была безъ головы, и вотъ видно, ей приходится остаться и безъ ногъ*. Графъ Строгановъ не задолго передъ тѣмъ переломилъ себѣ ногу. Добрые люди объяснили, будто, ему, что я этими словами смѣялся на его счетъ. Слова мои были напечатаны въ статьѣ Давыдова, въ моемъ отсутствіи изъ Москвы, и я не могъ ихъ остановить. Впрочемъ, я, можетъ быть, не остановилъ бы ихъ и присутствующій, потому что говорилъ безъ умыслу и о кривомъ толкованіи узналъ послѣ“. Одинъ изъ гостей Порѣчья И. Т. Спасскій, по возвращеніи въ Петербургъ, писалъ Погодину: „Совѣтую вамъ поберегать свое здоровье, не брать въ руки картъ, за исключеніемъ географическихъ, и—если придется читать опять въ Порѣчьѣ лекціи—не говорить *о ногахъ*, во избѣжаніе всякихъ худыхъ толковъ“.

„Такъ проводили мы“, заключаетъ И. И. Давыдовъ, — „пріятнѣйшіе дни жизни нашей въ селѣ Порѣчьѣ. Никогда не изгладятся изъ памяти нашей тѣ сладкія бесѣды, въ которыхъ хозяинъ, не какъ высокій сановникъ, а какъ *первый* изъ товарищей, позволялъ говорить съ собою откровенно и чистосердечно. Одушевленные имъ, можетъ быть, мы и проговарива-

лись, но мы увѣрены были, что онъ, съ свойственнымъ ему великодушіемъ, выслушивалъ насъ, какъ душевно и сердечно ему преданныхъ. Вѣчно сохранятся въ насъ и тѣ живыя, очаровательныя впечатлѣнія доброты, радушія, предупредительности, которыми ознаменовано все пребываніе наше въ Русскомъ Айльуортѣ, и за хлѣбомъ-солью, и въ прогулкахъ, и въ самомъ отдохновеніи. Общество наше, въ которомъ дорогой хозяинъ своею безпримѣрною снисходительностью уравнивалъ пожилыхъ съ юношами, въ полной свободѣ и непринужденности, радостно переходило отъ одного удовольствія къ другому и утѣшалось въ особенности тѣмъ, что онъ самъ, среди насъ, бывалъ веселъ и самъ всѣхъ насъ одушевлялъ. Мы всѣ обязаны всегдашнею душевною и сердечною благодарностью хозяину Порѣчья за милостивое гостепріимство, которымъ имѣли счастіе наслаждаться. О, еслибы и мы съ своей стороны заслужили о себѣ его воспоминаніе, когда онъ, послѣ трудовъ государственныхъ, на досугѣ мысленно переселится въ свое Порѣчье!“ [136]).

Самъ Уваровъ своимъ пребываніемъ въ Порѣчьѣ остался очень доволенъ. „Вчера былъ у Уварова“, писалъ Верстовскій Погодину,—„который много разсказывалъ мнѣ о вашемъ веселомъ пребываніи у него въ деревнѣ. Пенялъ, что я не пріѣхалъ—и признаюсь мнѣ самому очень досадно, что я не зналъ, что вы ѣдете къ нему. Я бы диссертаціи не прочелъ, но за то нѣсколько колѣнъ выкинулъ бы! Меня ныньче звали къ Черткову, но ко мнѣ напросился Загоскинъ обѣдать, и я не могу измѣнить ему“.

Между тѣмъ, благодарный за гостепріимство И. И. Давыдовъ сдѣлалъ описаніе Порѣчья, которымъ очень интересовался И. Т. Спасскій. „С. С. Уваровъ здоровъ и веселъ“, писалъ онъ,—„часто вспоминаетъ о своихъ Московскихъ друзьяхъ и о жизни, проведенной въ Порѣчьѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю выхода *Москвитянина* и описанія Порѣчья и нашихъ тамошнихъ затѣй. Я бы крайне желалъ и прошу васъ о томъ,

чтобы лекція моя, если возможно, была изложена безъ пропусковъ".

Но когда статья И. И. Давыдова о Порѣчьѣ явилась въ *Москвитянинѣ*, то многимъ дала поводъ осуждать Погодина за напечатаніе оной. „Сейчасъ только", писалъ Погодину Г. В. Грудевъ,—„получилъ я письмо отъ Уварова, который, между прочимъ, написалъ ко мнѣ, чтобы поздравить васъ съ орденомъ св. Станислава 2-й степени. Статья *Село Порѣчье* заставила многихъ говорить и бранить. Не знаю побудительной причины брани, я, однакоже, удивился, когда въ числѣ самыхъ жестокихъ порицателей Порѣцкаго помѣщика нашелъ людей, называющихъ себя друзьями справедливости и друзьями нѣкоторыхъ лицъ, заключающихся въ статьѣ, и участниковъ Порѣцкаго пребыванія. Неужели все то, что я слышалъ въ Порѣчьѣ и здѣсь была комедія?"

Статья о Порѣчьѣ очень возмутила Загряжскаго, и онъ прямо писалъ Погодину: „А село Порѣчье—ужъ никакъ не ожидалъ встрѣтить въ твоемъ журналѣ. Постичь не могу, что съ тобою сдѣлалось, куда дѣвалась твоя скромность, а это дивитъ не одного меня. Не удивили меня слова И. И. Давыдова: въ присутствіи своего Мецената, въ *которомъ* и у котораго все прекрасно,—да какъ же ты рѣшился это напечатать! Не забыли и вы и себя, напримѣръ: бесѣда, подобная Аттическимъ бесѣдамъ въ древней Академіи, Портикѣ, Пританеѣ. Ну самъ разбери, прилично ли такъ говорить о бесѣдѣ, гдѣ само дѣйствующее лице. Желалъ бы я видѣть Уварова, какъ онъ съ скромною физіогноміею выслушивалъ всѣ эти похвалы, чтобы не сказать подлости. Напиши, кто писалъ эту статью, да также и всѣхъ, составлявшихъ Аттическую бесѣду; особенно желаю знать архитектора, мнѣ его мысли очень понравились. Да, что же ты не пишешь, какъ ты объяснился съ Уваровымъ и что за причина, что онъ не даетъ тебѣ мѣста, на которое такъ упрашивалъ". Не болѣе чѣмъ Загряжскому понравилась статья о Порѣчьѣ и С. Т. Аксакову. „Откровенно совѣтую", писалъ онъ Погодину,—„не говорить словъ: *да я двадцать Порѣчьевъ*

напечатаю. Я ихъ скрою. Вопервыхъ васъ спасаетъ мысль, что не вы напечатали Порѣчье; вовторыхъ никакая цѣль не оправдываетъ средства". Даже самъ Даль, нѣсколько времени спустя, счелъ нужнымъ сообщить Погодину: „Пеняютъ вамъ только за *Порѣчье* и не могутъ забыть этого доселѣ" [137]).

За то статьею о Порѣчьѣ очень остался доволенъ самъ Уваровъ. По свидѣтельству либеральнаго цензора Никитенки, И. И. Давыдовъ своею статьею о *Порѣчьѣ* „завоевалъ сердце" Уварова. „Статьею", продолжаетъ Никитенко,—„до того льстивою, что она насмѣшила всѣхъ въ Петербургѣ, гдѣ нравы не такъ уже наивны, какъ въ Москвѣ". Въ началѣ января 1842 года И. И. Давыдовъ посѣтилъ Петербургъ и имѣлъ неосторожность посѣтить Никитенку, который для потомства записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 7 января 1842 года: „У меня просидѣлъ вечеръ И. И. Давыдовъ. Обширный умъ, бездна познаній, знаніе жизни—все это есть у него, а дальше что? Пока не знаю. Его упрекаютъ въ уклончивости, или, вѣрнѣе, слишкомъ большой склонности характера. Но всѣ, знавшіе его прежде, давно, какъ напримѣръ, Н. А. Полевой, утверждаютъ, что онъ сдѣлался такимъ послѣ несчастной исторіи, когда ему запретили читать Философію въ Москвѣ и начали смотрѣть на него, какъ на врага вѣры, престола и т. д.". Чувство справедливости заставило Никитенку замѣтить и о Полевомъ, котораго онъ нѣкогда такъ идеализировалъ, слѣдующее: „Но Полевому не слѣдовало бы упрекать Давыдова за сближеніе со властями: онъ самъ пережилъ нѣчто подобное послѣ запрещенія *Телеграфа*".

Въ Петербургѣ, по свидѣтельству того же Никитенки, Давыдовъ былъ принятъ Уваровымъ „съ распростертыми объятіями", и онъ заставилъ его прочитать по одной лекціи въ Екатерининскомъ Институтѣ и Смольномъ монастырѣ, объявивъ предварительно дѣвицамъ этихъ заведеній, что онѣ услышатъ „Русскаго Вильмена". Очевидецъ этихъ чтеній, Никитенко, повѣствуетъ: „Давыдовъ явился и не произвелъ ожидаемаго эффекта. Особенно не по вкусу пришелся онъ въ Смольномъ монастырѣ.

дѣлая тамъ обзоръ Русской Литературѣ, онъ отказалъ въ поэтическомъ дарѣ Державину и вовсе не упомянулъ о Пушкинѣ—разумѣется изъ желанія угодить Уварову, который никакъ не можетъ забыть *Лукулла.* Въ заключеніе Давыдовъ сказалъ, что всему въ Россіи даетъ жизнь и направленіе Министерство Народнаго Просвѣщенія, и что если онъ сказалъ что-нибудь хорошее, то обязанъ этимъ не себѣ, а присутствію его высокопревосходительства: самъ онъ только Мемнова статуя, возбужденная лучезарнымъ солнцемъ. Послѣ лекціи Уваровъ подошелъ къ начальницѣ, М. П. Леонтьевой, и сказалъ ей: „Вѣдь вы напишете Государю о моемъ посѣщеніи?" Затѣмъ онъ уѣхалъ и увезъ съ собою оратора. Но иное писалъ самъ Уваровъ къ Погодину: „И. И. Давыдовъ, въ бытность свою здѣсь, восхитилъ всѣхъ дѣвицъ своимъ словомъ, и нѣсколько изъ нихъ мысленно завидовали его невѣстѣ" [138]).

Загряжскій, встрѣтившись гдѣ-то въ Петербургѣ съ однимъ изъ гостей Порѣчья, И. Т. Спасскимъ, писалъ Погодину: „На дняхъ обѣдалъ я съ Спасскимъ. Я его разумѣлъ п...... и не воображалъ такимъ п......., каковымъ онъ себя показалъ. Разговоръ зашелъ о Давыдовѣ, о которомъ былъ слухъ, что онъ назначается директоромъ Канцеляріи къ Министру, онъ до того его превозносилъ, что всѣ великіе ораторы передъ нимъ ничего, что онъ поистинѣ нашъ ученый Златоустъ, таково его краснорѣчіе; что умъ и благородство его въ высочайшей степени; что Уваровъ его вездѣ возилъ какъ чудо по всѣмъ заведеніямъ, гдѣ онъ читалъ или лучше импровизировалъ лекціи, отъ которыхъ у всѣхъ раскрылись силы и теперь не сжимаются; что Принцъ Ольденбургскій отъ него безъ ума, словомъ—онъ есть свѣтило и украшеніе нашего вѣка.—Каковъ наглецъ?"

Долгъ безпристрастія заставляетъ насъ привести слѣдующія строки изъ воспоминаній Погодина объ И. И. Давыдовѣ: „Мнѣ случилось провести съ нимъ нѣсколько времени вмѣстѣ у Уварова въ Порѣчьѣ, и я узналъ его съ новыхъ двухъ сторонъ, которыя мнѣ очень полюбились, а именно: по въ выс-

шей степени благодушному его обращенію съ прислугою и по мыслямъ о необходимости уничтожить крѣпостное право. Мы поддерживали ихъ вмѣстѣ противъ Уварова, который твердо стоялъ за крѣпостное право“. Но тотъ же долгъ безпристрастія также обязываетъ насъ привести и слѣдующія слова И. И. Давыдова изъ извѣстной уже намъ статьи его о *Порѣчьѣ*: „Но вотъ и послѣднее Воскресеніе гощенія нашего въ незабвенномъ Порѣчьѣ. Въ храмѣ Божіемъ крестьяне и крестьянки были разряженные. Послѣ обѣда весь паркъ наполнился гуляющими поселянами, собравшимися провести этотъ день съ дорогимъ своимъ бариномъ. Поперемѣнно, то съ той, то съ другой стороны парка раздавались веселыя пѣсни, выливавшіяся изъ непритворнаго сердца русскаго, сопровождаемыя звонкимъ кларнетомъ. Лишь только хозяинъ съ гостями своими вышелъ на террасу, всѣ поселяне и поселянки, старые и молодые, угощаемые бариномъ, смѣшались передъ домомъ, грянули дружно плясовую, и ретивое сердце парней и дѣвицъ не выдержало —пустились плясать. Пляска смѣнялась хороводами. Славили и величали добрые крестьяне *добрѣйшаго своего барина*; разгулье и довольство ихъ радовали его и восхищали“ [139]).

XXVI.

Вернувшись въ Москву изъ Порѣчья, Уваровъ, 27 іюля 1841 года, посѣтилъ Погодина въ его домѣ на Дѣвичьемъ Полѣ. Обрадованный этимъ посѣщеніемъ, Погодинъ привѣтствовалъ Министра Народнаго Просвѣщенія слѣдующею рѣчью:

„Знаменитый Талейранъ сказалъ Людовику Филиппу, увидя его у своего одра, что для Французскаго дворянина не можетъ быть чести выше посѣщенія королевскаго. Я могу сказать гораздо съ большимъ основаніемъ, что никогда Русское ученое сословіе, обезпеченное и успокоенное стараніями вашего высокопревосходительства, не получало отъ Правительства

такого знака вниманія, участія, уваженія, какое получаю я теперь въ вашемъ посѣщеніи моей ученой кельи. Говорю — съ бо̀льшимъ основаніемъ, потому что права Людовика Филиппа на престолъ, въ глазахъ Французскаго Дворянства, не были такъ законны, какъ въ нашихъ глазахъ законны ваши права на управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Примите же изъявленіе глубочайшей признательности отъ всего сословія, котораго въ эту минуту я имѣю счастіе быть случайнымъ представителемъ; примите увѣреніе, что оно живо чувствуетъ всѣ ваши отеческія попеченія и потщится всѣми силами, проходя свое служеніе подъ вашимъ руководствомъ, въ духѣ *Православія, Самодержавія и Народности*, заслуживать болѣе и болѣе милость Царскую“ [140]).

Въ это время въ Московскомъ Университетѣ происходили вступительные экзамены. „Августъ мѣсяцъ“, пишетъ Шевыревъ, — „есть начало нашего академическаго года. Тутъ университетъ отворяетъ настежъ двери для всѣхъ желающихъ идти тѣмъ широкимъ путемъ просвѣщенія, который открываетъ Правительство... Всѣ свободныя сословія, всѣ роды, всѣ состоянія уравнены волею мудраго Правительства предъ лицомъ справедливой и строгой науки, которая на этомъ благородномъ состязаніи юныхъ силъ иногда вѣнчаетъ древность рода новою заслугою добраго ученія, иногда возводитъ неизвѣстность и нищету на тотъ путь, откуда для всѣхъ возможны гражданскія почести. Зрѣлище прекрасное, поучительное...“ — „Ни въ какомъ городѣ“, пишетъ Погодинъ, — „университетскіе вступительные экзамены не имѣютъ такой важности, не возбуждаютъ такого общаго участія, какъ въ Москвѣ. Молодые люди собираются со всѣхъ концовъ Россіи, въ сопровожденіи своихъ родителей, родственниковъ; а другіе приходятъ даже пѣшкомъ. Во всѣхъ домахъ только и разговору о пріемахъ. Служатъ молебны у Иверской Божіей Матери; произносятся обѣты идти къ Троицѣ. Пожелаемъ успѣха молодымъ людямъ при вступленіи ихъ на новое славное поприще! Пожелаемъ еще болѣе проходить оное съ честію и пользою“.

Само собою разумѣется, что Уваровъ во время пребыванія своего въ Москвѣ посѣщалъ эти экзамены и принималъ въ нихъ самое живое участіе. „Конечно“, замѣчаетъ Шевыревъ,— „не одинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, не одни испытатели и испытуемые, но вся Москва принимала въ нихъ участіе. Для тѣхъ скептиковъ, которые полагаютъ, что въ Москвѣ нѣтъ никакой иной жизни, кромѣ торговой и промышленной, мы укажемъ на это явленіе, свидѣтельствующее, что въ нашей столицѣ есть иная жизнь, жизнь умственная, которою мы гордимся, есть занятія, которыя не ведутъ къ блистательнымъ почестямъ, но которыми прочно, подъ мудрымъ взоромъ Правительства, утверждается будущность поколѣній грядущихъ“.

По заявленію *Москвитянина*, и Русская Словесность, и Русская Исторія въ Москвѣ получили отъ Уварова, впродолженіе этого проѣзда, „ободреніе и оживленіе“: Кубаревъ посвятилъ ему свое изслѣдованіе о Несторѣ; Дубенскій - изслѣдованіе о Словѣ о полку Игоревѣ, Тромонинъ — очерки съ примѣчательныхъ произведеній искусства, преимущественно Русскаго.

Погодинъ, занимаясь изслѣдованіями историческихъ судебъ Великаго Новгорода, нашелъ необходимымъ лично обозрѣть предѣлы волости Новгородской. „Сѣверная часть Европейской Россіи“, говоритъ Погодинъ,—„наименѣе подвергшаяся вліянію Татарскому и Польскому, а равно и нововведеніемъ такъ называемой Европейской цивилизаціи, безъ фабрикъ и военныхъ постоевъ, должна представлять наблюдателю много любопытныхъ наблюденій“. Взглядъ этотъ вполнѣ раздѣлялъ Министръ Народнаго Просвѣщенія С. С. Уваровъ и для предоставленія Погодину возможныхъ удобствъ къ путешествію по Новгородской землѣ далъ ему (отъ 1 августа 1841 года) слѣдующій открытый листъ: „Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета, коллежскій совѣтникъ Погодинъ, отправленъ въ ученое путешествіе для историческихъ и филологическихъ розысканій въ древнихъ предѣлахъ Новгородскаго княжества, нынѣшнихъ губерніяхъ: Новгородской, Вологодской и Архангельской. Почему прошу мѣстныя начальства означенныхъ

губерній оказывать г. Погодину зависящее отъ нихъ благосклонное содѣйствіе, а начальствамъ учебнаго вѣдомства, сверхъ того, въ особенности предлагаю принимать участіе во всемъ, относящемся къ успѣху розысканій профессора Погодина". Такого рода документъ, конечно, одушевилъ Погодина, и онъ съ восторгомъ сказалъ: „Наконецъ исполняется давнишнее мое желаніе, и я, благодаря просвѣщенному покровительству нашего Министра, получаю возможность начать свое путешествіе по Россіи. Сидя въ кабинетахъ, зарывшись въ книгахъ и обложась бумагами, входящими и исходящими, мы, люди Московскіе, мало бываемъ знакомы, а Петербургскіе еще менѣе, съ живою жизнію народа, его духомъ, нуждами и желаніями, достоинствами и пороками, которые бросаютъ такой свѣтъ на Исторію. Чтобы узнать короче народъ и понять его дѣйствія, прошедшія и настоящія, чтобъ привязаться къ нему крѣпче, надо становиться чаще лицемъ къ лицу съ нимъ, въ разныхъ положеніяхъ и отношеніяхъ, а издали и сквозь бумаги многое кажется иначе. Что сказалъ я объ ученыхъ, то можно примѣнить и къ другимъ лицамъ... Вотъ главные пункты путешествія: Нижній, Устюгъ Великій, Архангельскъ, можетъ быть, Соловецкій островъ, Бѣлозерскъ, Вологда" [141]).

Между тѣмъ, Я. И. Бередниковъ, узнавъ о предпринимаемомъ Погодинымъ путешествіи, писалъ П. М. Строеву: „Погодинъ ѣдетъ на Сѣверъ повѣрять дѣйствія Археографической Экспедиціи: желаю ему успѣха. Ныньче онъ кричитъ громко, и можетъ кричать, потому что его слушаютъ" [142]).

XXVII.

3 августа 1841 года Погодинъ выѣхалъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ. На канунѣ отъѣзда А. И. Лобковъ ему писалъ: „Услышавъ отъ сына, что вы ѣдете одни, а по сему и предлагаю вамъ мѣсто съ нами въ коляскѣ, съ большимъ удовольствіемъ; лошади доставлены, выѣздъ въ 7 часовъ утра въ

воскресенье; артельщикъ у меня взятъ. Все къ вашимъ услугамъ“ [143]). Но, кажется, Погодинъ не воспользовался этимъ любезнымъ приглашеніемъ и „отправился въ дилижансѣ по шоссе“, только-что въ то время устроенномъ отъ Москвы до самаго Нижняго. Погодинъ удивляется, „какъ долго мы остаемся иногда въ неизвѣстности о такихъ важныхъ происшествіяхъ въ Отечествѣ, имѣющихъ обширное, благодѣтельное вліяніе, какъ напримѣръ, устройство дорогъ. Въ чужихъ краяхъ трезвонятъ обо всякой верстѣ, а мы молчимъ о тысячѣ“. Спутниками Погодина были Кяхтинскіе торговцы. „За чаемъ разговоръ зашелъ о чаѣ“. Основаніе Кяхтинской торговли положено знаменитымъ въ Москвѣ негоціантомъ Жигаревымъ, котораго жаловалъ императоръ Павелъ, оставившій при немъ, не въ примѣръ прочимъ, чинъ надворнаго совѣтника, и которому Москва обязана церковью Мартына Исповѣдника. Жигаревъ имѣлъ милліоны, а внукъ его послѣ питался Христовымъ именемъ и похороненъ чужими людьми. Погодинъ проѣхалъ знаменитыя Горенки, которыя недавно пользовались Европейскою славою по своимъ ботаническимъ садамъ. Теперь здѣсь фабрика. Проѣхалъ онъ также Пахру, извѣстную по своему живописному положенію на рѣкѣ Пахрѣ, съ прекраснымъ домомъ, гдѣ было отличное собраніе картинъ. И здѣсь фабрика. По этому поводу онъ съ грустью замѣтилъ: „Богатыя помѣстья старинныхъ Русскихъ бояръ перешли, также какъ и Московскіе ихъ дворцы, въ руки купцовъ и фабрикантовъ!“ На постоялыхъ дворахъ Погодинъ не замѣтилъ никакого улучшенія: „Тѣ же грязные дворы, кривыя лѣстницы, трясучіе полы, нечистые самовары, полуразбитыя чашки“ и отсутствіе чайныхъ ложечекъ. А между тѣмъ хозяйка одного постоялаго двора спросила съ Погодина „за горячую воду два двугривенныхъ“, и онъ насилу отдѣлался „четвертакомъ“. „Удивительно“, замѣчаетъ Погодинъ,—„какъ у насъ до сихъ поръ на такихъ большихъ дорогахъ, какъ Троицкая и Владимірская, нѣтъ еще нигдѣ порядочнаго пристанища“.

На другой день Погодинъ проснулся въ селѣ Ундолѣ и

замѣтилъ: „Примѣчательное имя!“ Отъ своихъ спутниковъ Погодинъ узналъ „объ одномъ превосходномъ Московскомъ учрежденіи“, о коемъ онъ доселѣ „не имѣлъ никакого понятія“. Въ Москвѣ „въ гостинномъ дворѣ есть двѣ артели, по сту человѣкъ въ каждой, для различныхъ работъ товарныхъ; многіе посылаются въ города съ порученіями по торговлѣ. Всякій членъ артели, при вступленіи, взноситъ за себя въ артель полторы тысячи р., кои поступаютъ навсегда въ ея капиталъ. Потому за всякаго артельщика отвѣчаетъ вся артель своимъ капиталомъ. Если онъ окажется негоднымъ, то изгоняется изъ артели съ лишеніемъ своего капитала. Вы можете себѣ представить, какъ покоенъ долженъ быть хозяинъ, который беретъ къ себѣ артельщика. Они получаютъ хорошую плату, по договору со старостою, принадлежащую артели. По окончаніи года артельщикъ, по усмотрѣнію выборнаго старосты, получаетъ свой дивидендъ — отъ семисотъ до тысячи рублей въ годъ. У нихъ своя расправа. Общество по необходимости поддерживается честностію, и всѣ довольны. Какой Салонъ“, спрашиваетъ Погодинъ, — „похвалится лучшимъ учрежденіемъ?“

Въѣздъ во Владиміръ произвелъ на Погодина непріятное впечатлѣніе. Онъ остановился въ комнатѣ, въ которой, по его описанію, „двери не затворяются, сквозной вѣтеръ такъ и ходитъ. Что за столъ, поросшій сальною грязью! Разбитое зеркало! Какими красками и узорами вымазаны стѣны! Что за кровати! Однимъ словомъ гадость!“ Одинъ изъ спутниковъ сказалъ ему въ утѣшеніе: „Днемъ все это сносно, а какъ мнѣ случилось здѣсь ночевать, и какъ изъ этихъ дощатыхъ кроватей показались легіоны звѣрей... я проклялъ жизнь свою“. Оставивъ свой мрачный притонъ, Погодинъ отправился въ Соборъ и тамъ поклонился „останкамъ Андрея Боголюбскаго, который утвердилъ за Великороссіей первое мѣсто въ судьбахъ Отечества, и Георгія Всеволодовича, который на берегахъ Сити положилъ за него свою голову“. Прохаживаясь по Владиміру, Погодинъ спрашивалъ себя: „Что такое города Русскіе? и отвѣчалъ: Колоніи правительства; а первые города,

Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ—торговыя селища. Слѣдственно, наши города съ самаго начала не имѣютъ никакого сходства съ Европейскими".

При выѣздѣ изъ Владиміра, Погодинъ сѣлъ на козлы, чтобы любоваться открытыми видами, а больше всего для того, чтобы не пропустить Боголюбовской церкви и при этомъ онъ вошелъ „въ ученый разговоръ съ ямщикомъ:" „Что, братъ, это за церковь Боголюбовская? Почему проѣзжіе объ ней спрашиваютъ?"—Былъ, баринъ, князь Андрей Боголюбимый, по немъ она и прозвалась.—„Давно онъ жилъ?"—Давно, и старики не запомнятъ.—„Чѣмъ же онъ памятенъ въ народѣ?"—Его убили шурья.—„За что?"—А Богъ ихъ знаетъ. Вонъ она, церковь!" и ямщикъ показалъ Погодину вдали невысокую церковь, стоящую одиноко на луговинѣ, не вдалекѣ отъ Клязьмы. „Теперь тамъ не служатъ", сказалъ ямщикъ,—„а бываетъ только ходъ однажды изъ Владиміра, вотъ чрезъ это село, Боголюбимое". Вскорѣ они въѣхали въ село, которое ничѣмъ не напоминало о древней своей славѣ. „Кто бы подумалъ", пишетъ Погодинъ,—„что изъ этого мѣста Великороссія, нынѣшняя Россія, выступила на поприще Исторіи!" Находящійся тамъ монастырь показался до того „подновленнымъ", что Погодинъ не захотѣлъ останавливаться и „съ горя по древнимъ памятникамъ" завелъ рѣчь съ ямщикомъ о нынѣшнемъ времени. По поводу этого разговора Погодинъ замѣтилъ: „Что за здравый смыслъ у Русскаго народа! Умѣйте только заговорить съ нимъ его языкомъ. Какъ хорошо онъ знаетъ свои нужды и средства удовлетворить имъ, а больше всего извлекать свои доходы. Въ любой деревнѣ найдете вы знатоковъ своего дѣла—дайте только имъ возможность показать себя, заставьте ихъ всѣхъ поговорить передъ собою, и вы получите изъ ихъ рѣчей такую диссертацію и экспликацію, какой не сочинитъ вамъ ни одинъ Нѣмецкій или Англійскій управитель; вы выберете себѣ такихъ помощниковъ, которые загоняютъ всѣхъ заморскихъ безогуречныхъ философовъ. Но

если вы назовете старостой перваго встрѣчнаго мужика, то, разумѣется, легко попадете на пьяницу, лѣнтяя или дурака".

Въ восьмидесяти верстахъ отъ Нижняго передъ Костинымъ, Погодинъ съ своими спутниками переправлялся на паромѣ черезъ Оку. Здѣсь произошла „презабавная сцена" у кондуктора съ перевощиками, и Погодинъ удивился „неистощимой изобрѣтательности Русскаго бранчливаго духа", въ особенности его плѣнило выраженіе одного мальчишки „истинно Шекспировское", обращенное къ кондуктору: *ну молчи ты подколесная пыль!* „Каково выраженіе", восклицаетъ Погодинъ,— „сколько здѣсь фантазіи, поэзіи; а старикъ отецъ его, также очень грубый, ворчалъ тоже".

Вмѣстѣ съ своими спутниками Погодинъ пилъ чай въ Костинѣ—и здѣсь „опять не нашли чайной ложечки". За другимъ столомъ въ избѣ сидѣли Татары и ѣли похлебку изъ курицы. „Приспѣшникомъ у нихъ былъ", замѣтилъ Погодинъ,— „такой мужчина, что страшно посмотрѣть. Что за вѣки, что за глаза, что за плечи, что за руки. Ну точь въ точь, какъ Озеровскій посолъ Мамаевъ, которому Димитрій Донской восклицалъ:

„О дерзостный посолъ надменнѣйшаго Хана!"

Кромѣ Татаръ, народу собралось множество. Погодинъ выразилъ сожалѣніе, что наши романисты вообще мало пользуются постоялыми дворами. „Сюда же подоспѣлъ", пишетъ Погодинъ,—„и одинъ англичанинъ съ тоненькой своей женою въ пол-охвата, въ черномъ платьѣ, шляпѣ и вуали; тотчасъ вынулъ бумажникъ и началъ списывать, кажется, перёдъ избы, обшитый весь узорными кружевами, какъ будто висѣвшими по наличникамъ, точь въ точь родной братъ тѣмъ, которыхъ я встрѣчалъ въ Римскихъ развалинахъ".

Проѣхавъ Горбатовъ, Погодинъ съ своими спутниками, Кяхтинскими купцами, завелъ разговоръ о Борисѣ Годуновѣ, и ему „мелькнула въ головѣ новая мысль: *не умерщвленъ ли царевичъ Димитрій по наущенію партіи противной, съ намѣреніемъ приписать погибель Борису*, и тѣмъ по-

разить его. Обдумать впредь". Въ одномъ мѣстѣ Погодинъ услышалъ окончаніе церковнаго нарѣчія *во дворѣхъ.* Одинъ изъ спутниковъ его разсказывалъ повѣсть о св. Прокопіи, чудотворцѣ Устюжскомъ, и совѣтовалъ ему „посмотрѣть камни не далеко отъ города, упавшіе во время дождя, прекращеннаго этимъ чудотворцемъ".

Нашъ путешественникъ приближался къ Нижнему. „Наконецъ", пишетъ онъ,—„замѣчаешь близость ярмарки. Показывается народъ на дорогѣ, пѣшеходы, ѣздоки. Издали пылаетъ огонь изъ печей стальной фабрики. Вотъ видны и флаги судовъ. Проѣхали большія села на берегу Оки, гдѣ строятся барки. Что за чудный лѣсъ навалёнъ вездѣ! Какіе прекрасные деревенскіе дома! Вотъ уже и народъ толпится; смеркается. Мы пріѣхали! Тысяча подводъ разъѣзжаетъ по всѣмъ сторонамъ, и поднимается пыль, коею залѣпляются глаза. Поблагодаривъ добрыхъ и любезныхъ своихъ спутниковъ за пріятнѣйшія бесѣды, среди которыхъ я научился болѣе и болѣе уважать наше почтенное купечество, я откланялся имъ, и отправился искать квартиру своего родственника. Трактиры стоятъ по обѣимъ сторонамъ улицы, какъ длинные и широкіе горящіе фонари. Зашелъ и велѣлъ подать себѣ ухи. Всѣ столы вокругъ меня были облѣплены народомъ: негдѣ было упасть яблоку, кто пилъ чай, кто закусывалъ. Прислужники въ бѣлыхъ рубашкахъ бѣгали между черными и синими кафтанами и оживляли нѣмую картину. Уха очень посредственна, хоть изъ свѣжей рыбы. Лавровый листъ и лимонъ портятъ вкусъ ея. Порція стоитъ семьдесятъ коп. Перевезся".

XXVIII.

Въ день Преображенія Господня Погодинъ отправился на ярмарку. Но прежде завернулъ къ своимъ дорожнымъ товарищамъ Кяхтинскимъ купцамъ, которые собирались въ церковь. Вмѣстѣ съ ними онъ пошелъ къ Спасу Преображенія. Внѣш-

нимъ видомъ церкви Погодинъ остался недоволенъ. „Никакого вкуса въ украшеніяхъ. Расписано малярами“. Но за то ему понравилось то, что „торговые города принесли сюда по образу съ своими святыми, которые и стоятъ въ кіотахъ по разнымъ мѣстамъ въ церкви. Такъ, жители Иркутска представили сюда своего Иннокентія; Каргопольцы—преподобнаго Александра; Москвичи своихъ чудотворцевъ; вотъ Макарій Желтоводскій, покровитель *здѣшнихъ* мѣстъ; вотъ Ростовскіе святители: Исаія, Леонтій, Ѳедоръ; Ярославскій князь Ѳедоръ съ чадами Давидомъ и Константиномъ; отъ Костромы образъ Ѳеодоровскія Божія Матери. Казанцы выстроили богатый иконостасъ въ теплой церкви. Жители каждаго города становятся во время богослуженія передъ своимъ образомъ и молятся, смотря на него“. Изъ церкви Погодинъ отправился обозрѣвать ярмарку. Началъ съ Китайскихъ рядовъ, и затѣмъ постепенно проходилъ: восточныя лавки, панскіе ряды, овощныя, мѣховыя, модныя. Проходя мимо книжной лавки, Погодинъ спросилъ: „Ну, каково идутъ дѣла, друзья мои?“—Плохо покамѣсть.—„А пойдутъ ли поживѣе?“—Богъ знаетъ.

„И ты несчастливъ! Дай же руку!“

Сказалъ издатель книгопродавцу, и помѣнялись взорами состраданія“. Затѣмъ Погодинъ направился въ суконную линію, серебряную и проч. и проч. Но здѣсь еще не вся ярмарка. „По обѣимъ сторонамъ находятся ея сѣни, преддверія, дополненія. Въ первыхъ ширингахъ трактиры — желтенькіе домики... За трактирами Русскія и Татарскія харчевни, питейныя выставки, портерныя лавочки, швальни, цырульни, бани. Еще далѣе налѣво слобода Кунавина, гдѣ останавливаются купцы, мелкопомѣстные дворяне“ и, по выраженію Погодина, „дѣвы радости, которыя прилетаютъ сюда изъ Москвы, Кіева и даже изъ Варшавы...“ Но обозрѣніе это утомило Погодина, и онъ только воскликнулъ: „О Русь! чего у тебя нѣтъ? Чего еще тебѣ надо? Правду сказали наши предки: земля наша велика и обильна... Слава Тебѣ подателю нашему Богу, слава Тебѣ!“

На другой день Погодинъ отыскалъ въ Гимназіи П. И. Мельникова, который занимается Исторіей и примѣчательностями Нижняго, а подъ руководствомъ директора М. Ф. Грацинскаго и инспектора Антропова осмотрѣлъ Гимназію. Въ гимназической библіотекѣ книги показались Погодину „слишкомъ новыми“, и онъ замѣтилъ это своимъ провожатымъ, смотря на блестящіе переплеты. „Да, у насъ очень строго содержится эта часть, отвѣчали они. За пятнышки библіотекарь можетъ не принять книги и потребовать новой“. По поводу *сохранности* Погодинъ замѣтилъ: „У насъ необходимы еще калачи при книгахъ, а если мы будемъ обмазывать ихъ дегтемъ, то никто и не придетъ къ вамъ за ними“.

Въ тотъ же день Погодинъ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе преосвященному Іоанну, который, услышавъ его имя, „тотчасъ началъ предупреждать его, чтобы онъ не роапталъ, увидя въ городѣ нѣкоторыя поновленія“. Зашелъ разговоръ о живописи. При этомъ Преосвященный замѣтилъ, что „наши ученые живописцы привержены слишкомъ къ Итальянской живописи, незнакомы съ древностями, и пишутъ часто такіе образа, которые приводятъ въ соблазнъ православныхъ“... Отвѣтивъ на нѣкоторые вопросы о путешествіи, Погодинъ долженъ былъ откланяться и искренно сожалѣлъ, что не могъ долѣе воспользоваться поучительною бесѣдою Преосвященнаго, „котораго здѣсь всѣ жители, высшіе и низшіе, столько же любятъ, сколько и уважаютъ“. Не такъ удачно было посѣщеніе Погодинымъ Губернатора, котораго „четыре раза“ не заставалъ дома; за то дежурный квартальный „потѣшилъ его самолюбіе“, сказавъ, что знаетъ его имя по литературнымъ произведеніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ „возобновилъ знакомство“ съ директоромъ ярмарки графомъ Толстымъ, съ которымъ встрѣчался въ Парижѣ.

Въ Нижнемъ Погодинъ познакомился съ торговцемъ рукописями, книгами и образами Ѳедоромъ Герасимовымъ, „человѣкомъ“, по сказанію Погодина, „отличнаго ума и съ замѣчательнымъ даромъ слова“. Онъ показалъ ему великолѣпное

Евангеліе, писанное будто бы Даніиломъ митрополитомъ († 1537). Разсказалъ объ Евангеліи въ Преображенскомъ Соборѣ, писанномъ Никономъ, ученикомъ преподобнаго Сергія, о подлинномъ житіи преподобнаго Гурія, писанномъ патріархомъ Гермогеномъ и проч., и проч. Въ особенности понравилось Погодину собраніе его образовъ, „будь они ни Корсунскіе, ни Рублевскіе, ни Строгановскіе", а образомъ Михаила архангела Погодинъ „просто очаровался".

Между тѣмъ пришли суда съ чаемъ, и Погодинъ отправился на Сибирскую пристань. „Что за прелесть Пермскія суда!" восклицалъ онъ. „И какой народъ чудной живетъ на этихъ судахъ: свободный, расторопный, остроумный, искренній, веселый; нѣтъ нашей униженности, нѣтъ нашей скрытности, осторожности и прочихъ порочныхъ добродѣтелей старѣющаго общества. Все живо и радостно. Какъ мило обходятся хозяева съ прикащиками, прикащики съ помощниками!" Поставщикъ своей физіономіей напомнилъ Погодину покойнаго Мерзлякова, земляка своего.

Подъ руководствомъ Мельникова Погодинъ приступилъ къ осмотру городскихъ достопримѣчательностей. Начали съ собора, основаннаго въ 1353 году. Войдя въ соборъ и не видя ни одной гробницы, Погодинъ „со страхомъ" спросилъ дьячка: „Гдѣ же Mининъ?.." — Его здѣсь нѣтъ. — „Какъ нѣтъ?" — Здѣсь тѣсно. — „Что ты болтаешь, глупый человѣкъ!" — А притомъ же здѣсь печки поставлены, продолжалъ онъ хладнокровно, какъ будто насмѣхаясь надъ моимъ нетерпѣніемъ". Но тутъ подоспѣлъ Мельниковъ и объяснилъ, что всѣ гробницы перенесены въ подземелье, вслѣдствіе значительнаго распространенія собора при обновленіи; впрочемъ, древнее расположеніе внутреннее и наружное соблюдено совершенно: гробницы должны бы были оставаться по срединѣ церкви, почему покойный архіерей и разсудилъ вынесть ихъ вонъ. „Нѣтъ", замѣчаетъ Погодинъ, — „гробница Минина есть лучшее украшеніе собора, сокровище города и всей Русской Исторіи. Она должна быть на виду, если не на прежнемъ своемъ мѣстѣ, то по крайней

мѣрѣ у стѣны. Мы говоримъ теперь много о національности. Но это чувство имѣетъ нужду въ питаніи, возбужденіи. Простолюдинъ придетъ теперь въ соборъ и уйдетъ, не вспомнивъ о Мининѣ, а если и вспомнитъ, то не увидитъ, потому что не всякаго поведетъ дьячекъ въ подземелье, и намъ велѣлъ онъ подождать: „Подождите, вотъ послѣ большого выхода“.

Между тѣмъ обходя около стѣнъ, на которыхъ надписаны имена здѣшнихъ покойныхъ постояльцевъ, Погодинъ примѣтилъ, что имя Минина находится на лѣвой сторонѣ между архіереями. На другой сторонѣ имена князей. „Что это за великій князь Симеонъ Іоанновичъ? Это ошибка, отвѣчалъ г. Мельниковъ. Ба, ба, ба! опять *великій князь* Василій Димитріевичъ, какъ будто нашъ Московскій, и еще великій. Нѣтъ, имъ не принадлежитъ этого титла. Вотъ и Иванъ Борисовичъ Тугой-лукъ, крещенный митрополитомъ Алексѣемъ, на пути его въ Орду. Этотъ князь, по разсказу г. Мельникова, не принималъ участія въ сраженіи своего брата съ Московскими войсками, и на вопросъ о причинѣ отвѣчалъ, что у него лукъ былъ тугъ, что̀ и осталось ему прозваніемъ“.

Погодинъ совѣтовалъ Мельникову собрать всѣ здѣшнія преданія, и издать ихъ особою книжкою.

Между тѣмъ дьячекъ освободился и со свѣчей въ рукахъ повелъ Погодина и его сопровождавшихъ въ подземелье... Гробница Минина сдѣлана при Елисаветѣ или Екатеринѣ, „деревянная, вычурная, безобразная“. Еще нелѣпѣе нашелъ Погодинъ надпись того же времени въ стихахъ:

Избавитель Москвы, отечества любитель
И издыхающей Россіи оживитель,
Отчизны красота, Поляковъ страхъ и месть,
Россіи похвала и вѣчна слава, честь
Се Минавичъ Козьма здѣ тѣломъ почиваетъ.
Всякъ, истинный кто Россъ, да прахъ его лобзаетъ.

„У насъ“, замѣчаетъ Погодинъ, — „не понимаютъ еще, что такое памятникъ, и воображаютъ себѣ всегда подъ памятникомъ какую-нибудь чугунную колонну или мраморную статую. Нѣтъ, бугоръ земли, оторванный лоскутокъ пергамента, узкое окошко, обвет-

шавшая стѣна, линія свода, дуги, тѣсная дверь, заржавѣвшій крестикъ, чуть видный образъ—бываютъ часто драгоцѣнными памятниками, кои беречь должно аки зѣницу ока".

632 Мининъ лежалъ прежде въ своемъ приходѣ у Похвалы Пресвятыя Богородицы и перенесенъ въ соборъ по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича. Погодинъ спросилъ объ Евангеліи, будто бы писанномъ св. Никономъ. Ему сказали, что „ключарь ушелъ на ярмарку".

За то Архангельскій Соборъ „усладилъ" Погодина: здѣсь древность сохранена вся... Онъ „лазилъ по внутренней каменной, узкой лѣсенкѣ на подзорную башню древнихъ князей. Эта церковь основана еще Георгіемъ Всеволодовичемъ, и здѣсь похоронены всѣ присяжные князья, а самостоятельные въ соборѣ". Мельниковъ показывалъ Погодину сверху разныя примѣчательныя церкви: „Вотъ здѣсь", сказалъ онъ,—„на нижнемъ базарѣ, близъ Кремлевской стѣны, въ приходѣ у Іоанна Предтечи, жила Мареа посадница". Затѣмъ Погодинъ осмотрѣлъ Егорьевскую церковь, гдѣ сохранился древній иконостасъ. Оттуда поѣхалъ онъ въ Печерскій монастырь, гдѣ въ то время настоятельствовалъ бывшій профессоръ Московскаго Университета архимандритъ Иннокентій. „Теперешній монастырь", пишетъ Погодинъ,—„перенесенъ сюда съ другого мѣста въ концѣ царствованія Ѳедора Іоанновича воеводою Леонтьевымъ, вслѣдствіе царскаго указа; а древній былъ основанъ, какъ прочелъ я въ тетрадкѣ, здѣсь показанной, св. Діонисіемъ, пришедшимъ изъ Кіевскаго Печерскаго монастыря въ 1352 г.—Это извѣстіе любопытно, показывая, что въ Кіевѣ, не смотря на разгромъ Татарскій, монашество продолжалось. И здѣсь среди новыхъ пристроекъ уцѣлѣло кое-что древнее: украшенія надъ окнами, крыльцо, переходы".

Это навело Погодина на такого рода мысли: „Все это надо", замѣчаетъ онъ,—„собирать по крошкамъ, чтобъ, наконецъ, возстановить или создать Русскій стиль, а изъ головы никакой геній выдумать его не можетъ. Когда вы, господа художники, познакомитесь хорошо съ нашими остатками, напитаетесь, глядя на нихъ,

духомъ древности, обогатитесь ея разными формами и частями, тогда, и только тогда, сможете вы, сообразно съ ними, создавать и цѣлое. А до тѣхъ поръ—это тщетный трудъ. Цѣлую академію, новую, надо намъ воспитать въ этомъ духѣ, чтобы изъ нея вышли Русскіе художники, ибо вино новое не вливается въ мѣха старые. У прежнихъ художниковъ, не смотря на ихъ великія достоинства, есть свои предубѣжденія, предразсудки, свои понятія, воззрѣнія, въ коихъ они воспитались, и отъ коихъ отстать имъ невозможно. У нихъ всегда предъ глазами Пантеоны и Мадонны, такъ могутъ ли они понять, что такое Русскій образъ, и что такое Русская церковь?".

Въ сѣняхъ у Архимандрита Погодинъ увидѣлъ любопытную гравюру, о которой не слыхалъ прежде—изображеніе Исаакіевскаго моста чрезъ Неву по плану Кулибина, Нижегородскаго уроженца, поднесенное императору Павлу. „Славный, исполинскій планъ", замѣчаетъ Погодинъ. „Кулибинъ—также наше сокровище. Я досталъ недавно въ Москвѣ его рукописаніе".

Печерскимъ монастыремъ Погодинъ заключилъ осмотры Древностей. „Теперь" пишетъ онъ,—„пора опять на ярмарку".

Съ Лобковымъ Погодинъ обошелъ по берегу Оки желѣзные ряды.—Смотря на этотъ „почтенный товаръ", Погодинъ завелъ рѣчь съ однимъ старикомъ торговцемъ и спросилъ его: „Что содѣйствуетъ всего болѣе торговлѣ вообще? Что бы ей не мѣшали. Хорошо, а еще что? Чтобъ ей не помогали".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ забралъ справки о хлѣбныхъ цѣнахъ; отобралъ свѣдѣнія у антикварія объ охотникахъ и обладателяхъ древностей; заходилъ къ панскимъ торговцамъ; узналъ, что Кяхтинскіе купцы примѣтно побаиваются, чтобъ Англичане не исходатайствовали у Китайцевъ монополіи провозить къ нимъ сукна; получилъ свѣдѣнія о ходѣ москотельной торговли и въ заключеніе зашелъ въ погребъ. Изъ всѣхъ своихъ ярмарочныхъ наблюденій Погодинъ заключилъ, что „дѣла идутъ изрядно".

11 Августа Погодинъ простился съ Нижнимъ Новгородомъ и отправился въ Вологду [144]).

Въ Нижнемъ онъ сблизился съ своимъ путеводителемъ при обозрѣніи Древностей П. И. Мельниковымъ, который писалъ ему: „По Русски благодарю васъ за вашъ ласковый привѣтъ, которымъ подарили вы меня въ продолженіе пребыванія своего въ Нижнемъ.—Право, дни, проведенные съ вами, я причисляю къ днямъ самымъ счастливѣйшимъ моей жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ самымъ полезнѣйшимъ. Въ недѣлю я столько узналъ отъ васъ по части Русской Археологіи, сколько (не въ проносъ слово молвить) не узналъ въ три года съ университетской каѳедры" [145]).

XXIX.

Красивыми, хорошо обстроенными, Нижегородскими селами ѣхалъ Погодинъ до Балахны. Народъ встрѣчался ему рослый, здоровый, румяный. „Ну какъ сравнить съ нимъ", пишетъ онъ,—„нашу поскудную подмосковщину, изчадіе... которое день ото дня худѣетъ, мелѣетъ, хилѣетъ, кривится и лишается даже Божіяго образа. Сердце ноетъ, когда проѣзжаешь мимо рынка, въ базарный день: что за лица около возовъ съ дровами и сѣномъ,—съ красными носами, мутными глазами, хриплымъ голосомъ!"

Въ тридцати верстахъ отъ Нижняго находится на берегу Волги городъ Балахна. Погодину случилось прочесть въ рукописи ея описаніе, сочиненное тамошнимъ священникомъ, которое оставило въ немъ очень пріятное впечатлѣніе. „Добрый священникъ", замѣчаетъ Погодинъ,—„съ такою простотою, кротостію и добросердечіемъ говорилъ о своихъ прихожанахъ, ихъ тихихъ нравахъ и златой посредственности, въ нѣдрахъ коей живутъ они, что я полюбилъ ихъ издали". По мнѣнію Погодина, всякій городъ долженъ имѣть подобное описаніе, и это онъ считаетъ обязанностью штатнаго смотрителя и учи-

теля Исторіи. По замѣчанію его, изъ двадцати разныхъ учителей, съ которыми ему приходилось встрѣчаться, „ни одинъ не могъ ему сказать, далеко ли отъ его города до сосѣднихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, кромѣ своего, и ни одинъ не могъ сообщить ему ничего порядочнаго объ его Исторіи, а всѣ знаютъ подробно дѣянія Александра Македонскаго и еще подробнѣе Ассирійской Семирамиды!“

Въ Балахнѣ Погодинъ остановился въ „очень порядочной гостинницѣ“. Въ ожиданіи ухи онъ завязалъ любопытный разговоръ съ гостемъ, „кажется изъ служителей Ѳемиды“, который „въ уголку трудился надъ солянкою“. „Есть ли у васъ въ городѣ охотники до старины?“ „Былъ священникъ любитель, да умеръ третьяго года, Сергѣй Герасимовичъ Кандорскій“. „Не осталось ли послѣ него какихъ рукописей?“ „Были, чай, да Богъ знаетъ куда дѣвались“. „А что много дѣлаютъ у васъ *балахоновъ?*“ Гость усмѣхнулся. Мы не отъ балахоновъ, а отъ Волхова. „Отъ какого Волхова?“ Отъ Новгородскаго—мы назывались Волохна, а ужъ послѣ прозвались Балахною. Мы природные Новогородцы, и присланы сюда Иваномъ Васильевичемъ“. Погодину было очень пріятно встрѣтить въ трактирѣ такого собесѣдника. Разговоръ продолжался. „Ну не слыхали ль вы чего о селѣ Юрьевѣ, гдѣ погребенъ князь Пожарскій“. — „Какъ не слыхать, да вѣдь говорятъ разно: мнѣ сказывалъ одинъ священникъ, что князь Пожарскій лежитъ въ селѣ Суховатовѣ“.—„Гдѣ же это село Суховатово?“—„Верстахъ въ осьми отсюда, по дорогѣ въ Жары“.— „Какіе Жары?“ спросилъ я моего собесѣдника, потому что созвучіе *Жаровъ* съ *Пожарскимъ* возбудило мое любопытство, хотя его прозваніе происходитъ отъ Пожара, города въ Черниговскомъ древнемъ Княжествѣ. „Волость Жарская“, отвѣчалъ онъ,—„большая волость, которая искони принадлежала Князьямъ Пожарскимъ“. „Ну скажите мнѣ еще о здѣшнемъ предводителѣ, г. Латухинѣ. Карамзинъ, — слыхали вы объ немъ? — (юристъ кивнулъ головою) Карамзинъ ссылается на одну *Степенную Книгу* Латухинскую. Не здѣсь ли она?“—

Можетъ быть, у Николая Яковлевича. У батюшки его было много книгъ?“

Между тѣмъ лошади были уже готовы, и Погодинъ продолжалъ свой путь. Въ Кинешмѣ, проѣзжая черезъ базаръ, онъ увидѣлъ часовенку съ надписью: 1609 года. *Поляки.... Боборыкинъ.* Издали онъ не могъ разобрать болѣе. Пока перемѣняли лошадей, Погодинъ отправился въ училище. Въ классѣ Исторіи онъ спросилъ: „А какая надпись надъ часовнею у рядовъ? На этотъ вопросъ послѣдовало всеобщее молчаніе. Учитель“, пишетъ Погодинъ,—„предполагая, что я хочу экзаменовать, тотчасъ предложилъ свой вопросъ: что есть Исторія? Ожидая услышать знакомый отвѣтъ: „Исторія есть повѣствованіе о достопамятныхъ происшествіяхъ, случившихся въ мірѣ“, я повторилъ свой прежній: „Развѣ никто изъ васъ не читалъ надписи? Вѣдь она вѣрно говоритъ что-нибудь о вашемъ городѣ.“— Тоненькій голосокъ запищалъ: въ 1609 году нападали Литовцы.... Я обѣщалъ подарить ему книжку“. Погодинъ заглянулъ также въ училищную библіотеку, которая своею скудостью произвела на него грустное впечатлѣніе. Погодинъ проѣзжалъ чрезъ Кинешму въ базарный день, который, по его словамъ, „въ уѣздномъ городѣ не безъ занимательности: есть и живость, и движеніе, и разнообразіе, и предметы для живописи“ [146]).

Черезъ два года послѣ этого своего посѣщенія Кинешмы Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ историка Костромы князя А. Д. Козловскаго: „Проѣзжая изъ Нижняго Новгорода, вы изволили быть въ Кинешмѣ, гдѣ я безвыѣздно провелъ три года, и только за двѣ недѣли до прибытія вашего оставилъ ее и уѣхалъ въ бѣдную деревушку мою въ двадцати верстахъ отъ города: къ огорченію моему, я не зналъ тогда о пріѣздѣ вашемъ, а то бы ничто не попрепятствовало явиться мнѣ, чтобъ имѣть честь представить вамъ себя и упросить васъ продолжить путь вашъ въ Кострому не большою дорогою, а берегомъ рѣки Волги, черезъ мою деревушку; дорога была бы не далѣе, но вы какъ любознательный изыскатель на

пути семъ обозрѣли бы Солдогу, извѣстную боемъ жителей противъ скопищъ Лисовскаго въ 1608 году; потомъ въ двухъ верстахъ отъ моей усадьбы село Борщевку, посѣщенное императрицею Екатериною, въ 1767 году, гдѣ погребенъ генералъ Александръ Ильичъ Бибиковъ, умершій въ Уфѣ, усмиряя мятежъ Пугачева; далѣе уничтоженный городъ Плесъ, основанный въ 1410 году, гдѣ еще и теперь примѣтны нѣкоторые слѣды бывшаго укрѣпленія; еще далѣе деревню Коробово, населенную потомками знаменитаго Сусанина, и село Красное, нѣкогда принадлежавшее роду Годуновыхъ, гдѣ и теперь есть церковь, воздвигнутая Борисомъ Ѳедоровичемъ, любопытная по своей архитектурѣ *). Но для меня всего бы дороже было ваше посѣщеніе въ укромномъ домикѣ моемъ; я бы гордился этимъ и на память дѣтямъ записалъ честь, оказанную мнѣ вашимъ посѣщеніемъ. Отъ меня, можетъ быть, вы разсудили бы съѣздить въ торговое село Вичугу, находящееся въ десяти верстахъ, и обозрѣли бы довольно богатыя фабрики купцовъ Коноваловыхъ, Миндовскаго, Морокина и проч., близъ Вичуги находящіяся. Я разсказалъ бы вамъ про Шемякину гору близъ Судиславля, про развалины дома Бѣльскаго близъ Луха, о домѣ Матвѣева въ самомъ городѣ Лухѣ. Но что дѣлать! Судьба не хотѣла доставить мнѣ утѣшенія, не хотѣла подарить этимъ счастіемъ. Я нѣкогда написалъ книжку о Костромѣ и напечаталъ этотъ слабый, но усердный трудъ мой—и теперь осмѣливаюсь представить его вамъ, какъ дань глубочайшаго уваженія моего“ [147]).

Но послѣдуемъ за Погодинымъ. Переправляясь чрезъ Волгу на паромѣ въ сообществѣ мужиковъ и бабъ, нашъ путешественникъ съ жадностью прислушивался къ ихъ разговору „Между тѣмъ“, пишетъ онъ, — „паромъ приблизился къ берегу. Перевозщикъ обходилъ и собиралъ деньги. Бабы полѣзли за своими платками и полотенцами. Потомъ принялись развязывать узелки. Всякая копѣйка увязана была въ пяти узлахъ,—копѣйка пото-

---

*) Въ настоящее время село Красное принадлежитъ князю Петру Павловичу Вяземскому.

ва́я, кровная. Я далъ имъ двугривенный. Что за удивленіе выразилось на ихъ лицахъ! Они смотрѣли на меня во всѣ глаза, и не могли промолвить ни слова. Ужь послѣ того, какъ я вышелъ на берегъ и сталъ подниматься на гору, послышались благодарныя восклицанія и провожали меня до самаго верха горы. Боже мой! сколько радости можетъ доставить иногда двугривенный".

Переправившись черезъ Волгу, Погодинъ, вопреки желанію князя Козловскаго, поѣхалъ въ Кострому—*большою дорогою*, усѣянною по обѣимъ сторонамъ березками. „Чѣмъ ближе къ городу", замѣчаетъ Погодинъ,—„тѣмъ ямщики расторопнѣе, и за то безнравственнѣе; развратъ и пьянство оставляютъ свои отвратительные слѣды на лицѣ. Ничего нѣтъ грустнѣе, какъ смотрѣть на этихъ одичалыхъ людей, которые вышли изъ первоначальной крестьянской простоты, а изъ городовъ заняли только ихъ пороки!" Въ Кострому пріѣхалъ Погодинъ ночью и остановился на постояломъ дворѣ. Ему отвели отвратительную комнату, въ которой онъ не могъ уснуть ни минуты. „Все тѣло его вспухло", и онъ только восклицалъ: „О Русь!" и принужденъ былъ „спасаться въ тарантасѣ". Но и тутъ неудача. По сосѣдству съ нимъ на сѣнникѣ расположился одинъ проѣзжій сидѣлецъ и сказывалъ своимъ товарищамъ сказку „какую-то пренелѣпую", а товарищи слушали его съ удовольствіемъ, „Слѣдовательно", замѣчаетъ Погодинъ,—„есть охота у нихъ; есть чувство піитическое: послѣ тяжелыхъ трудовъ дня они удѣляютъ время отъ сна на слушаніе подобнаго вздору". Лишь только они угомонились и Погодинъ забылся, отвязалась лошадь и пошла бродить по всему обширному двору и наконецъ „приступила съ своимъ рыломъ" къ тарантасу, въ которомъ лежалъ Погодинъ, который сталъ кричать, но никто его не услышалъ. „Повѣствователь", пишетъ Погодинъ,— „и его публика храпѣли безъ памяти". Наконецъ и самъ Погодинъ „усталъ и уснулъ". Послѣ такого непокойнаго ночлега Погодинъ „поднялся съ позаранку" и отправился къ директору гимназіи, который жилъ „въ какомъ-то старомъ,

разваливающемся замкѣ, предназначенномъ къ сломкѣ и возсозданію“. На вопросъ его: „нѣтъ ли въ городѣ какихъ охотниковъ до древностей и собирателей?“ Отвѣчалъ: „нѣтъ никакихъ“. Въ Ипатіевскомъ монастырѣ Погодинъ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе преосвященному Костромскому Владиміру, которому угодно было самому показать ему примѣчательности ризницы и собора. „Вездѣ“, пишетъ Погодинъ,— „слышалось имя Годуновыхъ: этотъ образъ положенъ вкладомъ такимъ-то Годуновымъ, это Евангеліе написано по приказанію такого-то Годунова. Есть и Борисовы приношенія. Главнымъ вкладчикомъ былъ бояринъ Димитрій Ивановичъ Годуновъ, дядя Борисовъ. Ему Ипатьевскій монастырь обязанъ больше всѣхъ. Я видѣлъ здѣсь точь въ точь подобную Псалтирь, за какую одинъ торговецъ просилъ съ меня на ярмаркѣ полторы тысячи р. Здѣшнему монастырю непремѣнно надо бы взять подъ свое покровительство Бориса Ѳедоровича и снять съ него хоть нѣсколько преступленій, столь щедро возводимыхъ пристрастными лѣтописателями“. Погодинъ говорилъ о Борисѣ Годуновѣ съ Преосвященнымъ, который, однакожъ, „никакъ не расположенъ къ несчастному Борису“. Преосвященный показывалъ Погодину древнѣйшую икону, представляющую явленіе мурзѣ Чету Божіей Матери съ предстоящими апостоломъ Филиппомъ и мученикомъ Ипатіемъ. Она поновлена въ 1605 году.

Вернувшись въ Кострому, Погодинъ пожелалъ засвидѣтельствовать свое почтеніе соборному протоіерею Арсеньеву, который священствовалъ уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ при соборѣ и былъ извѣстенъ своими проповѣдями „простыми, искренними и убѣдительными“. Почтенный старецъ самъ обводилъ нашего путешественника по собору, съ которымъ онъ „какъ будто сжился, сросся съ зданіемъ и составляетъ его часть“. Ѳ. И. Васьковъ далъ въ честь Погодина обѣдъ, на которомъ онъ наслушался славныхъ вещей о городахъ, о причинахъ возвышенія однихъ и упадка другихъ, о мѣстныхъ промыслахъ, о желѣзныхъ дорогахъ, о винныхъ откупахъ. „Ахъ, еслибъ“, пишетъ Погодинъ, — „столицы были знакомѣе

съ губерніями! Сколько узнаешь въ иномъ городѣ, или даже въ иной деревнѣ, въ курной избѣ,—чего и не пригрезится на паркетѣ! Запишу одно замѣчаніе: откупщику доставляетъ доходъ не пьяница, а воздержный".—Какъ такъ?—„Пьяница пропьетъ все разомъ, а потомъ и заговѣется. Воздержный пьетъ понемногу и доставляетъ постоянный доходъ". О еслибъ всякій Русскій крестьянинъ могъ пить по чаркѣ, по двѣ, въ день! Какъ бы это было здорово для него, полезно для купца и помѣщика и выгодно для откупщика! Слышалъ о какой-то лѣтописи города Костромы въ думѣ; объ отличной деревянной церкви въ Желѣзномъ борку, томъ монастырѣ, гдѣ оставался Темный во время послѣдняго сраженія его войскъ съ Шемякою. Такая странная архитектура, говорятъ, такія разныя вычурныя украшенія, что чудо! Надо бы срисовать, пока она не развалилась. Желѣзный борокъ примѣчателенъ еще тѣмъ, что тамъ постригся Григорій Отрепьевъ".

XXX.

На канунѣ Успенія Погодинъ отправился въ Галичъ. Вечеромъ пріѣхалъ онъ въ Судиславъ. Расположился въ чистой и опрятной, снабженной всѣмъ необходимымъ, избѣ. Ему прислуживала почтенная старушка, съ которою онъ вступилъ въ разговоръ. „Для меня", пишетъ онъ,—„пріятно было слышать, что старушка совершенно довольна своимъ состояніемъ и любитъ своихъ господъ". Было уже поздно, а потому онъ не могъ заѣхать къ Папурину, у котораго было „множество Строгановскихъ образовъ". На разсвѣтѣ Погодинъ пріѣхалъ въ Галичъ—родину Филиппа митрополита и Григорія Отрепьева. Въ ожиданіи обѣдни онъ пошелъ бродить по городу. Въ день Успенія совершается крестный ходъ изъ Собора въ Паисіевъ монастырь. Погодинъ отправился съ народомъ. „Въ женскихъ нарядахъ", пишетъ онъ,—„много живописнаго; дѣвичьихъ не видать. Я спросилъ о причинѣ. Дѣвицы стыдятся выходить

даже въ церковь, за то по вечерамъ высыпаютъ всѣ играть въ хороводы (водить круги) вмѣстѣ съ парнями, что продолжается до глубокой ночи. Мать укоряетъ дочь, если за ней мало волочатся. „Когда это бываетъ особенно?“ „Ныньче будутъ непремѣнно самые богатые хороводы. Впрочемъ, такія гулянья продолжаются почти все лѣто, отъ праздника до праздника. Самое богатое купечество отпускаетъ дочерей своихъ въ круги“. „Но это опасно для нравственности?“ „Не безъ того-то, особенно теперь, когда въ кругахъ начали принимать участіе полковые. Жиды-музыканты — эти злодѣи хуже всѣхъ. Заводятся и болѣзни“. Такъ, обыкновенія самыя невинныя, самыя патріархальныя въ своемъ началѣ, самыя піитическія (вечерницы въ Малороссіи) современемъ ветшаютъ и дѣлаются источникомъ разврата“.

День былъ жаркій, и Погодинъ на силу дотащился до монастыря. Около ограды стояло множество телѣгъ изъ сосѣднихъ деревень. Заглянувъ въ церковь, онъ не примѣтилъ „ничего стараго“. Въ Галичѣ оказалось мало собирателей древности. Указывали только на одного старика Козлова, но и у него онъ ничего не нашелъ. Между тѣмъ въ училище пріѣхалъ въ тотъ день почетный смотритель, и Погодину пришлось присутствовать на актѣ. „Ученые начальники“, пишетъ онъ, — „требовали непремѣнно, чтобъ я остался у нихъ обѣдать. Долженъ былъ удовлетворить ихъ желанію, хоть и было досадно вмѣсто здѣшнихъ ершей, которыми славится Галицкое озеро по всему околотку, быть наказану неизбѣжными котлетами и бифстексомъ“. Послѣ обѣда былъ актъ. „Ученики, по большей части въ кружокъ остриженные, въ кафтанахъ сидѣли чинно по лавкамъ. Штатный смотритель прочелъ имена, почетный роздалъ награжденія. Послѣ этого Погодинъ спросилъ: „не хочетъ ли кто переходить въ гимназіи?“ Оказалось: *никто*. Судя потому, что Погодинъ слышалъ, никогда почти не бываетъ охотниковъ. „Развѣ изо ста одинъ“. Вотъ что по этому поводу писалъ онъ: „Кстати я скажу нѣсколько словъ о всѣхъ. До старшаго класса, при всѣхъ просьбахъ учителя,

едва доходитъ десятая или даже двадцатая доля. Родители, городскіе мѣщане, берутъ ихъ, лишь только они выучатся грамотѣ; больше имъ ничего не надо. Дворяне, чиновники везутъ дѣтей своихъ въ губернскій городъ съ самаго начала, не терпя, чтобъ они сидѣли на одной лавкѣ съ оборванными, босоногими ребятишками улицъ. Какимъ образомъ заохотить теперь этихъ бѣдныхъ людей, чтобы они оставляли своихъ дѣтей оканчивать по крайней мѣрѣ курсъ уѣздныхъ училищъ? Эта обязанность лежитъ на насъ, на ученомъ сословіи. Правительство учредило училища, содержитъ учителей, даетъ деньги на библіотеки, обезпечило семейства, а болѣе оно не можетъ сдѣлать ничего. Мы, мы, чтобы доказать нашу глубочайшую благодарность, за его отеческія попеченія, обязаны, вмѣстѣ съ духовенствомъ, позаботиться о средствахъ распространить данное намъ просвѣщеніе и доводить его до низшихъ слоевъ общества, погрязающаго теперь по городамъ въ невѣжествѣ самомъ грубомъ и дикомъ. Отчего такъ мало учениковъ въ старшихъ классахъ, спрашивалъ я всѣхъ учителей, и получалъ одинъ отвѣтъ: не хотятъ, невѣжды, не понимаютъ ученья, не цѣнятъ. Нѣтъ, друзья мои, не въ томъ заключается причина. Учимъ ли мы такъ, чтобъ хотѣли у насъ учиться? Русскій человѣкъ толковитъ. Не можетъ быть, чтобъ онъ не понялъ пользы ученья... Вы даете ему такія свѣдѣнія, въ которыхъ онъ не видитъ нужды, напримѣръ, о Семирамидѣ и Сарданопалѣ, о Калькутѣ и Александріи. Мудрено ли, что отецъ беретъ сына изъ училища и сажаетъ его за прилавокъ! Но разскажите-ка ему, не по гимназически и не по университетски, объ его городѣ, объ его губерніи, о столицахъ, о судахъ, о сословіяхъ, о торговлѣ, о промышленности, объ естественныхъ произведеніяхъ, и вы увидите, что не только дѣти, но и отцы придутъ васъ слушать! Простѣе, простѣе, какъ можно, и ближе къ дѣлу, къ жизни! Учитель спросилъ при мнѣ мальчика: два изъ семи сколько останется? Пять, отвѣчалъ безъ запинки малютка. Но какая хирургическая операція началась надъ его головенкою, когда дѣло дошло

до того, что такое пять: вычитаемое или разность. Разъ десять повторены были вопросы, и всякій разъ то пять сказывались разностью, то два вычитаемымъ.

Еслибъ я былъ учителемъ Словесности, то ничего не сталъ бы дѣлать съ дѣтьми, какъ только читать имъ—басни Крылова, Хемницера, Дмитріева съ толкованіями; повѣсти или отрывки изъ повѣстей Загоскина, Луганскаго, Лажечникова, Гоголя, комедіи, трагедіи, и почелъ бы себѣ обязанностію возбуждать только любопытство, внушать охоту къ чтенію, заставлялъ бы учить ихъ безпрестанно наизустъ, но не грамматику, а Карамзина, Пушкина, Жуковскаго; пріучалъ бы ихъ ухо къ благозвучію, образовалъ бы ихъ вкусъ. Подъ конецъ курса мнѣ легко было бы уже поразобрать ихъ свѣдѣнія, и показать различія въ словахъ, для того, чтобы они выучились правильно писать.

Еслибъ я былъ учителемъ Исторіи, то началъ бы съ своего города: городъ нашъ Галичъ, или Ростовъ, или Бѣлозерскъ,—городъ старый; давно уже стоитъ на этомъ мѣстѣ, ему лѣтъ сотъ пять или болѣе; онъ прежде былъ больше или меньше, богаче или бѣднѣе, но случились разныя обстоятельства, которыя привели его къ этому лучшему или худшему положенію. Съ самаго начала онъ принадлежалъ къ такому-то княжеству, ибо наша Русь была тогда раздѣлена такъ-то, и вотъ что случилось у насъ примѣчательнаго. Вотъ какіе люди родились у насъ: Филиппъ митрополитъ. Мощи его почиваютъ въ Москвѣ. Вотъ былъ пастырь! Это введеніе, а теперь разскажу я вамъ по порядку, что у насъ случилось. Отъ своего города легкій и естественный переходъ къ своему княжеству, а потомъ и ко всей Русской Исторіи. Но прежде всего я старался бы также возбудить охоту къ Исторіи. Вотъ что всего важнѣе для учителя уѣзднаго, гимназическаго, университетскаго—расшевелите сердце, возбудите охоту, а прочее все и безъ насъ пойдетъ своимъ чередомъ. Я прочиталъ бы имъ съ толкованіемъ анекдоты изъ жизни Петра Великаго, разсказалъ бы Исторію 12 года, нашествія Татаръ, Поляковъ,

біографіи какого-нибудь Суворова, Ломоносова, или читалъ бы имъ мѣста изъ Исторіи Карамзина, Данилевскаго, Глинки, и тому под.

Вы теперь много знаете—теперь приведемъ въ порядокъ, по годамъ, хронологически. Русское наше государство старо, но есть и еще старше—единоплеменныя намъ Словенскія такія-то, а вотъ и прочія Европейскія. Опять чтенія — изъ Исторіи Крестовыхъ походовъ, жизни Колумба, Наполеона, и тому под. Все это государства Христіанскія; но прежде Христа, прежде новаго міра, былъ древній. Здѣсь одинъ Плутархъ доставитъ пріятнѣйшаго занятія мѣсяцевъ на шесть.

Въ Географіи также я началъ бы съ своего города: нашъ городъ находится на Бѣлѣ-озерѣ. Мѣсто у насъ высокое, которое по сторонамъ, но чрезъ нѣсколько сотъ верстъ, опадаетъ и продолжается равнинами. Отъ насъ выходятъ рѣки. Наше возвышеніе соединяется съ такимъ-то, откуда также идутъ рѣки. Наше озеро бурно — вы знаете, вотъ отчего. Въ немъ ловятъ много рыбы такой-то, которая продается повсюду. У насъ много рыбы, но мало вотъ чего, и это получаемъ мы оттуда. Сообщенія наши вотъ какія. Русская Географія соединилась бы со всеобщею и заняла бы пріятнѣйшимъ образомъ дѣтей. Путешествія сдѣлались бы любимымъ ихъ чтеніемъ—а сколько ихъ можно выбрать!

Еслибъ я былъ законоучителемъ, то читалъ бы имъ безпрестанно Евангеліе. Что за славныя вещи есть въ Церковной Исторіи древней и новой!

Кончивъ двадцать пять лѣтъ своей профессорской службы, я непремѣнно на годикъ-мѣста сдѣлаюсь уѣзднымъ учителемъ или смотрителемъ, куда я и сбирался однажды, и увѣренъ, что этотъ годъ будетъ однимъ изъ полезнѣйшихъ, если Богъ поможетъ. Я говорилъ теперь, что̀ попалось мнѣ съ перваго взгляда; но на мѣстѣ, видя предъ собою безпрестанно своихъ сюжетовъ и паціентовъ, разумѣется, я привелъ бы въ порядокъ свои мысли, получилъ бы много новыхъ и написалъ бы, можетъ быть, порядочное наставленіе учителямъ на будущее

время. Возразятъ: гдѣ взять такихъ учителей, которые поняли бы, въ чемъ дѣло. А я отвѣчу: поймутъ всѣ, лишь только бъ имъ растолковать хорошо, въ чемъ дѣло. Экзамены губятъ насъ, сдѣлавшись цѣлью ученія, а не средствомъ! Теперь у насъ ученики мученики грамматики, какіе до насъ были мученики Часовника и Псалтыря“ [148]).

Вскорѣ по написаніи этихъ примѣчательныхъ строкъ Погодинъ имѣлъ утѣшеніе получить слѣдующее письмо отъ учителя Шенкурскаго уѣзднаго училища, Никифора Борисова: „Какъ учитель Русскаго языка“, писалъ онъ, — „въ здѣшнемъ училищѣ, я воспользовался вашими наставленіями относительно преподаванія моего предмета, помѣщенными въ вашихъ путевыхъ запискахъ, и съ величайшимъ удовольствіемъ вижу, какъ огромны плоды указанной вами методы преподаванія моего предмета: ученики мои съ возрастающимъ все больше и больше вниманіемъ и любопытствомъ слушаютъ прекрасныя басни Крылова и, выслушавъ однажды, пересказываютъ каждую басню съ малѣйшими подробностями и почти слово въ слово. Это ихъ чрезвычайно занимаетъ, и они тайкомъ отъ меня переписываютъ ихъ даже въ тетрадки, или пишутъ своими словами—очень хорошо, судя по ихъ лѣтамъ и степени образованія. Я понялъ теперь, что̀ значитъ овладѣть вниманіемъ малютки, и этимъ я обязанъ вамъ, милостивый государь! Вы указали орудіе, которымъ съ величайшимъ успѣхомъ можно дѣйствовать на сердце ребенка. Стихи Пушкина и Жуковскаго, проза Карамзина, Загоскина и Лажечникова, и легкая, заманчивая Исторія Ишимовой удивительно какъ занимаютъ нашихъ учениковъ; они всѣ превращаются въ слухъ и вниманіе, когда читаешь имъ этихъ писателей, съ объясненіями того, чего сами они понять не въ состояніи. Не я одинъ воспользовался вашими совѣтами, но и сослуживцы мои; и они увидѣли очень утѣшительные успѣхи въ ученикахъ по своимъ предметамъ и съ благодарностію приписываютъ эту честь вашимъ наставленіямъ. Отъ лица всѣхъ насъ приношу вамъ сердечную благодарность“ [149]).

Изъ училища Погодинъ отправился къ протоіерею, магистру Петербургской Академіи. При этомъ онъ замѣтилъ, „что Петербургскіе воспитанники имѣютъ совсѣмъ другой характеръ, нежели Московскіе. Не случалось еще мнѣ встрѣчаться съ Кіевскими“. Разговоръ завелъ Погодинъ о нравственности жителей. „Она“, пишетъ онъ,—„упадаетъ вездѣ по городамъ. Замѣчательно, что жители Галича указываютъ все на Устюгъ: „такъ въ Устюгѣ“. Доказательство древняго сношенія этихъ городовъ: Галичъ, Сольгаличъ, Вологда, Устюгъ, Бѣлозерскъ, Новгородъ, Холмогоры, а по сторонамъ Ганза и Сибирь — вотъ нѣкогда міръ торговый, живой, разнообразный, который уничтоженъ Петербургомъ“. Указывая на недостатокъ общежитія, Погодинъ замѣчаетъ, что у насъ „лучше любятъ скучать врозь, чѣмъ услаждаться вмѣстѣ. О Словене!“

Въ Галичѣ, между прочимъ, Погодинъ разспрашивалъ и объ Отрепьевѣ и не нашелъ ни единаго слова. „Это примѣчательно“, пишетъ онъ: „еслибъ самозванецъ былъ Отрепьевымъ и это было извѣстно народу, то непремѣнно, кажется, имя его осталось бы хоть бранью, какъ имя Мазепы. *Видно, что современники не вѣрили или скоро разувѣрились въ этомъ сочиненіи, и оно не пустило корней въ сознаніи народномъ.* Фамилія Нелидовыхъ здѣсь очень многочисленна. Погодину хотѣлось осмотрѣть имѣніе покойнаго П. П. Свиньина, которое досталось Жадовскому вмѣстѣ съ его библіотекою, но ему сказали, что видѣть ее безъ владѣльца нельзя.

Въ ночь съ 15 на 16 августа Погодинъ выѣхалъ изъ Галича въ городъ Бую. Долго ѣхалъ берегомъ Галицкаго озера, которое долго потомъ не скрывалось изъ виду. Дорога пустынная. Звѣзды сверкали торжественно по синему небу... Предъ разсвѣтомъ нашъ путешественникъ пріѣхалъ въ Буй. Здѣсь произошли у него недоразумѣнія съ ямщиками, которые не хотѣли везти его на Грязовецъ, потому что дорога „не трактовая“. Даже могущественное слово *изслѣдованія*, коимъ онъ пугалъ иногда десятскихъ, давая ему значеніе слѣдствія, не оказало на этотъ разъ своего дѣйствія. Нако-

нецъ кое-какъ удалось ему дотащиться до села Дорокъ, откуда онъ безпрепятственно ѣхалъ до Вологды. Недалеко отъ Дорокъ, въ селѣ Сидоровѣ, увидѣлъ Погодинъ церковь деревянную, но такой прекрасной архитектуры, что онъ „заглядѣлся на нее. Каменныя церкви наши построены по образцу Греческихъ, а потомъ со временъ Іоанна III съ Итальянскою примѣсью, — но въ деревянныхъ церквахъ, гдѣ онѣ сохранились, должно искать собственно Русскаго стиля“.

За сорокъ верстъ до Грязовца, въ селѣ Ивойновѣ, Погодинъ остановился, чтобы отдохнуть и напиться чаю. Съ этою цѣлію расположился въ избѣ. Пока вскипалъ его дорожный самоваръ, онъ обошелъ съ хозяиномъ его жилище и нашелъ его просторнымъ и удобнымъ. „Изба еще топилась“, пишетъ онъ,—„баба сажала хлѣбы въ печь, а между тѣмъ поджаривались у нея лепешки. Двое мальчишекъ, высуня языкъ, скакали на одной ножкѣ подлѣ нея и дожидались, пока мать вынетъ лепешки. Первую она предложила мнѣ. Я взялъ и, отвѣдавъ, сказалъ ей: славныя лепешки—да никакъ онѣ изъ ситной муки? Баба усмѣхнулась. Изъ ситной!.. Наготовишься изъ ситной вотъ для этихъ стригуновъ, указывая на мальчишекъ. Благодарить Бога и на томъ, что для праздника *просѣяла* сквозь рѣшето да почаще!“ Эти слова бабы произвели на Погодина сильное впечатлѣніе, и онъ восклицаетъ: „Богачи и сластолюбцы! Понимаете ли вы различіе между хлѣбомъ, просѣяннымъ сквозь сито, и хлѣбомъ, просѣяннымъ чрезъ рѣшето. Да! сытый голоднаго не разумѣетъ... Живя въ городѣ въ довольствіи и обиліи и зная нужду, голодъ, только по лексикону, въ отвлеченіи,—трудно переноситься въ крестьянскій быть и понимать издали его горе и радости. Но эта баба, которая стояла передо мною и съ такимъ торжествомъ разсказывала о своемъ *рѣшетѣ почаще*, тронула меня до слезъ. Ты улыбнешься новое, твердое, гордое поколѣніе. Извини меня, я принадлежу къ старому, я воспитанъ на Карамзинѣ“. Мать сдѣлила ребятъ по лепешкѣ. Отецъ сѣлъ на лавкѣ и началъ разговаривать съ Погодинымъ „свободно, спокойно,

благородно. Видно было", замѣчаетъ Погодинъ, — „что это хозяинъ своему дому, что онъ доволенъ своимъ состояніемъ, не чувствуетъ никакой нужды и никого не боится".

Между тѣмъ вошелъ молодой парень, который привезъ Погодина; онъ помолился Богу передъ переднимъ угломъ, поклонился на всѣ стороны и сѣлъ... „Никогда", пишетъ Погодинъ, — „смотря на изящное произведеніе древняго ваянія, не получалъ я такого полнаго впечатлѣнія, такого яснаго понятія, о.... не приберу вдругъ Русскаго слова.... о томъ свойствѣ, что Французы называютъ candeur, какъ теперь, видя предъ собою этого молодого крестьянина въ нагольномъ тулупѣ, который только что теперь отпрягъ лошадей и заткнулъ за поясъ кнутъ! Столько было скромности въ его движеніяхъ, стыдливости дѣвической въ его взглядахъ, какой-то робости въ его тихой, разстановистой рѣчи, сколько невинности въ его тонкомъ голосѣ! Казалось, передо мною сидѣлъ тотъ юноша, о которомъ боялся Пушкинъ, чтобъ онъ на войнѣ не утратилъ

. . . . навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда.

Бѣдность, нужда, вотъ что развращаетъ сначала народъ и приводитъ его потомъ со ступени на ступень къ кабаку и пропасти, надъ коей кружится голова, темнѣетъ въ глазахъ. О, много надо подумать прежде, нежели осудить какого-нибудь мужика-пьяницу, или вора-лакея. Татары причинили вѣковѣчное зло нашему народному характеру, наложивъ свое тяжелое иго и пріучивъ къ низкимъ хитростямъ рабства".

Село Ивойново навсегда запечатлѣлось въ памяти Погодина. „Два часа", пишетъ онъ, — „проведенные мною въ этой глухой деревнѣ, среди лѣсовъ, между Костромою и Вологдою принадлежатъ къ числу самыхъ пріятныхъ, самыхъ сладкихъ въ моемъ краткомъ путешествіи. Мнѣ казалось, что я какимъ-то волшебствомъ очутился среди древняго Словенскаго племени, до Рюрика, до государства, до просвѣщенія съ Латинскою

грамматикою, въ нравахъ патріархальныхъ и чистыхъ, близко природы. Да сохранитъ васъ Богъ, добрые люди, въ вашей чистотѣ и патріархальности и да посылаетъ къ вамъ всегда добрыхъ становыхъ приставовъ и окружныхъ начальниковъ, какихъ имѣете теперь! Я простился съ ними какъ съ друзьями!"

Имя Грязовца напомнило Погодину статью, которую читалъ еще ребенкомъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* С. Н. Глинки, о геройской смерти генерала Мазовскаго; подъ нею было подписано: Грязовецъ.

XXXI.

Съ великимъ нетерпѣніемъ приближался Погодинъ къ Вологдѣ, тамъ ожидало его „новое, сладкое удовольствіе увидѣться съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, котораго благосклонностію такъ давно онъ имѣлъ счастіе пользоваться".

Наконецъ въѣхалъ онъ въ городъ. „Огни еще видны", пишетъ онъ, „въ окошкахъ. Улицы показались мнѣ предлинными. Ѣхали мы—ѣхали, наконецъ поворотили—передъ глазами высокая каменная стѣна съ узенькими окошками, въ родѣ Перонны Лудовика XI; луна чуть озаряла ее томнымъ своимъ свѣтомъ. Поворотили еще,—и ямщикъ остановился. „Пріѣхали", сказалъ онъ. Я всталъ и началъ стучаться потихоньку, опасаясь растревожить домъ. Никакого отвѣта. Началъ стучаться еще громче. То же молчаніе. Обошелъ кругомъ. Вездѣ заперто, ни одного окна наружу и ничего неслышно. Соборъ стоялъ одиноко, въ мрачномъ своемъ величіи. Походилъ-походилъ. Дѣлать нечего—началъ стучаться шибче, и чрезъ полчаса послышалась тяжелая походка сторожа, гремѣвшаго ключами... Послѣ нѣсколькихъ переспросовъ, онъ отворилъ мнѣ дверь, и передъ мною открылся пространный дворъ, поросшій травою, окруженный мрачными зданіями. Точно какъ будто разыгрывалась сцена изъ Кентень-Дюрварда.

Сторожъ указалъ мнѣ вдали лѣстницу. Я прошелъ по двору одинъ, взобрался въ темнотѣ по лѣстницѣ, еще постучался... вышелъ келейникъ. „Преосвященный почиваетъ?“ „Нѣтъ еще.“—„Прошу васъ доложить—такой-то.“—„Ахъ, милости просимъ! Преосвященный давно васъ дожидается.“ Онъ оставилъ меня въ огромной комнатѣ, въ которой со всѣхъ стѣнъ устремили на меня взоры Вологодскіе Архіереи...., но чрезъ минуту вышелъ Преосвященный Иннокентій, и потребовалъ непремѣнно, чтобъ я остановился у него въ домѣ“.

Въ Архіерейскомъ домѣ Погодина помѣстили „въ прекрасной огромной комнатѣ, только что отдѣланной и назначенной быть кабинетомъ Преосвященнаго. Около двѣнадцати оконъ въ три стороны. Изъ однихъ виденъ соборъ, изъ другихъ поле и часть города. Въ углу стоялъ большой образъ Пресвятыя Троицы древняго письма съ Зырянскою подписью. Это тотъ историческій образъ, о которомъ столько было писано въ статьѣ Евгенія о Древностяхъ Вологодскихъ и Зырянскихъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1814 или 1815 г.

На другой день ударили въ колоколъ, и Погодинъ поспѣшилъ къ обѣдни, въ соборъ. Служилъ Иннокентій и предъ окончаніемъ обѣдни произнесъ слово. Послѣ обѣдни нѣсколько почетныхъ гражданъ собралось въ его кельѣ. Разговоръ коснулся тотчасъ до слышаннаго слова. „Съ дороги я не успѣлъ ничего сообразить для нынѣшняго дня“, сказалъ Преосвященный,— „и принесъ было вамъ печатную книгу—прочесть превосходное истолкованіе молитвы: Отче нашъ, Московскаго Митрополита Филарета, какъ вдругъ слова Павловы при слушаніи Апостола поразили меня, и я рѣшился вкратцѣ обратить на нихъ ваше вниманіе.“ Потомъ много говорено о Соборѣ, основанномъ Іоанномъ Грознымъ въ то время, какъ онъ намѣревался перенести свое пребываніе въ Вологду и жилъ здѣсь года три (1566—1568), выѣзжая изрѣдка въ любимый свой Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Мысль для его времени не безосновательная, замѣтилъ Преосвященный; Вологда, многолюдная и богатая, могла быть центромъ его владѣній,

на торговомъ пути между Сѣверомъ и Сибирью. Это правда, Новгородъ, Тверь, Устюгъ, Нижній, Москва — почти правильный кругъ около этого центра. Но трусость его очевидна въ этомъ намѣреніи: избирая Вологду, онъ показывалъ, какъ боялся Поляковъ и Татаръ и какъ мало думалъ о возвращеніи природной нашей Малороссіи и Бѣлоруссіи. Ему становилось страшно и въ Вологдѣ, и онъ велѣлъ готовить лодки и другія суда для отъѣзда въ Поморскія страны. Но тогда же случился въ Вологдѣ моръ, и Грозный поѣхалъ назадъ въ Москву. Здѣсь есть любопытное преданіе: когда Соборъ былъ конченъ, и Іоаннъ пришелъ осматривать его, камень сверху упалъ ему почти на голову. Грозный воскипѣлъ гнѣвомъ, побѣжалъ вонъ и велѣлъ въ ту же минуту сломать Соборъ до основанія. На силу уже духовенство и царедворцы могли умолить его объ отмѣнѣ повелѣнія. Однако Соборъ нѣсколько лѣтъ не былъ освященъ. Предложены были разныя мнѣнія о происхожденіи имени Вологда—отъ волока, вологи, Волхова, Волотовъ, Володи. Обѣдъ монашескаго приготовленія, въ обществѣ монаховъ, имѣлъ для Погодина „характеръ новости“. Послѣобѣденное время онъ посвятилъ осмотру собора. „Стѣнная живопись“, пишетъ онъ,—„сохранилась у насъ по мѣстамъ болѣе образной, и должно бъ ее разсмотрѣть внимательнѣе, воспользоваться ею для той Русской живописи, которая составляетъ наши pia desideria. Она доставитъ много матеріаловъ и для Исторіи одежды древнихъ князей, бояръ, простолюдиновъ, въ случаяхъ изъ ихъ жизни, представленныхъ въ чудесахъ Угодниковъ, и тому под. Примѣчательные образа: Софіи Премудрости Божіей съ огненнымъ лицемъ Спасителя, Успенія Божіей Матери, Спасителя съ ницъ лежащими Угодниками“.

Вечеромъ Иннокентій взялъ съ собою своего гостя „къ знаменитому старожилу и хлѣбосолу Вологодскому, Д. И. Самарину, къ которому приглашенъ былъ почти весь городъ. Общество многочисленное, сдѣлавшее бы честь столицѣ. Погодинъ порадовался успѣхамъ нашего общежитія и образован-

ности: едва ли часто и тамъ разговоръ бываетъ занимательнѣе и умнѣе. Первымъ предметомъ были Европейскія новости: война Англичанъ съ Китаемъ, предоставленіе Аравіи въ управленіе Мегемета-Али, почему выгодно ему взяться за нее, отношеніе его къ Мугаммеданской религіи, отношеніе Турокъ къ Европѣ, ихъ малочисленность и принадлежность къ Азіи, система управленія Мегемета-Али, разсказы разныхъ путешественниковъ, соперничество Англичанъ и Французовъ при Египтѣ и Малой Азіи, судьба Малой Азіи, первенство Европы надъ прочими частями Свѣта, причины ея, состояніе Христіянъ въ Турціи, и въ особенности Словенъ". По поводу послѣднихъ Погодинъ замѣтилъ съ удовольствіемъ, что этотъ вопросъ „начинаетъ наконецъ мало по малу распространяться въ обществѣ". Подозрѣніе Евреевъ въ умерщвленіи младенцевъ, вновь возобновившееся недавно гдѣ-то въ Европѣ по одному случаю, „подало поводъ Преосвященному сообщить любопытныя историческія и археологическія свѣдѣнія, кои все общество выслушало съ живѣйшимъ любопытствомъ. Но ни одни чужія дѣла были предметомъ разговоровъ, какъ то случается по большей части у насъ; нѣтъ, скоро очередь дошла и до своихъ: много говорено было о корабельныхъ лѣсахъ въ сѣверной части Вологодской губерніи, о направленіи и продолженіи старыхъ дорогъ, о большомъ проектѣ купца Лыткина для Печерской страны, о червѣ, поѣдающемъ озимыя сѣмена". Лично Погодинъ „не принималъ почти никакого участія въ разговорѣ, желая больше слушать и знакомиться съ собесѣдниками и предметами ихъ бесѣды". Вечеръ закончился роскошнымъ ужиномъ. Первымъ днемъ своего пребыванія въ Вологдѣ Погодинъ остался очень доволенъ. Онъ познакомился съ главными дѣйствующими лицами губерніи, услышалъ много любопытнаго, „получилъ много доказательствъ, какъ Русь идетъ впередъ".

На другой день (18 августа) Погодинъ разсматривалъ матеріалы, собранные преосвященнымъ Евгеніемъ, во время управленія его Вологодскою епархіею, для здѣшней Исторіи церковной и гражданской. „Вотъ былъ человѣкъ", замѣчаетъ

Погодинъ,—„который не могъ пробыть нигдѣ одного дня безъ того, чтобъ не ознаменовать его трудами на пользу Исторіи. Новгородъ, Псковъ, Вологду, Кіевъ—онъ наградилъ плодами своей неутомимой дѣятельности. Это былъ одинъ изъ величайшихъ собирателей, которые когда-либо существовали. Съ собою не бралъ онъ ни откуда ничего. Гдѣ что собралъ, тамъ то и оставилъ, приведя въ порядокъ, перемѣтивъ, означивъ, откуда, что и какъ взято. Это былъ Русскій Миллеръ. Замѣчу еще особенность въ его умѣ и характерѣ: необыкновенная положительность, безъ примѣси малѣйшей идеальности. Это былъ какой-то статистикъ Исторіи. Онъ кажется даже не жалѣлъ, если гдѣ чего ему недоставало въ Исторіи; для него было это какъ будто все равно. Что есть—хорошо, а чего нѣтъ, нечего о томъ и думать. Никакихъ разсужденій, заключеній".

Въ Вологодской епархіи считается больше семидесяти угодниковъ Божіихъ, прославившихся своими подвигами и чудесами. „Большая часть ихъ", замѣчаетъ Погодинъ, „принадлежитъ къ XV и XVI вѣку, періоду основанія Русскаго государства въ настоящемъ значеніи этого слова. Много молитвъ и слезъ положили они въ это основаніе съ своей стороны. Добрая доля основанія!" Иннокентій хотѣлъ посвятить всѣмъ Вологодскимъ угодникамъ церковь при архіерейскомъ домѣ, и сочинить имъ службу.

Посѣщеніе начальника Вологодской губерніи, Степана Григорьевича Волховскаго, впослѣдствіи сенатора, навело Погодина на слѣдующія мысли: „Почему", пишетъ онъ, „наши высшіе чиновники, между которыми бываетъ столько людей достойныхъ, оставляя какую-нибудь должность, не оставляютъ своихъ замѣчаній объ ней въ наслѣдство преемникамъ или вообще начальству, съ одной стороны—въ поученіе вновь опредѣляемымъ, а съ другой—для собственнаго употребленія".

Иннокентій разсказывалъ Погодину „о своемъ путешествіи по Вологодской епархіи, о многочисленныхъ памятникахъ древней нашей иконописи, разсыпанныхъ не только по монасты-

рямъ и соборамъ, но даже бѣднымъ приходскимъ церквамъ, и о богатствѣ въ старопечатныхъ книгахъ, изъ коихъ онъ намѣревается сдѣлать нѣсколько коллекцій для духовныхъ академій". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодину удалось узнать, что „въ самой Вологдѣ было ихъ богатое собраніе: какой-то архіерей велѣлъ обобрать у церквей всѣ старыя книги и запечатать ихъ въ сундукъ. При представленіи одного священника къ наградѣ, онъ названъ былъ хранителемъ старыхъ книгъ. Высшее начальство спросило, что это за книги, и, какъ не нужныя, приказало представить въ Петербургъ. Библіотеки имѣютъ свои исторіи".

19 августа Погодинъ участвовалъ въ приходскомъ праздникѣ у Власія, явленія Донской Божіей Матери. Церковь была полна народомъ. Приходскій престарѣлый священникъ-отецъ Павелъ Ермиловъ, говорилъ „краткую, но стройную" проповѣдь о смиреніи, Погодинъ примѣтилъ въ ней „даже счастливое выраженіе" о пути, пройденномъ Пресвятою Дѣвою отъ яслей Виѳлеемскихъ до Голгоѳы и Геѳсиманіи. После обѣдни, Погодинъ приглашенъ былъ въ домъ къ священнику. „Скромное, но опрятное жилище", пишетъ онъ. „Послѣ чая тотчасъ предложена закуска и обѣдъ. За столомъ сидѣло нѣсколько священниковъ и монаховъ. Обѣдъ былъ изобильный. Рыбѣ не было счету, какъ будто изъ благословенной мрежи. За всякимъ блюдомъ подавалось вино, подъ именемъ мадеры, малаги, рейнвейна, шампанскаго. Вотъ для меня самое лучшее изображеніе нашихъ несчастныхъ подражаній литературныхъ, политическихъ, житейскихъ. Хозяинъ былъ въ полномъ удовольствіи и угощалъ отъ всего сердца, съ такимъ любезнымъ радушіемъ, и вмѣстѣ искусствомъ, и неистощимыми варіантами, но безъ всякаго излишества и униженія, что любо было смотрѣть на него и слушать. Боже мой, думалъ я, приходскій священникъ въ Вологдѣ — ну что можетъ онъ получить въ годъ? Пять-сотъ—шестьсотъ рублей. Ни одного каменнаго дома не видалъ я, проѣхавъ, у него въ приходѣ. И изъ этой тысячи онъ долженъ содержать свое семейство, часто много-

численное, и думать о своей предстоящей дряхлости. Какая бережливость должна быть соблюдаема въ его обиходѣ, еслибы даже и не чувствовалъ онъ нужды. Не всякую ль копѣйку онъ долженъ раза два-три оборотить въ рукахъ, прежде нежели онъ заплатитъ ею за кусокъ хлѣба или за аршинъ сукна? Но вотъ у него праздникъ, и вы его не узнаёте, не различаете съ богатыми купцами: Русскій духъ обнаруживается. Хлѣбосольство и гостепріимство являются во всемъ блескѣ. О, съ какимъ почтеніемъ смотрѣлъ я на достойнаго старца, и прикушивалъ его мадеры и малаги, желая ему здравія и благоденствія, и во всемъ благого поспѣшенія!"

Вмѣстѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ Погодинъ ѣздилъ осматривать монастырь Спасо-Прилуцкій, верстахъ въ двухъ отъ города, основанный св. Димитріемъ, знакомцемъ преподобнаго Сергія. Приложившись къ мощамъ, Погодинъ отправился въ ризницу и принялся разсматривать сундуки съ книгами. „Послѣ нѣсколькихъ церковныхъ рукописей", пишетъ онъ,— „вытаскиваю одну, въ древнемъ переплетѣ... Харатейная... развертываю... первое слово попадается подъ глаза Мстиславъ, потомъ Изяславъ... я такъ и обмеръ отъ радости, колѣна у меня подогнулись... Вѣрно какая-нибудь лѣтопись: гдѣ же могутъ случиться такія имена? Но у меня не было силы перевернуть листы и посмотрѣть на ея начало... съ трепещущимъ сердцемъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ, подалъ я рукопись Преосвященному, и едва могъ выговорить: Мстиславъ, Изяславъ. Онъ началъ перелистывать. Я опомнился и послѣдовалъ глазами. Увы! это только Житіе Бориса и Глѣба среди поучительныхъ словъ и житій. Впрочемъ, рукопись древняя и примѣчательная. Житіе не Несторова сочиненія, а другое, о которомъ я писалъ въ своемъ изслѣдованіи. Не могъ разбирать болѣе, и съ горя отправился вслѣдъ за Преосвященнымъ къ архіепископу Иринею, который здѣсь живетъ на покоѣ".Ириней сообщилъ своимъ гостямъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи, гдѣ онъ служилъ долго и разбиралъ права собственности по древнимъ грамотамъ. Прео-

священный Ириней родился въ тѣхъ странахъ и „тоскуетъ по своей отчизнѣ“. Возвращаясь въ Вологду, Погодинъ мечталъ о Всероссійскомъ Музеѣ, „что еслибы“, писалъ онъ,—„собрать древнія вещи, одежды, оружія, рукописи, образа, изъ всей Россіи (разумѣется, только изъ захолустьевъ, куда никто не ѣздитъ и гдѣ они лежатъ безъ употребленія), расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ въ какомъ-нибудь зданіи Москвы, напримѣръ, Оружейной Палатѣ. Какое было бы величественное и поучительное собраніе! Мы увидѣли бы тогда осязаючи, что отцы наши были не такъ просты и грубы, какъ мы, среди своего ученаго невѣжества, объ нихъ предполагаемъ. Сколько разсыпано всякихъ драгоцѣнностей по лицу всей Россіи, гдѣ онѣ лежатъ безъ употребленія и пользы! Кому, напримѣръ, придетъ охота ѣхать въ Прилуки (и даже въ Вологду) смотрѣть на такую-то примѣчательную рукопись, или рѣзный крестъ, или пелену. Тогда только, какъ всѣ подобныя вещи будутъ храниться вмѣстѣ, можно будетъ написать Исторію Художествъ въ Россіи, Исторію частной жизни и проч.“

Погодину удалось вмѣстѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ посѣтить Вологодскую гимназію. На крыльцѣ встрѣтилъ преосвященнаго инспекторъ Фортунатовъ и въ сопровожденіи его вступилъ въ актовую залу, гдѣ собраны были учителя и ученики. Лишь только показался Преосвященный, какъ раздалось:

Гряди, о пастырь нашъ желанный,
Гряди, воззри, благослови!

„Слезы были у многихъ на глазахъ, и я“, пишетъ Погодинъ,— „былъ очень тронутъ. Выслушавъ привѣтствіе, Преосвященный сказалъ воспитанникамъ: *Благодать вамъ и миръ отъ Господа нашего Іисуса Христа.* Затѣмъ Фортунатовъ произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ заявилъ, что Вологодскіе гимназисты „знаютъ почти наизусть *Седмицы*, кои всякое воскресенье читались у нихъ въ собраніяхъ, и что вообще все начальство преданно было особенно преосвященному Иннокентію, коего имя безпрестанно поминалось въ гимназіи, какъ вдругъ получается извѣстіе, что онъ назначенъ епископомъ въ

13*

Вологду. Радость была неописанная“. Это прекрасное торжество“, пишетъ Погодинъ,—„преданности благородной, проистекающей изъ такого чистаго источника, въ глуши, на сѣверѣ, вдали отъ всѣхъ людей, было для меня очень поразительно. Я радовался отъ сердца успѣхамъ общежитія, силѣ добра и слова“ [150]).

XXXII.

Во время пребыванія своего въ Вологдѣ Погодинъ лично познакомился съ профессоромъ Философіи Вологодской Семинаріи Павломъ Ивановичемъ Савваитовымъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ лишь заочно. Еще въ февралѣ (того же 1841 года) Савваитовъ писалъ Погодину: „П. С. Билярскій писалъ ко мнѣ, что вамъ понравилась здѣшняя Вельская пѣсня *про Френцюса*, и вы желаете помѣстить ее всю съ начала до конца въ издаваемомъ вами журналѣ и принимаете меня въ корреспонденты. Исполняя ваше желаніе, при семъ посылаю вамъ пѣсню и обѣщаюсь доставлять вамъ журнальныя статьи разнаго содержанія, особенно такія, въ которыхъ можно будетъ увидѣть бытъ здѣшнихъ жителей настоящій и прошедшій. Какъ здѣшній уроженецъ, я имѣю нѣкоторые къ тому способы. Занимаясь по обязанности Философіею, я имѣю въ запасѣ и по этой части нѣкоторыя статьи. Въ издаваемомъ вами журналѣ есть отдѣленіе наукъ. Мнѣ хочется знать: есть ли въ немъ мѣсто для Философіи? Если же вамъ угодно будетъ... помѣщать мои занятія по этой части, то я скоро могу доставить доказательства ихъ. Посылаемая мною статья: *Вологодскія пѣсни*—начало моего участія въ вашемъ журналѣ.

Въ первомъ нумерѣ *Москвитянина*, который получилъ я отъ одного знакомаго человѣка, прочиталъ я на стр. 326, что Батюшковъ, сладкозвучный пѣвецъ нашъ, живетъ въ деревнѣ у своихъ родственниковъ. Позвольте исправить. Батюшковъ живетъ здѣсь—въ самой Вологдѣ, гдѣ живутъ и его родствен-

ники. Онъ занимаетъ особенную прекрасную квартиру въ одномъ изъ лучшихъ здѣшнихъ домовъ—отдѣльно отъ своихъ родственниковъ. Лѣтомъ онъ нерѣдко прогуливается по городу, который хотя въ сравненіи съ Петербургомъ или Москвой можетъ показаться деревнею, но все — городъ, а не деревня. Здѣсь можно найти и хорошее высшее общество—аристократію, которая ставитъ себя едва не выше столичной аристократіи. Въ продолженіи нынѣшней зимы составился здѣсь дворянскій клубъ, были благородные театры, балы, маскарады и разныя потѣхи, какихъ нельзи найти въ деревнѣ. Современемъ постараюсь сообщить вамъ подробнѣйшія извѣстія и о жизни Батюшкова, если только вы захотите ихъ.

Здѣсь носится слухъ, что г. Сахаровъ, собиратель народныхъ преданій, сказокъ, пѣсенъ, былъ и въ нашихъ улусахъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. Не знаю, успѣлъ ли онъ собрать здѣсь что-нибудь. Здѣшніе не любятъ сообщать своего чужимъ, незнакомымъ людямъ“ [151]).

Такимъ образомъ съ появленіемъ въ свѣтъ *Москвитянина* выступилъ на арену литературной и ученой дѣятельности всѣмъ извѣстный Павелъ Ивановичъ Савваитовъ *). Въ первыхъ же нумерахъ *Москвитянина* Погодинъ напечаталъ сообщенную имъ народную *Пѣсню про Френиюса*, подъ заглавіемъ *Вологодскія пѣсни*, съ слѣдующимъ предисловіемъ П. И. Савваитова: „Ничто такъ хорошо не знакомитъ насъ“, пишетъ онъ,—„съ духомъ народа, съ его понятіями, повѣрьями, домашнимъ и нравственнымъ бытомъ, какъ народныя пословицы, поговорки, притчи, пѣсни, сказки, и, такъ называемыя, былины разныхъ временъ, особенно же былины стараго времени. Въ притчахъ и поговоркахъ, равно какъ въ пословицахъ, пѣсняхъ, сказкахъ и былинахъ ярко обрисовывается характеръ и образъ мыслей народа, его исторія, нравы, обыкновенія, страсти... И вотъ почему все народное такъ драгоцѣнно и занимательно для насъ“. Упомянувъ, что собранныя доселѣ пословицы, пѣсни, повѣрья и сказки содержатъ въ себѣ

*) Родился 15 февраля 1815 г.

самую незначительную часть въ сравненіи съ тѣмъ, что сохраняется въ народѣ, П. И. Савваитовъ продолжаетъ: „А сколько уже утрачено и вышло изъ памяти? Спросите нашего крестьянина, онъ начнетъ разсказывать вамъ столько новаго, неслыханнаго, что всего и не разслушать; а между тѣмъ онъ скажетъ, что другіе и больше еще знаютъ, что отецъ его, либо дѣдъ, разсказывалъ и не такія диковинки. Любо слушать этихъ разскащиковъ: у нихъ такъ много чего-то неуловимаго, такого, чего и передать нельзя, любо прислушиваться къ этому народному говору. Изъ всѣхъ, слышанныхъ мною, разсказовъ, самые занимательные и оригинальные нашелъ я въ Вельскомъ уѣздѣ. Здѣсь всѣ они, безъ исключенія, называются былинами, и разсказываются на распѣвъ. Пѣсни поются вездѣ. Русскій пьетъ и поетъ, *на радостяхъ и съ горя*. Но чѣмъ дальше отъ Вологды эти пѣсни, тѣмъ онѣ замѣчательнѣе и по выраженію, и по самому содержанію. Здѣсь охотно поютъ ихъ, но неохотно соглашаются, чтобы ихъ записывали: *вѣдь пѣсня быль*, говорятъ обыкновенно; *а мало ли чего бываетъ? За иное и въ судъ поведутъ*".

Вслѣдъ за симъ П. И. Савваитовъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* цѣлый рядъ Вологодскихъ народныхъ пѣсенъ, къ которымъ Погодинъ сдѣлалъ слѣдующее, лестное для П. И. Савваитова, примѣчаніе: „Усердно благодаримъ нашего Вологодскаго корреспондента за доставленіе этихъ любопытныхъ памятниковъ народной поэзіи. Издатель *Москвитянина*, въ тщетномъ доселѣ ожиданіи драгоцѣннаго собранія П. В. Кирѣевскаго, предпринимаетъ самъ изданіе народныхъ Русскихъ пѣсенъ, котораго настоятельно требуютъ всѣ Словенскіе литераторы, въ которомъ нуждается Русская Словесность, Исторія, Филологія, Археологія. Безъ всякихъ лишнихъ притязаній онъ думаетъ, что прежде всего надо собрать пѣсни и издать какъ онѣ есть. Не мудрствуя лукаво, не заботясь о строгихъ системахъ и ученыхъ толкованіяхъ, на кои потребны десятилѣтія, онъ будетъ выпускать ихъ тетрадками и проситъ всѣхъ своихъ корреспондентовъ и всѣхъ ревнителей отечественной

славы доставлять къ нему собранныя пѣсни. Пѣсни—это наше сокровище, которымъ мы должны гордиться предъ всѣми Европейскими народами, исторія нашихъ чувствованій, свѣтлая часть нашей Исторіи, залогъ національности, драгоцѣнный памятникъ и вмѣстѣ источникъ народной поэзіи, предъ которымъ поблѣднѣютъ всѣ доселѣ знаменитыя Англійскія, Нѣмецкія, Французскія, Итальянскія подражанія. Всякую медлительность въ этомъ дѣлѣ онъ считаетъ гражданскимъ преступленіемъ. Нечего прибавлять здѣсь, что помѣщаемыя принадлежатъ не къ лучшимъ. Разумѣется онъ тотчасъ прекратитъ свое изданіе, если *удостовѣрится документально*, что г. Кирѣевскій начнетъ и поведетъ печатаніе скоро. Собраніе г. Сахарова имѣетъ другую цѣль".

Статью П. И. Савваитова о *Вологодскихъ пѣсняхъ* весьма оцѣнилъ впослѣдствіи академикъ И. И. Срезневскій. „Сообщеніе Савваитова", писалъ онъ,—„не большое, но очень замѣчательное, какъ свидѣтельство, какихъ взглядовъ на народность, на народную поэзію и на народный языкъ въ это относительно давнее время, когда всѣмъ этимъ занимались еще очень мало и не многіе, и когда понятія обо всемъ этомъ были очень туманны, хотѣлъ держаться молодой профессоръ Вологодской Семинаріи. Онъ считалъ необходимымъ удерживать въ переписи пѣсни народный говоръ до мелочи,—и далъ такимъ образомъ довольно полный образецъ Вельскаго народнаго языка, не потерявшій и доселѣ своего достоинства. Одинъ изъ первыхъ, если не первый, онъ тутъ же обратилъ вниманіе на неохотность нашихъ селянъ сообщать пѣсни для записыванія и на употребленіе слова *былина* въ Вельскомъ уѣздѣ".

Само собою разумѣется, что Погодинъ, по пріѣздѣ въ Вологду, поспѣшилъ познакомиться съ П. И. Савваитовымъ и въ продолженіе всей своей жизни поддерживалъ съ нимъ дружелюбныя отношенія. При первомъ же знакомствѣ Погодинъ получилъ отъ него много извѣстій о матеріалахъ, имъ собранныхъ. „Есть очень любопытные", писалъ Погодинъ,—„особенно относящіеся до жизни частной, о коей мы знаемъ такъ мало.

Взялъ съ него слово приготовлять Вологодскій сборникъ: въ 1-й части его можно будетъ помѣстить всѣ его грамоты, во 2-й—извѣстія историческія о городахъ, церквахъ и монастыряхъ, въ 3-й—народныя пѣсни, обряды, повѣрья. Молодые люди такъ напуганы нашею легкомысленною и бранчивою критикою, что боятся явиться и съ дѣломъ предъ публикою, откладываютъ до пріисканія новыхъ матеріаловъ, гоняются за полнотою, совершенствомъ, и теряютъ старое. У Савваитова столько же собрано для Вологды, сколько у Мельникова для Нижняго, и было бъ жаль, еслибъ они не исполнили своихъ обѣщаній".

Погодинъ, посѣтивъ П. И. Савваитова, такъ описалъ намъ его домашнюю обстановку: „Былъ у Савваитова—онъ живетъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ священникомъ, и занимаетъ одну маленькую комнатку, отъ которой еще отдѣлены три клѣточки. Здѣсь онъ занимается своею Философіей и Исторіей, но долженъ очищать ее, если къ отцу придетъ какой прихожанинъ. Кто бы подумалъ, что за этимъ огаркомъ, въ захолустьѣ бѣднаго губернскаго города, въ полуразвалившейся избенкѣ, читается и размышляется Августинъ и Кантъ. Комната чистенькая, увѣшанная картинными портретами. Тотчасъ, разумѣется, представился чай въ нарядныхъ чашкахъ, наливка домашняя изъ черемухи и варенье изъ поленики".

Познакомившись такимъ образомъ съ П. И. Савваитовымъ, мы будемъ продолжать наше повѣствованіе о пребываніи Погодина въ Вологдѣ.

20 августа 1841 года Погодинъ осматривалъ Духовъ монастырь и приложился къ мощамъ почивающихъ здѣсь преподобныхъ Галактіона и Іоасафа. „Кто же былъ этотъ Галактіонъ?" спрашиваетъ Погодинъ и отвѣчаетъ: „Сынъ князя Бѣльскаго, умерщвленнаго Іоанномъ Грознымъ. Родственники укрыли отрока и переслали его отъ преслѣдованій царскихъ въ Старицу, а оттуда какъ-то попалъ онъ въ Вологду; здѣсь онъ кожевничалъ для своего пропитанія, женился, овдовѣлъ и заключился въ кельѣ на рѣчкѣ Содимѣ, выпросивъ себѣ уголокъ

у жителей. Литовцы въ набѣгъ 1613 г. его замучили. Жители поставили надъ его могилою церковь, а впослѣдствіи устроенъ и монастырь. Монахъ указалъ Погодину на тяжелыя вериги, кои надѣвалъ на себя отшельникъ ночью по окончаніи работъ дневныхъ“.

Посѣтивъ второй разъ Спасо-Прилуцкій монастырь, Погодинъ сталъ разбирать монастырскую библіотеку и въ ней нашелъ цѣлую огромную книгу тяжебныхъ дѣлъ монастыря отъ начала XVII вѣка до Петра Великаго, а также прекрасный, древній списокъ Житія Өеодосія и прочихъ Печерскихъ угодниковъ, Житіе св. Стефана Пермскаго, Кирилла Философа и проч. Погодину удалось также проникнуть „въ одно изъ пустыхъ отдѣленій Архіерейскаго Дома“ съ цѣлью разсмотрѣть бумаги, „тамъ валяющіяся“. „Эта кладовая“, пишетъ онъ,— „есть нѣчто отличное въ своемъ родѣ, заслуживающее особаго описанія, чтобъ подать понятіе о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ надо искать рукописей“. На Везувій, Монбланъ и Лиліенштейнъ подымался онъ „гораздо смѣлѣе и спокойнѣе“, чѣмъ въ эту кладовую. Но поживы въ ней для Погодина было, кажется, немного. „Валялись лоскутки“, пишетъ онъ,—„я началъ ихъ шарить. Вынулъ листъ: харатейный изъ тріоди; вынулъ другой: послѣсловіе къ книгѣ, печатанной при Михаилѣ Өедоровичѣ. Но пыль поднималась столбомъ. Я не могъ оставаться дольше, и просилъ о приказѣ служителямъ повыбрать все бумажное. Мнѣ принесли два короба. Оказалось листовъ шестьдесятъ харатейной тріоди, осьмушки четыре харатейныя, которыми переплетенъ былъ молитвенникъ, и еще пол-листа харатейнаго, служившаго также оберткой негодной книжонкѣ“. Но тѣмъ не менѣе эти находки вызвали у Погодина слѣдующее замѣчаніе: „Вотъ нынѣ, гдѣ надо искать рукописей: большія дороги, открытыя ризницы, обысканы, и тамъ нѣтъ уже ничего, но во всякомъ монастырѣ есть такъ-называемая кладовая или амбаръ, куда сваливаются старыя вещи. Тамъ еще можно найти многія древности, но туда мудрено имѣть доступъ: всякій смотритель скажетъ вамъ наотрѣзъ, что у нихъ ника-

ой кладовой не имѣется, разсуждая про себя такъ: 1) если тамъ найдется что-нибудь, то я буду обвиненъ за нерадѣніе, и долженъ буду беречь послѣ найденное; 2) въ амбарахъ бываетъ всегда безпорядокъ, который показывать совѣстно и стыдно; 3) если же тамъ ничего нѣтъ, то не стоитъ труда туда и ходить. Савваитовъ разсказывалъ объ одномъ изъ здѣшнихъ смотрителей, что онъ три мѣсяца не хотѣлъ ему отворить архивной двери, близкой къ собственной его двери: подождите, не время, завтра, и тому под.".

Погодинъ заглядывалъ также и въ Семинарскую библіотеку, въ которой удалось ему разсмотрѣть „пять-шесть харатейныхъ кодексовъ XIV и можетъ быть XIII вѣка".

Въ то время въ Вологдѣ влачилъ свое жалкое существованіе знаменитый писатель нашъ Батюшковъ, и Погодинъ счелъ „священною обязанностью" посѣтить его и съ этою цѣлью онъ отправился къ священнику, въ домѣ котораго онъ жилъ. „Прекрасныя комнаты", пишетъ онъ, — „и мнѣ опять угощеніе, хотя я зашелъ только мимоходомъ, такъ что я начинаю походить на архіерейскихъ служекъ, которые въ *Духовномъ Регламентѣ* названы лакомыми... Батюшковъ провелъ ночь нехорошо. Священникъ совѣтовалъ мнѣ встрѣтиться съ нимъ въ прогулкѣ, въ саду надъ рѣкою, куда онъ сейчасъ долженъ идти. Получивъ свѣдѣнія объ его состояніи и нѣсколько рисунковъ его работы, я отправился въ садъ. Чрезъ часъ я вижу и Батюшкова. Онъ совершенно здоровъ физически, но посѣдѣлъ, ходитъ быстро и безпрестанно дѣлаетъ жесты твердые и рѣшительные; встрѣтился съ нимъ два раза, а болѣе боялся, чтобы не возбудить въ немъ подозрѣнія".

Наканунѣ своего отъѣзда изъ Вологды, Погодинъ перебиралъ здѣшніе Синодики и замѣтилъ: „Въ какомъ порядкѣ и чистотѣ, какимъ прекраснымъ уставомъ вносились имена до Петра I-го, и какими каракулями записаны послѣдующіе покойники!".

XXXIII.

По благословенію преосвященнаго Иннокентія, 26 августа 1841 года, рано утромъ выѣхалъ Погодинъ изъ Вологды въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. „Никогда не забуду я“, пишетъ онъ,—„пребыванія своего въ этомъ городѣ. Душа отдохнула“...

Погодинъ до такой степени сблизился съ П. И. Савваитовымъ, что испросилъ у преосвященнаго Иннокентія разрѣшеніе пригласить его съ собою путешествовать. Къ тому же П. И. Савваитовъ сопутствовалъ и Преосвященному при его обозрѣніи Епархіи.

За Спасо-Прилуцкимъ монастыремъ начинается Аникинъ лѣсъ, такъ названный отъ Аники разбойника, жившаго въ этомъ лѣсу, „нѣкогда дремучемъ и непроходимомъ, кромѣ одной дороги въ Бѣлозерскъ“. Рано пріѣхали наши путешественники въ село Кубенское, „бывшее городомъ, даже княжествомъ; ибо извѣстны князья Кубенскіе“. Близъ церкви они остановились и „вылѣзли“ изъ тарантаса. Въ это время проходили двѣ молодыя бабы. „Гдѣ протопоповъ домъ?“ спросили пріѣзжіе. „А вотъ за поворотомъ, аль вы пріѣхали къ нему смотрѣть невѣсту?“ Путешественники наши разсмѣялись и сказали: „Такъ, такъ, невѣсту смотрѣть!“ — „Пожалуйте, пожалуйте, дѣвица прекрасная, здоровая, полная. Ступайте съ Богомъ“. Они пошли по указанной дорогѣ, а бабы все еще продолжали хвалить имъ протопопову дочь. Погодина и его спутника встрѣтила протопопица очень радушно. П. И. Савваитовъ обратился къ ней съ вопросомъ: „Или у васъ *завара*, матушка?“ А что такое *завара*, спросилъ Погодинъ. П. И. Савваитовъ объяснилъ: Отруби, сваренные въ водѣ съ солью. „У протопопа, отца Стефана Жиряева“, пишетъ Погодинъ,—„двѣ комнаты очень опрятныя. Чистая комната украшена картинами, представляющими коловратность земной жизни и виды монастырей. Между портретами примѣчателенъ Ѳеофана Новоозерскаго, наполнившаго своею славою окрестность. Портретъ его видишь вездѣ.

Онъ прозрѣвалъ, говорятъ, характеры, и стороною давалъ знать объ нихъ посѣтителямъ". Наконецъ взошелъ и протопопъ. „Старецъ бодрый, лѣтъ за шестьдесятъ" очень понравился Погодину „въ патріархальномъ быту своемъ". Село Кубенское славилось нѣкогда своими разбойниками, о коихъ и до сихъ поръ разсказываютъ много анекдотовъ. Между тѣмъ самоваръ былъ готовъ, а за нимъ явились пироги, грузди, „подъѣхала Кубенская мадера". Затѣмъ пироги „поскакали", пишетъ Погодинъ, „за нами, и всѣ наши карманы, всѣ углы въ тарантасѣ, наполнились всякой всячиной, по милости гостепріимнаго хозяина и его любезной супруги. Добрые, почтенные люди! Какое пріятное воспоминаніе они оставили во мнѣ. Тарантасъ нашъ покатился, а они все еще кричали вслѣдъ: а что жъ ситничка-то не взяли!"

Изъ Кубенскаго наши путешественники поѣхали въ село Пучки, ближайшій переѣздъ черезъ озеро въ Спасо-Каменный монастырь. Дорогою П. И. Савваитовъ сообщилъ Погодину нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о Петрѣ I, о языкѣ Вологодскихъ крестьянъ, о пивныхъ праздникахъ и пр. Въ селѣ Пучкахъ священникъ, по замѣчанію Погодина, „не похожъ на Кубенскаго: онъ праздновалъ, вмѣстѣ съ живописцами, окончаніе росписи церковной, и очень смутился моимъ пріѣздомъ". Здѣсь нашимъ путешественникамъ предстоялъ опасный переѣздъ черезъ бурное озеро въ Спасо-Каменный монастырь. Перевощики съ неохотою взялись перевести ихъ. „Лодка наша", пишетъ Погодинъ,—„качалась съ боку на бокъ, *бѣляки* прыгали по водѣ, но гребцы были спокойны". Наконецъ „горизонтъ прояснился совершенно, и монастырь представился имъ стоящимъ, какъ будто на облакѣ", и они пріѣхали благополучно. Настоятель, архимандритъ Амвросій, принялъ нашихъ путешественниковъ съ распростертыми объятіями. Тотчасъ послалъ наловить рыбы „на счастіе", и вскорѣ поспѣла свѣжая уха изъ ершиковъ, сижковъ и нельмушки. „Превкусная!", какъ замѣтилъ Погодинъ.

Монастырь стоитъ на *щерѣ,* каменной почвѣ, и весною

заливается водою; льдинами покрываются крыши. И здѣсь былъ преосвященный Иннокентій, и сказалъ проповѣдь на текстъ: *Терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми, и услыша молитву мою: И возведе мя отъ рова страстей, и отъ бренія тины, и постави на камени нозѣ мои, и исправи стопы моя: И вложи во уста мои пѣснь нову, пѣніе Богу нашему: узрятъ мнози, и убоятся, и уповаютъ на Господа* (Псал. 39, 1—4).

Погодинъ съ своимъ спутникомъ осмотрѣлъ монастырь. Сюда сосланъ былъ князь Григорій Шаховской, *всей крови заводчикъ*, въ несчастное царствованіе Шуйскаго. Посѣтили бакалавра С.-Петербургской Духовной Академіи Анастасія, который занимается въ этомъ уединенномъ монастырѣ „истолкованіемъ Священнаго Писанія“. Уже смеркалось, какъ наши путешественники отправились въ обратный путь; хотя вечеръ былъ тихъ, но берегъ заволокло, и они поплыли на „удачу“, довѣрясь опытности и зоркому глазу рыбаковъ. У берега случилась съ ними бѣда: не было телѣги, которая подъѣхала бы къ лодкѣ и подвезла бы ихъ. Въ бродъ же по колѣно въ водѣ идти было страшно, но ихъ выручили перевощики, которые, не говоря ни слова, посадили Погодина и Савваитова къ себѣ на спины и потащили на берегъ. Кое-какъ добрались до земли, а до села почти бѣгомъ, чтобы согрѣться. Но здѣсь довелось имъ испытать новыя непріятности: лакей Погодина напился мертвецки пьянъ и спалъ въ тарантасѣ. Къ довершенію всего у Погодина пропалъ открытый листъ. Вслѣдствіе сего „поднялась тревога. Сбѣжались дьячиха, пономариха, просвирня. Ахъ бѣда, ахъ бѣда! Стали обыскивать кучера, и онъ признался, что, распоясываясь, уронилъ листъ въ колодезь. Въ то же время Погодинъ обратился къ священнику съ укоромъ: „Зачѣмъ вы напоили моего старика?“ и священникъ, не обинуясь, отвѣчалъ: „Батюшка, Ваше Высокородіе, изъ уваженія къ вашей персонѣ“. Между тѣмъ дьячиха оказала болѣе всѣхъ дѣятельности въ отыскиваніи открытаго листа Погодина, и нашимъ путешественникамъ довелось быть свидѣтелями слѣдующей сцены: Дьячиха обвя-

зала своего мужа веревкою и, не говоря ни слова, спустила въ глубину колодца. „Ну, еслибы веревка оборвалась!“ сострадательно замѣчаетъ Погодинъ, но тѣмъ не менѣе свидѣтели въ глубокомъ молчаніи ожидали развязки. Дьячекъ началъ шарить на днѣ. „Нашелъ, нашелъ, закричалъ снизу водолазъ. Вотъ была радость! весь причетъ крестился, молился: развязали душу, слава Богу, эка бѣда, слава Богу“. Погодинъ же съ своей стороны воскликнулъ: „Бѣдные люди, бѣдные люди!“ Послѣ этихъ треволненій наши путешественники ночевали у священника, но провели ночь „въ безпрерывной войнѣ съ цѣлымъ населеніемъ злыхъ насѣкомыхъ“, и чѣмъ свѣтъ поѣхали далѣе.

Дорогою Погодинъ обдумывалъ, какъ разсказать анекдоты о Петрѣ, для сельскаго Альманаха, издаваемаго Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. П. И. Савваитовъ на его разсказъ сообщилъ ему еще одинъ новый анекдотъ объ Устюжскомъ гражданинѣ Челбышевѣ. Первая станція была въ селѣ, населенномъ раскольниками. „Ты старовѣръ?“ спросилъ П. И. Савваитовъ старика, начавшаго отпрягать ихъ тройку. „А у васъ батюшка, развѣ новая вѣра?“ отвѣчалъ онъ спокойно. „Что за умный народъ“, замѣтилъ Погодинъ.

Съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ Погодинъ къ Кириллову-Бѣлозерскому монастырю. Воображеніе его носилось въ Исторіи. Ему представлялось, что онъ стоитъ у заутрени, „въ темномъ уголку низенькой церкви; тускло горятъ свѣчи передъ алтаремъ; вдругъ отворяется боковая дверь, и смиренно входитъ Грозный, въ сопровожденіи своихъ друзей, и преклоняетъ колѣна свои передъ ракою Преподобнаго Кирилла....“ Ему припоминается отрывокъ изъ знаменитаго Посланія Іоанна Кирилловскому игумену Козьмѣ, переложеннаго почти слово въ слово Пушкинымъ въ монологѣ Пимена: „Помните, отци святіи, егда нѣкогда прилучися нѣкоимъ нашимъ приходомъ къ вамъ въ пречестную обитель Пречистыя Богородицы и Чюдотворца Кирилла; и случися тако судьбами Божіими: по милости Пречистыя Богородица и Чюдотворца

Кирилла молитвами, отъ темныя ми мрачности малу зарю свѣта Божія въ помыслѣ моемъ воспріяхъ, и повелѣхъ тогда сущему преподобному вашему игумену Кириллу, съ нѣкоими отъ васъ братіи, нѣгдѣ въ келіи сокровеннѣ быти, самому же такоже отъ мятежа и плища міръскаго упраздьнившуся и пришедшу ми къ вашему преподобію; и тогда со игуменомъ бяше Іасафъ, архимандритъ Каменской, и Сергѣй Колычовъ, ты Никодимъ, ты Антоній, а иныхъ не упомню; и бывшей о семъ бесѣдѣ надолзѣ, и азъ грѣшный вамъ извѣстихъ желаніе мое о постриженіи, и искушахъ окаянный вашу святыню слабыми словесы. И вы извѣстисте ми о Бозѣ крѣпостное житіе; и якоже услышахъ сіе божественное житіе, ту абіе возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душею, яко обрѣтохъ узду помощи Божія своему невоздержанію и пристанище спасенія: и свое обѣщаніе положихъ вамъ съ радостію, яко нигдѣ индѣ, аще благоволитъ Богъ, во благополучно время, здраву, пострищися, токмо во пречестнѣй сей обители Пречистыя Богородица, Чюдотворца Кирилла составленія. И вамъ молитвовавшимъ, азъ же окаянный преклонихъ скверную свою главу и припадохъ къ честнымъ стопамъ преподобнаго игумена тогда сущаго, вашего жъ и моего, на семъ благословенія прося, оному же руку на мнѣ положшу и благословившу мене на семъ, якоже выше рѣхъ, яко нѣкоего новоприходящаго пострищись. И мнѣ мнится окаянному, яко исполу есмъ чернецъ: аще и не отложихъ всякаго міръскаго мятежа, но уже рукоположеніе благословенія ангельскаго образа въ себѣ ношу“.

Монастырь окруженъ двойными стѣнами. Огромное пространство между первыми и вторыми ничѣмъ не занято и Погодину казалось, что „на немъ можно бы кажется помѣстить весь городишко, состоящій изъ нѣсколькихъ избенокъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ. А для лавокъ, кои стоятъ теперь какъ сироты, какимъ-то узкимъ переулкомъ, передъ Святыми воротами, какое прекрасное помѣщеніе было бъ въ стѣнахъ! Происхожденіе многихъ городовъ Европейскихъ отъ монастырей

и первый періодъ ихъ распространенія представились ясно передъ моими глазами. Какъ много значитъ наглядность въ дѣлѣ Исторіи!"

Молча прошелъ Погодинъ по длинному двору. Главныя Святыя ворота поразили его своею древнею живописью; благоговѣйный трепетъ прошелъ по всему его тѣлу. „Св. Владиміръ, св. Сергій, св. Ольга", пишетъ онъ,—„стояли передо мною въ древнихъ одѣяніяхъ, а далѣе—происшествія изъ жизни св. Кирилла. На верху надпись: въ Царствованіе Ѳеодора Іоанновича... благословеніемъ Игумена Варлаама, по приговору старцевъ Соборныхъ Кир. мон. врата большія и меньшія подписа мастеръ старецъ Александръ съ своими учениками съ Омельяномъ да съ Никитою, въ лѣто..." И что же? о ужасъ! на другой сторонѣ начиналось уже искаженіе: два древніе образа, съ которыхъ нѣсколько слѣзла краска, были забѣлены, и стояли подставки, откуда новый маляръ святотатственной рукою сбирался видно мазать свои представленія. Бѣгомъ почти побѣжалъ я къ архимандриту Рафаилу, недавно сюда опредѣленному, и послѣ перваго привѣтствія началъ славить ему превосходство его вратъ. „Да," отвѣчалъ онъ,—„мы хотимъ ихъ поновить". „Сдѣлайте милость, ваше высокопреподобіе, оставьте ихъ, какъ они есть; ничто не можетъ быть лучше, изящнѣе, почтеннѣе. Я не въ силахъ вамъ выразить моего перваго впечатлѣнія при видѣ ихъ. Поправить можно, только поддѣлываясь въ частяхъ подъ старое". „Вы историки судите по своему, а богомолы по своему—вы любите ветхости, а тѣ относятъ ихъ къ нерадѣнію настоятелей". „Сдѣлайте милость, ваше высокопреподобіе. Смѣю напомнить вамъ Высочайшій указъ о храненіи памятниковъ". „Хорошо, хорошо, я посмотрю". Не знаю, сдержалъ ли почтенный Архимандритъ свое слово, а я былъ бы очень радъ, еслибъ просьбою моею сохранилась эта прекрасная иконопись".

Пріемъ нашихъ путешественниковъ въ обители св. Кирилла, нѣсколько сухой сначала, оживился, какъ Погодинъ

представилъ рекомендательное письмо преосвященнаго Иннокентія. Впрочемъ, имъ отвели кельи весьма грязныя. „Пыль", пишетъ Погодинъ,—„не стирается видно никогда ни съ лавокъ, ни съ оконъ; соръ не выметали съ полу, и окна не растворялись ни зимой, ни лѣтомъ, потому что воздухъ былъ сырой и тяжелый". Кое-какъ Погодинъ съ П. И. Савваитовымъ „обчистили и убрали горницу" и затѣмъ отправились осматривать монастырь, „одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ въ древности, любимое богомолье Іоанна IV, мѣсто постриженія знаменитыхъ сановниковъ и заточенія многихъ виновныхъ". Прежде всего привлекла нашихъ путешественниковъ келейка св. Кирилла, деревянная, тѣсная. Она теперь обстроена и находится какъ бы въ футлярѣ; но Погодинъ желалъ „все-таки болѣе почтенія къ святому обиталищу". Близъ него въ другомъ футлярѣ находится колодезь, ископанный Святымъ,— „священные остатки мужа", пишетъ Погодинъ, „знаменитаго въ нашей Церковной Исторіи, котораго Житіе преисполнено красотъ необыкновенныхъ для всякаго русскаго, понимающаго бытъ своихъ предковъ и ихъ великое значеніе". Эти обозрѣнія погрузили Погодина въ размышленіе о монашествѣ въ древности и теперь. „Монастыри", пишетъ онъ,—„были необходимы какъ убѣжища для *душъ*, алкавшихъ уединенія и молитвы, освобожденія отъ треволненій житейскихъ, а нынѣ необходимы по большей части какъ святыя мѣста, куда бъ стекался *народъ* для поклоненія и тѣмъ питалъ свою духовную жажду". Думая объ этомъ, онъ еще разъ взглянулъ на изображенія на Святыхъ вратахъ, увидѣлъ древнія мѣдныя двери съ изображеніями, по большей части Словенскими и съ прискорбіемъ замѣтилъ: „Ничего-то не описано у насъ! Есть и въ соборѣ прекрасныя мѣдныя двери сѣверныя. На все бываетъ счастіе. Сколько сдѣлано описаній Новогородскимъ дверямъ, а на прочія никто и смотрѣть не хочетъ, между тѣмъ какъ ихъ много. Точно также должно сказать о Черниговской гривнѣ, о которой написано съ дюжину диссертацій, такихъ гривенъ у меня есть уже десять".

Не смотря на неудобство помѣщенія, Погодинъ „проспалъ заутреню“. Отправившись въ соборную церковь, онъ съ благоговѣніемъ поклонился ракѣ Святаго и, разсматривая, за стекломъ, сосуды, ризы, въ коихъ служилъ онъ, стихирарь, святцы, овчинную шубу, кожаный поясъ, шерстяной колпакъ, двѣ чашки въ кожаныхъ влагалищахъ, ковшикъ, духовное завѣщаніе, Погодинъ представлялъ себѣ преподобнаго Кирилла „пѣшешествующа въ этомъ нарядѣ изъ Московскихъ предѣловъ, съ благословеніемъ св. Сергія, въ дебри Бѣлозерскія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ обошелъ всѣ церкви, въ коихъ примѣтилъ очень много древнихъ образовъ. „Скажу здѣсь“, пишетъ онъ,—„нѣсколько словъ объ иконописи. Она не подведена у насъ подъ правила, еще менѣе чѣмъ Палеографія. Я говорилъ со многими такъ называемыми знатоками, особенно между раскольниками, разспрашивалъ ихъ, и заключилъ, что они сами часто ошибаются и бываютъ несогласны въ мнѣніяхъ о древности того или другого образа, хотя, правда, и есть между ними имѣющіе великую опытность. Не спрашивайте у нихъ только *почему*. По большей части они говорятъ по навыку, какъ по навыку часто опредѣляется вѣкъ рукописей. Чтобъ подвесть подъ правила, надо списать всѣ древніе образа и поставить списки рядомъ, напримѣръ, образъ Троицы, и проч. Тогда представятся всего яснѣе постепенныя измѣненія. Надо будетъ справиться и съ Византійскими образами въ Римѣ и Греціи, съ подлинниками и проч. Много работы и здѣсь, а работа занимательная и нужная“.

Погодинъ заглянулъ также и въ библіотеку монастырскую и нашелъ ее очень огромною, „а прежде“, замѣчаетъ онъ,—„была еще огромнѣе, пока рукописи не продавались на удовлетворенія монастырскихъ нуждъ“. „Къ величайшей радости“, Погодинъ нашелъ книги знаменитаго Сильвестра, „одного изъ любимыхъ его героевъ“. Эта находка дала Погодину поводъ сдѣлать предположеніе: „Ужъ не скончался ли Сильвестръ въ Кирилловѣ монастырѣ? Заточеніе его въ Соловкахъ основано на одномъ Курбскомъ“.

Между тѣмъ обѣдъ былъ готовъ. Добродушные монахи старались угостить нашихъ путешественниковъ; но Погодинъ замѣтилъ, что здѣсь на берегу озера живая рыба почти рѣдкость. Такъ еще мы тяжелы на подъемъ и мало думаемъ о собственныхъ своихъ удобствахъ".

Въ Ризницѣ П. И. Савваитовъ обратилъ вниманіе Погодина на кресло патріарха Никона, съ надписью: *7176 года, марта 21-го, сей стулъ сдѣланъ Смиреннымъ Никономъ Патріархомъ, въ заточеніи за Слово Божіе, и Святую Церковь, въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ, въ тюрьмѣ*".

XXXIV.

Послѣ вечерень, 28 августа 1841 года, Погодинъ и П. И. Савваитовъ выѣхали въ Бѣлозерскъ. Шексну переѣхали на паромѣ, въ селѣ Огнивѣ. Въ Бѣлозерскъ пріѣхали ужъ поздно вечеромъ. „Я", пишетъ Погодинъ,—„дремалъ, и мнѣ представилось, что мы въѣзжаемъ въ древній готической за̀мокъ, во владѣніи Нѣмецкаго рыцаря Синава, Среднихъ вѣковъ, мимо многочисленной вооруженной дружины, черезъ обширный дворъ, заселенный челядью, чему, впрочемъ, ничего подобнаго наяву не оказалось. Стукнулись окошка въ три, и спросили объ училищѣ,—не получали нигдѣ удовлетворительнаго отвѣта, и рѣшились остановиться въ гостинницѣ; но она была полна". По счастію одинъ изъ соборныхъ священниковъ былъ женатъ на родственницѣ П. И. Савваитова, они отправились къ нему и нашли у него пріютъ. „Весь домъ взбузыкался", пишетъ Погодинъ,—„батюшка, да какъ вы это пожаловали къ намъ,—чаю, яичницы, ухи,—однимъ словомъ, что ни есть въ печи, то на столъ мечи".

Пребываніе въ Бѣлозерскѣ послужило для Погодина между прочимъ коментаріемъ къ Древней Русской Исторіи. „Какъ легкимъ и удобнымъ", пишетъ онъ,—„кажется здѣсь, на мѣстѣ, присоединеніе Бѣлозерска и Ростова къ владѣніямъ Норман-

новъ, а на картѣ, что за разстояніе отъ Ростова до Новгорода. Ростовъ подъ Рюрикомъ! Неудивительно ли для того времени? Нимало неудивительно. Рѣки были желѣзными дорогами для Норманновъ. Мудрено ли имъ было проѣхать изъ Ладожскаго озера въ Онежское Свирью, а потомъ Вытегрою, и чрезъ малый волокъ Ковжею, Бѣлымъ озеромъ въ Шексну, а Шексна впадаетъ въ Волгу—вотъ они и на мѣстѣ Ярославля, отъ котораго Ростовъ въ шестидесяти верстахъ".

На другой день священникъ сказалъ нашимъ путешественникамъ, что нынѣ, то-есть, 29 августа, крестный ходъ изъ Собора въ Ивановскую церковь. „Такимъ образомъ", замѣчаетъ Погодинъ,—„мы увидимъ весь городъ въ собраніи". Въ ходу было много народу. Женщины въ кокошникахъ, а изъ оконъ смотрѣли дѣвушки въ блестящихъ коронахъ, низанныхъ жемчугомъ. Съ народомъ пришли наши путешественники въ церковь Іоанна Предтечи. Мѣщанинъ, стоявшій подлѣ Погодина, замѣтилъ съ удовольствіемъ товарищу, что священникъ благословилъ на четыре стороны. По свѣдѣніямъ, отобраннымъ Погодинымъ, оказалось, что Бѣлозерцы вообще довольно набожны и привержены къ церкви, что прихожане разсыпаны по всему городу, а не составляютъ цѣльныхъ, сплошныхъ приходовъ; древнихъ родовъ нѣтъ, всѣ вывелись; дворянъ много, но все бѣдные. Одинъ почтенный священникъ, узнавъ, что спутникъ Погодина, П. И. Савваитовъ, состоитъ профессоромъ въ Вологодской Семинаріи, а у него сынъ тамъ, пригласилъ ихъ къ себѣ въ домъ. Духовенство изъ Бѣлозерска и Кириллова отдаетъ учиться дѣтей своихъ по большей части въ Вологду, потому что она ближе Новгорода. На вопросъ Погодина о древностяхъ, гостепріимный хозяинъ „позамялся, а послѣ сказалъ откровенно, что путешествующіе археологи берутъ часто прочесть рукописи, да и зачитываютъ ихъ вовсе, и потому жители нынѣ неохотно стали открывать, у кого какія есть". У одного священника Погодинъ спросилъ: „Нѣтъ ли здѣсь какихъ преданій о князьяхъ Бѣлозерскихъ? Онъ задумался, какъ

будто припоминая, и наконецъ воскликнулъ съ радостію: есть, помню, я читалъ въ *Россіядѣ*... Хераскова!"...

Прощальный обѣдъ былъ у родственника П. И. Савваитова. „Ни отъ одного блюда", пишетъ Погодинъ,—„нельзя было отговориться. Просьбамъ не было конца. *Надо выпить передъ ухою, за ухою, послѣ ухи*".

Между тѣмъ лошади были готовы, и они уѣхали. Ввечеру пріѣхали въ Кирилловъ. Въ ожиданіи лошадей путешественники наши пошли гулять. „Одна дама", пишетъ Погодинъ,— „остановилась у почтоваго двора, пристала съ вопросами къ кавалеру, стоявшему у воротъ: „а вы уже здѣсь, Иванъ Петровичъ, ну, кто эти проѣзжіе?" Не знаю-съ, я сейчасъ только пришелъ.

„Не можетъ быть, вы не хотите сказать, вы давно уже здѣсь. Я видѣла, что вы уже разговаривали съ ними".— Ей Богу не знаю-съ.

„Ну, какъ же вамъ не стыдно! Чего же вы стоите. Узнайте, да приходите сказать Александрѣ Петровнѣ".

Слыша это, Погодинъ хотѣлъ было подойти къ дамѣ и объявить ей свое имя; но она, „ударивъ по плечу своего коммиссіонера, отскочила прочь и побѣжала. Послѣ пришло еще нѣсколько человѣкъ къ воротамъ, вѣрно съ тѣми же вопросами, а одинъ поопытнѣе обратился къ станціонному смотрителю".

Смотритель училища, увидѣвъ тарантасъ Погодина, зашелъ къ нему. Поговорили о городѣ, въ которомъ „живутъ, слава Богу, всѣ дружно,—но книгъ и журналовъ не читаютъ".

Изъ Кириллова наши путешественники „пустились ночью, по незнакомой глухой дорогѣ", на Череповецъ, но все обошлось благополучно. „Мужики вездѣ пресмирные, и даже не считаютъ денегъ, получая за прогоны". Предъ Череповцемъ они выѣхали на большую Петербургскую дорогу въ Вологду, и „увидѣли совсѣмъ уже другія лица и совсѣмъ другіе пріемы". На другой день утромъ наши путешественники пріѣхали въ Череповецъ, но оставались тамъ недолго и отправились въ Тверскую губернію, въ городъ Весьёгонскъ, для розысканія

злополучной рѣки Сити, при которой погибъ великій князь Георгій Всеволодовичъ въ битвѣ съ Татарами.

Между тѣмъ приближалась ночь, а нашимъ путешественникамъ было еще далеко до *Веси*, какъ въ тѣхъ мѣстахъ називаютъ Весьёгонскъ. Попался неопытный ямщикъ, и они заблудились и заѣхали „Богъ знаетъ въ какія дебри". Наконецъ кое-какъ добрались до рѣки, черезъ которую нужно было переправляться на паромѣ... Перевощикъ былъ на другой сторонѣ. Едва докричались до него. „Заплескала вода, двинулся паромъ и послышалось пѣніе *Тебе на водахъ повѣсившаго всю землю неодержи́мо, тварь ви́дѣвши на ло́бнѣмъ ви́сима, ужасомъ мно́гимъ содрога́шеся, нѣсть святъ, ра́звѣ тебе́ Господи, взывающи*. Это пѣніе на рѣкѣ, среди мертвой тишины, въ глубочайшемъ муракѣ", пишетъ Погодинъ,—„было очень поразительно, и мы стали какъ вкопаные, слушая съ благоговѣніемъ священную пѣснь, пока, наконецъ, пѣвецъ причалилъ, и мы переправились".

По пріѣздѣ въ Весьёгонскъ, Погодинъ сдѣлалъ первый визитъ къ приходскому учителю и обратился къ нему съ вопросомъ: „Далеко ли отсюда до Сити?" Не знаетъ. Обратился къ капитанъ-исправнику. „Тотъ же отвѣтъ", пишетъ Погодинъ. „На что вамъ эту рѣку?" На ней происходило знаменитое сраженіе съ Татарами. „Нѣтъ у насъ такой рѣки". Помилуйте, въ нашихъ географіяхъ вездѣ стоитъ Весьёгонскъ, въ уѣздѣ котораго протекаетъ рѣка Сить, при коей было сраженіе... „Воля ваша, я знаю свой уѣздъ какъ ладонь, и отвѣчаю головою, что у насъ Сити нѣтъ. Позвольте, позвольте, я слыхалъ о мѣстѣ одного сраженія, но это, должно быть, гдѣнибудь между Бѣжецкомъ и Кашиномъ. Тамъ еще и князь убитъ?" Точно, тамъ убитъ князь. „Такъ поѣзжайте въ Бѣжецкъ, и вы вѣрно найдете что вамъ угодно". Прошу васъ покорно о предписаніи выдавать мнѣ обывательскихъ лошадей. „Съ большимъ удовольствіемъ, только вы побывайте еще у окружнаго начальника и спросите себѣ такой же бумаги для казенныхъ крестьянъ". Поблагодаривъ за извѣстія, Пого-

динъ отправился къ окружному начальнику, и былъ принятъ также ласково, но о Сити все-таки больше ничего не узналъ; только случившійся у него крестьянинъ указалъ ему „на Красный Холмъ, близъ котораго точно течетъ Сить“.

По замѣчанію Погодина, Весьёгонскъ „городишко пребѣднѣйшій“. Въ соборѣ, какъ узналъ онъ, „царскія двери достались по какому-то случаю изъ Симонова монастыря и сорокъ Симоновскихъ монаховъ здѣсь когда-то жили“. Несомнѣнно это относится къ тому скорбному періоду Исторіи святой обители Симоновской, когда въ 1788 году монастырь сей былъ окончательно упраздненъ, а зданія его переданы въ вѣдомство Главнаго Кригсъ-Коммиссаріата. По счастливому выраженію г. А. Третьякова, „суемудріе XVIII вѣка, подъ личиной филантропіи, превратило Божію обитель въ военный госпиталь! Но Божественный Промыслъ не долго терпѣлъ запустѣніе святого мѣста. Тогдашній Оберъ-Прокуроръ Св. Сунода, графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ (да будетъ во вѣки благословенна память этого славнаго мужа!), по совѣту Новгородскаго и С.-Петербургскаго митрополита Гавріила, рѣшился ходатайствовать предъ императрицей Екатериной о возстановленіи древней святыни. Къ великому утѣшенію Московскихъ жителей и всей Православной Россіи обитель была возобновлена“ за годъ до кончины Екатерины, то-есть, въ 1795 году.

По указанію крестьянина, Погодинъ съ П. И. Савваитовымъ поѣхали въ Красный Холмъ. Передъ городомъ начинаются прекрасные виды. По въѣздѣ въ городъ Погодинъ тотчасъ же приступилъ съ вопросами о рѣкѣ Сити, но никто не могъ сказать ни слова. По пути въ Бѣжецкъ наши путешественники заѣхали въ Антоніевъ Краснохолмскій монастырь, гдѣ нашли гостепріимный пріемъ у архимандрита Амфилохія „любезнаго и образованнаго человѣка“. Онъ оставилъ ихъ ночевать и занялъ ихъ вниманіе „прелюбопытнымъ разговоромъ о Томскѣ, о тамошнихъ народцахъ и обращеніи ихъ въ христіанство. Странно, что о святомъ основателѣ обители имѣ-

лись въ монастырѣ довольно смутныя свѣдѣнія. „Монастырь“, пишетъ Погодинъ,—„называется Антоніевскимъ, но когда онъ построенъ, кто былъ этотъ основатель Антоній, гдѣ жилъ, когда скончался, и гдѣ погребенъ, неизвѣстно. Лишь только хранится въ народѣ память объ его добродѣтеляхъ, и жители ходятъ служить по немъ панихиды. Какъ это трогательно!“ [152]).

Въ моихъ *Источникахъ Русской Агіографіи* имѣются также о святомъ основателѣ Краснохолмской обители скудныя свѣдѣнія. Извѣстно только, что въ 1461 году преподобный Антоній Краснохолмскій основалъ свою обитель. Въ 1481 году преставился. Память его празднуется 17 января. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ основанной имъ обители [153]).

По распоряженію Архимандрита, Погодину были принесены для разсмотрѣнія всѣ старыя монастырскія бумаги, но онъ „не нашелъ въ нихъ ничего любопытнаго“. О Сити ни отъ одного монаха не могъ Погодинъ узнать ничего. „Что за странность“, замѣчаетъ онъ,—„куда дѣвалась рѣка Сить?“ Погодинъ узналъ, что въ монастырѣ погребено много Нелединскихъ-Мелецкихъ. Наконецъ, распростившись съ почтеннымъ Архимандритомъ, какъ съ старымъ знакомымъ, наши путешественники уѣхали въ Бѣжецкъ.

По пріѣздѣ въ Бѣжецкъ, Погодинъ отправился прежде всего на почту, но никто не могъ сказать ему тамъ ни слова о Сити; въ училищѣ также не получилъ никакого свѣдѣнія. Но тутъ одинъ учитель повелъ его въ ряды къ знакомому купцу, который много ѣздилъ, и сей послѣдній разсказалъ ему подробно, что сраженіе было на рѣкѣ Сити, около села Божёнокъ, верстахъ въ сорока отъ Бѣжецка. Между тѣмъ П. И. Савваитовъ въ это время посѣтилъ смотрителя духовнаго училища и получилъ отъ него извѣстій еще больше. По поводу своихъ поисковъ Сити, Погодинъ дѣлаетъ такое замѣчаніе для Русскихъ путешественниковъ: „Если кому понадобится узнать, въ какомъ городѣ о торговлѣ, о духовныхъ дѣлахъ, о промыслахъ жителей, объ историческихъ достопамятностяхъ, о дорогахъ, то долженъ прежде всего справиться, кто въ городѣ

умный человѣкъ, и этотъ умный человѣкъ объяснитъ ему уже все, что угодно — о торговлѣ, о промыслахъ, достопамятностяхъ, дорогахъ, будетъ ли онъ протопопъ, или голова, или учитель, или чиновникъ".

Получивъ отъ смотрителя духовнаго училища два рекомендательныхъ письма къ священникамъ села Божёнокъ и села Богословскаго, около которыхъ происходило сраженіе, наши путешественники послѣ вечерень отправились къ рѣкѣ Сити, которую наконецъ нашелъ Погодинъ. Она беретъ свое начало близъ села Сабурова, Тараканово то жъ, на большой дорогѣ изъ Бѣжецка въ Рыбинскъ, въ пол-верстѣ отъ церкви, изъ болота малымъ ручьемъ. Въ село Богословское наши путешественники пріѣхали очень поздно, и они на силу достучались въ домѣ священника. Добрые люди напоили и накормили ихъ, и „уложили спать въ сараѣ на сѣнѣ, гдѣ они расположились по барски". Чѣмъ свѣтъ, въ сопровожденіи дьячка, отправились они въ Божёнки. Подъѣзжая къ селу, увидѣли на берегу рѣки нѣсколько кургановъ. „Такъ вотъ гдѣ было", пишетъ Погодинъ, — „несчастное сраженіе или лучше пораженіе. У самой церкви возвышается огромный курганъ сажень въ пять вышиною. Народъ высыпалъ смотрѣть на насъ. Какъ Богъ принесъ васъ сюда, спросилъ священникъ, сюда и воронъ костей не заноситъ. — Вотъ куда былъ притѣсненъ несчастный Георгій Всеволодовичь!"

Село Божёнки принадлежащее помѣщицѣ Ратаевой, находится въ верстахъ пятидесяти отъ Бѣжецка, шестидесяти отъ Кашина, тридцати отъ Краснаго Холма, десяти отъ большой дороги въ Рыбинскъ, слѣдовательно — на границѣ уѣздовъ Бѣжецкаго, Кашинскаго и Мышкинскаго. Церковь въ селѣ бѣдная, деревянная, коей одинъ придѣлъ посвященъ князю Георгію, которому служатъ молебны.

Изъ Божёнокъ наши путешественники отправились въ Рыбинскъ. „Найдя село Божёнки", пишетъ Погодинъ, — „я какъ будто легъ на лавры въ своемъ тарантасѣ и не могъ удѣлять ничему вниманія". Впрочемъ Рыбинскъ произвелъ хо-

рошее впечатлѣніе на Погодина. „Прекрасный городъ“, пишетъ онъ,—„множество превосходно отстроенныхъ домовъ, но древняго ничего, хотя Рыбная слобода упоминается очень рано. Смотритель училища удостовѣрилъ меня, что нѣтъ здѣсь ни собирателей, ни охотниковъ до древностей. Взглянулъ съ колокольни на соединеніе Шексны и Волги. Барокъ очень много въ пристани и движеніе замѣчательно; жить здѣсь дорого. Побывалъ на биржѣ, въ училищѣ, и нанявъ лошадей, мы помчались въ Ярославль, по прекрасной дорогѣ, осѣненной цвѣтущими березами, служащими памятниками знаменитому устроителю Ярославскихъ дорогъ, бывшему губернатору Безобразову. Ярославль въ шестидесяти верстахъ отъ Рыбинска, но мы примчались до вечеренъ“.

Въ Ярославлѣ они остановились на постояломъ дворѣ. Подъ руководствомъ профессора Ѳедотова осмотрѣли городъ, который, по замѣчанію Погодина, чуть ли не изъ лучшихъ въ государствѣ. При осмотрѣ Лицея Погодинъ думалъ о немъ, „какъ факультетѣ естественныхъ наукъ, коимъ такъ преданъ былъ незабвенный основатель, Павелъ Григорьевичъ Демидовъ“, и ему тотчасъ предсталъ въ воображеніи Бреславскій профессоръ Пуркине, родомъ чехъ, „съ своими оригинальными и обширными мыслями объ этомъ предметѣ“; а между тѣмъ, замѣчаетъ Погодинъ, студенты Лицея „сидятъ за Тацитомъ“, и онъ спросилъ ихъ, „какъ звали Демидова, когда онъ родился и гдѣ онъ умеръ“.

Вмѣстѣ съ П. И. Савваитовымъ Погодинъ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе Высокопреосвященному Евгенію, архіепископу Ярославскому, одному изъ старшихъ іерарховъ Россійской Церкви, и въ краткомъ разговорѣ услышалъ много справедливаго о различіи въ характерѣ нынѣшняго духовенства съ древнимъ, и его причинахъ—а потомъ долженъ былъ разсказать Высокопреосвященному о богослуженіи католическомъ въ Римѣ. Въ Ярославлѣ Погодинъ разстался „съ своимъ любезнымъ спутникомъ“, П. И. Савваитовымъ. „Онъ“, пишетъ Погодинъ,— „усладилъ мое путешествіе, и сообщилъ мнѣ много любопытныхъ

свѣдѣній, за кои я свидѣтельствую ему искреннюю свою благодарность". Въ полночь они напились вмѣстѣ чаю въ послѣдній разъ, а затѣмъ уѣхали; П. И. Савваитовъ въ Вологду, а Погодинъ въ Москву.

На другой день къ обѣднѣ Погодинъ пріѣхалъ въ древній Ростовъ. Осмотрѣлъ соборъ и окружающія церкви, поражающія своею древностію вмѣстѣ съ башнями и стѣнами, кои въ то время обваливались и совершенно разрушались. „Мы", пишетъ Погодинъ,—„хлопочемъ о сохраненіи мелкихъ памятниковъ, а сколько большихъ, на виду, погибаетъ не поддержанныхъ. Въ соборѣ полъ поднятъ въ прошедшемъ столѣтіи, и какъ бы вы думали по какой причинѣ: архіерею тогдашнему показалось въ соборѣ тѣсно, потому что по сторонамъ стояли гробницы святителей и князей; онъ и велѣлъ прежній полъ засыпать землею и поднять до верховъ наравнѣ съ гробами, которые были накрыты. Въ соборѣ найденъ недавно древній ходъ, когда-то закладенный, но оставленъ, кажется, безъ изслѣдованія".

Въ настоящее время, благодаря усердію Ростовскихъ гражданъ и почитателей старины Титова, Шлякова, Вахромѣева и другихъ, древность Ростовская по возможности возстановлена и тщательно охраняется.

Погодинъ заѣхалъ также и въ Яковлевскій монастырь, гдѣ приложился къ святымъ мощамъ Святителя Ростовскаго Димитрія. Онъ также поклонился могилѣ добродѣтельнаго Амфилохія... Въ Переяславль, первое пріобрѣтеніе Москвы, Погодинъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и въ трактирѣ поѣлъ знаменитыхъ свѣжихъ сельдей Переяславскихъ. Къ разсвѣту пріѣхалъ въ Александровъ. Отдохнувъ немного, Погодинъ отправился тотчасъ въ Успенскій Дѣвичій монастырь и въ тамошней ризницѣ спросилъ о кожаныхъ деньгахъ, значащихся въ ней, по извѣстію Карамзина, но ихъ давно уже нѣтъ, по словамъ монахини, которая вообще, свидѣтельствуетъ Погодинъ, показывала мнѣ вещи съ какимъ-то неудовольствіемъ и торопливостію, и мнѣ стало совѣстно безпокоить ее больше. Впрочемъ здѣсь, кажется, нѣтъ ничего древ-

нѣе царскаго періода. Въ чужихъ краяхъ хвастаются своими сокровищами и стараются показывать ихъ всякому встрѣшнему, а у насъ ихъ прячутъ. Наконецъ уже попалась нечаянно Московская уроженка, которая изъявила мнѣ большее расположеніе и выводила меня по всему монастырю. Монастырскій дворъ занимаетъ огромное пространство. Въ углу, подлѣ Успенской церкви, находятся Іоанновы кельи, въ два жилья, но низкія, тѣсныя, съ сводами. Ходъ изъ нихъ прямо въ церковь. Гдѣ буйствовалъ Грозный, тамъ живетъ теперь смиренная монахиня. Я не понимаю, гдѣ могла помѣщаться здѣсь его многочисленная свита! Развѣ въ какихъ деревянныхъ строеніяхъ, теперь не существующихъ. Не надо забывать, что монастырь при Іоаннѣ былъ мужской, а для женскаго пола опредѣленъ уже гораздо послѣ. Подъ колокольнею находятся кельи сестеръ Петра I, Маргариты и Ѳедосьи, о коихъ у насъ нѣтъ почти и помину. Онѣ завѣщали похоронить себя вмѣстѣ съ прочими монахинями, но Петръ велѣлъ перенести ихъ тѣла въ особую усыпальницу. Во всѣхъ церквахъ есть много древнихъ образовъ; особенно замѣчательно Успеніе. Монахини не могли сказать мнѣ ничего болѣе“. Отъ монахинь, Погодинъ обратился къ хозяину постоялаго двора и разспрашивалъ его о мѣстѣ дворца Іоаннова. Онъ указалъ, что за монастырскою оградою въ одномъ мѣстѣ есть много щебня. Вся слобода окружена была валомъ, который сохранился отчасти до сихъ поръ „Вотъ“, пишетъ Погодинъ, — „и всѣ слѣды Іоанновы въ этой страшной слободѣ Александровой. Грозный приказывалъ, говорятъ, исполнять свои наказанія на зарѣ, послѣ заутрени. Здѣсь живала Елизавета и ѣзжала отсюда на охоту“. „Въ Александровѣ“, свидѣтельствуетъ Погодинъ, — „есть нѣсколько образованныхъ и любознательныхъ фабрикантовъ и торговцевъ: И. Ѳ. Барановъ, В. И. Зубовъ“. Онъ заходилъ къ нимъ и просилъ „развѣдать между рабочими, нѣтъ ли какихъ пѣсенниковъ“. Здѣсь же есть охотники до Исторіи и между мелкими торговцами, которыхъ Погодинъ навѣстилъ, „но къ сожалѣнію не засталъ дома“.

„Въ вечерни“ нашъ путешественникъ пріѣхалъ въ Троицкую Лавру и приложился къ мощамъ преподобнаго Сергія. Въ тотъ же день онъ посѣтилъ и Троицкую Академію, „съ которою“, пишетъ онъ,—„я какъ будто породнился во время говѣнія здѣсь, въ 1840 году“.

Къ полуночи Погодинъ былъ уже въ Москвѣ [154]).

На юбилейномъ обѣдѣ Погодина, бывшемъ 29 декабря 1871 года, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, обратясь къ юбиляру, между прочимъ сказалъ: „Ища повсюду живаго начала, вы не ограничили вашихъ занятій однѣми лѣтописями и грамотами; вы хотѣли видѣть самыя мѣста событій, вы хотѣли видѣть и теперешнюю жизнь, провѣрить прошедшее настоящимъ. Съ этими цѣлями вы объѣхали почти всю Россію, и ваши путевыя замѣтки представляютъ историку много указаній и много предостереженій: указаній на то, чтó живетъ въ народѣ, но нигдѣ не записано, или записано, да никому неизвѣстно; предостереженій отъ увлеченій предвзятыми теоріями. Много рукописей собрали вы въ этихъ поѣздкахъ для вашего Древлехранилища, но наблюденія, собранныя во время этихъ поѣздокъ, дороже можетъ быть самихъ рукописей. Быть можетъ, не разъ результаты вашихъ путевыхъ наблюденій не сходились съ результатами вашихъ кабинетныхъ занятій; но что же изъ этого? Вы указали и то, и другое. Какъ часто въ вашихъ замѣткахъ вы ставите только вопросъ, и этотъ вопросъ сдается мнѣ, въ иныхъ случаяхъ, важнѣе даже отвѣта... Да, ваши путешествія по Россіи и результаты ихъ—путевыя замѣтки и—важная услуга передъ наукою“ [155]).

XXXV.

Въ своемъ *Москвитянинѣ* Погодинъ отвелъ почетное мѣсто Палеологіи, то-есть, наукѣ о Русской Старинѣ и Народности. Къ дѣятельности въ этой области Погодинъ умѣлъ привлечь и тѣхъ изъ нашихъ собратій, которыхъ судьба забросила въ

отдаленныя отъ столицъ мѣста нашего обширнаго Русскаго Царства. Во время своихъ путешествій по Россіи Погодинъ завязывалъ съ ними личныя знакомства, постоянно поддерживалъ съ ними сношенія и тѣмъ призывалъ ихъ къ благородному служенію Отечеству; а они, ободренные имъ, черезъ *Москвитянинъ* знакомили Русскихъ съ своимъ Отечествомъ.

Такъ профессоръ Ярославской Семинаріи Иванъ Кедровъ писалъ Погодину: „Въ бытность вашу въ Ярославлѣ, встрѣча моя съ Вологодскимъ корреспондентомъ вашимъ, моимъ товарищемъ по Академіи, П. И. Савваитовымъ послужила мнѣ поводомъ къ настоящему письму. Завѣряя меня въ вашей готовности принимать все, относящееся къ народному быту и выражающее особеннымъ, рѣзкимъ образомъ его мысли и чувствованія въ обрядахъ, притчахъ, сказкахъ, поговоркахъ и т. д., онъ совѣтовалъ мнѣ послать къ вамъ статью *о свадебныхъ обрядахъ, существующихъ въ Мышкинскомъ уѣздѣ*. Но она писана мною безъ особенной цѣли и потому требуетъ пополненія, которое скоро надѣюсь сдѣлать. Во всякомъ случаѣ, имѣя хорошую возможность быть въ отношеніяхъ съ народомъ нашимъ, вмѣняю себѣ за правило вникать въ ихъ обычаи, разсказы и мѣстныя выраженія“ [156]).

Самъ П. И. Савваитовъ является усерднымъ сотрудникомъ *Москвитянина* и печатаетъ въ немъ свои *Дорожныя Замѣтки* отъ *Вологды до Устюга*, а также *Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Устьсысольскомъ уѣздѣ*. Кромѣ того П. И. Савваитовъ сообщаетъ свѣдѣнія о Вологодскихъ церковныхъ Древностяхъ и именно о *Спасѣ Обыденномъ*. Церковь эта была построена въ 1655 году и доселѣ привлекаетъ къ себѣ множество богомольцевъ. „Каждый торговый день“, свидѣтельствуетъ П. И. Савваитовъ, – „крестьяне, продавши свой товаръ, приходятъ поставить свѣчу и помолиться Спасу Обыденному. И въ продолженіи ста восьмидесяти лѣтъ, ни днемъ, ни ночью не угасаетъ огонь передъ этимъ св. образомъ“... [157]). Сообщенія П. И. Савваитова были весьма оцѣнены Иванчинымъ-Писаревымъ: „Вы справедливо назвали *перломъ*, писалъ онъ Погодину,—„свадебныя причитанія на Вологдѣ:

очень, очень важны и любопытны. C'est quelque chose que cette nation là! сказалъ Наполеонъ о Русскихъ".

Слѣдуетъ замѣтить, что сближеніе съ Погодинымъ пробудило въ П. И. Савваитовѣ непреодолимое желаніе посвятить свои силы и способности Русской Исторіи, и для этой цѣли онъ стремился въ Петербургъ, чтобы тамъ занять каѳедру этого предмета въ Семинаріи или Академіи. Вотъ что онъ писалъ Погодину изъ Вологды: „Духовная Академія, хоть даже Петербургская Семинарія, именно Петербургская! Русская Исторія! Да, это—единственно возможная, высокая цѣль, къ которой только и можно, а можетъ быть и должно мнѣ стремиться. Впрочемъ Духовная Академія—все равно съ чѣмъ бы ни было: для Исторіи Русской довольно останется времени. Семинарія—она прекрасна съ Русской Исторіей. Какъ же не сойти съ ума, когда вы указали мнѣ—новый свѣтъ, а съ нимъ новую жизнь и какую жизнь! Русская Исторія: а въ ней и Донской, и Алексѣй, и Филиппъ, и Іона, Авраамій, Гермогенъ, Невскій, Іоанны, Петръ, Пушкинъ, Державинъ, Карамзинъ, Діонисій, Димитрій, Никонъ, Мининъ и Пожарскій, Норманны и пожалуй Гогъ, царь Магогіи и проч. и проч. Да, отъ этого и съ ума сойти можно, а на сердцѣ такъ легко и въ головѣ такъ свѣтло, что, право, не знаю какъ бы и сказать это. Не знаю, какой благодѣтельный духъ внушилъ вамъ сказать слово о Русской Исторіи—для меня. Сознаюсь что много, много надобно мнѣ и труда, и терпѣнія, и умѣнія, чтобъ узнать эту нашу дивную, дѣвственную Исторію. Но не думаю, вовсе не думаю и отказываться отъ счастья. Насилу я могъ дождаться почты, чтобы имѣть случай даже напомнить вамъ объ этомъ при отъѣздѣ въ Петербургъ. Графъ нашъ *) въ этомъ случаѣ—рѣшительно всемогущъ. Что, еслибы вдругъ послѣ Святой пришла сюда вѣсть: Павла Савваитова выслать на Петербургскую каѳедру Исторіи и—въ Академіи! Отъ одной этой мысли благоговѣйно кланяюсь вамъ, Михайло Петровичъ. Не стану больше и говорить объ этомъ: сердце полно и радости,

*) Протасовъ.

и благодарности; а слова за то и глупы, и не связны—дѣлать нечего—извините. Послѣ вашего извѣстія я не успѣлъ еще приняться ни за какое дѣло“.

Между тѣмъ Погодинъ, пользуясь своею близостью къ графу Н. А. Протасову, замолвилъ ему словечко о П. И. Савваитовѣ и объ его *Вологодскомъ Сборникѣ*. „Въ ожиданіи будущаго своего благополучія“, писалъ по этому поводу П. И. Савваитовъ Погодину,—„спѣшу я собрать все, что хотѣлось бы мнѣ имѣть въ своемъ *Сборникѣ*—вотъ сволочь-то будетъ этотъ сборникъ! Жалѣю, что вамъ угодно было сказать объ немъ графу Протасову—этотъ сборникъ не стоитъ такой чести, да и ползетъ къ концу тихо-тихо. Вамъ угодно знать его оглавленіе. Вотъ оно въ возможности: I. Акты разнаго содержанія, заслуживающіе вниманія почему-либо (грамоты, челобитныя, отписки, записи и проч. и проч. съ 1500 года). II. Описаніе Вологодской Епархіи, въ которомъ: а) начало и распространеніе Христіанства въ Вологодскомъ краѣ и учрежденіе Епархіи Вологодской, б) Архіереи Великопермскіе и Вологодскіе и Бѣлозерскіе, Вологодскіе и Устюжскіе, Великоустюжскіе и Тотемскіе, в) свѣдѣніе о Святыхъ, прославившихся въ Церкви Вологодской, г) монастыри, д) церкви, е) часовни, ж) состояніе духовенства, з) духовное просвѣщеніе, и) паства. III. Свѣдѣнія о Вологодской губерніи.

Для I-го готово болѣе пятидесяти нумеровъ. Началъ я и переписывать ихъ. Переписалъ тринадцать нумеровъ и бросилъ эту египетскую работу. Пренесносно переписывать самому; а здѣшніе переписчики и не разберутъ ни одной старинной грамоты—грамотѣи! Занимаюсь II-мъ. Для III-го матеріаловъ очень довольно. А сору, хламу и всякой разной дряни кучи! Недавно случай познакомилъ меня съ однимъ человѣкомъ, который сказалъ, что имѣетъ у себя что-то о началѣ города Вологды. Непремѣнно постараюсь узнать такую, кажется, „драгоцѣнность“, какъ сказалъ бы Божёнковскій юсъ-попъ. Надѣюсь, что мое извѣстіе о сборникѣ не будетъ

извѣстно никому, кромѣ васъ. И тутъ стыдно будетъ услышать: „надѣлала синица славы, а моря не зажгла“.

Собираясь оставить Вологду, П. И. Савваитовъ въ письмѣ своемъ Погодину иронически относится къ своему родному городу: „А добрая старушка эта Вологда“, писалъ онъ, — „только, какъ и всѣ старушки, прекропотливая и часто пренесносная лепетунья — Богъ съ нею — иногда, нѣтъ, виноватъ, не иногда, а всегда любитъ до крайности сплетничать — это душа ея; а какая иногда богомольная, особенно какъ бѣда у ней на носу“[158]).

Наконецъ, въ 1842 году П. И. Савваитовъ былъ переведенъ въ С.-Петербургскую Семинарію профессоромъ Патристики, Св. Писанія, Герменевтики и чтенія Отцевъ церкви Греческихъ и Латинскихъ, и этимъ переводомъ онъ конечно былъ много обязанъ Погодину[159]).

Изъ отдаленныхъ предѣловъ нашего Отечества Погодинъ умѣлъ привлечь скромныхъ, но почтенныхъ дѣятелей на поприще Палеологіи. „Въ письмѣ, которымъ вы удостоили меня“, писалъ Погодину изъ Шенкурска учитель Русскаго языка Никифоръ Борисовъ, — „вы изъявили желаніе, чтобы я собиралъ народныя пѣсни, описывалъ обряды, обычаи, суевѣрія, преданія и пр. Теперь, исполняя ваше желаніе, честь имѣю послать вамъ часть моего труда — описаніе деревенскаго дѣвичника и свадьбы. Много хлопотъ мнѣ стоило это описаніе: подгулявшіе на свадебномъ пиру мужики, видя, что я записываю всѣ ихъ обыкновенія, считали меня Богъ знаетъ чѣмъ; чуть ли не шпіономъ, подосланнымъ отъ Правительства; они очень неохотно отвѣчали на мои вопросы о разныхъ вещахъ, касающихся до ихъ обычаевъ, скрывали отъ меня ихъ тщательно, и вообще смотрѣли на меня весьма недовѣрчиво; напрасно старался я ихъ увѣрять, что записываю ихъ свадебныя обыкновенія просто изъ любопытства. Нѣтъ, — говорили они, — ты напишешь тутъ, что у насъ всего много, что мы живемъ богато, — судя по разливанному морю пива и вина свадебнаго, да донесешь нацяльству, а тамъ оно пожалуй и подумаетъ,

что мы и въ самомъ дѣлѣ загребаемъ лопатами серебро!— Такіе чудаки! Да къ тому же и ужасные невѣжды и грубіяны. Я очень благодаренъ знакомству съ тысяцкимъ, съ которымъ пріѣхалъ въ деревню, иначе не обошлось бы безъ непріятностей; ужь онъ самъ успокоилъ ихъ на мой счетъ. Тѣ свадебныя пѣсни, которыя я помѣстилъ въ своей рукописи, еще не всѣ: у меня ихъ осталось нѣсколько; я собираю также и пѣсни луговыя и разныя другія. Говорятъ, что вверхъ по Двинѣ— близъ Кеми, Мезени, Архангельска—еще страннѣе свадебныя обыкновенія у простого народа и вообще всѣ ихъ обычаи; а также и много народныхъ пѣсенъ историческихъ, чрезвычайно любопытныхъ. Жаль, что ни время, ни средства не позволяютъ мнѣ посѣтить тѣ мѣста". Въ другомъ письмѣ Борисова мы читаемъ: „Честь имѣю послать вамъ при семъ собраніе простонародныхъ словъ, употребляемыхъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ. Многія изъ помѣщенныхъ у меня встрѣтить можно и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ нашего города, но я счелъ за нужное помѣстить ихъ въ моемъ „собраніи" болѣе потому, что здѣшніе поселяне произносятъ эти слова какимъ-то особеннымъ тономъ, чрезвычайно протяжнымъ, который никакъ нельзя передать на бумагѣ; надобно слышать ихъ; для пера они недоступны, неуловимы. Вообще здѣшніе поселяне произносятъ каждое слово на распѣвъ, особенно окончательное во всякой рѣчи—съ чрезвычайно продолжительнымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ; напримѣръ, „*Анна-о-о! Куда ты пойдё-о-о? Гдѣ ты была-о-о?* и т. под. Кромѣ того, переливъ звука въ одной и той же рѣчи весьма измѣняется, большею частію сбивается на пѣвучій; такъ что еслибы инородцу случилось говорить съ здѣшнимъ мужичкомъ, то онъ не совсѣмъ и понялъ бы его; надобно пріучить *къ этому непривычное ухо*, и тогда подобное *тоноизмѣненіе*—если такъ можно выразиться—потеряетъ всю свою странность. Кромѣ посылаемыхъ словъ, у меня собрано нѣсколько мѣстныхъ пѣсенъ, большею частію луговыхъ, которыя поются дѣвицами деревенскими, когда онѣ соберутся на лужокъ играть въ свои разныя игры простонародныя, въ *веревочки,* въ

горѣлки и пр. Если угодно, я буду имѣть честь сообщить вамъ и эти пѣсни; нѣкоторыя изъ нихъ слышалъ я и въ другихъ губерніяхъ, но онѣ занимательны здѣсь своими особенностями—плодомъ народной фантазіи, которая въ Русскомъ народѣ игрива и своенравна; но напѣвъ этихъ пѣсенъ, да и всѣхъ вообще, какія случалось мнѣ слышать здѣсь, весьма монотоненъ,—иногда даже навѣваетъ грусть на сердце“ [160]).

Адмиралъ П. Кузмищевъ прислалъ Погодину изъ Архангельска для напечатанія въ *Москвитянинѣ* любопытное собраніе особенныхъ, или имѣющихъ другое значеніе, словъ и нѣкоторыхъ выраженій, употребляемыхъ въ Камчаткѣ [161]). Это собраніе обратило на себя вниманіе А. Ѳ. Бычкова, который по поводу его писалъ Погодину: „Я только что получилъ третью книжку *Москвитянина* и прочелъ статью Кузмищева, для меня любопытную, какъ заключающую въ себѣ объясненіе многихъ словъ, встрѣчаемыхъ въ Сибирскихъ актахъ; пробѣжавъ ее, я нашелъ двѣ важныя ошибки: объясненіе слова *захребетникъ*, заимствованнаго изъ старинныхъ бумагъ, имѣетъ совершенно не то значеніе, какое ему даетъ Кузмищевъ. Оно не значитъ человѣка, убѣжавшаго въ горы, но человѣка, который живетъ за хребтомъ своего хозяина, слѣдовательно—составляющаго его домашнюю челядь“. Кромѣ того, Кузмищевъ обращаетъ вниманіе Погодина на загадки и скороговорки Русскаго народа. „Для показанія вполнѣ Русской замысловатости“, пишетъ онъ,— „и игривости у насъ недостаетъ *загадокъ и скороговорокъ*. А ихъ довольно таки наберется въ памяти народа. Говорю въ *памяти*, потому что письменныхъ, собственно—народныхъ, мы, кажется, не имѣемъ. Онѣ прибавили бы—если можно такъ выразиться—новую полосу въ обширномъ, но не совсѣмъ еще разработанномъ полѣ нашей словесности и языка. Эта статья совсѣмъ забытая, не початая, или пропущенная. Къ сожалѣнію, не имѣю самъ ничего въ этомъ родѣ, чтобы могъ представить вамъ. Онѣ не хуже шарадъ, логогрифовъ и т. п. заморскихъ диковинокъ. Впрочемъ, надо и то сказать, что многія изъ нашихъ, особенно загадки,—грубы, слишкомъ игривы и

почти недвусмысленны, а все-таки есть хорошія и толковыя" [162]). Въ отвѣтъ на „неблагопріятный отзывъ", сдѣланный въ *Москвитянинѣ* о древностяхъ Солигалича, Погодинъ получаетъ изъ этого города статью подъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ Исторіи города Солигалича*, собранныя изъ сохраняющихся въ Солигаличѣ записокъ, преданій и другихъ источниковъ. Печатая эту статью Погодинъ вмѣстѣ съ тѣмъ приноситъ „искреннюю благодарность" рисовальнымъ учителямъ Кинешмскому, Труншаеву и Кирилловскому, Костромину „за доставленные ими рисунки мѣстныхъ видовъ и древностей", а господину учителю Леонову, „любезному ученику своему, Погодинъ желаетъ здоровья для окончанія труда о Петрѣ Великомъ".

Изъ города Алешекъ, Таврической губерніи, Днѣпровскаго уѣзда, Погодинъ получаетъ отъ Зеленковича любопытныя свѣдѣнія о тамошнихъ находкахъ древнихъ предметовъ.

По поводу сообщенныхъ В. Борисовымъ *Мѣстныхъ пословицъ* города Шуи, Погодинъ замѣтилъ: „Вотъ о какихъ статьяхъ просимъ мы нашихъ корреспондентовъ, вмѣсто многочисленныхъ извѣстій, полученныхъ нами о балахъ и концертахъ, которыхъ... хоть бы и меньше было, такъ было бы не дурно, не только въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, но и въ Москвѣ съ Петербургомъ. Описанія ихъ такъ похожи одно на другое и, право, не представляютъ ничего занимательнаго для образованнаго и мыслящаго читателя, — а впрочемъ желаемъ веселиться кому угодно" [163]).

XXXVI.

Для успѣха *Москвитянина* Погодинъ всѣми силами старался привлечь Гоголя къ участію въ немъ. „Всѣ ждутъ", писалъ Даль Погодину, — „что-то будетъ въ *Москвитянинѣ* Гоголя? Его сотрудничество, кажется, непремѣнно расширитъ кругъ журнала; Гоголя любятъ всѣ, для него между читате-

лями нѣтъ партій“ [164]). Озабоченный привлеченіемъ Гоголя къ *Москвитянину*, Погодинъ зашелъ какъ-то къ Аксаковымъ и потомъ записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ:* „Толковали о журналѣ, о Гоголѣ, его характерѣ и выходкахъ. Рѣшилъ написать письмо: *разоряюсь, выручай*. Какъ бы было хорошо, еслибъ теперь поддержать впечатлѣніе эффектными статьями“ [165]). Съ своей стороны и С. Т. Аксаковъ рѣшился просить Гоголя, чтобы онъ прислалъ что-нибудь въ *Москвитянинъ*. Но Гоголь, будучи съ одной стороны многимъ обязанъ и долженъ Погодину, а съ другой—будучи весь погруженъ въ твореніе *Мертвыхъ Душъ*, былъ очень огорченъ и встревоженъ этою просьбою Аксакова, которому писалъ: „Вы пишите, чтобы я прислалъ что-нибудь въ журналъ Погодину. Боже! Еслибы вы знали, какъ тягостно, какъ разрушительно для меня это требованіе, какую вдругъ нагнало оно на меня тоску и мучительное состояніе. Теперь на одинъ мигъ оторваться мыслью отъ святого своего труда для меня уже бѣда. Никогда бъ не предложилъ мнѣ въ другой разъ подобной просьбы тотъ, кто бы могъ узнать на самомъ дѣлѣ, чего онъ лишаетъ меня. Еслибы я имѣлъ деньги, клянусь, я бы отдалъ всѣ деньги, сколько бъ у меня ихъ ни было, вмѣсто отдачи своей статьи. Но такъ и быть, я отыщу какой-нибдь старый лоскутокъ и просижу надъ переправкой и окончательной отдѣлкой его, Боже! можетъ быть двѣ, три недѣли. Ибо теперь для меня всякая малая вещь почти такого же требуетъ обдумыванья, какъ великая, и можетъ быть еще большаго и тягостно-томительнѣшаго труда, ибо онъ будетъ почти насильственный, и всякую минуту я буду помнить безплодную великость своей жертвы, преступную свою жертву. Нѣтъ, клянусь! грѣхъ, сильный грѣхъ, тяжкій грѣхъ отвлекать меня. Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ; я умеръ теперь для всего мелочного. И для презрѣннаго, журнальнаго ли, пошлаго, занятаго ежедневнымъ дрязгомъ, я долженъ совершить непрощаемыя преступленія? И что

поможетъ журналу моя статья? Но статья будетъ готова... Жаль только, если она усилитъ мое болѣзненное расположеніе; но я думаю нѣтъ. Богъ милостивъ. Дорога, дорога! Я сильно надѣюсь на дорогу“ [166]).

Между тѣмъ Гоголь, желая раздѣлаться какъ-нибудь съ своими долгами, противъ воли, рѣшился сдѣлать второе изданіе своего *Ревизора* и поручилъ это дѣло С. Т. Аксакову; но Аксаковъ, будучи въ это время удрученъ потерею сына, не могъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, которое принялъ на себя всецѣло Погодинъ, и, вопреки, желанію Гоголя, напечаталъ *Ревизора* со всѣми приложеніями, предварительно помѣстивъ сцену изъ него въ своемъ *Москвитянинѣ* [167]).

Между тѣмъ С. Т. Аксаковъ не совѣтовалъ Погодину помѣщать въ *Москвитянинѣ* добавочныя сцены къ *Ревизору*, на томъ основаніи, что Гоголь *разсердится*. На это Погодинъ не безъ основанія писалъ Аксакову: „Да помилуйте, Сергѣй Тимоѳеевичъ, что я въ самомъ дѣлѣ за козелъ искупленія? Неужели можно предполагать, что онъ скажетъ: пришли и присылай, бѣгай и дѣлай, и не смѣй подумать объ одномъ шагѣ для себя. Да еслибы я изрѣзалъ въ куски *Ревизора* и разсовалъ его по кускамъ своего журнала, то и тогда Гоголь не долженъ бы былъ сердиться на меня“... На это письмо Аксаковъ сухо отвѣчалъ Погодину: „Я только совѣтовалъ вамъ не дѣлать того, чего бы я самъ не сдѣлалъ... Чѣмъ болѣе мнѣ обязанъ человѣкъ, тѣмъ менѣе я позволю себѣ безъ его воли распоряжаться его собственностью, хотя бы это было безвредно для него, а только выгодно для меня. Въ этомъ же случаѣ нельзя сказать положительно *перваго*. Я не выѣзжаю, никого не вижу, слѣдственно—предлагать участіе другимъ не могу; да и считаю это безполезнымъ“ [168]).

Самъ же Гоголь, собираясь въ Россію, нуждался по обычаю въ деньгахъ и писалъ Аксакову: „Я долженъ съ вами поговорить о дѣлѣ, но объ этомъ сообщитъ вамъ Погодинъ. Вы вмѣстѣ съ нимъ сдѣлаете совѣщаніе, какъ устроиться лучше. Я теперь прямо и открыто прошу помощи, ибо имѣю

право и чувствую это въ душѣ. Для меня нужно сдѣлать заемъ. Погодинъ вамъ скажетъ. Въ началѣ же 1842 года выплатится мною все, потому что одно то, которое уже у меня готово и которое, если дастъ Богъ, напечатаю въ концѣ текущаго (1841) года, уже достаточно для уплаты" [169]). Эта просьба Гоголя была исполнена, и въ *Дневникѣ* Погодина мы читаемъ: „Письмо отъ Гоголя, который ждетъ денегъ, а мнѣ не хотѣлось бы посылать. Между тѣмъ я думалъ поутру, какъ бы пріобрѣсти равнодушіе къ деньгамъ" [170]).

Но какъ бы то ни было деньги были отправлены, и Гоголь по полученіи ихъ выѣхалъ изъ Рима. По пути въ Петербургъ онъ заѣхалъ въ Ганау, чтобы посѣтить больного Языкова и прожилъ цѣлый мѣсяцъ. „Гоголь сошелся съ нами", писалъ Языковъ своей сестрѣ, — „обѣщался жить со мною вмѣстѣ, то-есть, на одной квартирѣ, по возвращеніи моемъ въ Москву. Онъ, кажется, написалъ много и ѣдетъ издавать оное. Онъ премилый". Вмѣстѣ съ братомъ Языкова, Петромъ Михайловичемъ, Гоголь выѣхалъ изъ Ганау въ Дрезденъ, а потомъ и далѣе въ Петербургъ. Этимъ сопутничествомъ былъ очень доволенъ Языковъ. „Я радъ", писалъ онъ, — „что братъ Петръ Михайловичъ не одинъ пустился въ дальній путь, а съ товарищемъ, съ которымъ не можетъ быть скучно и который бывалъ и перебывалъ въ чужихъ краяхъ и знаетъ всѣ Нѣмецкіе обычаи и повѣрья" [171]). Самъ же Гоголь писалъ Языкову изъ Дрездена: „Много всего идетъ ко мнѣ, и одинъ разъ даже мелькнулъ почти ненарокомъ Московскій длинный домъ, съ рядомъ комнатъ, пятнадцатиградусною ровною теплотою и двумя недоступными кабинетами. Нѣтъ, тебѣ не должна теперь казаться страшна Москва своимъ шумомъ и надоѣдливостью; ты долженъ теперь помнить, что тамъ жду тебя я и что ты ѣдешь прямо домой, а не въ гости".

Заѣздомъ въ Петербургъ Гоголь остался очень недоволенъ и уже по пріѣздѣ въ Москву писалъ Языкову: „Меня предательски завезли въ Петербургъ. Тамъ я пять дней томился. Погода мерзѣйшая. Но я теперь въ Москвѣ и вижу

чудную разность въ климатахъ. Дни всѣ въ солнцѣ, воздухъ слышенъ свѣжій, осенній, передъ мною открытое поле, и ни кареты, ни дрожекъ, ни души, словомъ—рай. Жизнь наша можетъ быть здѣсь полно-хороша и безбурна. Кофій уже доведенъ мною до совершенства“ [172]).

Въ ожиданіи Языкова, Гоголь, по обычаю, остановился у Погодина на Дѣвичьемъ Полѣ. Въ немъ С. Т. Аксаковъ нашелъ большую перемѣну. „Онъ сталъ худъ, блѣденъ, и тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ: гастрономическаго направленія и прежней проказливости какъ будто не бывало. Иногда, очевидно безъ намѣренія, слышался юморъ и природный его комизмъ; но смѣхъ слушателей, прежде не противный ему, въ настоящее время сейчасъ заставлялъ его перемѣнить тонъ разговора“.

Гоголь привезъ съ собою въ Москву первый томъ *Мертвыхъ Душъ*. Покуда переписывались первыя шесть главъ, Гоголь прочелъ Аксаковымъ и Погодину остальныя пять главъ. Чтеніе происходило въ домѣ Погодина. Гоголь потребовалъ отъ своихъ слушателей критическихъ замѣчаній. Во время чтенія Аксаковы слушали молча, но Погодинъ заговорилъ. „Что онъ говорилъ“, пишетъ С. Т. Аксаковъ, — „я хорошенько не помню; помню только, что онъ между прочимъ утверждалъ, что въ первомъ томѣ содержаніе поэмы не двигается впередъ; что Гоголь выстроилъ длинный корридоръ, по которому ведетъ своего читателя вмѣстѣ съ Чичиковымъ и, отворяя двери направо и налѣво, показываетъ сидящаго въ каждой комнатѣ урода“. Аксаковъ по поводу этого замѣчанія сталъ спорить съ Погодинымъ. Но Гоголь былъ недоволенъ его заступничествомъ и сказалъ ему: „Сами вы ничего замѣтить не хотите или не замѣчаете, а другому замѣчать мѣшаете“, и просилъ Погодина продолжать и очень внимательно его слушалъ, не возражая ни однимъ словомъ“.

„Въ это время“, свидѣтельствуетъ С. Т. Аксаковъ, то-есть, въ концѣ 1841 и въ началѣ 1842 года,—„начали возни-

кать неудовольствія между Гоголемъ и Погодинымъ“, которыя скоро перешли въ великую ссору...

Тѣмъ не менѣе Погодину удалось получить отъ Гоголя статью подъ заглавіемъ *Римъ,* которая и была напечатана въ *Москвитянинѣ*. Статья эта была прочитана Гоголемъ на литературномъ вечерѣ у князя Д. В. Голицына. „Не смотря на высокое достоинство этой пьесы“, свидѣтельствуетъ С. Т. Аксаковъ,—„слишкомъ длинной для чтенія на раутѣ, чтеніе почти усыпило половину слушателей; но когда къ концу пьесы дѣло дошло до комическихъ разговоровъ Итальянскихъ женщинъ между собою и съ своими мужьями, все общество точно проснулось и пришло въ неописанный восторгъ“ [173]).

Почти одновременно съ пріѣздомъ Гоголя въ Москву, въ 1841 году, на сцену Московскаго театра выступилъ Провъ Михайловичъ Садовскій. Неравнодушный къ славѣ Отечества, Погодинъ съ великимъ одушевленіемъ привѣтствовалъ это явленіе: „Поставляю долгомъ“, писалъ онъ,—„обратить вниманіе на этого молодого актера, который, смѣло сказать можно, вскорѣ сдѣлается любимцемъ и Московскою знаменитостью, если вѣрный искусству, будетъ думать о немъ, работать, учиться, совершенствовать свой талантъ. Живость, простота, ловкость— у него такія, какія встрѣчаются рѣдко. Натуры бездна. Показывается сердечная теплота. Жаль, что онъ рѣдко виденъ на сценѣ: между актерами у насъ, какъ между учеными, между медиками, есть какое-то чиноначаліе. Явись, напримѣръ, новый талантъ на роли Щепкина или Рѣпиной— они не скоро получатъ себѣ дѣла; но подъ чьимъ же руководствомъ могли бы образоваться они лучше, какъ не подъ руководствомъ знаменитаго ветерана? и милой... мы не скажемъ ветеранки, но милой, всегда юной и прелестной нашей актрисы. Такъ точно и Садовскій могъ бы смѣнить во многихъ роляхъ нашего стараго забавника, Живокини, разумѣется безъ малѣйшаго ущерба его выслуженнымъ выгодамъ. Изъявимъ желаніе, чтобы Дирекція доставляла публикѣ чаще случай видѣть Садовскаго, а Садовскому случаи чаще бы-

вать на сценѣ и упражняться въ труднѣйшемъ изъ всѣхъ искусствъ [174]).

XXXVII.

9 апрѣля 1841 года скончался президентъ Россійской Академіи, Александръ Семеновичъ Шишковъ.

На другой же день по его кончинѣ С. С. Уваровъ сообщилъ Академіи, что онъ „принимаетъ это заведеніе подъ непосредственное свое управленіе до воспослѣдованія особой о семъ Высочайшей воли".

15 апрѣля происходило отпѣваніе Шишкова въ Александро-Невской Лаврѣ. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго „народа и сановниковъ было довольно. Шишковъ", продолжаетъ князь Вяземскій,—„былъ и не умный человѣкъ, и не авторъ съ дарованіемъ, но человѣкъ съ постоянною волею, съ мыслію, герой двухъ слоговъ *стараго* и *новаго*, кричалъ, писалъ всегда объ одномъ, словомъ, имѣлъ личность свою, и потому создалъ себѣ мѣсто въ литературномъ и даже государственномъ нашемъ мірѣ. А у насъ люди эти рѣдки, и потому Шишковъ у насъ все-таки историческое лицо. Я помню, что во время оно мы смѣялись надъ нелѣпостями его манифестовъ; но между тѣмъ большинство, народъ, Россія, читали ихъ съ восторгомъ и умиленіемъ; слѣдовательно, они были кстати. Карамзина манифесты были бы съ большимъ благоразуміемъ, съ большимъ искусствомъ писаны, но имѣли ли бы они то дѣйствіе на толпу, на большинство—неизвѣстно; а еслибы и имѣли, то что это доказало бы? Что умъ и нелѣпость все равно; а мы все думаемъ, что все отъ насъ, все отъ людей..." [175]). Когда вѣсть о кончинѣ почтеннаго Шишкова достигла Москвы, то Шевыревъ писалъ: „Мы лишились одного изъ ветерановъ литературы нашей, въ которомъ вмѣщалось почти цѣлое ея столѣтіе. Авторъ *Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ*, по всѣмъ правамъ, какъ литераторъ, ведетъ свою родословную отъ Ломоносова. На насъ и на всѣхъ товарищахъ нашихъ лежитъ

еще обязанность указать мѣсто, какое покойный занималъ въ литературѣ, и оцѣнить заслуги его въ Словено-Русской Филологіи, которыя, будучи признаны на Западѣ, никогда еще не были оцѣнены у насъ по своему достоинству“ [176]).

Между тѣмъ Бѣлинскій съ ироніею писалъ Боткину: „Жаль, что умеръ Шишковъ—многаго мы лишились. Безъ него Академія Россійская осиротѣла и съ горя спилась“ [177]).

За Шишковымъ послѣдовалъ въ могилу сверстникъ его Николай Михайловичъ Шатровъ, о которомъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины его съ особеннымъ сочувствіемъ писалъ Погодинъ: „Скажемъ здѣсь кстати, что въ Москвѣ живетъ еще старецъ, который помнитъ Третьяковскаго, который былъ знакомъ съ Сумароковымъ, Эминымъ—нечего говорить уже о Херасковѣ. Это Н. М. Шатровъ; его преложенія псалмовъ извѣстны всѣмъ любителямъ духовной поэзіи“.

Въ первомъ же нумерѣ Москвитянина 1841 года было напечатано прекрасное посланіе М. А. Дмитріева *Слѣпому поэту* въ день имянинъ его, въ которомъ между прочимъ читаемъ:

Ломоносова потомокъ,
Сынъ Державинскихъ знаменъ,
Ты межъ насъ живой обломокъ
Приснопамятныхъ временъ...

Вы тогда въ избыткѣ чувства,
Пѣли Бога и Царей,
И восторгъ вашъ безъ искусства
Проникалъ въ сердца людей!

И они, благоговѣя,
Сознавали, что пѣвцы,
Духомъ Вышняго владѣя,
Вышней истины жрецы!

Громы битвы, сладость мира,
Чувства славы и любви,
Вотъ что пѣла ваша лира,
Дней минувшихъ соловьи!..

Не затѣмъ ли ты оставленъ
Въ поколѣніи другомъ,
Чтобъ твой вѣкъ—въ тебѣ былъ явленъ
И не прослылъ ложнымъ сномъ?

Не затѣмъ ли зрѣнья очи
Лишены, чтобъ ты не зрѣлъ
Лицъ земныхъ темнѣе ночи
И небесное намъ пѣлъ! [178]).

15 іюля того же 1841 года, по свидѣтельству очевидца, „около 5 часовъ вечера разразилась ужасная буря съ молніею и громомъ: въ это самое время, между горами Машукою и Бештау, скончался лечившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ. Съ сокрушеніемъ смотрѣлъ я на привезенное въ Пятигорскъ бездыханное тѣло поэта.

Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!
Потухъ огонь на алтарѣ" [179])!

Еще 20 мая Хомяковъ писалъ Языкову: „Лермонтовъ отправленъ на Кавказъ за дуэль. Боюсь, не убили бы. Вѣдь пуля дура, а онъ съ истиннымъ талантомъ и какъ поэтъ, и какъ прозаторъ" [180]).

Ровно за мѣсяцъ до кончины Лермонтова Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ Погодину: „Посылаю вамъ приношеніе Лермонтова въ вашъ журналъ. Онъ проситъ напечатать его просто, безъ всякихъ примѣчаній отъ Издателя, съ подписью его имени. Радуюсь душевно и за него, и за васъ, и за всѣхъ читателей *Москвитянина*" [181]). При этомъ письмѣ было приложено превосходное стихотвореніе Лермонтова подъ заглавіемъ *Споръ*, которое было напечатано еще при жизни Лермонтова, то-есть, въ *іюньской* книжкѣ *Москвитянина*. По поводу этого стихотворенія Бѣлинскій писалъ Боткину: „Какую дрянь написалъ Лермонтовъ о Наполеонѣ и Французахъ, и жаль думать, что это Лермонтовъ, а не Хомяковъ. Но сколько роскоши въ спорѣ Казбека съ Эльборусомъ, хотя въ цѣломъ мнѣ и не нравится эта пьеса, и хотя въ ней есть стиха четыре плохихъ" [182]).

Между тѣмъ *Москвитянинъ* горькими слезами оплакалъ кончину Лермонтова: „Еще утрата въ Русской Литературѣ! Одна изъ прекрасныхъ надеждъ ея, М. Ю. Лермонтовъ, скончался на Кавказѣ. Давно ли мы радовались его разцвѣтанію —

и уже должны оплакивать потерю! Онъ былъ представителемъ самаго младшаго поколѣнія Словесности нашей; бодро шелъ впередъ; развитіе его обѣщало много. Теперь все кончено. Сердце обливается кровію, когда подумаешь, сколько прекрасныхъ талантовъ погибаетъ у насъ безвременно".

Еще при жизни Лермонтова Шевыревъ, разбирая произведенія его, писалъ: „Прекрасныя надежды видимъ мы и въ повѣствователѣ, и въ стихотворцѣ, но будемъ искренны. Намъ кажется, что еще рано было ему собирать свои звуки въ одно: такого рода собранія и позволительны, и необходимы бываютъ тогда, когда уже лирикъ образовался и въ замѣчательныхъ произведеніяхъ запечатлѣлъ свой оригинальный, рѣшительный характеръ. Такъ сожалѣемъ мы, что нѣтъ у насъ до сихъ поръ полнаго собранія стихотвореній князя Вяземскаго и Хомякова: они были бы необходимы для того, чтобы обнять совокупныя черты этихъ поэтовъ, сливающіяся въ характеры цѣльные и означенные яркою личностью и въ мысли и въ выраженіи. Лермонтовъ принадлежитъ въ нашей литературѣ къ числу такихъ талантовъ, которые не нуждаются въ томъ, чтобы собирать славу по клочкамъ: мы, судя по его дебюту, въ правѣ ожидать отъ него не одной небольшой книжки стихотвореній уже извѣстныхъ, которыя, будучи собраны вмѣстѣ, ставятъ въ недоумѣніе критика. Съ перваго раза поражаетъ насъ въ сихъ произведеніяхъ какой-то необыкновенный протеизмъ таланта, правда замѣчательнаго, но тѣмъ не менѣе опасный развитію оригинальному". Шевыревъ находитъ, что „когда вы внимательно прислушаетесь къ звукамъ Лермонтова, вамъ слышатся попеременно звуки то Жуковскаго, то Пушкина, то Кирши Данилова, то Дениса Давыдова, то Баратынскаго, то Бенедиктова" [183]). По поводу этой критики князь П. А. Вяземскій уже по кончинѣ Лермонтова писалъ Шевыреву: „Вы были слишкомъ строги къ Лермонтову. Разумѣется, въ талантѣ его отзывались воспоминанія, впечатлѣнія чужія; но много было и того, что означало сильную и коренную самобытность, которая впослѣдствіи одолѣла бы все внѣшнее и заимствованное. Дикій поэтъ, то-есть, неучъ, какъ

Державинъ, напримѣръ, могъ быть оригиналенъ съ перваго шага; но молодой поэтъ, образованный какимъ бы то ни было ученіемъ, воспитаніемъ и чтеніемъ, долженъ неминуемо протереться на свою дорогу по тропамъ избитымъ и сквозь рядъ нѣсколькихъ любимцевъ, которые пробудили, вызвали и, такъ сказать, оснастили его дарованіе. Въ поэзіи, какъ въ живописи, должны быть школы. Оригинальность, народность великія слова; но можно о нихъ много потолковать. Не принимаю ихъ за безусловныя заповѣди" [184]).

„Жаль, отъ души жаль Лермонтова", писалъ Бецкій Погодину,—„вѣдь подумаешь, мало ли людей, отъ которыхъ, какъ отъ козла молока, къ числу которыхъ причисляю и себя, живутъ себѣ! А великіе умираютъ. Судьба! Судьба! Нѣтъ видно назначеніе не на одной землѣ... Иначе какъ объяснить себѣ, почему великое на землѣ потухаетъ не разгорѣвшись? И представьте, что я не знаю человѣка, которому бы въ Харьковѣ можно сообщить извѣстіе о смерти Лермонтова, съ надеждою пробудить въ немъ хотя каплю участія? Не сердечнаго, но хотя умственнаго... Нѣтъ; у насъ нѣтъ *въ Россіи* литературы, и не будетъ имѣть это слово значеніе до тѣхъ поръ, пока оно не превратится въ *общій* общественный интересъ" [185]).

Бѣлинскій же съ ожесточеніемъ писалъ Боткину: „Лермонтовъ убитъ наповалъ—на дуэли. Оно и хорошо, былъ человѣкъ безпокойный, и писалъ хоть хорошо, но безнравственно,—что ясно доказано Шевыревымъ и Бурачкомъ. Взамѣнъ этой потери Булгаринъ все молодѣетъ и здоровѣетъ" [186]).

Между тѣмъ, черезъ два года по кончинѣ Лермонтова, Погодинъ получаетъ отъ неизвѣстнаго, скрывшаго свое имя подъ литерами NN, стихотвореніе подъ названіемъ *Горькая Истина.* Надгробіе застрѣлившемуся недавно благовоспитанному юношѣ, въ которомъ между прочимъ читаемъ:

Удержи, младое племя,
Пистолетный свой ударъ!
Если въ тягость жизни бремя?
Это бремя Божій даръ.

Не дерзай же самовластно
Прерывать сей жизни нить,
Душу юную напрасно
Здѣсь и въ небѣ погубить.....

Въ письмѣ же своемъ неизвѣстный авторъ писалъ Погодину: „Вотъ еще новость: молодымъ людямъ у насъ пришла охота къ самоубійству... Что жъ причиною такому охлажденію къ жизни? Убійственное вліяніе поэзіи Лермонтова, котораго Петербургскіе журналы называютъ не только великимъ поэтомъ, но даже *великимъ человѣкомъ*“.

Вслѣдъ за Шишковымъ, Шатровымъ, Лермонтовымъ переселился въ вѣчность, въ томъ же 1841 году, и Василій Петровичъ Андросовъ, на тридцать девятомъ году жизни. Кончина его поразила Шевырева. „Не знаю“, писалъ онъ Погодину, — „дошло ли до тебя, что не стало на свѣтѣ нашего Андросова. Вчера это печальное извѣстіе меня поразило внезапно—и я былъ весь вечеръ разстроенъ. Завтра въ 10 часовъ его отпѣваютъ у Стараго Вознесенія“ [187]).

Погодинъ помянулъ почившаго сердечнымъ словомъ воспоминанія. „Онъ первый изъ Русскихъ сообщилъ Статистикѣ высшее значеніе, исторгнулъ ее изъ колеи цифръ и таблицъ, показалъ примѣры живыхъ приложеній и представилъ на самомъ дѣлѣ отношеніе Статистики къ политикѣ. Его Земледѣльческая Статистика Россіи и Записка о Москвѣ заключаютъ много примѣчательныхъ указаній. Онъ подавалъ прекрасную надежду наукѣ; но—противныя обстоятельства—и надежда не исполнилась: Андросовъ не имѣлъ средствъ идти далѣе по пути, начатому такъ блистательно! Въ послѣдніе годы онъ занимался собраніемъ матеріаловъ для Исторіи Цивилизаціи въ Россіи. Цивилизація—это было его любимое слово, любимое желаніе, любимое занятіе. Оно выражаетъ вполнѣ направленіе его мыслей, и весь характеръ его политическаго образованія. Кромѣ названныхъ двухъ сочиненій, Андросовъ написалъ большое разсужденіе о Политической Экономіи и Народномъ правѣ, по случаю конкурса, объявленнаго Московскимъ Университетомъ. Онъ не могъ, однакожъ,

получить каѳедры по причинѣ возвращенія воспитанниковъ Профессорскаго Института изъ чужихъ краевъ.

Андросовъ родился въ Рославлѣ, учился въ Смоленской гимназіи, кончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ, въ который вступилъ въ 1820 году, получилъ чрезъ три года степень дѣйствительнаго студента, а потомъ кандидата, и награжденъ золотою медалью. Первымъ сочиненіемъ, коимъ онъ обратилъ на себя вниманіе Московскаго ученаго свѣта, по выходѣ изъ Университета, было Разсужденіе о Кантовой Философіи, въ *Вѣстникѣ Европы* 1826 или 1827 года. При открытіи Земледѣльческой Школы Андросовъ получилъ мѣсто помощника директора и принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ устройствѣ этого заведенія, которое начиналось такъ прекрасно. Въ 1828 году онъ участвовалъ въ изданіи *Атенея*, М. Г. Павлова. Въ 1835 г. онъ избранъ былъ редакторомъ журнала, который вознамѣривались издавать здѣшніе литераторы—*Московскій Наблюдатель*; но со второй книжки остался исключительнымъ распорядителемъ и издателемъ. Впрочемъ, Статистика не дружна съ Литературою, и этотъ журналъ не могъ имѣть успѣха, хотя и заключалъ много дѣльныхъ и хорошихъ статей. Болѣзнь редактора, тогда уже начинавшаяся, служила также къ тому препятствіемъ. Года черезъ три Андросовъ передалъ его въ другія руки. Наконецъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ издателемъ *Журнала для Овцеводовъ*, который пользуется хорошей славою между хозяевами.

Отъ ученаго и гражданина перейдемъ къ человѣку. Андросовъ былъ характера благороднаго и независимаго. Можетъ быть, эти качества и мѣшали его успѣхамъ въ свѣтѣ. Въ его любви къ справедливости, сознаніи человѣческаго достоинства было что-то высокое. До глубины сердца онъ бывалъ тронутъ всякою несправедливостію, гдѣ бы она ни была сдѣлана, въ Калькутѣ или Филадельфіи, Вяткѣ или Парижѣ, и пламенная рѣчь вытекала изъ задыхавшихся устъ его. Рѣдко встрѣтишь людей, которые бы принимали такъ горячо къ сердцу всякое, самое неважное оскорбленіе, нарушеніе правъ

человѣческихъ, даже будь оно въ однихъ словахъ и формахъ, а не на дѣлѣ. И напротивъ успѣхи цивилизаціи, какъ онъ называлъ ихъ, приводили его въ восторгъ. Онъ любилъ искренно отечество, но любовь его выражалась не столько въ похвалѣ хорошему, сколько въ осужденіи дурного. Послѣднее трогало его сильнѣе по особенному направленію, которое принялъ его умъ и характеръ. Можетъ быть и неудовлетворенное самолюбіе принимало здѣсь участіе. Въ обществѣ съ короткими знакомыми онъ бывалъ веселъ, остеръ и иногда колокъ. Жилъ очень умѣренно своими малыми доходами, но былъ готовъ всегда на помощь ближнему. Боленъ онъ былъ давно уже, но съ весны болѣзнь его усилилась; онъ скрывалъ однако отъ всѣхъ важность ея, и скончался внезапно—на рукахъ своего человѣка".

22 октября 1841 года собрались всѣ знакомые въ скромную келію его, и вынесли оттуда на рукахъ его тѣло въ приходскую церковь Стараго Вознесенія, на Никитской, гдѣ оно было отпѣто, а погребено на Ваганьковскомъ кладбищѣ, близъ любимаго учителя его Мерзлякова. „Прощай, товарищъ! Дай Богъ, чтобы тебѣ на томъ свѣтѣ было лучше, чѣмъ на этомъ. Помолись и за насъ, а мы здѣсь о тебѣ всегда будемъ поминать добромъ" [188]).

Въ бумагахъ Погодина сохранился листокъ, писанный его рукою: „*На памятникъ надгробный Василію Петровичу Андросову.* (Отъ усердія, а не иначе). Графъ Бобринскій, Соковнинъ, Чертковъ, Павловъ, Шевыревъ, Масловъ, Погодинъ, Лызловъ, Іовскій, Кубаревъ". Къ этому списку другъ Андросова С. А. Масловъ собственноручно прибавилъ: *Енгита*, и замѣтилъ: „Это былъ его пріятель, уважалъ его душевно и душевно ему преданъ".

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Андросова, а именно 14 января 1841 года, былъ у С. А. Маслова вечеръ, на которомъ въ числѣ гостей былъ и покойный. На этомъ вечерѣ у Погодина запечатлѣлись слѣдующія слова, сказанныя Масловымъ: „*Мы толкуемъ объ исправленіи правительства,*

общества и всего человѣческаго рода, но почему мы не начинаемъ исправленія съ себя: это вѣдь легче и удобнѣе. Здѣсь никто мѣшать намъ не можетъ“ [189]).

XXXVIII.

Съ кончиною А. С. Шишкова прекратила свое существованіе и достопочтенная Россійская Академія. На докладѣ Уварова о кончинѣ ея Президента Государь начерталъ: *Представить мнѣ проэктъ соединенія Россійской Академіи съ Академіей Наукъ.*

Во исполненіе сей Высочайшей воли Уваровъ входилъ „въ подробное соображеніе основаній, на какихъ такое соединеніе могло бы быть приведено въ дѣйство“. По мнѣнію Уварова, „однимъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ Устава Россійской Академіи было то, что онъ предоставлялъ произволу членовъ труды по части языка и Словесности. Академія должна остаться и впредь доступною для отличнѣйшихъ писателей, которыхъ имена, украшая Отечественную Словесность, украсятъ и сословіе членовъ Академіи, но для отвращенія неудобства, показаннаго выше, необходимо назначить при ней опредѣленное число ординарныхъ академиковъ, съ жалованьемъ какъ въ Академіи Наукъ, которые постоянно трудились бы по плану и для цѣли Академической. Сверъ того, при нынѣшнемъ положеніи Словесности труды Академіи должно распространить на всю область нарѣчій и литературъ Словенскихъ“.

Въ проектѣ Уварова, представленномъ на Высочайшее воззрѣніе, мы читаемъ: „Для Академіи Наукъ я полагаю оставить исключительно предметомъ занятій преимущественно науки точныя (sciences exactes), которыхъ обработываніе поставлено ей въ обязанность волею Великаго ея Учредителя, а знанія филологическія и древности впослѣдствіи времени включены въ кругъ ея дѣятельности. На этомъ основаніи подъ однимъ наименованіемъ *Императорскія Соединенныя Академіи* бу-

дутъ состоять три учрежденія: *Академія Наукъ*, занимающаяся науками точными; *Академія Русской Словесности*, которую можно бы назвать и *Словено-Русскою Академіею*, сюда войдетъ также разработываніе Русской Исторіи и Древностей, и *Академія Исторіи и Филологіи*". Проектъ свой Уваровъ заключилъ такими словами: „Позволю себѣ думать, что *Императорскія Соединенныя Академіи*, какъ важнѣйшее ученое учрежденіе Царства Русскаго, не будутъ недостойны особеннаго и непосредственнаго покровительства Императорскаго Дома, въ которомъ Россія обыкла находить благотворное споспѣшествованіе всему благому и полезному. Ваше Императорское Величество нѣкогда осчастливило Абовскій Университетъ принятіемъ титла его канцлера. Александровскій Университетъ съ гордостію видитъ, что сіе званіе благоугодно было Вашему Величеству поручить Государю Наслѣднику Цесаревичу. Принятіе Его Императорскимъ Высочествомъ титла *канцлера Императорскихъ Соединенныхъ Академій* возвысило бы сіе сословіе въ глазахъ Отечества и Европы и упрочило бы его дальнѣйшее преуспѣяніе, оживляя его дѣятельность на пользу наукъ и Словесности Русской".

Проектъ этотъ Государь разсмотрѣлъ 12 іюня 1841 года въ Петергофѣ и начерталъ слѣдующую резолюцію: *Подъ общимъ названіемъ Императорской Академіи Наукъ, составить три Отдѣленія: первое — собственно Академія Наукъ* (sciences exactes); *второе — Отдѣленіе Словесное, въ коемъ заключалась бы и Россійская Академія; третье — Отдѣленіе Исторіи и Древностей, съ коимъ поставить въ сношеніе и Археографическую Коммиссію.* Должности же канцлера Государь не утвердилъ.

Къ 19 октября 1841 года дѣло о присоединеніи Россійской Академіи было уже окончено. Въ своемъ докладѣ по этому предмету Уваровъ писалъ Государю: „Соединеніе сихъ учрежденій я полагаю удобнымъ произвести посредствомъ рескрипта, потому и первое образованіе Россійской Академіи произошло также рескриптомъ Императрицы Екатерины Вто-

рой на имя княгини Дашковой". При этомъ Уваровъ представилъ Государю докладную записку о назначенiи академиковъ и адъюнктовъ по Словесному Отдѣленiю. „Мнѣ казалось", писалъ Уваровъ, — „приличнымъ включить въ число оныхъ нѣсколько духовныхъ лицъ Православнаго исповѣданiя. Оберъ-Прокуроръ Св. Сѵнода, съ которымъ я объяснялся по сему предмету, не только не находитъ къ тому никакого препятствiя, но и думаетъ, что сiе избранiе будетъ весьма прiятно духовенству".

Назначенiе академиковъ и адъюнктовъ въ Отдѣленiе Русскаго языка и Словесности Государь предоставилъ „на первый разъ" произвести самому Уварову. На семъ основанiи онъ представилъ на утвержденiе Государя слѣдующiй списокъ: А) *Въ званiя ординарныхъ академиковъ:* 1) Филаретъ, митрополитъ Московскiй и Коломенскiй, 2) Иннокентiй, епископъ Вологодскiй и Великоустюжскiй, 3) К. И. Арсеньевъ, 4) П. Г. Бутковъ, 5) А. Х. Востоковъ, 6) князь П. А. Вяземскiй, 7) И. И. Давыдовъ, 8) В. А. Жуковскiй, 9) М. Т. Каченовскiй, 10) И. А. Крыловъ, 11) А. И. Михайловскiй-Данилевскiй, 12) В. И. Панаевъ, 13) П. А. Плетневъ, 14) М. П. Погодинъ, 15) князь П. А. Ширинскiй-Шихматовъ, 16) Д. И. Языковъ. Б) *Въ званiя адъюнктовъ:* 1) Я. И. Бередниковъ, 2) М. П. Розбергъ, 3) П. М. Строевъ, 4) С. П. Шевыревъ. На этомъ докладѣ Государь, 19 октября 1841 года, въ Гатчинѣ, собственноручно начерталъ карандашемъ: *согласенъ.*

Сохранилось нѣсколько писемъ къ Уварову новыхъ академиковъ и адъюнктовъ по поводу причисленiя ихъ къ первенствующему ученому сословiю Имперiи. Изъ нихъ особенно примѣчательно письмо Филарета, митрополита Московскаго. „Высочайшее утвержденiе меня", писалъ Владыка,—„въ званiи ординарнаго академика Императорской Академiи Наукъ по отдѣленiю Русскаго языка и Словесности, объявленное мнѣ отношенiемъ вашего высокопревосходительства, не иначе могъ я принять, какъ съ ревностнымъ вѣрноподданническимъ желанiемъ слѣдовать державному мановенiю Государя, который,

среди безчисленныхъ попеченій о благѣ своего народа, благоволилъ обратить особенное вниманіе и на благоустройство въ области Русскаго языка и дать новыя поощренія къ подвигамъ на семъ поприщѣ.

Ревность возбуждается въ семъ случаѣ не только любовію къ Отечеству и Отечественному слову, но и любовію къ Вѣрѣ и Церкви. Да, я думаю, что не обмолвился, когда сказалъ: любовію къ Вѣрѣ и Церкви. Съ нѣкотораго времени въ области Русскаго слова распространяется родъ безначалія, невниманіе къ принятымъ прежде правиламъ, неуваженіе къ признаннымъ прежде образцамъ, подъ видомъ *народности*, общепонятности, направленіе не къ *народности*, чистой, благородной, правильной, но къ *простонародности* смѣшанной, низкой, безправильной. Какъ одного изъ вредныхъ послѣдствій сего направленія, если не удастся исправить онаго, надлежитъ опасаться того, что языкъ подъ перомъ писателей, а за тѣмъ и въ устахъ народа, быстро уклоняться будетъ отъ Словенскаго церковнаго нарѣчія, которое было его корнемъ, средоточіемъ и мѣриломъ чистоты и правильности; что языкъ народный совсѣмъ отсѣчется и отдѣлится отъ языка церковнаго; что прекрасный, сильный, проникнутый духомъ Христіанскаго ученія церковный богослужебный языкъ сдѣлается наконецъ вовсе непонятнымъ присутствующимъ при богослуженіи... Не имѣю нужды изъяснять вашему высокопревосходительству, сколь тяжка была бы сія утрата; и надѣюсь, изволите согласиться со мною, что не одной любви къ Отечеству и Отечественному слову, но и любви къ Вѣрѣ и Церкви предлежитъ нынѣ забота о Русскомъ языкѣ и Словесности. Если государство по справедливости заботится о томъ, чтобы языкъ государства возмогалъ надъ языками разноплеменныхъ подданныхъ, менѣе ли заслуживаетъ заботы то, чтобы языкъ Церкви не сдѣлался наконецъ языкомъ чужестраннымъ, чрезъ своенравное ни мало ненужное отъ него удаленіе языка народнаго?

Къ сожалѣнію, ревности моей по Русскомъ Словѣ и не

соотвѣтствуютъ мои силы, и не благопріятствуютъ болѣе необходимыя должностныя занятія: и я нахожусь въ необходимости предварительно призывать снисхожденіе, если окажусь не столь дѣятельнымъ въ новомъ званіи, какъ бы желалъ".

По свидѣтельству А. Н. Муравьева, митрополитъ Филаретъ „зорко слѣдилъ за литературною дѣятельностью, отмѣчая ее клеймомъ оригинальныхъ своихъ сужденій". Такъ, когда въ пользу разорившагося Петербургскаго книгопродавца Смирдина предпринято было изданіе подъ заглавіемъ *Сто Русскихъ Литераторовъ*, и А. Н. Муравьевъ вздумалъ помѣстить въ немъ свое Описаніе Московскаго Архангельскаго Собора, то митрополитъ Филаретъ писалъ ему: „Приходитъ на мысль забота, въ какое сосѣдство поставится ваше Описаніе Архангельскаго Собора въ книгѣ, назначенной для искупленія Смирдина. Легко случиться можетъ, что поставятъ Архангельскій Соборъ подлѣ срамной корчемницы, или безстыднаго позорища или вертепа разбойниковъ, и подобныхъ украшеній романическаго міра. За услуги Смирдина словесности, не лучше ли ранѣе поблагодарила его словесность добрымъ совѣтомъ менѣе подкупать словесность? Тогда вѣроятно и писатели въ своихъ книгахъ, да и г. Смирдинъ въ своихъ счетныхъ книгахъ, меньше листовъ исписалъ бы мечтами. Но да простятъ меня книги. Желаю имъ истины, правды и пользы" [190]).

За честь избранія въ академики Погодинъ поручилъ благодарить Уварова И. И. Давыдову, который писалъ министру: „Товарищъ мой М. П. Погодинъ, по причинѣ болѣзни, не можетъ писать къ вамъ; а потому просилъ меня принести вашему высокопревосходительству и его признательность".

Такимъ образомъ въ концѣ 1841 года образовалось при Академіи Наукъ Второе Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности. „Не знаю", писалъ Погодину Квитко,—„я провинціалъ, *хуторянинъ*, не знаю, что и за двѣ версты отъ меня дѣлается, и потому мнѣ простительно мыслить, что благодѣтельное Правительство, видя, что проказа можетъ усилиться, приступило къ

дѣйствію, возстановило опеку надъ угнетеннымъ Русскимъ словомъ и предоставило ей волю дѣйствовать для спасенія гонимаго сироты; для чего и избраны въ опекуны мужи знающіе дѣло, ревности исполненные, съ твердою волею, съ силою, могущею поднять и поддержать упавшаго почти, отогнать далеко крамольниковъ и поставить его на незыблемомъ основаніи. Дѣйствуйте же, гг. опекуны, не одними разсужденіями, академическими рѣчами, доказательствами; мы ихъ прочтемъ, скажемъ: „хорошо, правильно", а шмели или хотя и пчелы, даже сѣверныя, будутъ жужжать свое, а мы останемся на распутіи, съ растопыренными руками, разинутымъ ртомъ, спрашивая самихъ себя: куда же идти? Нѣтъ, испросите власть и силу преслѣдовать сапожника, чтобы не шилъ кафтановъ; онъ и выкройки не знаетъ, и нарядитъ *всѣхъ* шутами. Иначе не спасете вы *нашего слова* и вотще всѣ ваши труды и заботы, etc. etc. Много можно бы еще сказать, но вы все знаете" [191]).

Но далеко не всѣ рукоплескали уничтоженію Россійской Академіи, и многіе въ этомъ дѣлѣ увидѣли посягновеніе Уварова на добрыя литературныя преданія. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго: „Крыловъ, какъ членъ старой Россійской Академіи, былъ недоволенъ хозяйственными и экономическими распоряженіями ея. Капиталъ, которымъ она владѣла, не употребляла она на пользу Русской Словесности, не печатала полезныхъ и дешевыхъ книгъ, не изготовляла новыхъ, улучшенныхъ изданій нашихъ классическихъ писателей, не помогала молодымъ талантамъ. *Куда копите вы деньги свои?* спрашивалъ онъ академическое правленіе. *Развѣ на приданое Академіи, чтобы выдать ее замужъ за Московскій Университетъ?* Свадьба не состоялась; но послѣ смерти Шишкова значительный академическій капиталъ былъ отобранъ. Богатая невѣста замужъ не вышла и, какъ сиротка, пристроена была къ другому мѣсту и подъ другимъ именемъ. Для старыхъ академиковъ это былъ жестокій ударъ. Министра Уварова осуждали за эту реформу. Въ лирическомъ негодо-

ваніи своемъ иные даже утверждали, что онъ этимъ преобразованіемъ оскорбляетъ память Екатерины Великой; она была основательницей Академіи, въ лицѣ княгини Дашковой была сама почти членомъ Академіи. Довольно долго раздавались жалобы, сѣтованія и упреки. Конечно, кажется, лучше было бы не трогать Академіи, не нарушать личныхъ преимуществъ ея. Она уже пользовалась правомъ гражданства въ составѣ государства; принесла не столько пользы, сколько могла принести, но все же не совсѣмъ праздно просуществовала. Нѣкоторыми нововведеніями и улучшеніями можно было еще возвысить вліяніе ея на любознательную и просвѣщенную публику. Въ Парижѣ избраніе новаго академика, пріемное засѣданіе ему, рѣчи при этомъ читанныя, составляютъ еще и нынѣ событіе для города, который въ событіяхъ не нуждается, а скорѣе подавленъ разнородными событіями. У насъ далеко не то, особенно въ явленіяхъ умственной и литературной дѣятельности. Впрочемъ, наша Академія тоже записала событія въ лѣтописяхъ своихъ: когда Карамзинъ читалъ въ ней рѣчь и отрывки изъ *Исторіи Государства Россійскаго* и получилъ золотую медаль изъ рукъ незлопамятнаго Шишкова. Въ лицѣ его *старый слогъ* не только примирился съ *новымъ*, но воздалъ ему подобающую честь. Это академическое торжество было и общественнымъ, и городскимъ событіемъ. Никогда академическая зала не видала въ стѣнахъ своихъ такого многолюднаго и блестящаго собранія лицъ обоего пола. Чтеніе академика Пушкина могло бы также быть академическимъ праздникомъ. Подобные праздники полезны и нужны для разнообразія и пробужденія посреди обихода будничныхъ, голословныхъ дней. Можно еще замѣтить, что не каждый членъ чисто-литературной Академіи можетъ быть и членомъ Академіи Наукъ. Фонъ-Визинъ, Княжнинъ, Дмитріевъ и другіе имъ подобные были совершенно на мѣстѣ своемъ въ Россійской Академіи; въ Академіи Наукъ были бы они не жильцы, а развѣ гости“ [192]).

XXXIX.

Въ послѣдній день 1841 года именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Сvноду, епископъ Вологодскій Иннокентій былъ переведенъ на каѳедру Харьковской епархіи съ оставленіемъ при той степени въ іерархіи, какой онъ пользовался въ Вологдѣ [193]). Это событіе огорчило Вологжанъ и обрадовало Харьковцевъ. П. И. Савваитовъ со скорбію описалъ Погодину послѣдніе дни пребыванія преосвященнаго Иннокентія въ Вологдѣ. „Мы", пишетъ онъ,—„не услышимъ болѣе нашего Златоуста! Преосвященный Иннокентій оставляетъ насъ! Вотъ первыя слова о перемѣщеніи его въ Харьковъ. Слухъ объ этомъ перемѣщеніи разнесся въ Вологдѣ около половины января; а 25 числа во всѣхъ церквахъ уже поминаемо было имя преосвященнаго Иринарха, епископа Вологодскаго и Устюжскаго. Преосвященный Иннокентій, въ короткое управленіе Вологодскою паствою, успѣлъ привлечь къ себѣ любовь, уваженіе и признательность Вологжанъ. Во всѣ послѣдніе дни пребыванія его въ Вологдѣ съ утра до вечера посѣтители не оставляли келій архіерейскаго дома"... На канунѣ Срѣтенія Господня преосвященный Иннокентій въ послѣдній разъ совершалъ литургію у св. Софіи Вологодской... Трогательно было прощальное слово. „Се день предпразднества Срѣтенія Господня", говорилъ онъ,—„а для меня день разлуки съ вами... О, еслибы и я, вмѣстѣ съ Богопріимцемъ, могъ сказать: се, „нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ: яко видѣста очи мое спасеніе твое", да, спасеніе твое, которое я проповѣдывалъ тебѣ, паства Вологодская... Когда будете посѣщать храмъ сей, вспомните, братія, что здѣсь, на этомъ мѣстѣ и я недостойный, по мѣрѣ силъ моихъ, проповѣдывалъ вамъ путь спасенія"... Народъ плакалъ... Поздно вечеромъ Преосвященный ходилъ приложиться къ святыни Софійскаго храма. Въ ночь на 2 число у церкви Всемилостиваго Спаса Обыденнаго остановился путешественникъ помолиться чудотворному образу... [194]).

Какъ только въ Харьковѣ узнали о перемѣщеніи преосвященнаго Иннокентія, то члены Харьковской Консисторіи отправили къ Иннокентію въ Вологду отъ себя поздравленіе съ назначеніемъ его на Харьковскую паству. Въ отвѣтъ на это поздравленіе Иннокентій писалъ въ Консисторію: „Съ любовью пріемлю сей знакъ усердія ко мнѣ почтенныхъ членовъ Харьковской Консисторіи и прошу ихъ вмѣстѣ со мною вознести къ Господу усердное моленіе, да подастъ мнѣ силы достойно предстоять церкви Харьковской и право править слово истины“ [195]).

Въ то же время Квитко писалъ Погодину изъ Харькова: „Обрадованъ извѣстіемъ, что вожделѣнный нашъ пастырь Иннокентій, которымъ наградили нашъ Харьковъ, будетъ квартировать у васъ, то вы Москвичи глядите: не долго продерживайте его у себя; не лишайте насъ утѣшенія видѣть его среди насъ и наслаждаться его бесѣдою и поученіями. Всѣ истинные сыны Церкви и любящіе край свой въ восторгѣ отъ этого драгоцѣннаго подарка“ [196]).

Но какъ взглянулъ на это назначеніе самъ Иннокентій? Въ одномъ изъ писемъ къ своему Петербургскому другу онъ писалъ: „Трудно таскаться изъ края въ край Россіи, не физически—вездѣ можно найти нужное,—а нравственно: ибо скоро ли узнаешь людей на новомъ мѣстѣ и оснуешь съ ними надлежащую связь“. Кромѣ того, по свидѣтельству отца протоіерея Тимоѳея Буткевича, „частые переходы для Иннокентія могли быть неудобны и въ матеріальномъ отношеніи. Очевидцы разсказываютъ, что одну библіотеку Иннокентія изъ Вологды въ Харьковъ везли на двѣнадцати подводахъ. Наконецъ въ іерархическомъ отношеніи Харьковъ въ то время стоялъ ниже Вологды“ [197]). Какъ бы то ни было, въ началѣ февраля 1842 года преосвященный Иннокентій проѣхалъ черезъ Москву изъ Вологды въ Харьковъ къ новому мѣсту своего служенія. „Почетные Московскіе граждаве“, свидѣтельствуетъ современникъ,—„ученые и неученые, услышавъ о его проѣздѣ, устремились принять его благословеніе и насладиться

его краснорѣчивою бесѣдою". Въ Москвѣ онъ пробылъ не болѣе двухъ-трехъ дней [198]).

Въ это кратковременное свое пребываніе въ Москвѣ Иннокентій чрезъ Погодина познакомился съ Гоголемъ и благословилъ его образомъ Спасителя. Вотъ что повѣствуетъ объ этомъ С. Т. Аксаковъ: „Уѣзжалъ я въ клубъ, и всѣ меня провожали до передней. Вдругъ входитъ Гоголь съ образомъ Спасителя въ рукахъ и сіяющимъ, просвѣтленнымъ лицемъ. Такого выраженія въ глазахъ у него я никогда ни видывалъ. Гоголь сказалъ: *Я все ждалъ, что кто-нибудь благословитъ меня образомъ, и никто не сдѣлалъ этого; наконецъ, Иннокентій благословилъ меня. Теперь я могу объявить, куда я ѣду: ко Гробу Господню...* Признаюсь", продолжаетъ С. Т. Аксаковъ,—„я не былъ доволенъ ни просвѣтленнымъ лицемъ Гоголя, ни намѣреніемъ его ѣхать къ Святымъ Мѣстамъ. Все это казалось мнѣ напряженнымъ, нервнымъ состояніемъ и особенно страшнымъ въ Гоголѣ, какъ въ художникѣ, и я уѣхалъ въ клубъ" [199]).

24 февраля 1842 года преосвященный Иннокентій прибылъ въ Харьковъ и обратился къ Харьковцамъ словами святого апостола Павла:

„И азъ пришѐдъ къ ва́мъ, бра̀тіе, пріидо́хъ не по превосхо́дному словеси̂ или̂ прему́дрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе.

Не суди́хъ бо вѣдѣти что̀ въ ва́съ, то́чію Іисуса Христа̀, и сего̀ ра́спята.

И сло́во моѐ и про́повѣдь моя̀ не въ препрѣтелныхъ человѣческія прему́дрости словесѣхъ, но въ явле́ніи ду̀ха и си́лы.

Да вѣра ва́ша не въ мудрости человѣчестѣй, но въ си́лѣ Божіей бу́детъ" [200]).

Любопытно свидѣтельство Бецкаго о томъ впечатлѣніи, которое производилъ Иннокентій. „Слышалъ два раза Иннокентія", писалъ онъ Погодину изъ Харькова,—„онъ говоритъ аккуратно три раза въ недѣлю проповѣди и негдѣ упасть яблоку. Физіономія его напомнила мнѣ Строганова, — только

умнѣе.—Мнѣ вотъ что показалось: логика необыкновенная, ясный, свѣтлый выводъ,—но чувства мало. Нѣтъ той *поэзіи* религіи, того сердечнаго одушевленія, которое одно можетъ увлечь толпу. Умствованіе хорошо для верхняго слоя; а сердце у всякаго есть. Слезы найдутся и у сапожниковъ. Можетъ, впрочемъ, самая сущность предмета была причиною сухости его проповѣди. Жаль, что органъ не хорошъ. Нѣтъ гибкости, мягкости, сердечности въ голосѣ. А уменъ, необыкновенно уменъ. Внушаетъ благоговѣніе. Я еще у него не былъ, не говоривъ отъ роду съ такими лицами. Думалъ о разъединенности духовенства отъ прочихъ классовъ. Едвали это не составляетъ преграду къ распространенію религіозныхъ идей. Хорошо было въ Египтѣ".

Въ числѣ поклонниковъ Иннокентія былъ бывшій оберъ-прокуроръ св. Сѵнода С. Д. Нечаевъ. „Если вы", писалъ онъ Погодину,—„еще что̀ издали изъ сочиненій Иннокентія, и на то объявляю право старинной моей пріязни съ Харьковскимъ архипастыремъ".

Въ то время, когда Иннокентій водворился въ Харьковѣ, Погодинъ получаетъ отъ почитателя Преосвященнаго, Кіевскаго мыслителя Гриневича слѣдующее любопытное письмо: „Вы желаете знать, какія причины заставили меня оставить Кіевъ? Неблагорасположеніе г. ректора Неволина, которое я имѣлъ несчастіе навлечь на себя неоказаніемъ слѣпого увлеченія къ системѣ Гегелевой, плѣнившей *до нельзя* г. ректора. Г. Неволинъ, имѣя честолюбіе болѣе, нежели *папское*, не устыдился предпочесть мнѣ двадцати-трехъ-лѣтняго нѣмчика, не профессора, но учителя гимназіи... Я доселѣ остаюсь безъ мѣста, безъ всякаго жалованья, обремененный, по милости Божіей, многочисленнымъ семействомъ, въ свирѣпомъ угнетеніи отъ фанатиковъ, подобныхъ Неволину. На дняхъ приступаю къ печатанію *Римскихъ Древностей,* составленныхъ мною въ Кіевѣ".

Черезъ три мѣсяца послѣ преосвященнаго Иннокентія, Москву посѣтилъ другой знаменитый святитель, архіепископъ Литовскій и Виленскій Іосифъ Сѣмашко. Предъ прибытіемъ

его въ Москву Вигель писалъ Погодину: „Архіепископъ Литовскій Іосифъ, прежде бывшій унитской каноникъ, потомъ епископъ Сѣмашко, который не болѣе двухъ недѣль пробудетъ въ Москвѣ, которую первый разъ въ жизни увидитъ. Знаете ли, что это за человѣкъ? Онъ усиліями своими два милліона Словенъ отхватилъ отъ Запада и Католицизма и приставилъ къ Россіи и Православію: какія бы ни были побужденія его, это знаменитое, примѣчательное лицо. Прибавлю и любопытное; Талейранъ, Сперанскій и Филаретъ съ нѣкоторыми оттѣнками въ немъ вмѣщаются. Если вы поспѣсивитесь или полѣнитесь отыскать его, пригласить на чаекъ и познакомить съ немногими нашими, то вы не словенофилъ, вы не истый русскій. Его бы надобно поподчивать Древностями, дать взглянуть на примѣчательнѣйшее въ Москвѣ. Хомякова, увы, теперь въ ней нѣтъ. Кабы познакомить его съ почтеннымъ Шевыревымъ, которому прошу сказать не только усердное, но и нѣжное мое почтеніе. Поручаю себя вашей памяти и Архипастыря своего вашей благосклонности“. Къ удовольствію Вигеля и архіепископа Іосифа, Хомяковъ въ то время еще не уѣхалъ въ деревню, и Д. А. Валуевъ писалъ Погодину: Хомяковъ васъ благодаритъ очень за Сѣмашко“ [201]).

Путешествіе высокопреосвященнаго Іосифа въ Лавру преподобнаго Сергія Священно-Архимандритъ Лавры напутствовалъ слѣдующимъ письмомъ къ своему Намѣстнику: „Къ вамъ шествуетъ преосвященный Іосифъ, архіепископъ Литовскій. Дайте ему мѣстомъ отдохновенія мои кельи, и вообще примите его, какъ въ прошедшемъ году преосвященнаго Василія. Онъ желаетъ и литургію совершить: устройте ему сіе. Пожелалъ онъ, чтобы его сопровождалъ кто-нибудь изъ Москвы, я назначилъ архимандрита Знаменскаго Митрофана, чтобы исполнить его желаніе, хотя нужды въ семъ не было бы. Не забудьте благословить Преосвященнаго иконою отъ Обители и отъ настоятеля“. [202]).

Съ своей стороны и Погодинъ заявилъ въ своемъ *Москвитянинѣ*: „Двѣ недѣли пробылъ въ Москвѣ знаменитый Іосифъ

Сѣмашко, архіепископъ Литовскій и Виленскій, именемъ котораго оканчивается Унія въ Россіи, какъ именемъ Михаила Рагозы она началась. Его Высокопреосвященство осматривалъ наши древніе монастыри, съ ихъ уставами, ознакомился съ духовною жизнію въ Москвѣ и ѣздилъ на поклоненіе святыни Русской".

XL.

Первый нумеръ *Москвитянина*, 1842 года, открывался *Взглядомъ* Шевырева *на современное направленіе Русской Литературы. Сторона Черная.* Этотъ *Взглядъ* долженствовалъ служить „вмѣсто предисловія" ко второму году *Москвитянина.* Шевыревъ, изображая *черную сторону* литературы, старался самыми темными красками нарисовать портреты тогдашнихъ Петербургскихъ журналистовъ и въ одномъ изъ нихъ— „рыцарѣ безъ имени", одѣтомъ въ „броню наглости", „литературномъ бобылѣ" и проч.—явно желалъ изобразить Бѣлинскаго. „На мѣсто прежнихъ славныхъ лицъ", писалъ Шевыревъ,—„на мѣсто литераторовъ, именами своими украшавшихъ славу своего Отечества, наступили компаніи журнальныя, образуемыя наборомъ перьевъ безъимянныхъ!.." Высказавъ это, Шевыревъ задаетъ себѣ вопросъ: „Какъ же могла произойти такая перемѣна?" Отвѣчаетъ: „Уже давно всѣмъ извѣстно, что литература всякой націи бываетъ словеснымъ выраженіемъ идей ея жизни... Древняя Русь въ жизни своей раскрыла три элемента главныхъ: первый, важнѣйшій, былъ элементъ Церкви, частный и духовный; второй государственный; третій народный... Для полнаго развитія Литературы нашей не доставало еще двухъ элементовъ—ученаго и общественнаго. Эти новыя условія внесены были преобразованіемъ Петра Великаго... Русская Словесность въ лицѣ Ломоносова вышла изъ Двора и Академіи такъ, какъ и Европейское образованіе наше... Зерно Европейско-Русской Литературы, посаженное Ломоносовымъ,

принесло во времена Екатерины всѣ плоды свои... Все, что замѣчательнаго содержали въ себѣ современныя иностранныя литературы, все, что входило такъ сказать въ классическій канонъ словесности Европейской XVIII столѣтія изъ Древности Греческой и Римской, изъ литературы новыхъ народовъ, все это было переведено по-Русски во времена Екатерины, въ формахъ Русской рѣчи, завѣщанной Литературѣ нашей Ломоносовымъ... Кругъ читателей при Екатеринѣ распространился уже на вершины большаго свѣта, на обѣ столицы и на все избранное во внутренности государства... Карамзинъ обратилъ насъ къ формамъ общественнаго разговорнаго языка". При этомъ Шевыревъ замѣчаетъ, что всѣ литераторы, „славно дѣйствовавшіе у насъ на языкъ и народъ, выходили по большей части изъ того благороднаго круга, въ которомъ совершалось примиреніе преобразованія Европейскаго съ духомъ и потребностями Русской жизни, гдѣ не исключались языки иностранные, какъ орудія, необходимыя къ образованію, но гдѣ въ то же время и Русскій языкъ не уступалъ имъ своего законнаго первенства. Изъ такого-то круга вышелъ и Карамзинъ. Сначала Карамзинъ", продолжаетъ Шевыревъ,— „какъ будто отвергнулъ ту связь по языку съ древнею Русью, на которую указалъ намъ Ломоносовъ. Но за то послѣ онъ сошелся въ мысли съ Ломоносовымъ и въ изящную оправу своей новой рѣчи вставлялъ чудные перлы и алмазы древне-Русскаго языка, открытые имъ въ хранилищѣ завѣтной старины его. Карамзину принадлежитъ подвигъ окончательнаго созданія нашей общественной литературы. Карамзинъ очинилъ для всѣхъ перо современной Русской прозы... Жуковскій и Батюшковъ извлекли новый Русскій стихъ изъ живого языка общественнаго... Вся эта школа вѣнчалась самою свѣтлою звѣздою поэтическаго генія Пушкина... Отъ Пушкина ведетъ свое начало у насъ многочисленное племя безъимянныхъ или безличныхъ стихотворцевъ, равно какъ отъ Карамзина племя такихъ же прозаиковъ. При Ломоносовѣ чтеніе было напряженнымъ занятіемъ; при Екатеринѣ стало роскошью образо-

ванности; при Карамзинѣ необходимымъ признакомъ просвѣщенія; при Жуковскомъ и Пушкинѣ потребностью общества". Воздавъ хвалу и провозгласивъ вѣчную память отшедшимъ и многая лѣта живущимъ „сильнымъ двигателямъ Русской мысли и слова отъ лица науки, отъ лица преданія, отъ лица всѣхъ ихъ достойныхъ питомцевъ, всѣхъ мыслящихъ поколѣній и настоящей и будущей Россіи", Шевыревъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ: „За всякимъ добромъ, отъ человѣка растущимъ, слѣдуетъ зло неизбѣжное... такъ, весело стоитъ въ полѣ и тяжелымъ колосомъ гнется къ низу поспѣлая нива: честные земледѣльцы положили въ нее трудъ свой; благосклонное небо ее поливало и грѣло... Но вотъ — смотрите... саранча... бросается на ниву и — ѣстъ ее. Такъ", продолжаетъ Шевыревъ, — „за періодомъ созданія литературы общественной слѣдуетъ въ добавокъ переходное время литературы торговой... Намъ суждено жить во время этого перехода и испытывать всѣ его непріятности..." Приступая къ изображенію того промышленнаго духа, всѣхъ явленій того торговаго міра, среди котораго большею частію обращается современная дѣятельность нашей литературы, Шевыревъ счелъ нужнымъ оговориться, что „литераторъ по мѣрѣ таланта своего и заслугъ имѣетъ полное право на достойную вещественную награду за труды свои, которая однако не главная цѣль его, а только необходимое справедливое слѣдствіе его трудолюбія, и никто конечно у него этой награды не отниметъ. Но отличите же этого добросовѣстнаго труженика отъ литературнаго промышленника..." Сдѣлавъ эту оговорку, Шевыревъ рисуетъ портреты тогдашнихъ Петербургскихъ журналистовъ-промышленниковъ, которые, по его словамъ, могли родиться у насъ только въ такое время, „когда литература сдѣлалась потребностью общественной жизни и благородная жажда къ чтенію пробудилась почти во всѣхъ концахъ Россіи". За тѣмъ Шевыревъ приступаетъ къ разсмотрѣнію журналовъ, издаваемыхъ *литераторами-промышленниками*. „Въ каждый изъ этихъ журналовъ", пишетъ онъ, — „входитъ множество лицъ, составляю-

щихъ какое-то одно накопленное цѣлое или правильнѣе журнальную компанію. Немногія извѣстныя имена являются въ этихъ сборникахъ... прочее же все сливается въ однообразную массу. Всѣ эти журнальныя компаніи имѣютъ своихъ предводителей: сихъ послѣднихъ можно бы сравнить съ воинственными кондотіерами Среднихъ временъ Италіи, за исключеніемъ храбрости и великодушія, какими тѣ отличались... Ихъ журналы похожи на феодальные замки Итальянскихъ кондотіери: въ нихъ хотятъ они заключить всю силу современной литературы и господствовать единодержавно. Для довершенія сходства, наши кондотіеры также враждуютъ между собою, также имѣютъ по городамъ своихъ вербующихъ агентовъ, также переманиваютъ къ себѣ лихихъ воиновъ, отъ чего и бываетъ въ лагеряхъ Русской Словесности великое множество перебѣжчиковъ, точно такъ, какъ въ Средніе времена въ Италіи". Отъ внѣшней дѣятельности этихъ журнальныхъ компаній Шевыревъ переходитъ къ внутренней. „Наперерывъ", пишетъ онъ,— „соревнуя другъ передъ другомъ, стараются они передать читателямъ всякую Европейскую новость..." Новости эти „сообщаются на-скоро и всегда безъ отношенія къ своему Отечеству... При всей суетѣ и тревогѣ, при всей торопливости, съ какою они передаютъ всякой иностранной гостинецъ, вы все-таки по нашимъ журналамъ не можете слѣдить духа и движенія науки и словесности въ Европѣ. Словомъ, въ своихъ донесеніяхъ о Европѣ они удовлетворятъ вашему любопытству, но не вашей любознательности. Къ началу года берегутся обыкновенно повѣсти съ извѣстными именами; на прочее время довольствуются они или переводами, или повѣстями мастерства цеховаго, доставляемыми на подрядъ отъ бездарныхъ фабрикантовъ... У извѣстныхъ журналовъ есть свои абонированные домашніе стиходѣи, которыхъ всегда найдете вы на одномъ и томъ же мѣстѣ. Ихъ можно бы сравнить съ тѣми лицами, которыхъ случается вамъ встрѣчать постоянно въ театрѣ, на извѣстномъ нумерѣ креселъ, даже говорить съ ними, не зная кто они, и всегда объ одномъ и томъ же". Далѣе Шевыревъ

замѣчаетъ, „что духъ, господствующій въ журнальныхъ компаніяхъ, чрезвычайно вредитъ развитію молодыхъ писателей. Бѣда талантливому юношѣ, если онъ ввѣритъ свою личность хитрому журнальному кондотіеру и сольетъ себя съ какою-нибудь журнальною компаніей. На него они смотрятъ только какъ на средство умножить число пишущихъ перьевъ въ своей журнальной машинѣ. Такимъ образомъ молодой человѣкъ часто отъ дѣльныхъ занятій наукою, отъ чистыхъ уединенныхъ приношеній искусству отвлекается другими видами, отдаетъ себя произволу журнальнаго кондотіери, и вотъ его перо вставлено уже въ писальную машину... Оно пишетъ какъ всѣ... пишетъ заурядъ обо всемъ и Богъ знаетъ что... И эта личность стирается и исчезаетъ въ одной общей массѣ фабрично-литературнаго производства. Да, ничто такъ не вредно развитію частныхъ, одинокихъ талантовъ, какъ этотъ духъ журнальныхъ компаній, привлекающій ихъ къ себѣ, въ свою душную атмосферу. Счастливы тѣ“, восклицаетъ Шевыревъ,— „которые могли отъ нихъ освободиться и сохранили свободу уединеннаго труда и чувство благороднаго призванія“.

Говоря о важности для журнальныхъ сборниковъ нашихъ такъ называемой Критики и Библіографіи, посредствомъ которой журнальныя компаніи утверждаютъ силу и власть свою надъ современною Русскою Литературою, Шевыревъ рисуетъ намъ портретъ Бѣлинскаго. Называя его „рыцаремъ безъ имени, вотъ“, пишетъ онъ, — „его внѣшніе признаки: цѣльная, изъ одного куска литая броня наглости прикрываетъ въ немъ самое невинное невѣжество. Размашистымъ мечемъ онъ рубитъ направо и налѣво, и нѣтъ такого имени, которое бы остановило его махъ немилосердый. Дантъ, Мильтонъ, Тассъ, Манзони, Ломоносовъ, Богдановичъ, Державинъ, Карамзинъ—ему ни почемъ. Ничто такъ не дѣйствуетъ на массу читателей невѣждъ, какъ неуваженіе и дерзость передъ всякимъ признаннымъ прежде величіемъ. Самъ, бобыль литературный, онъ не хочетъ уважать никакихъ преданій, не признаетъ никакого авторитета, кромѣ того, который онъ самъ

возведетъ въ это званіе. Если случится ему признать кого-нибудь за талантъ, онъ подноситъ ему тотчасъ эпитетъ *громаднаго*. Но рыцарь сегодня скажетъ одно, а завтра другое“ [203]).

Высказывая это, Шевыревъ очень хорошо сознавалъ, что онъ вооружитъ противъ себя „весь самый дѣятельный пишущій міръ“, а потому воздадимъ хвалу его мужеству.

XLI.

Въ это время Бѣлинскій предпринялъ поѣздку въ Москву. По пути онъ заѣхалъ въ Новгородъ для свиданія съ Герценомъ, и тамъ ему пришлось быть свидѣтелемъ похоронъ ребенка, а въ Москвѣ похоронъ Щепкиной. „Боже мой!“ писалъ онъ,— „неужели мнѣ суждена роль какого-то могильщика! Я окруженъ гробами.—Запахъ тлѣнія и ладона преслѣдуетъ меня день и ночь! Я понимаю теперь и Египетское обожествленіе идеи смерти, и стоицизмъ древнихъ, и аскетизмъ первыхъ вѣковъ Христіанства. Жизнь не стоитъ труда жить... Великъ Брама... онъ порождаетъ, онъ и пожираетъ... Леденѣетъ отъ ужаса бѣдный человѣкъ при видѣ его! Лучшее, что есть въ жизни— это *пиръ во время чумы и терроръ*“. Въ Москвѣ Бѣлинскаго ожидалъ первый нумеръ *Москвитянина* со *Взглядомъ* Шевырева. Въ домѣ М. С. Щепкина, въ присутствіи Бѣлинскаго, Кетчеръ прочелъ эту статью вслухъ.

При слушаніи Бѣлинскому пришла идея въ отвѣтъ этой статьи, или, по его выраженію, „доноса Шевырева“ написать литературный типъ *Педанта*. Возвратившись въ Петербургъ, онъ, скрывшись подъ псевдонимомъ *Петра Бульдогова*, напечаталъ эту свою статью въ мартовской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*. Друзья Бѣлинскаго, то-есть, Западники думали, что эта статья была написана Клюшниковымъ. Но Бѣлинскій въ письмѣ своемъ къ В. П. Боткину писалъ: „Съ чего ты взялъ смѣшивать мизерную особу И. П. Клюшникова съ благо-

родною особою Петра Бульдогова? И какъ ты въ величавомъ образѣ сего Петра Бульдогова могъ не узнать друга твоего— Виссаріона Бѣлинскаго, вѣчно неистоваго, всегда съ пѣною у рта и поднятымъ вверхъ кулакомъ, для выраженія сильныхъ ощущеній, волнующихъ сего достойнаго человѣка? О Боткинъ! Боткинъ! Ты обидѣлъ меня. Типъ сей первый и робкій опытъ юнаго таланта на совершенно новомъ для него поприщѣ. Опытъ, столь удачный, столь блестящій. О Боткинъ! Боткинъ! Гдѣ же дружба, гдѣ любовь? Мрачное мщеніе, выходи изъ утробы моей, выставляй змѣиныя жала свои. Нѣтъ, Боткинъ, не шутя, я способенъ ко многимъ родамъ сочиненій, когда вдохновляетъ меня злоба" [204]).

Въ *Педантѣ* почтенный Шевыревъ, подъ именемъ Леодора Ипполитовича Картофелина, представленъ въ самомъ оскорбительномъ и смѣшномъ видѣ. Тутъ не забыты и знаменитыя *желтыя перчатки*. „Воротившись изъ за-границы", пишетъ Бульдоговъ,—„мой *Педантъ* сдѣлался ужаснымъ витяземъ *желтыхъ перчатокъ* и прекраснаго пола: въ каждой статьѣ своей онъ твердилъ по сту разъ, что онъ даже дома ходитъ въ *желтыхъ перчаткахъ*. Съ особенною ревностію писалъ онъ статьи о балахъ и маскарадахъ; въ этихъ статьяхъ видно было утомленіе отъ танцевъ, ибо за каждою фразою слѣдовало, по крайней мѣрѣ, три точки..." Бѣлинскій даже не пощадилъ и самой наружности Шевырева и представилъ его портретъ въ такихъ чертахъ: „Росту онъ весьма небольшаго; въ молодости былъ сухощавъ и тщедушенъ, а теперь довольно осанистъ и имѣетъ брюшко, нѣсколько четвероугольное и похожее на фоліантъ. Еслибъ не досада на успѣхи другихъ и на свои собственныя неудачи увѣрить свѣтъ въ своей геніальности, мой педантъ былъ бы такъ толстъ, что, при малости роста, походилъ бы на огромное in quarto. Глаза у него сѣрые, волосы средніе между русыми и рыжеватыми; на правой щекѣ бородавка..." Таковъ Шевыревъ былъ до поѣздки въ Италію, но по возвращеніи оттуда онъ, по словамъ Бѣлинскаго, представлялся такимъ образомъ: „Натянутая

важность лица, при смѣшной фигурѣ и кругломъ брюшкѣ, сдѣлала его похожимъ на лягушку, которая въ баснѣ Езопа хочетъ раздуться въ вола. Самолюбіе его дѣйствительно раздулось, какъ прыщъ: страшно и гадко прикоснуться къ нему. Говоритъ все свысока, словно лекціи читаетъ, и если кто не слушаетъ его съ благоговѣніемъ, на тѣхъ смотритъ онъ презрительно. Въ Германіи Педантъ былъ проѣздомъ; она ему не понравилась. Нѣмцы, говорилъ онъ, раздружились, въ своей отвлеченности, съ жизнію; они презираютъ величайшую изъ наукъ—филологію; они предпочитаютъ ей философію, это буйное обожествленіе разума. Педантъ мой говоритъ голосомъ важнымъ, протяжнымъ и тихимъ, нѣсколько переходящимъ въ фистулу. Въ школу онъ приноситъ съ собою графинъ сахарной воды, которою запиваетъ почти каждую свою фразу. Мнѣ кажется, что я вижу его на учительскомъ стулѣ, возсѣдающаго съ приличною важностью, слышу его голосъ, безпрестанно прерывающійся отъ полноты педантическаго самодовольствія и хлебковъ сахарной воды. „Милостивые государи! Я былъ тамъ и тамъ, а вы не были. Нѣмцы вздумали мирить философію съ жизнію—они воображаютъ, что можно эту цвѣтущую жизнь сдѣлать содержаніемъ бездушныхъ логическихъ формулъ. Вотъ я было вздумалъ прочесть Эстетику Гегеля, но принужденъ былъ бросить ее подъ столъ: помилуйте, господа, вѣдь книги пишутся для удовольствія, а не для ломанія головы". Бѣлинскій, стараясь быть справедливымъ, пишетъ: „Мой Педантъ дѣйствительно не безъ ума и не безъ способностей; онъ только ограниченъ, но не глупъ, только мелочно самолюбивъ, но не бездаренъ..." Въ своемъ *Педантѣ* Бѣлинскій оскорбительно задѣлъ и Погодина. Обѣщаясь въ pendant литературнаго типа Педанта изобразить типъ *Литературнаго Циника*, онъ говоритъ: „Это человѣкъ, который, вѣкъ свой живя въ бочкѣ, нажилъ себѣ домы и деревни, человѣкъ, который, вѣкъ свой занимаясь исключительно перекупкою и перепродажею мусора, битой посуды, стараго желѣза и кирпича, успѣлъ увѣрить всѣхъ, что онъ и ученый, и литераторъ;

человѣкъ, который, вѣкъ свой будучи спекулянтомъ, увѣрилъ всѣхъ, что онъ идеалъ честности, безкорыстія; человѣкъ, который самъ ничего не сдѣлалъ, кромѣ неопрятныхъ изданій, дурныхъ переводовъ, а всѣмъ твердитъ съ циническою коротностію: „надо дѣлать, надо удовлетворять текущей потребности"; человѣкъ, который, если и издалъ нѣсколько плохихъ книгъ, то чужими руками состряпанныхъ, а прославился дѣятельнымъ; человѣкъ, который одолжитъ васъ при нуждѣ безделкою, да заставитъ васъ перевести книгу, выгоду отъ которой честно раздѣлитъ съ вами такъ: вамъ словесную благодарность, а себѣ деньги" [205]).

Въ Петербургѣ, по свидѣтельству Бѣлинскаго, „эта штука прошла незамѣченной, *Москвитянина* у насъ никто не читаетъ, Шевыревъ извѣстенъ какъ миѳъ. А статейка", сознается авторъ,—„была не дурна, да цензурный комитетъ выкинулъ все объ Италіи и стихи Полеваго—злую пародію на стихи Шевырева". Но въ Москвѣ этотъ пасквиль произвелъ сильное впечатлѣніе. Объ этомъ имѣется любопытное письмо Боткина въ редакцію *Отечественныхъ Записокъ*, въ которомъ читаемъ: „Ударъ произвелъ дѣйствіе, превзошедшее ожиданія. Шевыревъ не показывается эту недѣлю въ обществахъ. Въ синклитѣ Хомякова, Кирѣевскихъ, Павлова, если заводятъ объ этомъ рѣчь, то съ пѣною у рта и ругательствами. Всѣхъ больше ругался Н. Ф. Павловъ; онъ предложилъ написать письмо къ князю Одоевскому (акціонеру *Отечественныхъ Записокъ*) отъ лица всѣхъ Московскихъ литераторовъ, въ которомъ просятъ Князя, чтобъ онъ съ вами не знался; письмо это будетъ пересыпано разными любезностями на счетъ вашъ и Бѣлинскаго. Погодинъ уменъ... проглотилъ пилюлю, но ходитъ съ веселымъ лицомъ. Но это все хорошо,—а можетъ быть худо то, что Шевыревъ, какъ я слышалъ, хочетъ жаловаться, и въ его жалобѣ будто бы приметъ участіе князь Д. В. Голицынъ, Московскій генералъ - губернаторъ, который на дняхъ ѣдетъ въ Петербургъ. Смотрите, чтобъ не было какой бѣды... Святители! Какое движеніе эта штука сдѣлала въ Университетѣ!

Давыдовъ разцвѣлъ, помолодѣлъ и видимо блаженствуетъ, спрашиваетъ всякаго встрѣчнаго: читали ли вы третій нумеръ *Отечественныхъ Записокъ*... Грановскаго рѣчи по поводу *Педанта* до того привели въ негодованіе, что онъ жалѣетъ, что нѣтъ у него готовой статьи, онъ тотчасъ бы послалъ вамъ, хоть для того, чтобъ имя его стояло въ журналѣ. Кирѣевскій ругаетъ Бѣлинскаго словами, приводящими въ трепетъ всякаго православнаго, и спрашиваетъ Грановскаго: неужели вы не постыдитесь подать Бѣлинскому руку? А Грановскій имѣлъ безстыдство отвѣчать: не только не постыжусь подать руки, а хоть даже на площади передъ всѣми обниму его!"

„Такимъ образомъ", замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ, — „изъ письма Боткина о дѣйствіи *Педанта*, можно видѣть, что вражда (между Востокомъ и Западомъ) становилась непримирима, что она охватила и руководителей *Москвитянина*, и весь Словенофильскій кружокъ, бывшій на лицо" [206]).

Напрасно было предложеніе Н. Ф. Павлова написать письмо къ князю В. Ѳ. Одоевскому, чтобъ онъ по поводу оскорбленія, нанесеннаго его друзьямъ, Шевыреву и Погодину, прервалъ сношеніе съ *Отечественными Записками*. Самъ князь Одоевскій далеко не раздѣлялъ мыслей, выраженныхъ въ *Взглядѣ* Шевырева, о чемъ свидѣтельствуетъ послѣдній въ письмѣ своемъ къ Погодину: „Одоевскій забавенъ очень своею дипломатическою таинственностью. Представь себѣ, что онъ мою *черную сторону* разумѣетъ *голубою* статьею, противъ нихъ написанною. Я вижу, что бѣдный Одоевскій въ рукахъ у Краевскаго, и что онъ также выучился разъигрывать оклеветанную невинность. Краевскій—какъ только противъ него что-нибудь скажутъ—кричитъ: смотрите, они за *голубыхъ* противъ меня. Это — роля. Одоевскій тоже. Бѣдные литераторы".

Между тѣмъ въ это время и самъ князь В. Ѳ. Одоевскій былъ въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ въ маѣ 1842 года. „Вотъ и я въ Москвѣ бѣлокаменной", писалъ онъ Погодину,— „здоровъ ли ты душа моя? Гдѣ ты живешь и когда ты дома? За симъ: 1) гдѣ живетъ Шевыревъ? 2) гдѣ живетъ Павловъ?

3) гдѣ живетъ Елагина? Я сижу съ матушкой, съ которой десять лѣтъ не видался, и потому не самъ къ тебѣ ѣду". Собираясь въ Лавру, онъ просилъ Погодина прислать ему рекомендательное письмо. „Пришли мнѣ", писалъ онъ,—„душа, письмо, которое ты мнѣ обѣщалъ написать въ Троицкій монастырь къ кому-то, чтобы намъ показали все возможное, яко любопытствующимъ странникамъ и ревнителямъ Отечественныхъ Древностей. Я ѣду въ субботу съ восходомъ солнца" [207]).

Пріѣздомъ князя Одоевскаго въ Москву былъ очень обрадованъ Хомяковъ. „Одоевскій здѣсь", писалъ онъ Веневитинову,—„у насъ. Все прежній, даже въ лицѣ мало перемѣны, я какъ будто вчера съ нимъ видѣлся, такъ съ перваго раза онъ мнѣ представился Одоевскимъ 1832 года. Въ умственномъ отношеніи точно тоже. По прежнему хочетъ самыхъ свѣжихъ устрицъ и самаго гнилого сыра, то-есть, современности индустріальной и матеріальной и древнихъ пыльныхъ знаній Алхиміи и Кабалы. Впрочемъ, ты знаешь, что для меня и эти древности слишкомъ новы. Исторія кончается Семирамидою, а все что хоть годомъ позже: ce sont les commérages d'aujourd'hui. Насилу дождался я слушателя, и очень жаль, что его пребываніе здѣсь такъ коротко. Не успѣю досказать и сотой части о Словенахъ до временъ Семирамиды. Княгиня также не измѣнилась. Я ей отъ души обрадовался. Съ нею для меня оживились всѣ воспоминанія общества Петербургскаго веселья вечернихъ бесѣдъ. Она все также привѣтлива, даже и мила. Странное дѣло: видъ и разговоръ мужчины далеко не возобновляетъ въ памяти образы быта салоннаго такъ, какъ женщина". Въ томъ же письмѣ Хомяковъ, обращаясь къ Веневитинову, писалъ: „Знаю я, что ты живешь весело, кормишь пріятелей и собираешь ихъ на дружескій разговоръ. Это меня порадовало. Не должно терять привычекъ du foyer domestique и домосѣдства. Остается только украсить домъ милою хозяйкою".

Князю В. Ѳ. Одоевскому удалось быть свидѣтелемъ знаменитыхъ Московскихъ словесныхъ состязаній, которыя въ то время

были въ полномъ ходу. „Одоевскій былъ у меня вчера вечеромъ“, пишетъ Хомяковъ,—„и слышалъ одинъ изъ нашихъ споровъ. Онъ отдаетъ полную справедливость усовершенствованію органовъ слова въ Москвѣ. Всѣ говорили, и всякій могъ бы покрыть цѣлый оркестръ. Мало побылъ онъ здѣсь, нельзя было ни его иніировать во всю нашу жизнь, ни дать нашей молодости полюбить Одоевскаго“ [208]).

XLII.

Между тѣмъ вскорѣ вся читающая Россія познакомилась съ *Педантомъ* Бѣлинскаго. Изъ Харькова Бецкій писалъ Погодину: „Скажите, пожалуйста, отчего если по улицѣ шедши вы толкнете кого-нибудь, и дадите кому въ рожу, васъ въ часть посадятъ; а если вы напишите пасквиль, и разошлете по всей Россіи, давши тѣмъ право поскалить зубы каждой гарнизонной крысѣ,—такъ вамъ *ничего* не сдѣлаютъ? Да помилуйте! Что у васъ за литература? Да это рынокъ, гдѣ только что по м..... не ругаются!!

Основаніе всѣхъ мнѣній *Отечественныхъ Записокъ* (критическихъ) есть чистый ядъ. Я берусь доказать это какъ $2+2=4$. Безбожники, алтынники. Я прежде имъ вѣрилъ, а теперь вижу, что и они надуваютъ... Подлецы! Канальи!“ Изъ Одессы же Надеждинъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ писалъ Погодину: „Ну, какъ поздоровилось вамъ съ Шевыревымъ послѣ *Отечественныхъ Записокъ*. А? что я тебѣ говорилъ? Ну! да ничего, ничего... Молчаніе“.

Хотя Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину и утверждалъ, что „въ Питерѣ *Москвитянина* никто не читаетъ“, что Шевыревъ извѣстенъ тамъ „какъ миѳъ“, но это болѣе чѣмъ несправедливо... „Вообще“, писалъ А. Ѳ. Бычковъ Погодину,—„вашъ журналъ удостоивается здѣсь большихъ похвалъ за свою благонамѣренность, добросовѣстность и некривизну сужденій. Только люди пустые, дико-образованные... питаютъ къ нему

желчную непріязнь и, не будучи въ состояніи вредить на дѣлѣ, стараются уронить его гаэрскими статьями, въ которыхъ низводятъ нашу литературу до самыхъ низкихъ подлостей". Да и самъ сотрудникъ *Отечественныхъ Записокъ*, П. И. Мельниковъ, откровенно писалъ Погодину: „Если вы продолжите ко мнѣ свое расположеніе, то я вамъ буду очень, очень благодаренъ. Я давно въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми Петербуржскими литераторами и журналистами, но право съ перваго раза привязался къ вамъ гораздо болѣе, нежели къ нимъ въ четыре года. Причину понимаю: вы русскій, я, милостію Божіей, тоже русскій, а они Русское тѣло съ Англійской головой, воздвигающей златые кумиры своему брюху на печатныхъ страницахъ. Правда ли?" „У меня было", писалъ Даль, — „нѣсколько гласныхъ споровъ и объясненій, съ требованіемъ доказательствъ, на вечерахъ у Одоевскаго и Сологуба, гдѣ народу пропасть. Большинство соглашалось со мною, — что: 1-е, литературно-критическая часть *Москвитянина* приняла уже извѣстный цвѣтъ, значокъ, знамя, за которое сражается, духъ журнала въ этомъ отношеніи обозначился рѣзко, и знаешь, чего искать: есть цѣль, направленіе, намѣреніе, чего въ другихъ нѣтъ; 2-е — критика благороднѣе и умнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ журналахъ; и другое направленіе журнала также ясно и опредѣлительно: Русская Исторія, народность, любовь къ Отечеству; и тутъ знаешь, чего искать. А въ журналѣ это необходимо" [209]).

Въ то самое время, когда въ *Отечественныхъ Запискахъ* былъ напечатанъ *Педантъ* Бѣлинскаго, въ *Москвитянинѣ* появилось произведеніе Гоголя подъ заглавіемъ *Римъ*. Самъ авторъ, какъ мы уже знаемъ, жилъ въ это время въ Москвѣ у Погодина и познакомился съ пріѣзжавшимъ сюда Бѣлинскимъ, которому онъ даже сдѣлалъ порученіе свести въ Петербургъ рукопись *Мертвыхъ душъ* на цензуру Никитенко. Это сближеніе или знакомство Гоголя съ западниками произвело неудовольствіе Московскихъ друзей его. Одинъ изъ нихъ, С. Т. Аксаковъ, писалъ: „У насъ возникло подозрѣніе, что Гоголь имѣлъ сношеніе съ Бѣлинскимъ, который пріѣзжалъ на ко-

роткое время въ Москву, секретно отъ насъ, потому что въ это время мы всѣ уже терпѣть не могли Бѣлинскаго, переѣхавшаго въ Петербургъ для сотрудничества въ изданіи *Отечественныхъ Записокъ* и обнаружившаго гнусную враждебность къ Москвѣ, къ Русскому человѣку и ко всему нашему Русскому направленію" [210]). И дѣйствительно, 20 апрѣля 1842 года, Бѣлинскій, возвратившись въ Петербургъ, писалъ Гоголю: „Я очень виноватъ передъ вами, не увѣдомляя васъ давно о ходѣ даннаго мнѣ вами порученія. Главною причиною этого было желаніе—написать вамъ что-нибудь положительное и вѣрное, хотя бы даже и непріятное. Во всякое другое время ваша рукопись бы прошла безъ всякихъ препятствій, особенно тогда, какъ вы были въ Питерѣ. Еслибы даже и предположить, что ее не пропустили бы, то все же могли навѣрное сказать, что только въ Китайской Москвѣ могли поступить съ вами, какъ поступилъ г. Снѣгиревъ, что въ Петербургѣ этого не сдѣлалъ бы даже Петрушка Корсаковъ, хоть онъ и моралистъ, и піэтистъ. Но теперь дѣло кончено, и говорить объ этомъ безполезно. Очень жалѣю, что *Москвитянинъ* взялъ у васъ все, и что для *Отечественныхъ Записокъ* нѣтъ у васъ ничего. Я увѣренъ, что это дѣло судьбы, а не вашей доброй воли, или вашего исключительнаго расположенія въ пользу *Москвитянина* и къ невыгодѣ *Отечественныхъ Записокъ*. Судьба же давно играетъ странную роль въ отношеніи ко всему, что есть порядочнаго въ Русской Литературѣ: она лишаетъ ума Батюшкова, жизни Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова—и оставляетъ въ добромъ здоровьи Булгарина, Греча и другихъ подобныхъ ему негодяевъ въ Петербургѣ и Москвѣ, она украшаетъ *Москвитянина* вашими сочиненіями и лишаетъ ихъ *Отечественныхъ Записокъ*. Я не такъ самолюбивъ, чтобы *Отечественныя Записки* считать чѣмъ-то соотвѣтствующимъ такимъ великимъ явленіямъ въ Русской Литературѣ, какъ Грибоѣдовъ, Пушкинъ и Лермонтовъ; но я далекъ и отъ ложной скромности бояться сказать, что *Отечественныя Записки* теперь единственный журналъ на Руси, въ которомъ находитъ себѣ мѣсто и убѣ-

жище честное, благородное и—смѣю думать—умное мнѣніе, и что *Отечественныя Записки* ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть смѣшиваемы съ холопами знаменитаго села *Порѣчья*. Но потому-то видно имъ тоже счастье: не измѣнить же для *Отечественныхъ Записокъ* судьбѣ своей роли въ отношеніи къ Русской Литературѣ. Съ нетерпѣніемъ жду выхода *Мертвыхъ Душъ*... Думаю написать нѣсколько статей вообще о вашихъ сочиненіяхъ. Съ особенною любовію хочется мнѣ поговорить о милыхъ мнѣ *Арабескахъ*, тѣмъ болѣе, что я виноватъ передъ ними; во время оно я съ жестокою запальчивостью изрыгнулъ хулу на ваши въ *Арабескахъ* статьи ученаго содержанія, не понимая, что тѣмъ изрыгалъ *хулу* на *духа*" *). Въ томъ же письмѣ Бѣлинскій вспоминаетъ и объ отношеніяхъ къ нему Пушкина. „Больше всего меня радуютъ доселѣ и всегда будутъ радовать какъ лучшее мое достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастью, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ" **). Само собою разумѣется, что Гоголь былъ доволенъ этимъ письмомъ, но вступить въ открытыя сношенія съ Бѣлинскимъ онъ не рѣшался и ограничился только слѣдующими строками къ Прокоповичу: „Я получилъ письмо Бѣлинскаго. Поблагодари его. Я не пишу къ нему, потому что ни минуты не имѣю времени, и потому что, какъ самъ онъ знаетъ, обо всемъ нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сдѣлаемъ въ нынѣшній проѣздъ мой чрезъ Петербургъ" [211]). Да и тотъ же Бѣлинскій, когда до него дошелъ слухъ, что Гоголь обвинялъ его за неуваженіе къ Державину, писалъ о немъ Боткину слѣдующее: „*Неуваженіе къ Державину* возмутило мою душу чувствомъ болѣзненнаго отвращенія къ Гоголю: ты правъ,—въ этомъ кружкѣ онъ какъ разъ сдѣлается органомъ *Москвитянина*. Страшно подумать о Гоголѣ: вѣдь во всемъ, что онъ написалъ—одна натура—какъ въ животномъ. Невѣжество абсолютное"... [212]).

---

*) *Жизнь и труды М. П. Погодина*. Книга четвертая. С.-Пб. 1891, стр. 273.
**) Ibid., стр. 374.

Искреннихъ отношеній между Бѣлинскимъ и Гоголемъ не могло образоваться уже и потому, что Гоголь былъ искренно друженъ съ Шевыревымъ и чувствовалъ себя въ своей атмосферѣ, когда вращался въ обществѣ князя П. А. Вяземскаго, Жуковскаго, Языкова, А. О. Смирновой, Вьельгорскихъ.

Зная, какое сердечное участіе принимаетъ Шевыревъ въ журнальныхъ дѣлахъ, Гоголь, утѣшая его, писалъ ему: „Въ душевномъ твоемъ состояніи слышна какая-то грусть—грусть человѣка, взглянувшаго на положеніе журнальной литературы. На это я тебѣ скажу вотъ что: является она тогда, когда приглядываешься болѣе чѣмъ слѣдуетъ къ этому кругу. Это зло представляется тогда огромнымъ и какъ будто обнимающимъ всю область литературы; но какъ только выберешься хоть на мигъ изъ этого круга и войдешь на мгновенье въ себя, увидишь, что это такой ничтожный уголокъ, что о немъ даже и помышлять не слѣдуетъ. Вблизи, когда побудешь съ ними, мало ли чего не вообразится? Покажется даже, что это вліяніе страшно для будущаго, для юности, для воспитанія; а какъ взглянешь съ мѣста повыше, увидишь, что все это на минуту; все подъ вліяніемъ моды. Оглянешься—ужъ на мѣсто одного—другое: сегодня гегелисты, завтра шелингисты, потомъ опять какіе-нибудь исты. Человѣчество бѣжитъ опрометью, никто не стоитъ на мѣстѣ; пусть его бѣжитъ, такъ нужно. Но горе тѣмъ, которые поставлены стоять недвижно у огней истины, если они увлекутся общимъ движеніемъ, хотя бы даже съ тѣмъ, чтобы образумить тѣхъ, которые мчатся. Хороводъ этотъ кружится, кружится, а наконецъ, можетъ вдругъ обратиться на мѣсто, гдѣ огни истины. Что жъ, если онъ не найдетъ на своихъ мѣстахъ блюстителей?.. Не опроверженіемъ минутнаго, а утвержденіемъ вѣчнаго должны заниматься многіе, которымъ Богъ далъ не общіе всѣмъ дары... Итакъ, мнѣ кажется, современная журнальная литература должна производить въ разумномъ скорѣе равнодушіе къ ней, чѣмъ какое-либо сердечное огорченіе“.

Вслѣдъ за Шевыревымъ выступилъ въ томъ же 1842 году, противъ взглядовъ Бѣлинскаго на Исторію Русской Литера-

туры и М. А. Дмитріевъ. Въ *Москвитянинѣ* онъ напечаталъ стихотвореніе подъ заглавіемъ *Безыменному Критику*, прямо мѣтившее на Бѣлинскаго и вообще на то ученіе, котораго онъ былъ горячимъ проповѣдникомъ.

Въ этомъ стихотвореніи мы, между прочимъ, читаемъ:

Нѣтъ! Твой подвигъ не похваленъ!
Онъ Россіи не привѣтъ!
Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ—не поэтъ!

...Ты всю Русь лишилъ дѣяній,
Какъ младенца, до Петра...

...О! Когда народной славѣ
И избранниковъ его
Насмѣяться каждый въ правѣ—
Окрылитъ ли честь кого?

...Жалко племя молодое,
Гдѣ добра и славы тать
Все святое, все родное
Научаетъ попирать!..

Нѣтъ! У насъ въ Москвѣ смиренной
На гробахъ священный страхъ!
Имя дѣдовъ намъ священно
И не пыль ихъ славный прахъ!

Нѣтъ! У насъ въ Москвѣ, на Царской
На народной площади,
Живы Мининъ и Пожарскій
Въ вѣчной вылиты мѣди!

Нѣтъ! Народъ нашъ не ребенокъ
Былъ еще и до Петра...

...И не съ нынѣ начинаемъ
Мы вести поэтовъ родъ!..

Нѣтъ! Россіи честь и слава
И до Пушкина была,
И цвѣтетъ ея Держава
Не съ вчерашняго числа!

Бѣлинскій не остался въ долгу и предъ Дмитріевымъ. Въ своихъ литературныхъ и журнальныхъ замѣткахъ онъ напечаталъ свой отвѣтъ Дмитріеву въ такой формѣ:

Небольшой разговоръ между литераторомъ о дѣлѣ, не совсѣмъ литературномъ.

N. Скажите пожалуйста, это по вашей части: что такое означаетъ вотъ это стихотвореніе къ *Безыменному Критику?*

M. Это совсѣмъ не по моей части.

N. Какъ не по вашей? Вы сами литераторъ.

M. Потому-то это стихотвореніе и не по моей части... Впрочемъ, такъ какъ теперь въ Русскую Литературу вошло много *не литературныхъ элементовъ*, то иногда принужденъ бываю читать и такое...

N. Прочтите.

M. Я читалъ уже...

N. Что за бѣда! Такъ слушайте:

Нѣтъ! Твой подвигъ не похваленъ!
Онъ Россіи не привѣтъ!
Карамзинъ тобой ужаленъ,
Ломоносовъ—не поэтъ!..

Кто это, кто?

M. Кто *ужалилъ* Карамзина? Не знаю.

N. Разумѣется не ужалилъ, а писалъ противъ Карамзина?

M. О, очень многіе! Вопервыхъ, *Словенофилы*, доказывавшіе, что Карамзинъ испортилъ Русскій языкъ...; потомъ Каченовскій, написавшій, между незначительными придирками, и нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній на *Исторію Государства Россійскаго;* потомъ г. Арцыбашевъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* г. Погодина; потомъ г. Полевой...

N. Ну, а Ломоносова-то кто называлъ не поэтомъ?

M. Многіе и очень многіе; но изъ всѣхъ ихъ, конечно, всѣхъ замѣчательнѣе Пушкинъ...

N. Ну, а что дальше-то, о комъ идетъ рѣчь?

Кто ни честенъ, кто ни славенъ,
Ни радѣлъ странѣ родной,
И Жуковскій и Державинъ
Дерзкой тронуты рукой!

M. Стихи плохи до того, что трудно понять ихъ смыслъ.

N. Но кто же оскорблялъ Жуковскаго и Державина?

M. Писали о нихъ многіе, но кто оскорблялъ трудно сказать...

N. Но дальше, дальше!

Ты всю Русь лишилъ дѣяній,
Какъ младенца, до Петра,
Не признавъ бытописаній
Славы, силы и добра!

Это на кого?

M. На Ломоносова и на многихъ старинныхъ нашихъ писателей, которые и въ стихахъ, и въ прозѣ говорили, что Петръ былъ полу-богомъ Россіи, что до Петра Русь была покрыта тьмою, но Петръ явившись сказалъ: *да будетъ свѣтъ*!—*и бысть!*..

N. Но какая же причина этого поэтическаго вымысла (автора стихотворенія)?

M. Самая простая: авторъ боленъ страстью къ стихоманіи, а талантомъ, какъ видно изъ этихъ же стиховъ, не богатъ; стало быть, онъ похвалъ себѣ не слыхалъ, а горькой правды отъ именныхъ и безыменныхъ критиковъ наслышался вдоволь. Поэтому, естественно, что ему не нравится все, что мыслитъ и разсуждаетъ. Видя, что правду можно говорить и о знаменитыхъ писателяхъ, не только что о дрянныхъ писакахъ, онъ съ горя и закричалъ: *слово и дѣло!* давъ своему восклицанію такой оборотъ:

О! Когда народной славѣ
И избранниковъ *его* (?)
Посмѣяться каждый въ правѣ—
Окрылитъ ли честь кого?

N. А и въ самомъ дѣлѣ, кто захочетъ трудиться, видя, что и труды великихъ иногда цѣнятся и вкось, и вкривь...

M. Кто?—Каждый, кто родится съ призваніемъ на великое“ [213]).

XLIII.

У насъ принято утверждать, „что Бѣлинскій въ то время уже не пользовался благосклонностью цензуры, а его противники были обставлены оффиціальными связями, при которыхъ нападенія ихъ могли быть не безопасны—не въ литературномъ смыслѣ"; но долгъ справедливости требуетъ замѣтить, что хотя противники Бѣлинскаго, то-есть, Погодинъ и Шевыревъ, и пользовались нѣкіимъ расположеніемъ Уварова, но за то противъ нихъ былъ главный начальникъ Московской цензуры графъ С. Г. Строгановъ, явно покровительствовавшій западникамъ, и шефъ жандармовъ графъ А. Х. Бенкендорфъ *), и всѣ либералы того времени. „Въ числѣ непріятностей", вспоминалъ Погодинъ,—„цензурныя принадлежали къ самымъ досаднымъ и тяжелымъ. Цензоры поступали съ несчастнымъ *Москвитяниномъ* какъ угодно: никакого суда надъ ними найти было невозможно. Долгое время былъ цензоромъ Флеровъ, дядька дѣтей Строганова..." [214]). Бецкій, посѣтивъ Петербургъ, писалъ Погодину: „Мнѣ понравилось въ Вяземскомъ любовь и уваженіе къ Москвѣ и къ вамъ... Одоевскій что-то черезъ чуръ *женственное.* Его, кажется, Краевскій и К^0 надуваютъ, проложивши себѣ черезъ него путь въ аристократію, которая имъ нужна для связей" [215]). Въ это время, то-есть, въ 1842 году, поселился въ Москвѣ одинъ изъ столповъ западничества, А. И. Герценъ, другъ Бѣлинскаго, Грановскаго и всей ихъ братіи. Вотъ что мы читаемъ въ Дневникѣ Герцена: „Былъ у графа С. Г. Строганова и провелъ у него часа два. Можетъ я ошибаюсь, можетъ онъ имѣетъ особый даръ fasciner людей—но я уважаю и люблю его. Доселѣ изъ всѣхъ аристократовъ, извѣстныхъ мнѣ, я въ немъ одномъ встрѣтилъ много человѣческаго. Говорилъ съ нимъ опять о современномъ состояніи науки въ Германіи. „Да", замѣтилъ Графъ, „борьба великая и рѣшительная; и страшное положеніе людей критики, они должны были принести на жертву всѣ святѣйшія убѣжденія,

*) См. выше, стр. 44—49.

всѣ вѣрованія, все, облегчающее нашу жизнь, и для чего?“ —Для истины, для истины, сказалъ я. „Истина ихъ не для насъ, мы не на той степени развитія, зачѣмъ намъ забѣгать?“ Въ этомъ нельзя не согласиться; но что дѣлать тѣмъ, которые развились до современности? „Несчастіе для нихъ, но, конечно, нельзя идти назадъ. Впрочемъ, можно заниматься инымъ, полезнѣйшимъ, современнѣйшимъ“. Строгановъ отзывается о Бѣлинскомъ съ признаніемъ его достоинства, вотъ насколько онъ выше Словенофиловъ. Онъ понимаетъ значеніе *Отечественныхъ Записокъ*, понимаетъ единство ихъ духа. *Бранилъ Францію и Москвитянинъ* и кончилъ тѣмъ, что самымъ любезнымъ образомъ пригласилъ приходить къ нему по вечерамъ поспорить и потолковать“ [216]). И въ Петербургѣ знали взглядъ Строганова на журналъ Погодина. А. Ѳ. Бычковъ писалъ ему: „Князь Вяземскій чрезвычайно удивляется неблаговоленію графа Строганова къ *Москвитянину;* вотъ его слова объ этомъ: „Мнѣ кажется, что графъ Строгановъ долженъ былъ бы покровительствовать людямъ благонамѣреннымъ и ученымъ, которые рѣшились издавать журналъ въ Москвѣ, а не придираться къ нимъ; наша журнальная литература тогда только можетъ возвыситься и выдти изъ этого торговаго, въ которомъ она теперь находится, положенія, когда журналы будутъ издаваться людьми, получившими полное, классическое образованіе, а не тѣми, которые, не доучась, думаютъ, что они хватаютъ съ неба звѣзды!“ Онъ сдѣлалъ еще одно замѣчаніе о толщинѣ *Москвитянина*, которою онъ какъ будто бы хочетъ сравняться съ Петербургскими журналами„ [217]).

Нерасположеніе къ *Москвитянину* обнаруживалъ и Шефъ Жандармовъ. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы дѣлать непріятности этому журналу. Какъ извѣстно, 2 апрѣля 1842 года былъ обнародованъ Высочайшій указъ о договорахъ помѣщиковъ съ крестьянами. Указъ этотъ произвелъ „повсемѣстное впечатлѣніе“. Хомяковъ, будучи самъ крупнымъ помѣщикомъ, живо заинтересовался этимъ важнымъ указомъ и по поводу его напечаталъ въ *Москвитянинѣ* статью *о Сельскихъ*

условіяхъ. Статья эта вызвала полемику [218]). Прочитавъ статью Хомякова, графъ А. Х. Бенкендорфъ писалъ Уварову (отъ 9 іюля 1842 года): „Въ журналѣ *Москвитянинъ* (№ 6) напечатана статья г. Хомякова о *Сельскихъ условіяхъ.* Для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору, имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство, удостоить меня увѣдомленіемъ, была ли означенная статья представлена вамъ прежде появленія оной въ журналѣ. Я нахожу, что подобныя статьи, какъ бы онѣ ни были благонамѣренны, не должны быть допускаемы въ печать цензурою безъ предварительнаго, просвѣщеннаго разсмотрѣнія и особаго разрѣшенія вашего высокопревосходительства, собственно тѣмъ болѣе, что онѣ касаются до распоряженій Правительства". На это письмо Уваровъ счелъ долгомъ сообщить Бенкендорфу, что хотя статья Хомякова и не была представлена цензурою на его усмотрѣніе, тѣмъ не менѣе онъ „не нашелъ достаточнаго повода принять въ отношеніи *Москвитянина* какія-либо особыя мѣры", потому что статья Хомякова написана „съ благонамѣренною цѣлію". Впрочемъ Уваровъ изъявилъ готовность „сдѣлать общее распоряженіе по цензурѣ не пропускать къ печати, безъ предварительнаго представленія на разрѣшеніе высшаго начальства, ничего, касающагося до обнародованнаго во 2-й день апрѣля сего года указа". Самъ же Хомяковъ писалъ А. В. Веневитинову: „Какъ ожиданіе указа здѣсь переполошило всѣхъ! Это была помора. У кого дрожь, у кого разстройство желудка и пр. Появился—и водворилось спокойствіе. Повѣришь ли, что объ немъ уже перестаютъ говорить! Ce sera un coup d'épée dans l'eau, если не подымутъ этого искусственными средствами, то-есть, печатнымъ разборомъ возможныхъ сдѣлокъ. Да кто на это пойдетъ и кому у насъ до чего дѣло? Отсрочка пяти-лѣтняя размежеванія сдѣлала величайшій вредъ. Повѣришь ли, что были уже сдѣлки совсѣмъ конченныя (размежеванья совсѣмъ готовы, отъ которыхъ отступились). Это со мною учинили сосѣди по двумъ деревнямъ. Досада. А виновата казна, которая нигдѣ не хочетъ подать хорошаго примѣра. Киселевъ гонится за дрянью

18*

подъ видомъ казеннаго интереса, а истиннаго добра не хочетъ сдѣлать нигдѣ. Что за подлая ухватка была бы въ помѣщикѣ, еслибы онъ въ дачѣ все приговаривалъ: „это мое, да и это мое, да и это еще мое“. А вотъ что изволитъ дѣлать казна подъ Киселевскимъ начальствомъ. Покуда не будетъ размежеванья, не будетъ почти возможности разумныхъ отношеній между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ. Понимаютъ ли эту простую истину? А все-таки хорошо, если хоть кто-нибудь попробуетъ воспользоваться новымъ указомъ. Всякая попытка (первыя будутъ едва ли удачными) послужитъ урокомъ для помѣщиковъ и для Правительства. Указъ очень хорошъ тѣмъ, что не принудителенъ и не опредѣленъ“ [219]).

Въ *Москвитянинѣ* 1842 года были напечатаны письма Пушкина къ Погодину, какъ драгоцѣнный матеріалъ для Исторіи Русской Словесности [220]). И это не прошло даромъ. Графъ А. Х. Бенкендорфъ писалъ Уварову (отъ 9 ноября 1842 г.): „Вашему высокопревосходительству болѣе, нежели кому-нибудь, извѣстно, до какой степени противно волѣ Государя Императора помѣщеніе въ журналахъ статей неприличныхъ, и потому осмѣливаюсь представить на ваше просвѣщенное сужденіе выписку изъ писемъ Пушкина къ Погодину, напечатанныхъ въ 10-мъ нумерѣ журнала *Москвитянинъ*... Какъ въ письмахъ Пушкина встрѣчаются неприличныя выходки противъ публики, литературы, цензуры и частнаго лица г. Полевого, то позвольте изложить вамъ мое мнѣніе, что ежели издатели *Москвитянина*, печатая въ журналѣ своемъ эти письма, имѣли намѣреніе познакомить публику съ настоящими качествами Пушкина, въ такомъ случаѣ цѣль ихъ—истинно похвальна, но не менѣе того г. цензоръ не имѣлъ права и не долженъ былъ пропускать къ печатанію неприличной брани, столь нетерпимой Правительствомъ“. За напечатаніе этихъ писемъ едва не послѣдовало запрещеніе *Москвитянина*. „Мнѣ сказывали“, писалъ Загряжскій Погодину изъ Петербурга,—„что твой журналъ чуть было не запретили, и за что же! за письма Пушкина... Да послѣ этого ничего уже и писать нельзя. Я не вѣрю этому“. „Я

ничего не зналъ“, писалъ Даль,—„о гоненіи на *Москвитянина*... Здѣсь я ничего не слышалъ о грозѣ на васъ; повидимому, это въ литературномъ кругѣ вовсе неизвѣстно, по крайней мѣрѣ въ томъ, гдѣ бываютъ порядочные люди“ [221]).

Въ то самое время, когда надъ *Москвитяниномъ* висѣла эта гроза, Бѣлинскій въ *Отечественныхъ Запискахъ* заявилъ: „Письма Пушкина писаны совсѣмъ не для печати“ [222]).

Итакъ, мы видимъ, что *Москвитянинъ* и его издатели далеко не были *обставлены оффиціальными связями, при которыхъ нападенія ихъ могли быть не безопасны—не въ литературномъ смыслѣ;* скорѣе напротивъ, такъ что Погодинъ даже думалъ покинуть поприще журналиста. „Ради Бога не отставайте отъ *Москвитянина*“, писалъ Погодину князь П. А. Вяземскій,—„онъ съ каждымъ годомъ будетъ тверже на ногахъ и кругъ дѣйствія его обширнѣе. Здѣсь вообще отзываются о немъ съ уваженіемъ“. По порученію Уварова, И. Т. Спасскій извѣщалъ Погодина: „Сергій Семеновичъ желаетъ, чтобы вы были покойны на счетъ *Москвитянина*. Злые духи сказокъ, которые васъ пугаютъ, суть скорѣе зловѣщія и крикливыя Московскія вороны, которыхъ нечего бояться. Итакъ— macte animo“. Въ этихъ словахъ ясенъ намекъ на Московскіе толки о томъ, что журналу Погодина грозитъ запрещеніе.

XLIV.

Между тѣмъ, какъ на *Москвитянинъ* сыпались всевозможныя проклятія со стороны *Отечественныхъ Записокъ*, а Погодинъ и Шевыревъ подвергались всевозможнымъ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ, въ это время, то-есть, въ 1842 году, два столпа Западнаго лагеря, а именно Е. Ѳ. Коршъ и Т. Н. Грановскій, вступаютъ съ Погодинымъ въ переговоры и дружелюбно предлагаютъ ему вступить въ число сотрудниковъ *Москвитянина*. „Милый, безцѣнный капитанъ“, писалъ, 3 іюня 1842 года, изъ Петербурга, Е. Ѳ. Коршъ Грановскому,—„какую

подняли вы тревогу въ бѣдной душѣ моей! Жить въ Москвѣ, работать вмѣстѣ съ вами и работать свободно, самостоятельно: я больше ничего не желаю въ этой жизни. Зачѣмъ это лестное и выгодное предложеніе не упредило отъѣзда моего въ Петербургъ? Теперь, не имѣя тамъ ни пристанища, ни мѣста, которое обезпечивало бы мнѣ на всякій случай хлѣбъ насущный, я не могу согласиться безъ нѣкоторыхъ особенныхъ условій. Предположите, что изданіе *Москвитянина* какъ-нибудь разстроится: при чемъ останусь я съ семействомъ? Поэтому умоляю васъ распросить Михаила Петровича: 1-е, сколько времени дастъ онъ мнѣ на пріисканіе въ Москвѣ мѣстишка, думаю, по Министерству Удѣловъ или Государственныхъ Имуществъ, потому что имѣю тамъ случай? 2-е, въ случаѣ неудачи по этимъ Министерствамъ или такой отсрочки, которая несообразна съ видами Михаила Петровича, не можетъ ли онъ, съ помощью князя Дмитрія Владиміровича или Министра Просвѣщенія и графа Строганова, пристроить меня въ Москвѣ такимъ образомъ, чтобы я имѣлъ тысячи двѣ жалованья, а главное не терялъ бы по службѣ въ случаѣ какой-нибудь неожиданной перемѣны обстоятельствъ? Объясните ему пожалуйста, что я чувствую всю безмѣрность требованій, но не могу, по совѣсти, рисковать участью семейства или журнала, которому желалъ бы предаться весь, тѣломъ и душой. На прожитокъ мнѣ довольно пяти, шести тысячъ, но къ этому необходимо еще тысячу другую на постепенную уплату долговъ: иначе я буду самъ не свой, и опять вынужденъ буду тратить жизнь на жалкія, мелочныя заботы. Если Михаилъ Петровичъ приметъ мои условія съ человѣколюбивымъ участіемъ, я отвѣчаю головой, что не подамъ ему повода раскаяваться. Смѣсь и отдѣленіе Наукъ будутъ интереснѣе, нежели во всѣхъ нынѣшнихъ журналахъ: вы вѣдь обѣщались помогать мнѣ. Изъ иностранныхъ повѣстей будемъ избирать лучшее и вообще поставимъ журналъ на такую ногу, чтобы привлечь не только читателей, но и хорошихъ сотрудниковъ. Тѣ литераторы, которые теперь по неволѣ молчатъ или помѣщаютъ труды свои въ нелюбые имъ

журналы, конечно, изберутъ своимъ органомъ *Москвитянина*, который, при всей многосторонности, не будетъ ни педантъ, ни надувало, ни гегеліанецъ, ни скифъ, а человѣкъ образованный, благородный и благонамѣренный. Аминь".

Наконецъ Е. Ѳ. Коршъ обращается письменно къ самому Погодину. „Грановскій", писалъ онъ,— „сообщилъ мнѣ вчера, что вы снова подтвердили ему лестное для меня желаніе поручить мнѣ редакцію вашего журнала. Будь намъ возможность переговорить четверть часа, дѣло могло бы кончиться безъ дальнихъ околичностей, но на разстояніи семи сотъ верстъ необходимо объясниться какъ можно подробнѣе, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній. Позвольте же спросить васъ, вопервыхъ, что̀ разумѣете вы собственно подъ *редакціей?* Просмотръ, въ случаѣ нужды, рукописей, чтеніе послѣдней корректуры и вообще надзоръ за печатаньемъ, не больше? Вовторыхъ, сколько листовъ каждой книжки, среднимъ числомъ, думаете вы наполнять иностранными повѣстями и смѣсью моей работы? Необходимо опредѣлить это приблизительно, ибо я болѣе всего боюсь взять на себя бремя не по силамъ, чтобы тѣмъ самымъ не лишиться возможности быть истинно полезнымъ для *Москвитянина*. Признаюсь, страшный примѣръ Сенковскаго отнялъ у меня много самонадѣянности: этотъ человѣкъ брался за *все* и, точно, работалъ какъ каторжный съ утра до поздней ночи, а въ *конѣцъ-концовъ* одурѣлъ до такой степени, что неспособенъ теперь ни къ чему; уши вянутъ слушать его больныя и жалкія сужденія обо всемъ на свѣтѣ. Не вѣдаю намѣреній вашихъ, но на всякій случай замѣчу: еслибы вы вздумали значительно усилить *иностранную* часть *Москвитянина*, и еслибы, въ такомъ случаѣ, недостаточно было одного моего пера, тогда, съ разрѣшенія вашего, я могъ бы подготовлять переводныя статьи какому-нибудь дешевому сотруднику и потомъ прочитывать ихъ и поправлять. А для распространенія круга вашихъ подписчиковъ, конечно, было бы хорошо, еслибы *Москвитянинъ*, который такъ превосходитъ всѣ другіе журналы богатствомъ Русскихъ матеріаловъ, взялъ на себя трудъ

говорить иногда и о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ ученой литературы Запада, особенно по исторической части, для которой ни у одного изъ Петербургскихъ журналовъ нѣтъ путнаго человѣка. Отчеты объ иностранныхъ литературахъ пишутся безъ выбора, безъ толку, безъ цѣли, со всѣми признаками грубаго невѣжества, такъ, чтобы только занять опредѣленное число страницъ. Все хвастовство, обманъ и мошенничество: смотрѣть гадко, истинно Божеское попущеніе! Будь я одинокій человѣкъ, бросилъ бы этотъ омутъ и бѣжалъ не оглядываясь, а теперь, при всемъ желаніи быть въ родной Москвѣ, трудиться въ честномъ обществѣ и для доброй цѣли, долженъ еще объясняться и говорить даже о денежныхъ условіяхъ. Грановскій писалъ мнѣ, что при настоящемъ числѣ подписчиковъ, я могу разсчитывать на шесть тысячъ въ годъ. Если дѣло состоится и вы, въ случаѣ своего отъѣзда, обезпечите мнѣ этотъ honorarium письменнымъ условіемъ, я буду просить васъ распорядиться такъ, чтобъ мнѣ выдавали деньги помѣсячно, потому что иначе нечѣмъ будетъ жить съ чады и домочадцы. Если вы рѣшитесь переселить меня въ Москву, то премного обяжете, доставивъ мнѣ письмо къ Далю. Я имѣю случай къ Министру Двора, но все-таки желалъ бы посовѣтоваться съ почтеннымъ казакомъ Луганскимъ, чтобъ не залетѣть слишкомъ высоко и тѣмъ не испортить себѣ дѣла у управляющаго Удѣльнымъ Департаментомъ, Перовскаго". Въ томъ же письмѣ Е. Ѳ. Коршъ проситъ засвидѣтельствовать и С. П. Шевыреву, своему „заступнику и благодѣтелю", его „искреннее почтеніе".

Послѣ личныхъ переговоровъ съ Е. Ѳ. Коршемъ и Грановскимъ, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Грановскій и Коршъ пріѣзжали ко мнѣ въ воскресенье толковать о *Москвитянинѣ*. Я спросилъ ихъ: возьмутъ ли они свято соблюдать нашу программу, отрекутся ли отъ діавола и *Отечественныхъ Записокъ,* будутъ ли почитать Христіанскую религію, уважать бракъ. Подумайте объ этомъ господа, а я подумаю съ своей стороны объ условіяхъ и посовѣтуюсь съ С. П. Шевыревымъ. Вотъ съ чѣмъ я

отпустилъ ихъ. Графъ Строгановъ будто подавалъ имъ эту мысль, сказывалъ мнѣ Рѣдкинъ".

Само собою разумѣется, что эти переговоры кончились ничѣмъ, да и трудно было ожидать противнаго, ибо направленіе *Москвитянина* нисколько не согласовалось ни съ убѣжденіями Е. Ѳ. Корша, ни съ убѣжденіями Грановскаго, и направленіе это съ каждымъ нумеромъ обозначалось все болѣе и болѣе ярче и опредѣленнѣе. „Радуюсь", писалъ Сахаровъ Погодину, — „что вашъ журналъ, наконецъ, получилъ самобытность, выказалъ вполнѣ свой характеръ и направленіе. Еще въ прошломъ году далеко не видно было его настоящаго направленія. Радуюсь за васъ, за вашъ журналъ, радуюсь за Москву, что въ ея бѣлокаменныхъ стѣнахъ суждено созданіе Русскаго журнала, радуюсь за Московскую образованность, что назначено ей быть указателемъ для всего журнальнаго міра. Великъ подвигъ вами начатой и отъ васъ зависитъ теперь упрочить его, установить журналъ для Русской Литературы. *Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!*" То же заявлялъ и Даль. „Укрѣпи, Господи, силы ваши", писалъ онъ Погодину, — „*Москвитянинъ* идетъ хорошо; лучшее торжество ваше то, что большая часть полу-пріятелей, которые не упускали случая вознегодовать на то или на другое, замолкли, и говорятъ: „ну да, конечно, всѣ нумера хороши, или хоть изрядны". Съ тѣхъ поръ, какъ я бываю у князя Одоевскаго и графа Сологуба, не случалось, чтобы тамъ на вечерахъ читали что-нибудь печатное, а Гоголя и Шевырева въ послѣднихъ книжкахъ вашихъ читали тамъ вслухъ, и много судили, рядили и все больше говорили доброе, общимъ гласомъ. Воспользовавшись этимъ, я старался обратить крещеныхъ людей въ Православіе, уговаривалъ помогать *Москвитянину*. Корфъ отвѣчалъ: „Пусть Михаилъ Петровичъ самъ ко мнѣ напишетъ". Другіе хотятъ *своего*, тоесть, Питерскаго, и говорятъ, что съ 43 года подымутъ *Современникъ*, расширивъ его и украсивъ, а потому, кажется, не охотно бы пристали къ Москвичамъ. Краснорѣчіе мое не могло взять верха" [223]).

И дѣйствительно, почтенные Погодинъ и Шевыревъ шли неуклонно своимъ тернистымъ путемъ и снискали себѣ право, вступая въ третій годъ существованія, во всеуслышаніе заявить на страницахъ своего журнала: „*Москвитянинъ* начнетъ скоро третій годъ своего существованія. Въ теченіе двухъ лѣтъ изданія публика могла видѣть духъ и направленіе этого журнала. Постигая положеніе свое, какъ изданія центральнаго въ Россіи и единственнаго литературно-ученаго журнала въ древней ея столицѣ, *Москвитянинъ* имѣлъ постоянно въ виду: съ одной стороны—выражать движеніе внутренней жизни нашего Отечества и раскрывать болѣе и болѣе настоящую для насъ необходимость усиливать это движеніе; съ другой же стороны—указывать въ современной Европѣ на все то, чему только можетъ и должна сочувствовать наша Россія согласно высокому своему призванію въ будущемъ.

Два направленія видны во всемъ движеніи Русскаго образованія. Они должны отразиться противоположными образами мыслей и въ Литературѣ. Одни признаютъ Западно-Европейское образованіе почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго должна черпать жизненныя силы наша Россія, другіе, напротивъ, полагаютъ, что Отечество наше только изъ самого себя и чрезъ самого себя, при содѣйствіи старшихъ учителей, должно и можетъ развивать свое образованіе.

Изъ этого круга людей, мыслящихъ о Русскомъ образованіи, должно совершенно исключить тѣхъ, которые, прикрываясь одною мишурою внѣшняго западнаго просвѣщенія, величаютъ себя гордо представителями Европеизма, а въ сущности не понимаютъ ни его, ни Россіи. Наведши на себя одинъ внѣшній лоскъ Европейскаго быта, перенимая и повторяя, какъ попугаи, всякую Европейскую новость, безъ ея смысла и внутренняго значенія, они не въ силахъ дать себѣ разумнаго отчета въ настоящемъ развитіи Западной Европы, не въ силахъ оцѣнить ни одного значительнаго тамъ явленія. Что же касается до всего Русскаго, то они питаютъ не только равнодушіе къ нему, но даже отвращеніе отъ всего того, что ви-

дятъ въ прошедшемъ Россіи. Для нихъ сіе послѣднее не существуетъ—и они желали бы переначать бытіе Россіи съ каждымъ нынѣшнимъ днемъ, съ послѣдними вновь полученными мнѣніями, журналами и книгами изъ-за моря. Къ сожалѣнію должно сказать, что въ кругу дѣйствующихъ литераторовъ нашихъ многіе безсознательно принадлежатъ къ этой категоріи лицъ, не имѣющихъ никакого понятія о ходѣ образованія Русскаго. Отсюда проистекаетъ и безпрерывная измѣнчивость ихъ мнѣній—и, если вы сличите то, что́ говорили они въ началѣ года съ тѣмъ, что̀ говорятъ въ концѣ, то изъ яркихъ противорѣчій сами легко усмотрите отсутствіе у нихъ всякаго постояннаго образа мыслей. Они представляютъ собою неизбѣжную крайность, проистекающую изъ одной только внѣшней, поверхностной оболочки образованія Русскаго.

Что же касается до тѣхъ двухъ сторонъ, которыя существенно, хотя и противоположно, мыслятъ о Русскомъ образованіи, то онѣ обѣ, проистекая изъ двухъ половинъ самой жизни народа, призваны къ тому, чтобы понимать, цѣнить и уважать другъ друга, и готовы всегда подать другъ другу руку и согласиться на взаимныя уступки во всякомъ благомъ и общеполезномъ дѣлѣ. Существенное различіе въ ихъ взглядѣ на Россію заключается въ слѣдующемъ. Поклонники Запада считаютъ Россію прекраснымъ, но порожнимъ сосудомъ, который назначенъ къ тому, чтобы получить полноту свою и содержаніе изъ западнаго хранилища, и котораго мнимая пустота тѣмъ и хороша, что легко допускаетъ такое воспріятіе, а самое содержаніе, еслибы и было, удобно и легко претворяется во все чуждое, иноземное. Защитники же Русскаго начала видятъ въ Россіи самобытное зерно, которое не иначе, какъ изъ самого себя, изъ своихъ собственныхъ началъ, подъ высшимъ вліяніемъ мысли, отъ Промысла ему предоставленной, должно развиваться и допускать при развитіи своемъ всевозможныя вліянія предшествовавшихъ въ образованіи народовъ, но съ тѣмъ, чтобы воспринять иноземное не иначе, какъ согласивъ его со внутреннею своею народною и Христіанско-человѣческою

потребностію, и извергнуть изъ себя все то, что̀ противорѣчитъ его внутреннему, коренному бытію.

Вотъ образъ мыслей, вотъ тотъ взглядъ на ходъ образованія отечественнаго, которому постоянно въ теченіи двухъ лѣтъ оставался вѣренъ *Москвитянинъ* и которому онъ, конечно, не измѣнитъ и въ будущемъ. Всѣ мысли, чувства, дѣйствія его сосредоточивались здѣсь, какъ въ единомъ фокусѣ.

Намъ, слишкомъ увлеченнымъ въ литературѣ и наукѣ одною крайностію внѣшняго поверхностнаго западнаго образованія и скорѣе готовымъ усвоить себѣ эту блестящую внѣшность, нежели вникнуть въ дѣло, настояла сильная необходимость указать на крайности современнаго Запада и на потребность нашу возвратиться къ самимъ себѣ и усилить внутреннее и свое развитіе. Съ того и началъ *Москвитянинъ*. Враги журнала, обиженные правдою рѣчей, взвели на него клевету и объявили его врагомъ западнаго образованія, о которомъ они сами существеннаго понятія не имѣютъ, прикрываясь только одною его мишурою. Къ сожалѣнію, нашлись и между благомыслящими людьми нѣкоторые, объявившіе подозрѣнія свои противъ *Москвитянина* въ томъ, что онъ будто бы питаетъ какую-то скрытную вражду къ образованію западному, тогда какъ онъ въ своихъ словахъ не имѣлъ другого въ виду кромѣ крайностей, вредныхъ всякому образованію, безъ исключенія и западнаго, а всѣми своими дѣйствіями доказывалъ, что онъ всякому успѣху человѣческому сочувствуетъ и изъ всякаго образованія готовъ извлекать все то, что̀ можетъ быть полезно нашему Отечеству.

Но за то, въ воздаяніе за кривые толки немногихъ и за возгласы враговъ своихъ, *Москвитянинъ* имѣлъ счастіе видѣть, что по мѣрѣ того, какъ онъ высказывалъ болѣе и болѣе свои задушевныя мнѣнія, сочувствіе къ нему возрастало повсюду въ сонмѣ людей благомыслящихъ, и въ высшихъ слояхъ избраннаго общества обѣихъ столицъ, и въ образованныхъ кругахъ всѣхъ Русскихъ сословій. Изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ нашей нескончаемой Россіи сладко ему было получать самые

лестные и добрые отголоски, выражавшіе радушное сочувствіе. Все это, повторяясь и возрастая въ теченіи двухъ лѣтъ, убѣдило его, что мысль, имъ выраженная, сказана была въ пору, что она не есть его исключительная собственность, а плодъ развитія всеобщаго, потребность времени, мнѣніе просвѣщеннаго большинства.

Сія-то пріятная увѣренность побуждаетъ и въ будущемъ твердо и неуклонно продолжать начатое дѣло, тѣмъ болѣе, что средства къ поддержанію его значительно Редакторомъ умножены. Нѣтъ такого края Россіи, гдѣ бы Редакторъ не имѣлъ просвѣщенныхъ корреспондентовъ, которые готовы сообщать ему о всякомъ движеніи внутренней жизни Русской. Посредствомъ такихъ сообщеній *Москвитянинъ* надѣется со временемъ достигнуть своего истиннаго назначенія, опредѣляемаго самымъ мѣстнымъ положеніемъ той древней столицы, гдѣ онъ издается, а именно: представлять собою какъ выраженіе всякаго внутренняго развитія въ нашемъ Отечествѣ, такъ и разумное, отчетливое сознаніе всего того, что̀ оно въ себѣ еще неразвитаго содержитъ. Новыми заграничными путешествіями Редакторъ пріобрѣлъ и въ иностранныхъ земляхъ готовыхъ сотрудниковъ, которые съ мѣста будутъ сообщать живыя извѣстія о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ въ западной литературѣ и наукѣ. Такіе одушевленные корреспонденты всегда вѣрнѣе мертвыхъ книгъ и журналовъ могутъ сообщать происходящее на Западѣ. Въ слѣдующемъ году *Москвитянинъ* надѣется раскрыть передъ кругомъ просвѣщенныхъ читателей гораздо подробнѣе способъ своего воззрѣнія на образованіе западное и съ тѣмъ вмѣстѣ указывать съ бо̀льшею отчетливостью, но съ своей собственной точки зрѣнія, на всѣ любопытнѣйшія явленія заграничнаго міра“.

XLV.

Въ то время, когда Западный лагерь, органомъ котораго служили *Отечественныя Записки*, былъ силенъ своимъ единодушіемъ и трудолюбіемъ, Словенофильскій же лагерь, органомъ котораго предназначенъ былъ служить *Москвитянинъ*, далеко не представлялъ братскаго единенія и единомыслія и не отличался, разумѣется, кромѣ Шевырева и Погодина, дѣятельнымъ трудолюбіемъ, а потому Шевыревъ съ горестью писалъ: „Капиталы Русскаго ума, воображенія, сокровища мыслей, знанія, находятся въ рукахъ талантовъ по большей части бездѣйственныхъ. Довольствуясь мирными бесѣдами пріятельскими, расточая въ нихъ по мелочи игру живыхъ способностей, болѣе и болѣе отвыкая отъ труда, они почти не пускаютъ капитала своихъ дарованій въ оборотъ всенародный, въ праздной апатіи уступаютъ главныя роли литераторамъ промышленникамъ—и вотъ отчего современная литература наша разбогатѣла деньгами и обанкрутилась мыслію. При этомъ словѣ, самою полною радостію должно забиться твое сердце, литераторъ промышленникъ! Въ этомъ полагалъ ты крайнюю цѣль всѣхъ своихъ желаній; утѣшься и торжествуй—ты достигъ ея“ [224]).

Извѣстно, что люди, которыхъ Бѣлинскій обозвалъ Словенофилами, своими трудами весьма мало помогали Погодину и Шевыреву въ изданіи *Москвитянина*, единственнаго въ то время органа Православно-Русскаго ученія. Все свое время они посвящали на непрерывныя пренія о вопросахъ богословскихъ и философскихъ. Споры эти, какъ мы уже знаемъ и потомъ увидимъ, приводили ихъ къ столкновеніямъ и охлажденію другъ къ другу. „Вы всѣ стали очень странными“, писалъ Хомяковъ Погодину,—„откуда это ты взялъ, что я кого-нибудь приглашаю? Я всегда дома во вторникъ вечеромъ и радъ друзьямъ; но не приглашаю никого. Съ тобою, къ несчастію, нигдѣ не встрѣтишься, а мнѣ, признаться, и въ голову не приходило, чтобы ты ждалъ приглашенія. Развѣ у насъ что-нибудь перемѣнилось, и ты можешь думать, что я тебѣ буду

не радъ! Стыдно думать дурно о друзьяхъ. Знай, пожалуйста, что я до сихъ поръ не заслужилъ дурного мнѣнія отъ васъ, и не могу понять, какая черная кошка между вами бѣгаетъ. Ты слышалъ отъ меня, когда я чѣмъ недоволенъ, что я выговариваю все прямо и безъ обиняковъ, то къ чему же подозрѣнья?“ Между тѣмъ Герценъ уже и въ это время не отдѣлялъ, и совершенно справедливо, Словенофиловъ отъ *Москвитянина* и, по своему обычаю, придавать каждому обыкновенному факту своей частной жизни чуть не міровое значеніе, писалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Отвратительная тяжесть нашей эпохи тѣмъ ужаснѣе, что людямъ мыслящимъ приходится бороться не съ одними людьми силы и власти, а еще съ долею литераторовъ. Словенофильство приноситъ ежедневно пышные плоды; открытая ненависть къ Западу есть открытая ненавить ко всему процессу развитія рода человѣческаго. Вмѣстѣ съ ненавистью и пренебреженіемъ къ Западу—ненависть и пренебреженіе къ свободѣ мысли, къ праву, ко всѣмъ гарантіямъ, ко всей цивилизаціи. Такимъ образомъ Словенофилы само собою становятся со стороны Правительства. Нѣтъ на столько образованныхъ шпіоновъ, чтобъ указывать всякую мысль, сказанную изъ свободной души; чтобъ понимать въ ученой статьѣ направленіе и пр. Словенофилы взялись за это. Отвратительные доносы Булгарина не оскорбляли. Но доносы *Москвитянина* повергаютъ въ тоску. Булгаринъ работаетъ изъ одного гроша, а эти господа? Изъ убѣжденія! Каково же убѣжденіе, дозволяющее прямо дѣлать доносы на лица, подвергая ихъ всѣмъ бѣдствіямъ деспотическаго наказанія. Москва центръ всѣхъ этихъ скопищъ. Горько и подчасъ нельзя не сознаться, что Петербургъ какъ бы то ни было, а выше Москвы“.

Тѣмъ не менѣе Герценъ, проживая въ Москвѣ, не чуждался общества Словенофиловъ. Онъ посѣщалъ знаменитый домъ Елагиныхъ и Кирѣевскихъ у Красныхъ Воротъ, и вотъ что записываетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Былъ на дняхъ у Елагиной, матери если не Гракховъ, то Кирѣевскихъ. Видѣлъ

второго Кирѣевскаго. Мать чрезвычайно умная женщина, безъ *цитатъ,* проста и свободна. Она груститъ о словенобѣсіи сыновей. Между тѣмъ оно ростетъ въ Москвѣ. Чѣмъ кончится это безумное направленіе, становящееся костью въ теченіи образованія. Оно принимаетъ видъ фанатизма мрачнаго, нетерпимаго"... Въ другой разъ посѣтивши Елагиныхъ, Герценъ записалъ: „Были оба Кирѣевскіе, Дмитріевъ и вздоръ. Иванъ Кирѣевскій, конечно, замѣчательный человѣкъ: онъ фанатикъ своего убѣжденія такъ, какъ Бѣлинскій своего. Такихъ людей нельзя не уважать, хотя бы съ ними и былъ діаметрально противоположенъ... Кирѣевскій нетерпящъ, онъ грубо и дерзко возражаетъ, вѣренъ своимъ началамъ и, разумѣется, односторѳненъ. Человѣкъ этотъ глубоко перестрадалъ вопросъ о современности Руси, слезами и кровью купилъ разрѣшеніе—разрѣшеніе нелѣпое, однако не такъ отвратительное, какъ піитическій оптимизмъ Аксакова. Дошла рѣчь до *Отечественныхъ Записокъ* и до Бѣлинскаго. Кирѣевскій отозвался съ негодующимъ презрѣніемъ... Я бросилъ имъ свое мнѣніе также рѣзко въ пользу *Отечественныхъ Записокъ.* Сдѣлалось молчаніе. Перемѣнили разговоръ тотчасъ. Елагина была съ моей стороны". Съ Хомяковымъ Герценъ ведетъ продолжительные споры и удивляется его дарованіямъ. „Удивительный даръ", пишетъ онъ,—„логической фасцинаціи, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ, вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на минуту arrière pensée, къ которой идетъ. Необыкновенная способность. Я радъ былъ этому спору, я могъ нѣкоторымъ образомъ извѣдать силы свои, съ такимъ бойцомъ помѣриться стоитъ всякому ученью, и мы разошлись, каждый при своемъ, не уступивши іоты!" [225])

По свидѣтельству Д. Ѳ. Самарина, въ 1842 году, его братъ Юрій Ѳедоровичъ велъ полемику съ А. Н. Поповымъ по вопросу о развитіи церкви. Надо замѣтить, что въ это время Поповъ жилъ у Хомякова, который имѣлъ на него сильное вліяніе, и потому Поповъ „отражалъ его взгляды и воззрѣнія въ особенности богословскіе". Въ этой полемикѣ между двумя

молодыми мыслителями приняло участіе старшее поколѣніе Словенофиловъ, то-есть, Хомяковъ и Кирѣевскій. Сначала Самаринъ былъ одного мнѣнія съ Аксаковымъ. „Мы“, писалъ Самаринъ,—„то-есть, пока только Константинъ Аксаковъ и я, исповѣдуемъ *церковь развивающуюся*“. Хомяковъ и Кирѣевскій были несогласны съ Самаринымъ; но вскорѣ между и Константиномъ Аксаковымъ и Самаринымъ произошли разногласія по этому вопросу, но такъ какъ они впервые оказались разномысленны, то это произвело впечатлѣніе и дало поводъ къ толкамъ. По этому случаю Константинъ Аксаковъ писалъ Самарину: „У Кирѣевскаго я встрѣтилъ Хомякова, который сказалъ, что спорилъ съ тобою о церкви. Я сказалъ ему, что самъ сейчасъ съ тобою спорилъ, и что мы не такъ понимаемъ *развитіе*. Хомяковъ говоритъ, что съ моимъ взглядомъ онъ согласенъ. Кажется, ихъ интересуетъ то, что мы *несогласны*. Вы, кажется, крѣпко держались вмѣстѣ, сказалъ Кирѣевскій. Не думайте—отвѣчалъ я—чтобъ тутъ была цѣль вмѣстѣ держаться; мы откровенно скажемъ другъ другу и не скроемъ ни предъ кѣмъ, когда и въ чемъ несогласны... Хомяковъ и Кирѣевскій думаютъ, что я теперь согласенъ съ ними, но опредѣли я свою мысль, и, Господи, какъ отодвинемся мы другъ отъ друга. Кирѣевскій очень бы желалъ прочесть этотъ споръ. Всѣ хвалятъ чрезвычайно твой слогъ, говорятъ, что ты чудесно пишешь“. На это письмо Самаринъ отвѣчалъ слѣдующее: „Странный человѣкъ Кирѣевскій! Ныньче я съ нимъ видѣлся, и онъ съ торжествующимъ видомъ спрашивалъ о нашемъ спорѣ. Мнѣ это показалось болѣе нежели нескромнымъ, и если что-нибудь помѣшало мнѣ отвѣчать ему рѣзко, такъ это было просто чувство гордости: не хотѣлось показать ему, что онъ задѣлъ за живую струну. И чему они (то-есть, Хомяковъ и Кирѣевскій) радуются? Развѣ мы закабалили себя одинъ другому? А если они понимаютъ, что стоять вмѣстѣ, что знать на кого опереться, бываетъ весело и даетъ бодрость, тогда непростительно съ ихъ стороны радоваться и шутить. Ужели они думаютъ, что тому не больно, кто, при каждомъ движе-

ніи души, не надуваетъ губъ и не сводитъ бровей. Богъ съ ними! Между нами могло возникнуть несогласіе, но разорвать насъ они не могутъ, всякій споръ между нами есть споръ домашній, отъ котораго имъ прибыли не будетъ. Да, насъ тѣсно сближаютъ родные, самые близкіе къ сердцу интересы". „Тѣмъ не менѣе", замѣчаетъ Д. Ѳ. Самаринъ, — „это разногласіе имѣло большее значеніе, чѣмъ казалось въ то время самому Ю. Ѳ. Самарину; оно означало, что вліяніе на него Константина Аксакова ослабѣвало, хотя дружба ихъ продолжалась по прежнему, и начиналось сближеніе Самарина съ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ" [226]).

Занятія Богословскія и Философскія шли у Самарина рядомъ съ изученіемъ Русскихъ Древностей. „Все это время", писалъ онъ къ своему отцу, — „я жилъ въ XVII вѣкѣ и могъ бы только развѣ разсказать вамъ о томъ, какъ вѣнчался на царство Михаилъ Ѳедоровичъ или какъ созывалъ Земскую Думу Алексѣй Михайловичъ. Славное было время! Куда противъ настоящаго лучше. Люди были поумнѣе нынѣшнихъ, а умничали меньше, поэтому и дѣло у нихъ шло лучше".

Между тѣмъ, въ это время, то-есть, въ 1842 году, пріятель Самарина, А. Н. Поповъ, защитивъ свою диссертацію *о Русской Правдѣ*, препринялъ путешествіе въ Берлинъ для изученія Философіи; но въ этихъ новыхъ Аѳинахъ Поповъ пробылъ не долго и уѣхалъ въ Черногорію. Это очень не понравилось Самарину. Онъ, упрекая своего друга за то, что послѣдній оставилъ намѣреніе посвятить нѣсколько лѣтъ исключительно на изученіе Философіи, написалъ ему замѣчательное письмо, въ которомъ выразилъ взглядъ второго поколѣнія Словенофиловъ на Словенскій вопросъ, далеко несогласный со взглядомъ старшаго поколѣнія, то-есть, Хомякова. „Участіе къ Словенскому возрожденію", писалъ Самаринъ, — „съ нѣкотораго времени принимаетъ новый характеръ, который, мнѣ кажется, дѣлаетъ противодѣйствіе необходимымъ. Многіе стали понимать будущее торжество Словенизма какъ торжество жизни надъ наукою. Я готовъ согласиться, что прекрасенъ міръ Словенъ, что прекрасна эта

жизнь свободная, этотъ уцѣлѣвшій бытъ; но существенное его достоинство въ моихъ глазахъ состоитъ именно въ томъ, что этотъ бытъ и эта жизнь могутъ и должны быть оправданы наукою. Только тогда они сдѣлаются нашею неотъемлемою собственностію. Поэтому дѣло настоящаго времени есть дѣло науки. Вы знаете, что подъ наукою я разумѣю Философію, а подъ Философіею — Гегеля. Только принявъ эту науку отъ Германіи, безсильной удержать ее оттого, что эта наука выразила требованія такой жизни, какой не можетъ явить Западная Европа, только этимъ путемъ совершится примиреніе сознанія и жизни, которое будетъ торжествомъ Россіи надъ Западомъ. Между тѣмъ *многіе* (то-есть, преимущественно Хомяковъ), кажется мнѣ, слишкомъ склонны любить жизнь какъ таковую, останавливаться на ней, ставить ее въ параллель съ наукою вообще и отдавать ей преимущество надъ послѣднею. Согласитесь сами, сколько бы свѣжихъ, невѣдомыхъ никому силъ ни заключалъ въ себѣ Словенскій міръ, не останется ли онъ гораздо ниже Германіи, положимъ даже издыхающей, пока наука будетъ исключительнымъ ея достояніемъ? Кромѣ того, искать Словенскаго духа въ сложности всѣхъ племенъ Словенскихъ кажется мнѣ мыслью ошибочною. Цѣлью и окончательнымъ результатомъ всего Словенскаго развитія было вынести Россію и въ ней явить средоточіе и всю полноту Словенскаго духа безъ всякой односторонности. Въ этомъ отношеніи я раздѣляю вполнѣ мысль Ѳ. Л. Морошкина. Только въ Россіи Словенскій духъ дошелъ до самосознанія, условленнаго самоотрицаніемъ... Я не думаю, чтобы что-либо новое, чего бы въ ней не было, Россія могла получить отъ Словенскихъ племенъ. Напротивъ того, для нихъ освобожденіе отъ ихъ племенныхъ односторонностей и осуществленіе въ себѣ обще-Словенскаго начала возможно только подъ однимъ условіемъ — сознать себя въ Россіи... Это мое убѣжденіе, получившее для меня послѣ трехлѣтнихъ занятій Церковною Исторіею достовѣрность очевидности".

Обращаясь же къ Православію, Самаринъ въ томъ же письмѣ къ Попову пишетъ: „Скажу вамъ одно: изученіе Православія при-

вело меня къ результату, что Православіе явится тѣмъ, чѣмъ оно можетъ быть, и восторжествуетъ только тогда, когда его оправдаетъ наука; что вопросъ о Церкви зависитъ отъ вопроса философскаго и что участь Церкви тѣсно, неразрывно связана съ участью Гегеля. Это для меня совершенно ясно, и потому съ полнымъ сознаніемъ отлагаю занятія богословскія и приступаю къ Философіи". Въ томъ же письмѣ Самаринъ заявляетъ, что Аксаковъ одного съ нимъ мнѣнія о Словенизмѣ. Но тотъ же Самаринъ къ тому же Попову и въ томъ же 1842 году писалъ въ Берлинъ: „Душевно радуюсь, что вы остаетесь въ Берлинѣ; прошу не забывать обѣщанія и посылать намъ выписки изъ лекцій Шеллинга... Недавно оттуда пріѣхавшіе Мельгуновъ и Тургеневъ сказывали, что всѣ порядочные люди приняли сторону Шеллинга, и что Гегель похороненъ".

По свидѣтельству Д. Ѳ. Самарина, „вопросы, возбужденные философіею Гегеля, въ 1843 году зародили въ его братѣ внутреннюю борьбу, которая разрѣшилась въ 1844 году подъ воздѣйствіемъ Хомякова".

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что хотя Самаринъ и стремился оправдать Православіе Гегелемъ, но тѣмъ не менѣе въ душѣ своей онъ былъ и вѣрующимъ, и православнымъ, что̀ свидѣтельствуется слѣдующими его строками къ отцу его: „Нѣтъ добра отъ дѣла", писалъ онъ,—„начатаго не во славу Божію; что нѣтъ успѣха, гдѣ нѣтъ Благословенія Божія, гдѣ не было смиренной молитвы—въ этомъ я убѣжденъ вполнѣ" [227]).

Въ то время, какъ Словенофилы и старшаго, и младшаго поколѣнія предавались въ Московскихъ гостиныхъ горячимъ спорамъ по предметамъ Богословія и Философіи, нѣкоторые, даже близкіе имъ, люди тяготились этими безконечными словопреніями. Такъ дѣятельный сотрудникъ *Москвитянина*, М. А. Дмитріевъ, писалъ Погодину: „Все собираюсь къ вамъ; но не знаю, какъ бы застать васъ. Не съ кѣмъ слова сказать о Литературѣ! Такое хладнокровіе! Чудный народъ мы, Русскіе! Одна она у насъ, изъ всей области умственной, могла бы имѣть интересъ общій и соединять просвѣщенную часть публики съ

литераторами, съ людьми, имѣющими притязаніе на мысль! Но и тѣмъ мы не хотимъ пользоваться! А все отъ того, что мы никогда не дѣйствуемъ по убѣжденію, а все по духу подражательности! Въ Европѣ теперь другіе интересы, да тамъ эти другіе интересы—живые; а у насъ они что?—Хороша и Философія; я самъ ею отчасти занимался; но Философія, вопервыхъ, нигдѣ не можетъ быть предметомъ общимъ, а вовторыхъ—у насъ она и подавно можетъ быть только занятіемъ кабинетнымъ. Вмѣсто этого въ кабинетѣ у насъ ею не занимаются, а развозятъ ее отъ скуки по домамъ и предлагаютъ вмѣстѣ съ *сигарками*. Воля ваша, смѣшны мы".

Эти „сигарки", такъ странно сплетенныя съ словопреніями Московскихъ мыслителей, въ особенный ужасъ приводили Ф. Ф. Вигеля. При всемъ своемъ уваженіи къ Словенофиламъ и къ А. П. Елагиной, въ домѣ которой они собирались, Вигель боялся ее посѣщать. „Я много уважаю ее", писалъ онъ Хомякову,—„но къ ней, оставаясь въ Москвѣ, мнѣ почти невозможно было бы ѣздить. Теперь издали готовъ въ поясъ ей кланяться. Повѣрите ли, что въ послѣдній разъ, что я былъ, гостей не было, она ихъ ожидала, но уже на столѣ стояло огромное блюдо съ сигарами; цѣлую дюжину окороковъ можно было бы прокоптить въ ея гостинной. Что это за студенщина! Я ужаснулся и бѣжалъ при появленіи первыхъ лицъ" [228]).

XLVI.

Въ майской книжкѣ *Москвитянина* 1842 года было заявлено: „Мы знаемъ, съ какимъ нетерпѣніемъ публика ожидаетъ новаго романа Гоголя: *Мертвыя Души*. Мы можемъ обрадовать ее пріятнымъ извѣстіемъ, что этотъ романъ, почти отпечатанный, скоро выйдетъ въ свѣтъ. Здѣсь талантъ нашего романиста предстанетъ намъ еще на высшей степени своего развитія... Появленіе этого романа должно составить эпоху въ нашей повѣствовательной литературѣ" [229]).

Появленіе *Мертвыхъ Душъ* дѣйствительно составило эпоху въ нашей литературѣ. „Всѣ литературные интересы", писалъ Бѣлинскій,—вскорѣ по ихъ выходѣ, „всѣ журнальные вопросы сосредоточены теперь на Гоголѣ, можно сказать безъ преувеличенія, что *Мертвыя Души* оживили погруженную въ апатію современную Русскую литературу. Успѣхъ *Мертвыхъ Душъ* напоминаетъ собою успѣхъ первыхъ произведеній Пушкина.— Трудитесь же, почтенные сочинители, пишите новыя брани на *Мертвыя Души*, чтобъ выше и выше еще становились они" [230]).

Между тѣмъ толки о *Мертвыхъ Душахъ* раздѣлили на партіи какъ Западниковъ, такъ и Словенофиловъ. Одни изъ послѣднихъ, по свидѣтельству Герцена, говорили, что *Мертвыя Души* „это апотеоза Руси, Иліада наша, и хвалятъ слѣдовательно; другіе бѣсятся, говорятъ, что тутъ анаѳема Руси, и за то ругаютъ". Съ своей стороны Герценъ замѣчаетъ: „Великое достоинство художественнаго произведенія, когда оно можетъ ускользать отъ всякаго односторонняго взгляда. Видѣть апотеозу смѣшно, видѣть одну анаѳему несправедливо" [231]).

Самъ же творецъ *Мертвыхъ Душъ*, по окончаніи печатанія своего произведенія, уѣхалъ въ свой любезный Римъ. Передъ отъѣздомъ онъ отпраздновалъ свои имянины 9 мая 1842 года, въ саду у Погодина. По свидѣтельству С. Т. Аксакова, „погода въ этотъ день стояла прекрасная: я былъ здоровъ, а потому присутствовалъ вмѣстѣ со всѣми на этомъ обѣдѣ. На немъ были профессора: В. В. Григорьевъ, проѣздомъ случившійся въ Москвѣ, Армфельдъ, Рѣдкинъ и Грановскій. Былъ Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, особенный почитатель Гоголя, Свербѣевъ, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Елагины, Нащокинъ, извѣстный другъ Пушкина, Загоскинъ, Н. Ф. Павловъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, Константинъ и Григорій Аксаковы и многіе другіе. Обѣдъ былъ шумный и веселый, хотя Погодинъ съ Гоголемъ были въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ и даже не говорили, чего впрочемъ нельзя было замѣтить въ такой толпѣ. Гоголь шутилъ и смѣшилъ своихъ сосѣдей. Послѣ обѣда Гоголь въ бесѣдкѣ самъ приготовлялъ жженку, и когда голубоватое пламя горя-

щаго рома и шампанскаго обхватило и растопляло куски сахара, Гоголь говорилъ, что „это Бенкендорфъ, который долженъ привесть въ порядокъ сытые желудки“.

23 мая 1842 года Гоголь выѣхалъ изъ Москвы [232]), не примирившись съ Погодинымъ, который черезъ годъ самъ со всею откровенностью писалъ Гоголю: „Когда ты затворилъ дверь, уѣзжая, я перекрестился и вздохнулъ свободно, какъ будто гора свалилась у меня тогда съ плечъ“. На эту откровенность Гоголь отвѣчалъ тоже откровенностью: „Ту же тяжесть“, писалъ онъ, — „которую ты чувствовалъ отъ моего присутствія, я чувствовалъ отъ твоего. Какъ изъ многолѣтняго мрачнаго заключенія вырвался я изъ домика на Дѣвичьемъ Полѣ. Ты былъ мнѣ страшенъ. Мнѣ казалось, что въ тебя поселился духъ тьмы, отрицанія, смущенія, сомнѣнія, боязни. Самый видъ твой, озабоченный и мрачный, наводилъ уныніе на мою душу...“

Вообще о своихъ тогдашнихъ отношеніяхъ къ Московскимъ своимъ друзьямъ, вотъ что писалъ Гоголь къ А. О. Смирновой: „Въ пріѣздъ мой въ Россію они встрѣтили меня съ разверстыми объятіями. Всякій изъ нихъ, занятый литературнымъ дѣломъ, кто журналомъ, кто пристрастясь къ одной какой-нибудь любимой идеѣ и встрѣтивъ въ другихъ противниковъ своему мнѣнію, ждалъ меня въ увѣренности, что я раздѣлю его мысли, поддержу защиту его противъ другихъ, считая это первымъ условіемъ и актомъ дружбы, не подозрѣвая, что требованія были даже безчеловѣчны. Жертвовать мнѣ временемъ и трудами своими для поддержанія ихъ любимыхъ идей было невозможно, потому что я, во-первыхъ, не вполнѣ раздѣлялъ ихъ мысли, во-вторыхъ, мнѣ нужно было чѣмъ-нибудь поддержать бѣдное мое существованіе, и я не могъ пожертвовать имъ своими статьями, помѣщая ихъ къ нимъ въ журналы, но долженъ былъ напечатать отдѣльно, какъ новыя и свѣжія, чтобы имѣть доходъ. Всѣ эти бездѣлицы ушли у нихъ изъ виду... Холодность мою къ ихъ литературнымъ интересамъ они почли за холодность къ нимъ самимъ, не призадумавшись

составили изъ меня эгоиста, которому общее благо не близко, а дорога только своя собственная литературная слава. Притомъ каждый изъ нихъ былъ до того увѣренъ въ справедливости своихъ идей, что всякаго, съ нимъ несогласившагося, считалъ не иначе, какъ отступникомъ отъ истины. Предоставляю вамъ самимъ судить, каково было мое положеніе среди такого рода людей! Но врядъ ли вы догадаетесь, какого рода были мои внутреннія страданія. Скажу вамъ только, что между моими литературными пріятелями началось что-то въ родѣ ревности: всякій изъ нихъ сталъ подозрѣвать меня, что я промѣнялъ его на другого, и, слыша издали о моихъ новыхъ знакомыхъ и о томъ, что меня стали хвалить люди имъ неизвѣстные, усилили еще болѣе свои требованія, основываясь на давности своего знакомства..." Письмо свое къ Смирновой Гоголь заключаетъ такими словами: „Другъ мой добрый, будемъ смиренны въ упрекахъ относительно другихъ, но не относительно насъ съ вами: мы люди свои" [233]).

Уѣзжая изъ Москвы, Гоголь поручилъ Шевыреву распродажу *Мертвыхъ Душъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Гастейна онъ писалъ ему: „Грѣхъ будетъ на душѣ твоей, если ты не напишешь разбора *Мертвыхъ Душъ*. Кромѣ тебя, врядъ ли кто другой можетъ правдиво и какъ слѣдуетъ оцѣнить ихъ". Исполняя желаніе Гоголя, Шевыревъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* двѣ статьи о *Мертвыхъ Душахъ*, и статьи эти вызвали непріязненный отзывъ изъ своего же лагеря. „Все сказанное Шевыревымъ отъ себя", пишетъ Самаринъ Аксакову,—„не только не уясняетъ того впечатлѣнія, которое не могли не произвести *Мертвыя Души* на всякаго немудрствующаго читателя, но напротивъ мутитъ его, заслоняетъ значеніе великаго созданія Гоголя и портитъ наслажденіе. Это произошло, мнѣ кажется, отъ излишняго мудрованія. Въ Шевыревѣ нѣтъ той простоты и того смиренія, безъ которыхъ не можетъ быть доступна тайна художественнаго произведенія. Я считаю его неспособнымъ забыть себя въ присутствіи высокаго созданія, забыть, что онъ критикъ, что онъ изучалъ искусство, что онъ

былъ въ Италіи и потому долженъ понимать и видѣть больше, лучше и прежде другихъ, которые не были въ Италіи и не изучали искусства. За то никогда не откроется ему то, что̀ утаено отъ премудрыхъ и открыто младенцамъ. Ему будетъ совѣстно передъ собою, если онъ увидитъ въ художественномъ произведеніи только то, что̀ можетъ видѣть всякій. Нѣтъ; онъ придумаетъ что-нибудь помудренѣе и поставитъ свою выдумку между читателемъ и поэмою" [234]). Но самъ Гоголь былъ несогласенъ съ этимъ мнѣніемъ Самарина. „Благодарю тебя много", писалъ онъ Шевыреву,—„за твои обѣ статьи, которыя я получилъ отъ княгини Волконской. Въ обѣихъ статьяхъ твоихъ, кромѣ большаго ихъ достоинства и значенія для нашей публики, есть очень много полезнаго собственно для меня. Замѣчаніе твое о неполнотѣ комическаго взгляда, берущаго только въ полъ-обхвата предметъ, могло быть сдѣлано только глубокимъ критикомъ-созерцателемъ... Ты пишешь, чтобы я, не глядя ни на какія критики, шелъ смѣло впередъ. Но я могу идти смѣло впередъ только тогда, когда взгляну на тѣ критики... Мнѣ даже критики Булгарина приносятъ пользу, потому что я, какъ нѣмецъ, снимаю плеву со всякой дряни" [235]).

Будучи недоволенъ критикою Шевырева, К. С. Аксаковъ, поощряемый Самаринымъ и своимъ отцомъ, рѣшился высказать свое мнѣніе о *Мертвыхъ Душахъ* въ полномъ и искреннемъ убѣжденіи, что онъ только одинъ понялъ настоящій смыслъ и значеніе этого произведенія Гоголя. „Признаю торжественно", писалъ его отецъ Гоголю,—„превосходство эстетическаго чувства въ моемъ Константинѣ: онъ понялъ васъ болѣе меня и болѣе всѣхъ". Статью свою подъ заглавіемъ: *Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души*, К. С. Аксаковъ намѣревался напечатать въ *Москвитянинѣ*. Въ этой статьѣ своей онъ проводилъ мысль о сходствѣ Гоголя по акту творчества и силѣ созданія съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Познакомившись съ этою статьею, Погодинъ, любя автора и оберегая его отъ насмѣшекъ, не согласился напечатать ее въ *Москвитянинѣ*; это возбудило не-

удовольствіе С. Т. Аксакова, и онъ жаловался на Погодина Гоголю. „Вчера“, писалъ онъ,—„получилъ Константинъ письмо отъ Погодина, который отказывается напечатать его статью о *Мертвыхъ Душахъ*...; будучи самъ слѣпъ, боится, что осмѣютъ человѣка зрячаго“. Вслѣдствіе отказа Погодина К. С. Аксаковъ напечаталъ свою статью особою брошюрою. По свидѣтельству его отца, какъ только брошюра Константина вышла въ свѣтъ, „всѣ журналисты, всѣ непріятели и даже почти всѣ пріятели Гоголя, говоря буквально, взбѣсились. Градъ ругательствъ, злобныхъ насмѣшекъ и всякаго рода оскорбленій посыпался печатно и письменно на Константина“. Это очень удивило С. Т. Аксакова, и онъ даже на нѣкоторое время „усумнился въ справедливости“ своего „собственнаго взгляда и суда“ объ этой брошюрѣ [236]).

Для разъясненія этого явленія мы вспомнимъ, что въ это время К. С. Аксаковъ вмѣстѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ были погружены въ изученіе Гегеля, которымъ одинъ стремился оправдать Русскую Народность, а другой—Православіе. Подобныя занятія, конечно, имѣли вліяніе и на слогъ, и на способъ изложенія мыслей молодого мыслителя. „Брошюра Константина Аксакова“, писалъ Бѣлинскій,—„вся состоитъ изъ сухихъ, абстрактныхъ построеній, лишенныхъ всякой жизненности, чуждыхъ всякаго непосредственнаго созерцанія, и что, по этому, въ ней нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго, задушевнаго слова, которыми ознаменовываются первыя и даже самыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей, потому же въ ея изложеніи видна какая-то вялость, разплывчивость, апатія, неопредѣленность и сбивчивость“ [237]).

Съ этимъ мнѣніемъ Бѣлинскаго былъ согласенъ и Шевыревъ, который съ рѣзкостью писалъ Погодину: „Всеобщій хохотъ читавшихъ брошюру Константина Аксакова, даже и его стороны, былъ ему возмездіемъ за гордость. Осрамился совершенно! Даже Бѣлинскій въ *Отечественныхъ Запискахъ* сказалъ ему дѣло“. Веневитинову же Шевыревъ писалъ:

„Павловъ боленъ глазами, и я уже говорю: Гомеръ, Мильтонъ и Павловъ въ pendant къ тѣмъ, которые кричатъ: Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь“ [238]). Само собою разумѣется, что и самъ Гоголь остался недоволенъ брошюрою Аксакова. „Въ печатной статьѣ“, писалъ онъ ему,—„не погнѣвайтесь—видно много непростительной юности“. Но еще прежде того Гоголь писалъ ему: „Въ душѣ вашей заключены законы общаго; но горе вамъ проповѣдовать ихъ теперь... Вы должны ихъ хранить до времени въ душѣ, и только тогда, когда изслѣдуете всѣ уклоненія, исключенія, малѣйшія подробности и частности, тогда только можете явить общее во всей его колоссальности, можете явить его яснымъ и доступнымъ всѣмъ, а безъ того всѣ ваши мысли будутъ имѣть вліяніе только тогда, когда будутъ произнесены вами изустно, сопровождаемыя жаромъ и пыломъ вашей юности, и будутъ вялы, тощи и затеряются вовсе, если вы ихъ изложите на бумагѣ“. Въ томъ же письмѣ Гоголь писалъ Аксакову и слѣдующее: „Я не прощу вамъ того, что вы охладили во мнѣ любовь къ Москвѣ. Да, до нынѣшняго (то-есть, въ 1842 году) моего пріѣзда въ Москву я только любилъ ее, но вы умѣли сдѣлать смѣшнымъ самый святой предметъ. Толкуя безпрестанно одно и то же, пристегивая сбоку-припеку при всякомъ случаѣ Москву, вы не чувствовали, какъ охлаждали самое святое чувство, вмѣсто того, чтобы живить его. Мнѣ было горько, когда лилось черезъ край ваше излишество и когда смѣялись этому излишеству. Но вы горды. Вы двадцать разъ готовы увѣрять, что вы безпристрастны, что вы ничѣмъ не увлекаетесь, что все то чистая правда, что вы говорите. Вы твердо увѣрены, что уже стали на высшую точку разума. Стряхните пустоту и праздность вашей жизни! Передъ вами поприще великое, а вы дремлете за бабьей прялкой“ [239]).

Когда на брошюру Аксакова обрушился „градъ ругательствъ, злобныхъ насмѣшекъ и всякаго рода оскорбленій“, Погодинъ былъ за границей и изъ Парижа, 1 октября 1842 года, писалъ С. Т. Аксакову: „Какъ горько было мнѣ

услышать, что Константинъ напечаталъ свою статью о Гоголѣ! Какъ досадно мнѣ было на вашу слабость! Неужели и въ васъ недостало столько литературной довѣренности ко мнѣ, чтобъ согласиться со мною, что статья не годится для печати въ первомъ видѣ? Неужели я не напечаталъ ея безъ основанія? Неужели легко мнѣ было прислать ее назадъ? Неужели не радъ бы я былъ всякому успѣху Константина?“ [240])

XLVII.

Отъ всѣхъ житейскихъ треволненій Погодинъ имѣлъ вѣрное и спасительное убѣжище въ священной области Русской Исторіи. Страсть его къ этой наукѣ возбудила даже зависть въ одномъ почтенномъ старцѣ, подвизавшемся въ уединенной Отенской обители, — обители, изъ которой нѣкогда вышелъ Владыка Древняго Новгорода Іона и изъ которой лилъ токи Богословія знаменитый древній Русскій богословъ инокъ Зиновій. Въ наше же время той же обители іеромонахъ Арсеній завидуетъ Погодину, той „пріятной связи“, какую онъ „имѣетъ съ наукою“, тому „дружескому собесѣдованію“, кое онъ, имѣетъ съ живыми и мертвыми, древними и новыми мыслителями“ [241]). Дѣйствительно, Погодинъ виталъ мыслію и въ Древней, и Средней, и Новой Русской Исторіи.

Въ 1842 году, Эйнерлингъ предпринялъ новое изданіе *Исторіи Государства Россійскаго*. По поводу этого предпріятія Погодинъ взывалъ къ своимъ студентамъ: „О, какъ сладко было взглянуть намъ на это объявленіе! Намъ показалось, что еще живъ нашъ златоустый писатель, что онъ вновь даритъ насъ безсмертными произведеніями пера своего, что мы скоро насладимся его волшебными гармоническими звуками, что мы отдохнемъ душею среди этой дикой разноголосицы, которою терзаетъ нашъ слухъ Петербургская Литература. Юноши! бѣгите, бѣгите толпами къ этому чистому источнику Русскаго слова, Русскаго ума, Русскаго и человѣческаго чувства. Не

вѣрьте, не вѣрьте тѣмъ неучамъ, наглецамъ, невѣжамъ, которые твердятъ вамъ, что Карамзинъ устарѣлъ, и что у него учиться нечему. Вкусъ падаетъ, образованность прекращается, сказалъ бы я съ грустію, еслибъ замѣтилъ, что такое нелѣпое мнѣніе распространяется дальше тлетворной атмосферы того болота, гдѣ оно возникло. Учите, учите и изучайте Карамзина, не принимайтесь писать, не зная ста страницъ наизусть изъ его сочиненій, и будьте увѣрены, что безъ Карамзина нельзя сдѣлаться хорошимъ Русскимъ писателемъ, какъ нельзя безъ Ариѳметики сдѣлаться математикомъ, и что только тотъ можетъ пойти впередъ, кто ознакомится хорошо съ дорогою, имъ пройденною. Двадцать пять лѣтъ работая предъ вашими глазами и уже двадцать лѣтъ принадлежа къ числу вашихъ наставниковъ, преданный душею просвѣщенію, любя искренно и Словесность, и Отечество, я не могу дать вамъ совѣта лучше и полезнѣе" [242]).

Въ то же время старинный другъ Погодина П. А. Мухановъ писалъ ему изъ Варшавы: „Что вы творите?—Раздробляетесь на статьи и статейки. Бросьте все,—вы набили кладовую свою книгами, пора вамъ набивать вашъ карманъ, о чемъ вы, къ сожалѣнію, до сего времени мало заботились. Вотъ вамъ мысль, исполните, только не робѣйте, смѣлыми Богъ владѣетъ: *Докончите Исторію Карамзина.* Вижу васъ, такъ и обомлѣли.—Святотатство, широкія фразы!—Не могу, трудно, не все въ головѣ перемололось, не все пережевалъ, первый періодъ—будутъ противорѣчія и пр. и пр. Хочу издать что-либо монументальное, добросовѣстное. Нынче не тотъ вѣкъ, Капфигъ пишетъ, да пишетъ,—всѣ покупаютъ, всѣ читаютъ, и его карманъ набитъ. Отложите всякую застѣнчивость и принимайтесь, перекрестясь, за дѣло. Положимъ выйдетъ не отличное твореніе—пусть такъ. Но вѣдь это первый опытъ. Затѣмъ, для всѣхъ изученіе Новой нашей Исторіи не только нужно, но и необходимо. А каково будетъ для кармана? Всѣ, имѣющіе Исторію Карамзина, всѣ купятъ вашу. Но вы безкорыстны, вы пишете не для денегъ—да будетъ такъ: по-

смотримъ на это предпріятіе съ другой точки зрѣнія.—Вы единственный нашъ историкъ. Вы должны совершенствоваться въ Исторіи; но что можетъ быть для васъ полезнѣе какъ занятія новѣйшею Исторіею“ [243]).

Какъ ни соблазнительно было для Погодина это предложеніе, но онъ все-таки ради его не измѣнялъ Древней Русской Исторіи и въ первомъ же нумерѣ своего *Москвитянина* 1842 года напечаталъ главу изъ своихъ изслѣдованій о древнѣйшемъ, Варяжскомъ періодѣ Русской Исторіи, подъ заглавіемъ: *Происхожденіе Русскаго Государства.* Въ этой главѣ, говоря о переселеніи Святослава въ Болгарію, Погодинъ выразился: Святославу „мало стало скудной дани—и онъ рѣшился не перенесть столицу (то-есть, Кіевъ), это невѣрное выраженіе, а, говоря просто, *переѣхать на квартиру*“. По поводу этого послѣдняго выраженія Погодинъ замѣтилъ: „Наши знаменитые судіи, судіи словъ, улыбнутся при этомъ выраженіи: *переѣхать на квартиру*! Милостивые государи! Право я сумѣлъ бы найти тѣ выраженія, кои вертятся у васъ на языкѣ теперь: перемѣнить мѣсто пребыванія, избрать новое жилище и тому подобное. Но употребилъ это не чистое, простое, полуиностранное, потому что оно точнѣе выражаетъ мою мысль“.

Мухановъ въ письмѣ своемъ къ Погодину выразился: „Маціевскій бранится съ попами, а вы съ *Поповымъ*“. Въ это время ученикъ Погодина, близкій человѣкъ Хомякову и другъ Ю. Ѳ. Самарина, Александръ Николаевичъ Поповъ, напечаталъ свою диссертацію подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Русская правда въ отношеніи къ уголовному праву. Разсужденіе на степень магистра, кандидата Московскаго Университета А. Попова.* (М. 1841).

Въ числѣ оффиціальныхъ оппонентовъ Попова былъ и Погодинъ, который сильно возсталъ противъ положенія автора, что *Русская Правда* „*не есть* Ярославова грамота, данная имъ Новгороду, и даже не мѣстное Новгородское законодательство, но обще-*Русское*“. „Милостивый государь!“ во-

склицаетъ Погодинъ, — „вы не обратили вниманія на самое заглавіе того документа, о которомъ вы разсуждаете. *Правда* называется *Русскою*, слѣдовательно—она принадлежитъ Руси. Это просто и ясно. Какой же Руси? Той Руси, которая отличаетъ себя отъ туземцевъ въ первой строкѣ документа: если будетъ *русинъ, словенинъ,* и пр.? Той Руси, которая договаривалась при Олегѣ и Игорѣ съ Греками и называла себя точно также: *мы отъ рода Русскаго.* (А кто причислялъ себя къ роду Русскому? Карлъ, Фарлавъ, Ингіалдъ, Рулавъ, Руалдъ, Фастъ, Турбернъ, Иворъ, и проч.) Той Руси, которая въ этихъ договорахъ постановила условія *совершенно сходныя* съ законами Русской Правды и говорила объ нихъ также: *по закону Русскому.* Той Руси, къ которой ходили Словене и пригласили къ себѣ изъ-за моря: пошли къ Варягамъ-Руси, которая такъ называлась Русью, какъ другіе Шведами, третьи Готами и проч. Что можетъ быть этого легче, простѣе и яснѣе; но часто

Случается и трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ догадаться
За дѣло просто взяться.

Итакъ эти законы", заключаетъ Погодинъ,—„были Русскіе, но не въ смыслѣ Словенскихъ туземныхъ, какъ думаетъ Поповъ, а иноплеменные, принесенные къ намъ гостями". Свои словесныя возраженія Попову на диспутѣ Погодинъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* въ видѣ рецензіи на книгу. Погодинъ нападаетъ также и на изложеніе Попова: „Языкъ ужасный, какимъ не писана была еще ни одна диссертація въ старомъ Московскомъ Университетѣ, начиная съ заглавія: *Разсужденіе на степень магистра, кандидата Московскаго Университета А. Попова.* Степени магистровъ-кандидатовъ у насъ нѣтъ. Сряду нѣсколько родительныхъ, зависящихъ отъ разныхъ управленій, ставить не годится. Надо бы сказать: Разсужденіе кандидата и проч. А. П. на степень магистра". Словесно же на диспутѣ Поповъ излагалъ свои мысли превосходно, и это засвидѣтельствовано самимъ Погодинымъ въ

Москвитянинъ: „Поповъ обладаетъ превосходнымъ, необыкновеннымъ даромъ слова, языкъ его правиленъ, красивъ, разнообразенъ. Пріятно было слушать его говорившаго, въ рѣчи его было даже нѣчто драматическое, мастерское“.

По поводу этой диссертаціи завязалась полемика. Поповъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* анти-критику; печатая ее, Погодинъ оговаривается: „Извиняюсь передъ читателями *Москвитянина* въ помѣщеніи этой анти-критики: я не напечаталъ бы ея, еслибы она не противъ меня была написана. Противъ нея не скажу ни слова, ибо говорить не объ чемъ,—развѣ поставить знакъ восклицанія!“ [244]). Не смотря на возраженія Погодина,. эта диссертація доставила Попову искомую степень магистра.

Мы уже знаемъ, что А. Н. Поповъ, защитивъ свою диссертацію, отправился въ Берлинъ изучать Философію. Путь его лежалъ черезъ Петербургъ. Хомяковъ напутствовалъ его рекомендательнымъ письмомъ къ А. В. Веневитинову, въ которомъ выразилъ несогласный съ Погодинымъ взглядъ на диссертацію *о Русской Правдѣ*. „Тебѣ отдастъ это письмо“, писалъ Хомяковъ,—„Александръ Николаевичъ Поповъ, мнѣ великій пріятель, недавно выдержавшій блистательный диспутъ на магистра факультета юридическаго; честь и слава факультету“ [245]).

Споря съ однимъ изъ молодыхъ представителей Русской исторической науки, Погодинъ не прерывалъ сношеній и со своимъ ученымъ сверстникомъ Н. И. Надеждинымъ, не смотря на происшедшую между ними, какъ мы знаемъ, непріятную переписку.

Извѣстно, что Житіе св. Стефана, архіепископа Сурожскаго, представляетъ важный источникъ для древнѣйшаго періода Русской Исторіи. Надеждинъ, занимаясь изслѣдованіями въ этой области, писалъ Погодину: „Потрудись отыскать мнѣ въ старинныхъ рукописныхъ Прологахъ, какихъ вѣрно множество въ открытой для тебя Синодальной библіотекѣ, Житіе св. Стефана Сурожскаго, празднуемаго 15 декабря, и сдѣлай для

меня списокъ. Покойный Евгеній увѣряетъ, что въ этомъ Житіи, которое въ Четьихъ-Минеяхъ написано сокращенно, находятся свѣдѣнія, относящіяся къ Россіи; во всякомъ случаѣ это лицо очень велико для моихъ занятій, притомъ оно интересно для нашего Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, котораго и ты членъ; стало-быть, ты услужишь здѣсь и мнѣ, и Обществу. Оба эти списка я бы желалъ, чтобъ ты прислалъ съ Григорьевымъ, который собирается скоро ѣхать къ вамъ въ Москву держать магистерскій экзаменъ". Получивъ желаемое, Надеждинъ писалъ Погодину: „Спасибо тебѣ за *Житіе Стефана Сурожскаго*. Но вовсе не спасибо за лаконизмъ приписки, который доведенъ тобой до непростительной краткости и темноты. Два часа бился я, чтобы разобрать напачканныя тобой двѣ страницы; а когда разобралъ, то сокрушился, что потерялъ напрасно и труды, и масло. Что за разсужденіе тебѣ прислано изъ Троицкой Академіи? О какомъ чудѣ пишется въ Житіи Дмитрія Прилуцкаго? Такъ, братъ, не пишутъ о предметахъ, достойныхъ вниманія, за полторы тысячи верстъ! Время что ли у тебя недостало прибавить еще строки двѣ, чтобы было ясно? Сверхъ того, ты ни слова не говоришь, съ чего списано Житіе Стефана, которое ты мнѣ прислалъ? Гдѣ хранится его подлинникъ? Отдѣльно или въ Сборникѣ и какомъ? Старъ ли почеркъ подлинника? Однимъ словомъ: всѣ, по крайней мѣрѣ главныя, палеографическія примѣты! Сдѣлай милость — хоть теперь увѣдомь обо всемъ этомъ, равно какъ и о чудѣ св. Дмитрія Прилуцкаго и о разсужденіи изъ Троицкой Академіи!—Желалъ бы я также знать, что ваша высокоученость мыслитъ о Русскихъ, упоминаемыхъ въ Житіи св. Стефана Сурожскаго. Вѣдь хоть легенда, а все должно быть ей какое-либо основаніе. Руссы изъ Новгорода нападаютъ на Сурожъ—вскорѣ по смерти Стефана—стало-быть въ концѣ VIII, много въ началѣ IX вѣка. А? какъ вы, vir doctissime, разсѣкаете сей узелъ, конечно не Гордіевъ, но все-таки узелъ? Не напечатается ли это хоть въ *Москвитянинѣ* подъ рубрикою „открытія", если ваша высокоученость

не сочтете меня лично достойнымъ вашего отвѣта? — Кстати! Когда жъ ты ѣдешь за границу? Увѣдомь пожалуйста! Можетъ, я что пошлю съ тобой, или поручу тебѣ. Будешь ли въ Вѣнѣ? И еще гдѣ?—О Кириллѣ и Меѳодіи добьюсь ли я отъ тебя толка? Если нѣтъ, то скажи. Я обращусь къ другимъ".

Въ это время почтенный Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ, изъ своего Серпуховскаго села Рудина, которое, по его словамъ, нѣкогда значилось „въ старыхъ вотчинахъ за бояриномъ Ѳедоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ", изливалъ Погодину свое негодованіе „на недостатокъ въ патріотизмѣ" составителей четырехъ извѣстныхъ томовъ *Житія Святыхъ*. „Тамъ", пишетъ онъ, — „для каждаго Греческаго святаго страницъ по десяти напечатано, какъ же скоро дойдетъ до святаго Русскаго, то одно имя и—*зри въ Прологъ!* Богъ знаетъ когда мы полюбимъ свое. Вы сказали: *выбраться изъ Нѣмецкой тьмы и дичи*. Не лучше ли сказать: изъ *заморской* тьмы и дичи... На что сердить добрыхъ Германцевъ, которые гораздо менѣе сдѣлали намъ вреда, нежели ихъ сосѣди Французы".

Древняя Географія съ молодыхъ лѣтъ привлекала вниманіе Погодина и его пріятеля П. А. Муханова, который писалъ ему: „Вы знаете, что я большой охотникъ до картъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о Россіи. Вы знаете, что у меня есть ландкарта Европы, напечатанная въ 1493, на которой наше Отечество названо не Московія, а Россія, и на которой видимъ мы Новгородъ. Будучи въ Парижѣ, старался я найти какія-либо старыя карты Россіи; нашелъ нѣсколько, между прочимъ карту Делиля, посвященную Русскому послу Матвѣеву, — весьма любопытная; ибо кромѣ имянъ городовъ, рѣкъ, тутъ показаны лѣса, засѣки съ длинными объясненіями, въ которыхъ много драгоцѣнныхъ подробностей тогдашняго состоянія Россіи. — Въ Королевской Библіотекѣ есть экземпляръ Географіи Арабскаго географа Эдриси, найденный въ Египтѣ. Въ семъ экземплярѣ семьдесятъ двѣ карты, девять, наиболѣе полезныхъ для нашей Отечественной Исторіи, списаны и при семъ прилагаются. Дѣлайте съ ними что хотите. Я думаю, что безъ Френа обойтись нельзя.

Врядъ ли князь Ханжери преодолѣетъ трудности". На этомъ письмѣ сдѣлана слѣдующая приписка А. А. Саблукова *) „Имѣю честь препроводить вамъ письмо сіе, мною полученное, отъ друга моего Павла Александровича. Трубка съ десятью планами, чертежомъ и описаніемъ слѣдуютъ при семъ. Я полюбопытствовалъ было всѣ эти бумаги, и признаюсь возъимѣлъ было желаніе ихъ здѣсь кое-кому показать,—но удержался отъ сего".

Д. И. Языковъ, посылая Погодину свой переводъ о *Финскихъ жителяхъ* Шегрена, писалъ: „Странное дѣло, что Академія Наукъ издаетъ сочиненія членовъ своего историческаго факультета на иностранныхъ языкахъ и, слѣдовательно, трудится въ пользу иностранцевъ. Я хотѣлъ исправить этотъ недостатокъ и удовлетворить любопытству Русскихъ, не знающихъ иностранныхъ языковъ" [246]).

Въ 1842 году ректоръ Московской Духовной Академіи, архимандритъ, Филаретъ былъ возведенъ въ санъ епископа Рижскаго. Оставляя Академію и Москву, онъ украсилъ *Москвитянинъ* своимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ о *Максимѣ Грекѣ*. „*Москвитянинъ*", писалъ Погодинъ,—„почитаетъ себя счастливымъ, получая отъ всѣхъ Русскихъ знаменитостей подобныя статьи, въ объясненіе и прославленіе Русской Исторіи, которой наши дерзкіе невѣжи не признаютъ существованія до Петра I!" [247]) Эта статья была замѣчена Сахаровымъ, и онъ о ней писалъ Погодину: „Чудная была статья у васъ о *Максимѣ Грекѣ*. Спасибо тому, кто трудился" [248]).

XLVIII.

Достопочтенный келарь Троицкаго Сергіева монастыря Авраамій Палицынъ навлекъ на себя запоздалый гнѣвъ помощника попечителя Московскаго учебнаго округа Д. П. Голо-

*) Дядя Павла Алексанровича Муханова и извѣстный авторъ Записокъ, напечатанныхъ въ *Русскомъ Архивѣ*.

хвастова за то, что въ своемъ *Сказаніи объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы* непохвально отозвался объ одномъ изъ его предковъ. Возмущенный этимъ Д. П. Голохвастовъ, написалъ статью подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Замѣчанія объ осадѣ Троицкой Лавры 1608—1610 и описаніе оной историками XVII, XVIII и XIX столѣтій* [249]).

Въ своихъ *Замѣчаніяхъ* Голохвастовъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) Еще задолго до начала войны Лавра была ограждена огромными укрѣпленіями. 2) Самозванецъ и Сапѣга мало употребляли усилій къ овладѣнію Лаврою. 3) Количество и искусство защитниковъ Лавры вовсе не было такъ незначительно и безнадежно, какъ обыкновенно представляютъ наши историки, и что ея иноки были большею частью служилые люди, которымъ вовсе не чуждо было военное искусство. 4) Воеводы, распоряжавшіеся защитою Лавры, князь Долгоруковъ и Голохвастовъ, были люди искусные и опытные въ своемъ дѣлѣ, и 5) Повѣствованіе Авраамія Палицына совсѣмъ не есть лѣтопись, тѣмъ менѣе Исторія, но духовно-историческая эпопея, которой главная, видимая, цѣль— прославленіе чудеснаго избавленія Лавры и Россіи предстательствомъ св. Сергія и Никона. Статью свою Голохвастовъ передалъ Погодину для напечатанія въ *Москвитянинѣ*, и Погодинъ остался ею очень доволенъ. Голохвастовъ писалъ ему: „Благодарю васъ за лестный отзывъ о статьѣ. Это первый дымокъ фиміама, который автору статьи удалось понюхать. Поспѣшность производитъ тревожное состояніе духа, особенно при другомъ дѣлѣ и бездѣльѣ, отъ котораго уклониться нельзя... Разумѣется, я не подпишу своего имени подъ статьею, а просто *Д*, по той же причинѣ, почему, если вы вздумаете записать вашу пристяжную на скачку, я вамъ посовѣтую не записывать ее отъ вашего имени“.

Статья Голохвастова встрѣтила въ *Отечественныхъ Запискахъ* самый сочувственный отзывъ [250]) и въ то же время не укрылась отъ проницательнаго взора митрополита Филарета. Про-

читавъ ее, Митрополитъ приказалъ А. В. Горскому написать *Возраженіе противъ Замѣчаній объ осадѣ Троицкой Лавры.* Вслѣдствіе сего Горскій писалъ Погодину: „Можетъ ли быть принята въ вашемъ журналѣ статья противъ *Замѣчаній объ исторіи осады Троицкой Лавры?* Простите меня за такой вопросъ. Я увѣренъ, что когда бы дѣло шло о собственныхъ вашихъ убѣжденіяхъ, то вы не отказались бы для пользы истины принять голосъ и противной стороны. Но не всегда такъ можно дѣлать относительно постороннихъ. Предварительно считаю нужнымъ замѣтить, что могутъ встрѣтиться въ этой статьѣ не совсѣмъ пріятныя вещи,—впрочемъ безъ всякихъ личностей, —для сочинителя *Замѣчаній.* Писать возраженіе меня побуждаетъ одно желаніе приблизиться къ объясненію истины, которая въ *Замѣчаніяхъ* очень часто затмѣвается новыми предположеніями и догадками, наперекоръ желанію самого автора. Если позволите прислать эту статью въ вашъ журналъ, то это будетъ для меня новымъ знакомъ вашего расположенія... Еще приготовлена мною статья о Меѳодіи и Кириллѣ на основаніи ихъ Словенскихъ жизнеописаній... Позвольте прислать вамъ и эту статью".

Вслѣдъ за симъ Горскій, посылая Погодину свои *Возраженія противъ Замѣчаній объ осадѣ Троицкой Лавры* [251]), писалъ ему: „Препровождаю къ вамъ свои замѣчанія на *Замѣчанія объ осадѣ Лавры.* Благоволите ихъ просмотрѣть и, если найдете стоющими, помѣстите въ вашемъ журналѣ, чрезъ который сдѣлали извѣстными и первыя. Оставаться Лаврѣ безотвѣтною—больно, тѣмъ болѣе, что ея дѣло, какъ мнѣ кажется, правое. По принятому прежде правилу, имени сочинителя я не подписываю. Прошу и васъ сохранить его въ тайнѣ. Дѣло въ дѣлѣ, не въ имени того или другого пишущаго". Съ перваго раза Голохвастовъ остался доволенъ *Возраженіями* Горскаго и по этому поводу писалъ Погодину: „Я прочиталъ *Возраженія* съ большимъ любопытствомъ, какъ статью дѣльную, основательную, видимымъ образомъ плодъ труда прилежнаго, огромнаго и добросовѣстнаго, однимъ словомъ, какъ превосходную статью,

образецъ настоящей исторической критики... Нельзя съ нимъ во всемъ согласиться, не смотря на то, что онъ въ пользу свою имѣлъ богатый запасъ оружія изъ такого арсенала, который для насъ недоступенъ". Но когда Голохвастовъ хорошенько вчитался въ статью Горскаго, то пришелъ къ иному заключенію. „По внимательномъ прочтеніи", писалъ онъ Погодину въ другомъ письмѣ,—„возраженій въ 12-й книжкѣ *Москвитянина*, я увидѣлъ, что долженъ отчасти, и даже много, измѣнить то мнѣніе на счетъ ихъ, которое я вамъ сообщилъ въ письмѣ моемъ послѣ бѣглаго обзора первыхъ двухъ листовъ. При наружной благовидности, возраженія оказываются привязчивыми, во многихъ мѣстахъ софистическими и несогласными съ историческою истиною, а мои *Замѣчанія* представляются въ превратномъ видѣ, такъ что мнѣ, кажется, необходимо нужно будетъ при первомъ досугѣ опять взяться за перо".

Такимъ образомъ между Голохвастовымъ и Горскимъ завязалась въ *Москвитянинѣ* полемика, которая продолжалась нѣсколько лѣтъ.

И. П. Сахаровъ доставилъ Погодину *Статейный списокъ боярина Матвѣева*. Интересуясь тѣмъ, что̀ Погодинъ намѣренъ съ нимъ сдѣлать, Сахаровъ писалъ ему: „Почитайте его. Надобно съ Никона согнать тучу. Теперь я пріобрѣлъ *челобитныя архіереевъ*, поданныя царю Алексѣю на Никона. Думаю, что ихъ пропуститъ цензура. Если будете печатать *Статейный списокъ*, то пришлю къ вамъ и челобитныя. Я видѣлъ подлинное дѣло Никона, когда его присылали изъ Москвы въ Синодъ, то у меня очень малаго недостаетъ. Изъ всего дѣла только обширны одни отвѣты Никона на запросы Стрешнева съ Паисіемъ; но копіи съ нихъ есть въ Румянцевскомъ Музеѣ и въ Академіи Наукъ" [252]).

Въ портфеляхъ Миллера отыскался *Гороскопъ Петра Великаго* съ объясненіемъ на Латинскомъ языкѣ и переводомъ на Русскій. Князь М. А. Оболенскій доставилъ этотъ памятникъ Погодину, который, собираясь его напечатать въ *Москвитянинѣ*, обратился къ почтенному нашему астроному Д. М. Перево-

щикову и просилъ его сказать свое мнѣніе и сдѣлать объяснительныя примѣчанія для читателей *Москвитянина*. Д. М. Перевощиковъ, исполняя просьбу Погодина, написалъ ему письмо. Печатая это письмо въ *Москвитянинѣ*, Погодинъ замѣтилъ: „Вотъ строгій судъ астронома объ астрологіи“. Перевощиковъ начинаетъ свое письмо такими словами: „Вы желали отъ меня замѣчаній на *гороскопъ* Петра I, но можно ли дѣлать замѣчанія на *бредъ, заслуживающій одно только презрѣніе*?“ [253]). Эти строки нашего астронома возмутили М. А. Дмитріева, и онъ писалъ Погодину: „*Москвитянинъ* хорошъ, очень хорошъ; а все-таки есть за что—желающему и вамъ, и ему добра—съ вами побраниться! И надобно порядкомъ. Какъ же вы это печатаете публично, что св. Димитрій Ростовскій писалъ *бредни, заслуживающія одно презрѣніе*! Вопервыхъ (и это главное), вы оскорбили память Святого; а вовторыхъ (это хотя не главное, но тоже важное), оказали презрѣніе къ такому Святому, котораго ненавидятъ раскольники! А между тѣмъ и въ журнальномъ отношеніи напечатали статью, которая въ высшей степени интересна для вашихъ читателей, да сами же разрушили весь интересъ ея, назвавши ее *бредомъ!* И охота вамъ была объ астрологіи спрашивать мнѣнія профессора астрономіи. Это все равно, что спрашивать о самомъ Димитріѣ—раскольника! Перевощиковъ отвѣчалъ вамъ такъ, какъ отъ него и должно было ожидать... Теперь ѣду подписываться на *Отечественныя Записки*; говорятъ, будто меня тамъ побранили... А вы вотъ моихъ эпиграммъ на нихъ не печатаете; а я думаю, гдѣ авторъ подписываетъ имя, тамъ онъ самъ за себя отвѣчаетъ. Ужь ежели вы напечатали эпиграмму на Димитрія Ростовскаго, то на Бѣлинскаго можно“.

Въ то же время престарѣлый Д. И. Языковъ, предлагая *Москвитянину* свои услуги, писалъ Погодину: „Упраздненіе Россійской Академіи сдѣлало большой брешъ въ моихъ доходахъ и потому заставляетъ меня искать средствъ къ вознагражденію, хотя нѣкоторымъ только образомъ, убытка. Между сими средствами я считаю имѣющійся у меня значительный

запасъ любопытныхъ и частію важныхъ бумагъ, напримѣръ: Правленіе нашей Имперіи подъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, со времени учрежденія онаго до уничтоженія. Это есть очень важное собраніе выписокъ изъ журналовъ Совѣта. Эта рѣдкость, подлинникъ которой только у меня... Мнѣ хотѣлось бы помѣщать ихъ въ журналахъ; но журналы Петербургскіе претятъ моей душѣ, а вашъ *Москвитянинъ* мнѣ очень нравится. Не согласитесь ли вы принять меня себѣ въ сотрудники съ условіемъ платить мнѣ за мои статьи то, что обыкновенно платится у васъ въ Москвѣ“ [254]).

Въ 1842 году Погодинъ украсилъ *Москвитянинъ* напечатаніемъ Записокъ княгини Дашковой и отрывка изъ Записокъ И. И. Дмитріева о Державинѣ [255]).

По поводу Записокъ княгини Дашковой Иванчинъ-Писаревъ писалъ Погодину: „Покойный А. Ѳ. Малиновскій, котораго супруга родня княгинѣ Дашковой, давалъ мнѣ читать ея собственноручную тетрадь Записокъ; но какая разница: тамъ все пустяшныя ежедневныя записки о самыхъ незначущихъ мелочахъ; а здѣсь и слогъ, и заманчивость. Это прекрасное опроверженіе Кастеры. Въ Англіи, конечно, пообработали слогъ, но содержаніе, но мысли принадлежитъ ей. Какъ теперь помню эту старуху въ зеленомъ сюртукѣ, съ брилліантовою звѣздою и бѣло напудренную; помню, какъ я и боялся ее; на балахъ она распоряжалась танцами и меня однажды перетащила за воротъ изъ верхней пары экосеза въ нижнюю, нашедъ, что я и моя дама еще очень молоды. Вскорѣ за симъ она умерла, и я тогда радовался. Я какъ съ роднымъ увидѣлся у васъ съ покойнымъ И. В. Ступишинымъ, который много разсказывалъ мнѣ объ Екатеринѣ. Онъ вынулъ ее изъ кабріолетки, въ которой привезли ее Орловы въ Петербургъ“. „Вашъ *Москвитянинъ*“, писалъ Погодину князь П. А. Вяземскій,—„меня совершенно обижаетъ и наконецъ зарѣзалъ. Вы напечатали выписки изъ Записокъ Дмитріева, которыя мнѣ онъ еще при жизни отдалъ, и выписка о фонъ-Визинѣ составляетъ послѣднюю главу моей біографіи. Вы перебили у меня и

княгиню Дашкову. По отпечатаніи фонъ-Визина я хотѣлъ приняться за нее. Записки ея написаны не на Англійскомъ, какъ вы сказали, а на Французскомъ языкѣ. Рукопись у меня. Богъ вамъ судья!“

Мы уже знаемъ, что давнее знакомство и даже пріязнь соединяла Погодина съ В. Н. Каразинымъ, и это продолжалось до самой смерти послѣдняго. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины Каразинъ написалъ слѣдующее замѣчательное письмо къ Погодину, отъ 23 мая 1842 года, которое уже было послѣднимъ: „Что это вы не помѣщаете моего изобрѣтенія? Стыдно вамъ будетъ, господа, если уронивъ честь своего брата русскаго, допустите Англичанамъ сказать: „да это у насъ скопировано!“ У насъ, со временъ стародавнихъ еще, налажено предпочитать иностранное и иностранцевъ. Кто знаетъ, напримѣръ, скажу вамъ, что живущій нынѣ, хотя уже въ гробъ заглядывающій старикъ, далъ идею и выполнилъ ее на полустопѣ бумаги своею рукою объ отдѣльномъ Министерствѣ Народнаго Воспитанія, которое Министерство нигдѣ въ Европѣ еще не существовало? На силу проговорили гдѣ-то въ журналѣ того Министерства, что онъ де подалъ поводъ къ основанію такого-то университета. *И только-то*! Кто знаетъ, что тотъ же старикъ бился какъ рыба объ ледъ, домогаясь возсоединенія уніатовъ, которое совершилось спустя больше тридцати лѣтъ? Кто знаетъ, что онъ же, въ 1805 году еще, учредилъ у себя постановленіе точь въ точь такое, на каковое вызываетъ теперь указъ 1842 года, апрѣля 2-го? Что онъ для царскаго дворца предлагалъ отапливаніе или справедливѣе сказать нагрѣваніе водяными парами, которое теперь произведено въ Берлинѣ, въ тамошней библіотекѣ. Право скучно и писать, не только жить въ этомъ мірѣ. Сберегаете ли вы письма друзей вашихъ? Такъ! Хоть для потомства?“

Эти строки писаны 23 мая 1842 года, а 13 января слѣдующаго 1843 года Бецкій писалъ Погодину изъ Харькова: „Безъ меня здѣсь умеръ Каразинъ. Бѣдный старикъ! Миръ праху твоему... Много оставилъ онъ по себѣ бумагъ. *Дневникъ* самый по-

дробный, который свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности, не угасавшей въ дни дряхлой старости. И теперь, вообразите: пріѣзжаю къ вдовѣ и вижу этотъ *Дневникъ*, свидѣтель учености, неудавшихся плановъ, жизни самой безпокойной,—лежитъ въ передней и его разбираютъ лакеи. Вотъ конецъ печальной драмы. Спрашивалъ я о библіотекѣ, объ аутографахъ, о бумагахъ. Все это досталось какимъ-то нелѣпымъ наслѣдникамъ. *Дневникъ* его—это, ей-ей, рѣдкость во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ психологическомъ, для всякаго, кто зналъ, что это былъ за человѣкъ-феноменъ покойникъ.—Мнѣ кажется, еслибъ Василій Назарьевичъ былъ бы не въ Харьковѣ, и еслибы обстоятельства не передѣлали бы на выворотъ этого неутомимаго дѣятеля науки, онъ могъ бы много, много принести пользы при энергіи необузданнаго ума и страстнаго желанія быть полезнымъ. Жаль, что онъ скончался не въ Харьковѣ; я съ особеннымъ наслажденіемъ берегъ бы его въ послѣднія минуты жизни, потому именно, что покойникъ не имѣлъ друзей". Напечатавъ въ *Москвитянинѣ* извѣстіе о смерти Каразина, Погодинъ присоединилъ къ нему отрывки изъ вышеприведеннаго письма покойника съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Думалъ ли Каразинъ, что это письмо такъ скоро дѣлается матеріаломъ для его біографіи" [256]).

XLIX.

Счастливый случай доставилъ Погодину рукописную книгу, заключавшую въ себѣ сочиненіе извѣстнаго Посошкова, крестьянина, жившаго въ царствованіе Петра Великаго, *О скудости и о богатствѣ, сіе есть изъясненіе, отчего приключается скудость, и отъ чего гобзовитое богатство умножается.* Эта драгоцѣнная рукопись досталась Погодину въ числѣ прочихъ, купленныхъ Т. Ѳ. Большаковымъ на аукціонѣ въ Петербургѣ въ 1840 году послѣ покойнаго Лаптева, извѣстнаго собирателя Отечественныхъ Древностей.

Познакомившись съ содержаніемъ этого сочиненія Посошкова, Погодинъ удивился „его вѣрности взглядовъ, дѣльности указаній, обширности соображеній и разныхъ правительственныхъ мѣръ, которыя только теперь, черезъ полтораста почти лѣтъ, начинаютъ приводиться въ исполненіе, напримѣръ, о кодификаціи, о размежеваніи, о цѣнности денегъ, о содѣйствіи духовному образованію, торговлѣ, промышленности, земледѣлію, военному искусству". Посошковъ представился Погодину „геніальнымъ государственнымъ, русскимъ по преимуществу, умомъ, проницательнымъ, толковымъ, спокойнымъ, преданнымъ Церкви, Государю и Отечеству". „Вотъ еще", съ радостью восклицаетъ Погодинъ, — „одинъ великій человѣкъ въ мою Версальскую галлерею!" Окончивъ разсмотрѣніе Посошкова, Погодинъ писалъ: „Кончилъ Посошкова... Благодарю судьбу, которая доставляетъ мнѣ случай ввести такого великаго человѣка въ святилище Русской Исторіи".

Погодинъ до того увлекался своимъ открытіемъ, что его выводило изъ себя равнодушіе другихъ къ нему. Такъ, посѣтивъ однажды М. А. Дмитріева, онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Вечеромъ ѣздилъ къ Дмитріеву. Пол-часа не оказывалось никакого участія къ Посошкову, пока наконецъ, вышедъ изъ терпѣнія, не возбудилъ его рѣзкими упреками въ русскомъ равнодушіи. Всѣ были въ восторгѣ, кромѣ Андросова, который просто противенъ своими нелѣпыми возраженіями". Посошкова пропагандировалъ Погодинъ всюду. Онъ толкуетъ о немъ съ М. Ѳ. Орловымъ, заинтересовываетъ имъ графа А. Н. Панина, намѣревается прочесть о немъ лекцію въ Университетѣ; но графъ С. Г. Строгановъ не совѣтывалъ читать, „чтобъ не произвела слишкомъ много эффекту, и не была растолкована криво". Съ этимъ соглашается и Погодинъ [257]). Совѣтъ графа Строганова былъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что, по свидѣтельству самого Погодина, драгоцѣнное открытіе его „встрѣчено было сомнѣніями, отрицаніями и насмѣшками. Самое существованіе Посошкова было заподозрѣно". Литературные враги Погодина, завидуя его открытію драгоцѣнныхъ

сочиненій Посошкова и вслѣдствіе „старой литературной вражды“, распустили слухъ, что Посошкова никогда не существовало, что подъ именемъ Посошкова писалъ какой-то вельможа временъ Елисаветы или Екатерины, и этотъ слухъ довели и до Министра, такъ что Погодинъ долженъ былъ защищать въ предисловіи существованіе Посошкова, которое „засвидѣтельствовано послѣ оффиціально на допросахъ Тайной Канцеляріи и на Самсоніевскомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ“. Даже нѣкоторые пріятели Погодина, изъ людей самыхъ образованныхъ, „вознегодовали“ на него и на Посошкова „за его мысли о крестьянахъ“.

„Споры на первыхъ порахъ“, свидѣтельствуетъ Погодинъ,— „причиняли мнѣ много досады, и я помню живо одинъ четверговый вечеръ у нашего градоначальника, князя Д. В. Голицына, съ какими усиліями я долженъ былъ отстаивать своего героя, „вводимаго мною“, какъ сказалъ тогда, „въ Пантеонъ Русской Исторіи“, отъ безотчетныхъ нареканій. Въ этомъ расположеніи я заключилъ свое изслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ Посошкова, стихами Пушкина:

О люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье.“

Печатаніе Посошкова соединялось для Погодина „съ большими затрудненіями въ тогдашнее время, по причинѣ многихъ свободныхъ мыслей стариннаго крестьянина“. Наконецъ, послѣ многихъ попытокъ и неудачъ, Уваровъ принялъ Посошкова подъ свое покровительство. Но прежде, чѣмъ дать дальнѣйшій ходъ этому дѣлу, Уваровъ писалъ Погодину: „О Посошковѣ постараюсь доставить вамъ въ скоромъ времени разрѣшеніе; множество, между тѣмъ, списковъ встрѣчаются въ библіотекахъ и архивахъ. Желательно бы опредѣлить, не псевдонимъ ли?“ [258])

Получивъ отъ Погодина цѣлое изслѣдованіе о Посошковѣ, Уваровъ 24 ноября 1841 г., вошелъ къ Государю съ слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ: „Иванъ Посошковъ, крестьянинъ какого-то села Покровскаго *), былъ извѣстенъ у насъ по двумъ краткимъ разсужденіямъ: одно представлено имъ было митрополиту Стефану Яворскому *о состояніи духовенства и объ отношеніи его къ народу*, гдѣ сочинитель умоляетъ знаменитаго Іерарха употребить зависящія отъ него средства къ вразумленію міврянъ, утопающихъ въ невѣжествѣ, объ истинахъ Христіанской религіи и приложеніи ея къ жизни. (Напечатано въ *Русскихъ Достопамятностяхъ*, изданныхъ Калайдовичемъ отъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1814). Другое представлено бояриву Головину *о ратномъ дѣлѣ съ указаніемъ разныхъ улучшеній по этой части*. (Напечатано Розановымъ въ 1793 году).

Новиковъ въ *Словарѣ Русскихъ Писателей* (1783) сообщилъ извѣстіе, повторенное митрополитомъ Евгеніемъ, что Иванъ Посошковъ написалъ книгу *о Скудости и Богатствѣ*. Это сочиненіе извѣстно было доселѣ у насъ по двумъ первымъ словамъ своего заглавія, которое обѣщало не болѣе какого-нибудь нравственнаго разсужденія; оно, напротивъ, заключаетъ въ себѣ полный трактатъ о состояніи Россіи и о тѣхъ мѣрахъ, кои принять должно для того, чтобъ привести Отечество въ лучшее состояніе и искоренять вкравшіяся злоупотребленія по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, трактатъ, представленный императору Петру I въ 1724 году, изобилующій свѣтлыми выводами здраваго ума, не помраченнаго теоріями и глубоко знакомаго съ бытомъ Россіи.

Рукопись Посошкова раздѣляется на девять главъ: первая посвящена духовенству, вторая военному дѣлу, третья правосудію, четвертая купечеству, пятая художеству (фабрикамъ), шестая о разбойникахъ (уголовное право), седьмая о крестъ-

---

*) По нѣкоторымъ указаніямъ въ рукописи, кажется будто бы *Новгородской* губерніи.

янствѣ, восьмая о дворянахъ, крестьянахъ и о земельныхъ дѣлахъ, девятая о Царскомъ Интересѣ (о финансахъ).

Замѣчательно, что суждено намъ было сдѣлать это любопытное, можно сказать даже важное открытіе въ благополучное царствованіе Вашего Императорскаго Величества, когда всѣ начала народной жизни приняли сугубое существованіе и духъ Петра Великаго какъ будто опять воцарился въ Россіи.

Имѣю счастіе при семъ всеподданнѣйше представить на благоусмотрѣніе Вашего Величества выписку изъ сочиненія крестьянина Посошкова, испрашивая всемилостивѣйшаго дозволенія, по надлежащемъ разсмотрѣніи рукописи, напечатать оную“.

На другой же день Уваровъ поручилъ Комовскому увѣдомить Погодина о послѣдствіяхъ доклада. „Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія“, писалъ Комовскій,—„представлялъ на усмотрѣніе Государя Императора выписку изъ сочиненія крестьянина Посошкова и испрашивалъ всемилостивѣйшаго соизволенія, по надлежащемъ разсмотрѣніи рукописи, напечатать оную. На докладной запискѣ его высокопревосходительства послѣдовала собстенноручная Его Величества резолюція: *Согласенъ.* Сергѣй Семеновичъ приказалъ мнѣ вслѣдствіе этого просить васъ объ увѣдомленіи, гдѣ вы предполагаете печатать рукопись Посошкова, и, особенно, въ какой цензурный комитетъ думаете представить ее на разсмотрѣніе, чтобъ сообразно съ тѣмъ можно было увѣдомить цензурное вѣдомство о Высочайшемъ соизволеніи. При этомъ его высокопревосходительство поручилъ сообщить вамъ его мнѣніе, что въ предисловіи не должно положительно приписывать это произведеніе крестьянину Посошкову, и хотя нельзя съ такою утвердительностію, какъ сдѣлалъ одинъ изъ Петербургскихъ журналистовъ, назвать кого-либо другого настоящимъ сочинителемъ рукописи, однако авторство крестьянина Посошкова также подлежитъ сомнѣнію. Главное то, что подобное сочиненіе могло быть написано и представлено императору Петру Великому; кѣмъ? — вопросъ второстепенный; конечно очень разительно—если авторъ такого

произведенія простой крестьянинъ; но при существованіи нѣсколькихъ списковъ этого творенія и при другихъ обстоятельствахъ—авторство его требуетъ очевиднѣйшихъ доказательствъ, чѣмъ тѣ, какія доселѣ можно представить въ подкрѣпленіе этого мнѣнія“ [259]).

Это письмо привело въ восторгъ Погодина, и онъ писалъ Министру: „Въ землю кланяюсь вашему высокопревосходительству за позволеніе Высочайшее, исходатайствованное вами, напечатать Посошкова. Это новое доказательство вашей просвѣщенной любви къ Отечественной Исторіи, новое право на общую признательность, новый подвигъ, совершенный во славу Святой Руси. Извѣстіе г. Комовскаго довершило мое выздоровленіе. Да сохранитъ васъ Богъ въ долготу дней. Выписку, бывшую у вашего высокопревосходительства, намѣренъ я напечатать въ своемъ журналѣ, а все сочиненіе особо. О доказательствахъ въ пользу Посошкова я молчалъ, ожидая противныхъ отъ моихъ антагонистовъ, но теперь представлю ихъ немедленно на усмотрѣніе ваше. Впрочемъ главное дѣло въ сочиненіи, а не въ сочинителѣ, какъ изволили замѣтить“.

До выпуска въ свѣтъ книги Погодинъ въ своемъ *Москвитянинѣ* напечаталъ статью подъ заглавіемъ: *Крестьянинъ Иванъ Посошковъ, государственный мужъ временъ Петра Великаго*; въ ней представилъ краткій очеркъ примѣчательныхъ мыслей, которыми преисполнено сочиненіе этого „государственнаго мужа“ [260]). Въ примѣчаніи къ этой статьѣ Погодинъ намѣревался помѣстить слѣдующее: „Спѣшимъ обрадовать читателей извѣстіемъ, что все оно скоро выйдетъ въ свѣтъ съ Высочайшаго соизволенія, по представленію его высокопревосходительства, господина Министра Народнаго Просвѣщенія, Сергія Семеновича Уварова, котораго имя, за сообщеніе ученому свѣту безчисленныхъ историческихъ памятниковъ, благодарная Русская Исторія ставитъ уже подлѣ имени Румянцова“. Комовскій представлялъ это примѣчаніе на предварительное усмотрѣніе Уварова и, по порученію его, извѣстилъ Погодина: „Его высокопревосходительство желаетъ, чтобы все до него

относящееся было выпущено; считаетъ даже ненужнымъ упоминать о Высочайшемъ соизволеніи на это изданіе".

Прочитавъ о Посошковѣ въ *Москвитянинѣ*, Загряжскій, опасаясь за своего друга, писалъ ему: „Въ послѣднемъ нумерѣ *выписка изъ Посошкова* очень интересна, а главное въ ней есть мѣста, которыя могутъ навлечь тебѣ непріятность; давно ли ты чуть не попалъ въ бѣду, а теперь опять помѣщаешь, въ наше время, слишкомъ свободныя разсужденія; правда, благомыслящіе увидятъ, что это разсужденія Посошкова, не твои, но Булгарины придерутся и укажутъ на нихъ, какъ на мѣста тобою избранныя, слѣдовательно—какъ бы тебѣ принадлежащія, выведутъ изъ того, что духъ, которымъ ты водишься и который распространяешь, опасенъ, а это много или мало принесетъ тебѣ вредъ на будущемъ твоемъ поприщѣ историка. Воля твоя, а благоразуміе требуетъ избѣгать таковыхъ случаевъ не изъ страху, а для пользы самаго дѣла. Ты же объявилъ, что скоро напечатаешь все сочиненіе Посошкова, ну тамъ бы и помѣстилъ ихъ, еслибы и вышло что, запретили бы книгу да и только, а журналъ бы остался въ покоѣ, а теперь Богъ знаетъ" [261]).

Въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, бывшемъ 21 февраля 1842 года, подъ предсѣдательствомъ А. Д. Черткова и въ присутствіи членовъ: Снегирева, Строева, Макарова, Шевырева, Вельтмана, Иванчина-Писарева, Пассека, Даниловича и Дубенскаго, Погодинъ представилъ приготовленное имъ къ печати изданіе Посошкова, и Общество опредѣлило: „издать Посошкова на иждивеніе Общества, въ пользу издателя въ числѣ тысячи двухсотъ экземпляровъ". При этомъ П. М. Строевъ „предложилъ воспользоваться у него находящимся спискомъ для сличенія" [262]).

Отпечатавъ Посошкова, Погодинъ поднесъ его многимъ сановникамъ. Такъ, посылая экземпляръ князю А. С. Меншикову, онъ писалъ ему: „Честь имѣю представить вашему сіятельству изданныя мною политическія сочиненія крестьянина Ивана Посошкова, временъ Петра Великаго. Осмѣливаюсь

считать ихъ не недостойными вниманія мужей государственныхъ нашего времени“. Самъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ писалъ Погодину: „Имѣвъ честь получить изданныя вами сочиненія Посошкова и прочитавъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ, я вмѣнилъ себѣ въ пріятную обязанность чувствительнѣйше благодарить васъ за доставленіе мнѣ случая узнать великія и отличительныя способности Русскаго крестьянина, а главнѣйше по статьѣ: *Отеческое завѣщательное поученіе*, посланному для обученія въ дальныя страны юному сыну, которое преисполнило душу мою живѣйшимъ удовольствіемъ“. Погодинъ не забылъ также *Эолову Арфу*, А. И. Тургенева, которому писалъ: „Въ знакъ искренняго моего почтенія къ вашей апострофѣ о варварскомъ Сибирскомъ правѣ, на вечерѣ у И. В. Кирѣевскаго, прошу принять отъ меня изданныя мною сочиненія одной чисто Русской головы, которая умѣла думать и безъ Западнаго ученія,—Посошкова. Я увѣренъ, что вы прослезитесь надъ нѣкоторыми страницами, потому что сердце-то у васъ бьется по Русски, когда даже вы и по Французски говорите“.

Труды Погодина по изданію Посошкова удостоились *Высочайшаго благоволенія.* Но когда объ этомъ узналъ графъ С. Г. Строгановъ, то написалъ Погодину письмо, которое повергло его въ отчаяніе. „Въ 13 № *Сѣверной Пчелы*“, писалъ графъ Строгановъ,—„нынѣшняго 1843 года нечаянно прочелъ я извѣстіе о Высочайшемъ благоволеніи, объявленномъ вашему высокоблагородію, за поднесеніе Государю Императору экземпляра изданной вами книги: *Сочиненія Ивана Посошкова.* Какъ мнѣ извѣстно, изданіе этой книги, которое состоитъ только въ перепечатаніи, произведено на счетъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, то я и считаю себя въ необходимости сдѣлать вамъ, милостивый государь, *замѣчаніе*, что и поднесеніе ея, еслибъ оно признано было нужнымъ, должно быть сдѣлано отъ самого Общества, ибо оно только вправѣ располагать такимъ образомъ своимъ изданіемъ.

Сообщая вамъ это *замѣчаніе*, я покорнѣйше прошу васъ

милостивый государь, въ случаѣ если не сдѣлано отъ Общества какихъ-либо неизвѣстныхъ мнѣ распоряженій, по которымъ изданіе сочиненій Посошкова предоставлено въ вашу собственность, доложить содержаніе настоящаго предложенія моего въ первомъ имѣющемъ быть засѣданіи Общества, съ тѣмъ, чтобы оно, руководствуясь общепринятыми формами, не иначе представляло къ поднесенію издаваемыя имъ сочиненія Государю Императору, какъ чрезъ посредство своего президента".

Это письмо крайне оскорбило Погодина, и онъ отвѣтилъ Президенту въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „На письмо вашего сіятельства изъ Петербурга симъ отвѣчать честь имѣю: 1) сочиненіе Посошкова составляетъ мою собственность, и издано мною, а не Московскимъ Обществомъ Исторіи, только на иждивеніе Общества, и это напечатано на заглавномъ листѣ,—въ мою пользу, за что въ предисловіи и принесена благодарность Обществу. 2) Оно не состоитъ *только въ перепечатаніи*, какъ вы изволите, къ оскорбленію моему, писать, а напечатано мною съ рукописи мною найденной. 3) Представлены они г. Министру, а не Президенту Общества, потому что и въ рукописи были представляемы ему же, для испрошенія Высочайшаго соизволенія на напечатаніе. Получивъ разрѣшеніе отъ г. Министра, а не отъ Общества, я не могъ, не имѣлъ права и не смѣлъ представлять напечатанное сочиненіе ни Обществу, ни Президенту на судъ, по вашимъ словамъ—*признáютъ ли еще они нужнымъ поднесеніе или нѣтъ Государю Императору*. Страдая кровотеченіемъ изъ горла впродолженіи двухъ мѣсяцевъ предъ лицомъ всего Университета и читая лекціи вопреки приказаніямъ почти всѣхъ членовъ медицинскаго факультета, я, по единогласному ихъ приговору, долженъ избѣгать всякаго волненія, если не хочу подвергнуть жизнь свою опасности. Вы можете судить сами, ваше сіятельство, должны ли произвести волненіе и огорченіе такія не заслуженныя *замѣчанія* въ профессорѣ, который служитъ усердно и безпорочно слишкомъ двадцать лѣтъ и который разстроилъ свое здоровье, для службы, учеными трудами,

коихъ ни одинъ личный врагъ его отвергнуть не смѣетъ? Въ самую сладостную минуту, какую только можетъ имѣть русскій гражданинъ и вѣрноподданный, въ минуту *Высочайшаго благоволенія*, вы присылаете мнѣ съ поспѣшностію изъ Петербурга *строгій выговоръ*, прибавляя даже литературное оскорбительное и несправедливое замѣчаніе, по поводу поднесенія той книги, которая доставила мнѣ неоцѣненное счастіе! Вы изволите называть *только перепечатаніемъ* мое открытіе, которое я считаю счастливѣйшимъ въ моей жизни литературной... Такія послѣдовательныя дѣйствія въ продолженіи трехъ лѣтъ не только лишаютъ меня надежды на всякое снисхожденіе и пощаду со стороны вашего сіятельства, еслибъ случилось мнѣ, по свойственной человѣку слабости, дѣйствительно преступиться, какъ журналисту и профессору, но и производятъ во мнѣ и семействѣ моемъ опасеніе за всю мою службу и самую жизнь... Объ опасныхъ слѣдствіяхъ волненія для меня въ моей болѣзни можетъ засвидѣтельствовать вамъ мой врачъ, профессоръ Иноземцевъ. По всѣмъ симъ причинамъ я нахожусь вынужденнымъ оставить Университетъ и предупредить о томъ ваше сіятельство. Просьбу оффиціальную объ увольненіи я не подаю теперь потому только, что считаю себя обязаннымъ извѣстить заблаговременно о своемъ намѣреніи г. Министра, котораго просвѣщенному покровительству, вниманію и ободренію я одолженъ столько, что готовъ принести какія угодно ему жертвы и читать лекціи хотя съ одра болѣзни, въ случаѣ его желанія. Въ ожиданіи же рѣшенія, я умоляю ваше сіятельство внять гласу человѣколюбія и освободить меня до моего облегченія отъ выговоровъ за такія дѣйствія, въ коихъ сами вы, какъ нынѣ, не изволите быть увѣренными“.

L.

Мы уже знаемъ, что Погодинъ давно мечталъ сойти съ каѳедры Московскаго Университета и окончательно углубиться

въ изученіе Русской Исторіи. Мы также знаемъ и то, что въ преемники себѣ онъ прочилъ В. В. Григорьева и А. Ѳ. Бычкова. Оба они дѣятельно приготовлялись къ предстоящему имъ поприщу. „Магистерскій экзаменъ подвигается впередъ", писалъ Бычковъ Погодину,—„но медленными шагами, теперь занимаюсь Новою Исторіею. Переходъ мой въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не состоялся. Я отказался отъ мѣста, котораго искалъ, по причинѣ многочисленности занятій, которыя, поглотя все свободное время, превратили бы меня ни болѣе, ни менѣе какъ въ форму канцелярскаго отношенія съ нумеромъ на боку" [263]).

Съ своей стороны и Григорьевъ, въ Одессѣ, приготовлялся къ экзамену и писалъ уже диссертацію о ханскихъ ярлыкахъ, пользуясь указаніями друга П. М. Строева, Ярцова, котораго Григорьевъ считалъ однимъ изъ первѣйшихъ знатоковъ Татарскихъ нарѣчій. Наконецъ, 1 февраля 1842 года, Григорьевъ оставляетъ Одессу и ѣдетъ въ Москву добывать магистерства. Изъ Москвы онъ писалъ Савельеву: „На дняхъ будетъ мой первый экзаменъ. Погодинъ прочитъ меня въ преемники себѣ по каѳедрѣ Русской Исторіи въ Московскомъ Университетѣ. Хочетъ передать и изданіе *Москвитянина*". По свидѣтельству Н. И. Веселовскаго, „пребываніемъ въ Москвѣ Григорьевъ не могъ быть недоволенъ. Уже одно предложеніе Погодина доставляло ему великое торжество и льстило самолюбію. А. Д. Чертковъ, познакомившись съ Григорьевымъ, тоже старался удержать его въ Москвѣ и убѣждалъ попечителя, графа С. Г. Строганова, не упускать Григорьева..." О своемъ экзаменѣ самъ Григорьевъ писалъ Савельеву: „Ну, Савка, кажись, что подъ старость лѣтъ дадутъ мнѣ, наконецъ, магистерство за многія претерпѣнныя мною страданія и великія отдаленныя совершенныя мною странствованія. Экзаменъ свой не считаю весьма великолѣпнымъ; иные находятъ напротивъ, что я сдалъ экзаменъ „торжественно". Передъ приступленіемъ къ оному Погодинъ прочелъ рѣчь о великихъ заслугахъ моихъ относительно Русской Исторіи. Теперь остается только защитить диссертацію.

Диссертація не глупа и дѣльна, но написана скверно...., что *Библіотека для чтенія* замѣтитъ всеконечно, если только О. И. Сенковскій не пройдетъ ее презрительнымъ молчаніемъ“ [264]).

Между тѣмъ объ экзаменѣ Григорьева Погодинъ заявилъ въ своемъ *Москвитянинѣ* слѣдующее: „Молодой извѣстный оріенталистъ нашъ Григорьевъ, помѣстившій дѣльное разсужденіе въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* о древнихъ походахъ Руси на восточныя страны, и другія примѣчательныя статьи, равно и въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ*, переведшій *Исторію Монголовъ* съ Персидскаго, пріѣхалъ въ Москву изъ Одессы искать степени магистра въ нашемъ Университетѣ, по части Россійской Исторіи. Ему задана диссертація о предметѣ, у насъ совершенно новомъ и пропускаемомъ въ исторіи: *Достовѣрность ханскихъ ярлыковъ*“ [265]).

Но всѣмъ этимъ былъ очень недоволенъ попечитель Одесскаго учебнаго округа, Д. М. Княжевичъ, и письменно упрекалъ Погодина: „Григорьевъ воленъ дѣлать, что хочетъ, хотя мнѣ очень больно будетъ его потерять, но его святая воля! Держать его я не могу, да мнѣ и нечѣмъ. Вамъ, господа, хорошо переманивать, но еслибъ вы знали, какъ намъ, при нашемъ безлюдьи, тяжело терять!“ [266])!

По свидѣтельству Н. И. Веселовскаго защита Григорьевымъ диссертаціи „прошла блистательно, и еще сильнѣе Москвичи стали желать удержать его въ Москвѣ“. Во время своего пребыванія въ Москвѣ Григорьевъ посѣщалъ своего университетскаго товарища Т. Н. Грановскаго и объ этомъ писалъ Савельеву: „Грановскій очень счастливъ съ своей нѣмочкой... У него собираются лучшіе Московскіе геніи—люди съ чувствомъ, съ умомъ, но которые мнѣ не нравятся почему-то. Много говорятъ, много пьютъ, мало дѣлаютъ. А есть здѣсь молодежь многообѣщающая; только эгоизмъ развитъ во всѣхъ въ ужасной мѣрѣ. Отечество—пустой звукъ для ихъ ума, не проникающій въ грудь“.

Но цѣль Григорьева, какъ свидѣтельствуетъ Н. И. Весе-

ловскій, была не каѳедра Русской Исторіи въ Московскомъ Университетѣ. У него былъ „другой планъ сокровенный, который онъ высказалъ только Савельеву—переселиться въ Петербургъ и современемъ занять каѳедру Джафара Топчибашева въ Петербургскомъ Университетѣ“ [267]). По возвращеніи въ Одессу Григорьевъ написалъ слѣдующее замѣчательное письмо Погодину: „Дѣло идетъ о каѳедрѣ Русской Исторіи въ Москвѣ—предметѣ очень важномъ для меня и интересномъ для васъ. Вести разговоръ изустно теперь потерянъ для меня случай; надо переписываться по необходимости, итакъ прошу прослушать. Вы желаете имѣть меня преемникомъ по каѳедрѣ. Это желаніе высказывали вы мнѣ не разъ въ Москвѣ. Что оно не перемѣнилось съ тѣхъ поръ, доказываетъ вопросъ вашъ въ послѣднемъ письмѣ: *принялся ли я вплотную за Русскую Исторію*? Желаніе это—выраженіе расположенія вашего ко мнѣ—принималъ я и принимаю съ благодарностію, тѣмъ живѣйшею, что не сдѣлалъ ничего, чтобы заслужить его, что еще слишкомъ мало вамъ извѣстенъ. Но это же самое обстоятельство могло подать поводъ къ недоразумѣніямъ, и требуетъ, чтобъ мы объяснились. Избирая меня въ преемники себѣ, вы думаете, быть можетъ, почтеннѣйшій Михайло Петровичъ, что я совершенно одинаковыхъ историческихъ вѣрованій съ вами. Въ такомъ случаѣ вы нѣсколько ошибаетесь во мнѣ. Мы сходимся совершенно только въ любви къ Россіи и Словенскому міру, но въ другихъ пунктахъ нѣсколько разнаго мнѣнія. Вы вѣрите, напримѣръ, въ непреложность Нестора, а я не очень (какъ думаю я объ немъ можете увидѣть изъ статьи моей *О Куфическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи, какъ источникахъ для древнѣйшей Отечественной Исторіи*, помѣщенной въ *Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей*. Отдѣльный отпечатокъ ея посланъ къ А. Д. Черткову. Вамъ вышлю таковой же при первомъ случаѣ); вы вѣрите въ достовѣрность древнѣйшей Русской Исторіи въ томѣ видѣ, въ какомъ она теперь, а я не совсѣмъ, потому что многаго въ ней не могу себѣ объ-

яснить. Я не послѣдователь Каченовскаго, но и не Шлецеристъ, уважаю труды трудившихся, но думаю, что для проясненія судебъ и значенія Русскаго народа сдѣлано еще очень, очень мало. Это одно; но положимъ, какъ я и ожидаю, что вы не нашли бы ничего предосудительнаго въ моихъ понятіяхъ о Русской Исторіи, и что они не измѣнятъ вашего желанія,— остается и въ такомъ случаѣ еще много препятствій: согласится ли на это предложеніе Министръ, Попечитель, Совѣтъ? Вы не тотчасъ же оставите Университетъ, а адъюнктской каѳедры я не возьму. Да еслибы приняли и экстраординарнымъ, такъ какъ повести дѣло? Основать другую каѳедру Русской Исторіи — дѣло не легкое, и проч. и проч. Это другое, самое же огромное препятствіе заключается въ собственномъ моемъ сознаніи, что, покуда я недостоинъ быть профессоромъ Русской Исторіи въ первомъ отечественномъ Университетѣ, въ сердцѣ Россіи, въ городѣ, гдѣ есть тьма людей цѣлую жизнь занимающихся этимъ предметомъ. Какими глазами будутъ они смотрѣть на меня, а я на нихъ. Притомъ, я вездѣ стремлюсь къ идеаламъ: какъ посмотрю на идеалъ Русской Исторіи, который создало на досугѣ мое воображеніе, такъ возможность не то что достигнуть его, а такъ подойти къ нему за версту представляется мнѣ столь недостижимою, что морозъ по кожѣ подираетъ, становится страшно, нападаетъ отчаяніе—и я теряю силы. Одинъ хотѣлъ бы я сдѣлать то, что дѣлается сотнями людей въ десятки лѣтъ. Явно, что это невозможно, а между тѣмъ невозможность эта огорчаетъ меня. Что будете вы дѣлать съ этой взбалмошной головой! Но, въ то время, когда чортъ идеальности не давитъ меня, и я смотрю на вещи холодно, глазами дѣйствительности, меня забираетъ страшная охота проповѣдывать Русскую Исторію, и именно въ Москвѣ. Сознавая, что покуда я еще школьникъ по свѣдѣніямъ моимъ въ ней, я чувствую въ то же время, что черезъ три—четыре года постоянныхъ занятій, мнѣ бы ни передъ кѣмъ не было стыдно, никто бы меня за поясъ не заткнулъ. Сознавая еще, что есть много людей въ сто разъ

болѣе меня свѣдущихъ и даровитыхъ, людей, которые бы могли преподавать Русскую Исторію въ десять разъ лучше меня, я чувствую также и то, что едвали нашелся бы между ними хоть одинъ, кто читалъ бы ее съ такими благими намѣреніями для Отечества, съ такою горячею и просвѣщенною любовью къ родинѣ, съ такимъ пламеннымъ желаніемъ принести пользу и посѣять въ слушателяхъ добрыя сѣмена, а это желаніе—залогъ успѣха, хотя въ половину: *толцыте и отверзется.* Какъ же быть, какъ согласить всѣ эти противорѣчія? Я думаю вотъ какъ: Строгановъ предлагалъ мнѣ каѳедру Исторіи Востока—я и буду проситься на нее, и перейду въ Москву, а читая Исторію Востока, предметъ, которымъ я такъ занимался, буду между тѣмъ работать надъ Русскою Исторіею и готовиться сѣсть на ваше мѣсто. Поѣдете вы куда, по Россіи или за границу, я стану, пожалуй, читать за васъ временно, въ вашемъ же духѣ и по вашему указанію; а тамъ, когда вы отслужите свои двадцать пять лѣтъ, перейду на вашу каѳедру. Въ Москвѣ во всякомъ случаѣ сподручнѣе заниматься Русскою Исторіею, чѣмъ въ Одессѣ. Покуда я буду оставаться въ послѣдней, я ничего не сдѣлаю въ этомъ отношеніи, вопервыхъ потому, что меня безпрестанно будутъ отвлекать другими работами—для Общества Древностей; вовторыхъ, потому что здѣсь нѣтъ и десятой доли нужныхъ пособій. Итакъ, надо переходить сначала на каѳедру Исторіи Востока, и я готовъ хоть этимъ лѣтомъ. Какъ вамъ кажется все это, Михайло Петровичъ? Мое мнѣніе то, что и во сто лѣтъ нельзя придумать ничего умнѣе. Такимъ образомъ исполнится и ваше желаніе, и мое, и Строганова. На всѣхъ угодимъ. Чего же лучше? Отпишите обстоятельно, одобряете ли вы этотъ планъ, и если нѣтъ, такъ почему. Вы понимаете, какъ важенъ мнѣ отвѣтъ, потому, надѣюсь, не откажете въ немъ“.

Въ отвѣтъ на это письмо Погодинъ немедленно написалъ Григорьеву слѣдующее: „Благословляю! Прекрасно! Но вы не написали мнѣ только ни слова о томъ, какъ рѣшились вы съ Дмитріемъ Максимовичемъ Княжевичемъ? Устроясь, пишите

прямо къ графу Строганову: *вы предлагали мнѣ... я не рѣшался, ибо... но теперь обстоятельства перемѣнились, я...* Его дѣло уже будетъ сотворить мѣсто или принять другія мѣры. Напишу только нѣсколько словъ о вашемъ письмѣ. *Мы сходимся въ любви къ Россіи, но только разнаго мнѣнія.* Въ чемъ же? *Шлецеристъ,* это слово нынѣ безъ смысла. Что осталось отъ Шлецера? Ничего. Я совѣтую молодымъ студентамъ читать его чтобъ загорѣться любовію къ дѣлу, чтобъ пріучиться къ методѣ чтобъ получить ученое уваженіе къ Русской Исторіи—вотъ и все. Что касается до мыслей, онѣ почти уже всѣ устарѣли, или переработаны, проведены далѣе. Шлецеристомъ нынѣ быть нельзя. Я благоговѣю передъ Шлецеромъ, но мнѣніе его о Руссахъ 866 г., неизвѣстно откуда пришедшихъ и куда ушедшихъ, считаю нелѣпымъ; мнѣнія его о Сагахъ—дѣтскими; о шведизмѣ Варяговъ-Руси—неосновательными, о варіантахъ—неприкладными; объ Исторіи народовъ съ перваго только объ нихъ упоминовенія, а не прежде—обветшалымъ; о важности лѣтописей передъ другими источниками, напримѣръ, языкомъ и проч.—отсталыми; о качествахъ и достоинствахъ Русской лѣтописи, напримѣръ, Никоновскаго списка, Воскресенскаго и проч.—поверхностными. Ну, что же остается отъ него, повторяю? Его огонь, его духъ, его энергія, его примѣръ, его указанія. *Вы вѣрите въ непреложность Нестора.* Да у меня цѣлая глава посвящена его сказкамъ, и самъ Шлецеръ сказалъ еще вамъ: разберите 1) что написалъ Несторъ, 2) что разумѣлъ онъ подъ своими словами, 3) въ чемъ онъ ошибся. Какого лѣтописателя среднихъ вѣковъ можно считать непреложнымъ? Вообще—это другое дѣло. Видно, вы меня не знаете. Двумя этими словами вы показали, что вы начинаете изучать Русскую Исторію, прочли по разу, но что не перечли по десяти разъ сего, того и онаго, а судите поверхностно. Я перечитываю Шлецера и Карамзина почти всякіе два года. Читать, читать и перечитывать. Что не можете объяснить себѣ въ Древней Русской Исторіи—напишите мнѣ хотя по частямъ. Вообще—она ясна для меня, какъ день. Частности—о, это другое дѣло. Да я и не придаю

имъ большой важности. *Для поясненія судебъ Русскаго народа сдѣлано еще очень мало.* Если вы говорите это въ отношеніи ко всей Русской Исторіи—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Пройдена большая дорога—окрестности почти terra incognita. Но для Древней Исторіи (періода Варяжскаго) нечего почти дѣлать больше. Періодъ предъ-Варяжскій—о, это тоже поле не воздѣланное. Пишите мнѣ о вашихъ неудомѣніяхъ, пока мы не будемъ жить вмѣстѣ. Для меня они будутъ полезны, указывая мнѣ, на что должно обратить особенное вниманіе, указывая на точки, съ коихъ другіе смотрятъ. Особенно прошу о первомъ періодѣ, отъ 862 года до 1054, который я издаю. Мнѣ хочется осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ. О *Москвитянинѣ* я, разумѣется, спрашивалъ вашего письменнаго мнѣнія. На что мнѣ печатное".

Въ томъ же 1842 году Н. И. Надеждинъ, какъ мы видѣли въ письмѣ Григорьева, оставилъ Одессу и переселился въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ онъ написалъ Погодину примирительное письмо и для укрѣпленія мира препроводилъ къ нему большую статью о *Русской Философіи*. „Вотъ тебѣ, Михулько", писалъ онъ, — „статья—очень длинная, и, надѣюсь, не незанимательная. Я посылаю ее тебѣ *gratis*, отъ того, что цѣны твои очень низки, и я никакъ не хочу марать ими своихъ рукъ. Прими это, какъ воздаяніе за твое нѣкогда сотрудничество въ „*Телескопѣ*", и съ тѣмъ вмѣстѣ убѣдись, какъ ты былъ глупъ и несправедливъ, впрочемъ больше жалокъ, чѣмъ смѣшонъ, съ твоимъ ощетинившимся противъ меня самолюбіемъ. Я писалъ тебѣ послѣднее письмо отъ сердца, а ты принялъ его съ сердцемъ. Въ самомъ дѣлѣ, отсылать тебя къ черту еще рано. Можетъ быть, изъ тебя и выйдетъ что путное, если вдумаешься хорошенько въ себя и въ свое дѣло. *Препираться съ таковымъ Бенигною, какъ ты*, да и вообще съ кѣмъ бы то ни было и о чемъ бы то ни было, я, какъ заговаривалъ Каченовскій, *не намѣренъ*. Усталъ суесловить! Занимайся ты какъ умѣешь и какъ знаешь. А я буду заниматься, какъ я умѣю и знаю. Столкнемся—поклонимся, какъ

подобаетъ чиннымъ, степеннымъ людямъ, а не тѣмъ, которыхъ ты называешь моими *воспитанниками* и у которыхъ, однако, самъ не стыдишься, на старости лѣтъ, *воспитываться* въ замашкахъ журналистскихъ. Ну да что тутъ толковать".

Но статья Надеждина почему-то не была напечатана въ *Москвитянинѣ*. „Надоумка (то-есть, Надеждинъ)", писалъ Д. М. Княжевичъ Погодину, — „ужасно скучаетъ въ Петербургѣ. Жаль его! Что его статья о *Философіи въ Россіи*? Жаль, если не будетъ напечатана". Самъ же Надеждинъ писалъ Погодину: „Назадъ тому мѣсяца два я послалъ тебѣ большую статью о *Русской Философіи*. Я писалъ ее именно для твоего журнала. Но впослѣдствіи оказались обстоятельства, по которымъ помѣщеніе ея дѣлается неумѣстнымъ именно въ твоемъ журналѣ. Полагая, что статья уже напечатана, или изготовлена къ печати, я хотѣлъ было предоставить ее своей судьбѣ и не рѣшался тебя тревожить. Но теперь, узнавъ отъ Григорьева, что печатаніе ея отложено до іюня, прошу тебя вовсе имъ остановиться и сберечь статью до моего пріѣзда въ Москву, въ случаѣ же, если ты уѣдешь раньше, оставить ее С. Т. Аксакову" [263]).

Эмиграція ученыхъ изъ Москвы въ Петербургъ не прекращалась. Вслѣдъ за А. Н. Поповымъ оставилъ Москву и другой ученикъ Погодина, а впослѣдствіи его сопротивникъ, Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ.

Въ 1841 году Кавелинъ сдалъ экзаменъ на магистра Гражданскаго права и началъ писать магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ: *Основныя начала Русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ*. Принадлежа по направленію къ западному лагерю, тѣмъ не менѣе Кавелинъ былъ близокъ къ Хомякову и читалъ ему отрывки изъ своей диссертаціи.

По свидѣтельству Д. А. Корсакова, „мать Кавелина была весьма недовольна и новыми знакомствами своего сына, и его, съ ея точки зрѣнія, праздною жизнью. Она противилась его

стремленіямъ къ профессурѣ и мечтала о служебной для него карьерѣ въ Петербургѣ, въ одномъ изъ Министерствъ. Отецъ Кавелина обвинялъ его въ вольнодумствѣ и также не сочувствовалъ его планамъ на будущее. Все это заставило, наконецъ, Кавелина покориться родительскимъ требованіямъ, и онъ рѣшился ѣхать служить въ Петербургѣ. Москву онъ оставилъ 7 мая 1842 года" [269]). Хомяковъ напутствовалъ Кавелина, какъ прежде товарища его Попова, самымъ теплымъ письмомъ къ А. В. Веневитинову: „Вотъ тебѣ еще рекомендательное письмо", писалъ онъ, — „Попова я къ тебѣ адресовалъ ради его пользы, Кавелина (Константина Дмитріевича) адресую къ тебѣ столько же ради его пользы, сколько и пользы общей. Онъ въ Петербургѣ не проѣздомъ, а на службу. По разнымъ обстоятельствамъ онъ не можетъ оставаться въ Москвѣ для окончанія своей диссертаціи на магистра и долженъ ѣхать въ Питеръ. Цѣль его уже кончить диссертацію тамъ и пріѣхать опять сюда для диспута. Часть его диссертаціи ты, вѣроятно, знаешь. Она была въ *Юридическихъ Запискахъ* и можетъ считаться истинно подвигомъ ученымъ. Хвалить его нечего, онъ самъ себя уже похвалилъ дѣломъ; но кромѣ ума и знаній я скажу, что онъ человѣкъ славный, весьма способный къ любви, къ труду и ко всему доброму. Мнѣ жаль, что Москва его рано отдаетъ. Надобно бы еще устояться слишкомъ молодому характеру (въ лучшемъ смыслѣ молодой) и молодымъ убѣжденіямъ. Но каковъ онъ есть, для васъ онъ великое пріобрѣтенье. Donnez lui quelques bons coups d'épaule, et poussez le, s'il est possible. Служба должна такими людьми дорожить; помѣсти его къ Панину. Сверхъ того, будь къ нему друженъ и привѣтливъ. Обстоятельства дали его характеру нѣсколько раздражительности или лучше сказать недовѣрчивости. Онъ не легко вѣритъ, чтобы его любили. Впрочемъ, этотъ недостатокъ въ немъ не силенъ и нисколько не мѣшаетъ въ сношеніяхъ пріятельскихъ" [270]).

Въ Петербургѣ Кавелинъ возобновилъ знакомство и сблизился съ своимъ бывшимъ учителемъ Бѣлинскимъ. Этому сбли-

женію послужило то обстоятельство, что Кавелинъ поселился у Н. Н. Тютчева, жившаго съ Кульчицкимъ, на Михайловской площади въ домѣ Жербина. Бѣлинскій любилъ посѣщать этотъ кружокъ, въ который входили: И. И. Панаевъ, И. С. Тургеневъ, пріѣзжавшій изъ Москвы В. П. Боткинъ, М. А. Языковъ и И. И. Масловъ. По свидѣтельству позднѣйшихъ воспоминаній К. Д. Кавелина, „Бѣлинскаго въ ихъ кружкѣ не только нѣжно любили, но и побаивались. Каждый пряталъ гниль, которую носилъ въ своей душѣ, какъ можно подальше. Бѣда, если она попадала на глаза Бѣлинскому... Панаеву не мало доставалось за его суетность, мнѣ за прекраснодушіе и за словенофильскія наклонности, которыя въ то время были очень сильны. Вліяніе Бѣлинскаго на мое умственное и нравственное воспитаніе за этотъ періодъ моей жизни было неизмѣримо, и оно никогда не изгладится изъ моей памяти“. Кавелинъ упоминаетъ также, что къ И. С. Тургеневу благоволилъ Бѣлинскій между прочимъ и за нѣсколько стиховъ его въ *Парашѣ* „отрицательнаго и демоническаго свойства“. О самомъ кружкѣ Кавелинъ между прочимъ пишетъ: „Аристократическимъ изяществомъ людей съ достаткомъ всѣ мы, кромѣ Панаева и Тургенева, не отличались. Аристократическіе салоны и литературные тузы были намъ извѣстны только по имени“.

Не знаемъ о другихъ членахъ этого кружка, но что касается до К. Д. Кавелина, то знаемъ, что для него аристократическіе салоны не были заперты, и литературные тузы были ему извѣстны не по одному только имени. Онъ былъ крестникомъ Жуковскаго и пользовался именно въ это время самымъ добрымъ расположеніемъ князя Петра Андреевича Вяземскаго, къ которому такъ несправедливъ былъ именно Бѣлинскій. Да и самъ же Кавелинъ писалъ слѣдующее къ сестрѣ своей С. Д. Корсаковой (отъ 29 декабря 1842 года): „Изъ всей этой знати знакомъ съ однимъ княземъ Вяземскимъ, который мало похожъ на нихъ, трактуетъ меня d'égal à égal, и даже самъ былъ у меня ужъ нѣсколько

разъ. Сверхъ того, князь Вяземскій есть лучшее воспоминаніе о моихъ Московскихъ друзьяхъ, которыхъ память живетъ во мнѣ и, думаю, умретъ со мною“ [271]). Наконецъ, рекомендательное письмо Хомякова къ М. А. Веневитинову открывало ему настежъ двери въ блистательный и благородный салонъ Вьельгорскихъ.

LI.

Въ апрѣльской книжкѣ *Москвитянина* 1842 года, Погодинъ заявилъ, что „пріѣзжавшій въ Москву А. А. Куникъ учиться Русской Исторіи и познакомиться съ литературою, на дняхъ уѣхалъ въ Берлинъ“. При этомъ Погодинъ выражаетъ желаніе, чтобы пріобрѣтенныя имъ въ Москвѣ свѣдѣнія онъ употребилъ „съ пользою и безпристрастіемъ“ [272]).

Живучи въ Москвѣ, А. А. Куникъ уже тогда своими познаніями обратилъ на себя вниманіе многихъ почтенныхъ людей. Такъ, А. Д. Чертковъ, занимаясь изслѣдованіемъ о Лѣтописи Манассіи, въ которой повѣствуется о войнѣ Святослава въ Болгаріи, писалъ Погодину: „Я весьма благодаренъ г. Кунику за всѣ его замѣчанія и весьма бы желалъ съ нимъ лично познакомиться. Нельзя ли ему ко мнѣ пріѣхать въ субботу. Мнѣ бы весьма хотѣлось съ нимъ поговорить о предметѣ, какъ вижу изъ его замѣчаній, весьма ему знакомымъ“ [273]).

Прощаясь съ Москвою, А. А. Куникъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* замѣчательный разборъ сочиненія Рейца, вышедшаго въ 1841 году, въ Дерптѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Учрежденіе и правное состояніе Далматскихъ прибрежныхъ городовъ и острововъ въ Среднихъ Вѣкахъ*. Въ заключеніе этого разбора А. А. Куникъ сказалъ: „Южно-Словенскія общины представляютъ поразительное сходство съ развитіемъ жизни сѣверо-Словенскихъ общинъ Пскова, Новгорода и Вятки, которое отнюдь не было, какъ думаютъ нѣкоторые историки, слѣдствіемъ одной мѣстности и случайныхъ благопріятныхъ

происшествій. Жизнь Словенская избрала себѣ такую форму на сѣверѣ и на югѣ, по естественному своему ходу вещей. Тѣ и другія общины погибли отъ одной и той же политической болѣзни, отъ коей могло исцѣлить ихъ только сильное и безпрестанно возвышающееся къ идеѣ чистой монархіи самодержавіе. Сѣверные, нашедши это исцѣленіе, были счастливы, а южные переходили изъ однѣхъ рукъ чужеплеменниковъ въ другія, и Богъ знать когда перемѣнится ихъ судьба. Эта болѣзнь состояла въ томъ, что не было никакой внутренней идеи, которая бы соединила всѣ народонаселенія Словенскихъ общинъ въ одно живое стройное цѣлое; поэтому какъ скоро усилились маленькія общины въ своей внутренней жизни, то отдѣлились отъ главныхъ. Мы это особенно видимъ въ Далмаціи въ исторіи Дубровника и въ Россіи въ отношеніяхъ Пскова къ Новугороду. Господствующее сословіе, то-есть, городская аристократія не только не знала, какъ привязывать къ себѣ пригороды, чтобы имѣть въ нихъ сильную, готовую и добровольную помощь, въ случаѣ раздора съ внѣшними врагами, но даже производила своими насильственными поступками въ простомъ народѣ совершенную нечувствительность къ своей собственной судьбѣ. Исторія Новагорода и Пскова сдѣлалась бы для насъ еще яснѣе, еслибы имѣли хорошую подробную исторію Дубровника. Безъ сомнѣнія, мы поняли бы лучше отношеніе аристократіи Новгорода къ Московскимъ самодержцамъ, еслибы могли вполнѣ оцѣнить поступки Дубровника съ Боснійскими, Сербскими и Венгерскими князьями“ [274]).

Въ Берлинъ А. А. Куникъ поѣхалъ черезъ Петербургъ, и по дорогѣ видъ Новгорода произвелъ на него очень свѣтлое впечатлѣніе и ему желалось подольше остаться въ этомъ городѣ, „чтобы предаться воспоминаніямъ объ историческомъ прошломъ города“.

Въ Петербургѣ А. А. Куникъ видѣлся съ Загряжскимъ, который принялъ его ласково, но быть полезнымъ ему, при всемъ желаніи, не могъ. Свиданіе же съ А. Ѳ. Бычковымъ не состоялось,

такъ какъ городской адресъ его оказался неизвѣстенъ А. А. Кунику, а идти въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія онъ считалъ для себя неудобнымъ, такъ какъ не желалъ встрѣтиться тамъ съ Министромъ.

Въ маѣ 1842 года А. А. Куникъ уже былъ въ Берлинѣ и оттуда сообщаетъ Погодину о своемъ пребываніи въ этомъ городѣ, о знакомствахъ съ Фарнгагеномъ, Цибульскимъ и Пертесомъ; о Мансуровѣ онъ пишетъ, что его трудно застать по случаю весеннихъ маневровъ. Далѣе А. А. Куникъ сообщаетъ, что его университетскій другъ Гутцейтъ сдѣлалъ большіе успѣхи по исторической географіи, и что составленныя имъ своеобразно и оригинально историко-географическія карты заслужили одобреніе министра Эйхгорна.

Объ отношеніяхъ Берлина къ Россіи и къ Словенству А. А. Куникъ пишетъ: „Здѣсь, при всей своей осторожности и миролюбіи, я могу наткнуться на препятствія. Атмосфера Берлина тяжела и до того исполнена духомъ недостойной оппозиціи, что я долженъ быть въ высшей степени осторожнымъ, чтобы возвыситься надъ злобою дня. Но чѣмъ ближе всматриваюсь я въ вещи, тѣмъ болѣе вижу, что честныя стремленія Короля не будутъ оцѣнены по достоинству. Такъ же сильно поражаетъ меня этотъ пошлый либерализмъ и соединенное съ нимъ отвращеніе ко всему Русскому. Оно еще сильнѣе прежняго, въ чемъ также сознается Фарнгагенъ; но это отвращеніе еще болѣе прежняго основывается на ослѣпленіи и на пустыхъ призракахъ, такъ что я какъ можно менѣе говорю о Россіи въ надеждѣ на болѣе свѣтлые дни. Въ высшей степени жалко, что здѣшняя ученая Словенская каѳедра досталась поляку, которому къ тому же предписано министерствомъ говорить преимущественно о западно-Словенскомъ элементѣ и лишь для сравненія привлекать южное и восточное Словенство. Удивительно ли послѣ того, если *Польша оказывается главою Словенства*, какъ написано въ одномъ недавно появившемся здѣсь сочиненіи. Вы не можете составить себѣ никакого понятія о Польскомъ высокомѣріи и до какой степени оно по-

стоянно идетъ впередъ. Къ талантамъ Цибульскаго я питаю всяческое уваженіе, но со стороны Пруссіи существуетъ къ нему большое недовѣріе, — и уваженіе остается лишь между нами двоими. Въ скоромъ времени ожидается здѣсь появленіе *Польской исторіи* Лелевеля. До сихъ поръ я по крайней мѣрѣ питалъ уваженіе къ его учености; однако теперь, въ моихъ глазахъ, онъ стоитъ въ этомъ отношеніи въ сочиненіи „Dzieje Litwy i Rusi“ не на прежней высотѣ. Одинъ здѣшній книгопродавецъ предпринимаетъ изданіе Словенской галлереи; она дастъ портреты знаменитыхъ Словенъ — и въ большомъ числѣ. Объяснительный текстъ будетъ приложенъ на Французскомъ языкѣ. Редакторъ — полякъ. Sapienti sat! Сначала я очень интересовался дѣломъ, но, увидѣвъ односторонность, замолчалъ. Впрочемъ, нѣкоторые Польскіе портреты издатель намѣренъ отложить въ сторону. Русскихъ портретовъ будетъ лишь немного. Отъ текста требуется простота и умѣренность въ выраженіяхъ, чего особенно добивается издатель, такъ какъ не хочетъ имѣть никакого дѣла съ революціонными идеями. При всѣхъ этихъ мрачныхъ перспективахъ то обстоятельство, что Король не обращаетъ вниманія на эти бредни, внушаетъ мнѣ, какъ и вамъ, конечно, большое удовольствіе. Онъ продолжаетъ дѣйствовать по своему, а именно — чуждаться всякаго легкомыслія. Недавно также онъ безъ обиняковъ, откровенно объявилъ, что *Русскій Императоръ его сердечный и вѣрный другъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ истинный другъ Пруссіи*“.

Въ это же время самъ Погодинъ тоже путешествовалъ по Европѣ и въ Лейпцигѣ встрѣтился съ А. А. Куникомъ, который, по свидѣтельству Погодина: „для всѣхъ своихъ работъ: переводовъ, извлеченій, собраній, разсужденій, не могъ здѣсь и нигдѣ въ Германіи найти себѣ издателя, потому что онъ хорошо отзывается о Россіи. Вотъ какъ“, замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, — „ненавидятъ насъ нынѣ въ Германіи, и въ самомъ Лейпцигѣ, гдѣ мы проливали свою кровь, освобождая ее отъ владычества Наполеона“.

По совѣту Погодина, А. А. Куникъ рѣшился возвратиться

на *Святую Русь,* и въ ноябрѣ 1842 года мы уже видимъ его въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ съ цѣлью поступить на службу. Министръ Народнаго Просвѣщенія принялъ А. А. Куника очень ласково и увѣрилъ его „въ своемъ расположеніи" устроить его служебныя дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. А. Куникъ не прерываетъ своего сотрудничества въ *Москвитянинѣ* и посылаетъ Погодину рядъ статей: о настоящемъ и будущемъ Финляндіи, о Прусскихъ крестьянахъ, о Нѣмецкой книжной торговлѣ, и обѣщаетъ Погодину доставить результаты новѣйшихъ изслѣдованій Шегрена. Въ то же время А. А. Куникъ сообщаетъ Погодину любопытное замѣчаніе *о тіунѣ.* „Въ Новгородской Лѣтописи или, скорѣе, въ *Правдѣ* Новгородской", пишетъ онъ, — „находится указаніе, что *тіунъ* — сельскій староста. Подтвержденіе незначительности этой должности тіуна я почерпаю изъ современности: въ Галиціи у Руссиновъ сельскій староста еще теперь называется *тіуномъ.* Это свѣдѣніе я нашелъ въ одномъ недавно появившемся описаніи путешествія по Словенскимъ землямъ".

Поселившись въ Петербургѣ, А. А. Куникъ принялся за большой трудъ. Онъ задался мыслію составить *Руководство къ Литературѣ Русской Исторіи* и съ этою цѣлью заключилъ даже контрактъ съ книгопродавцемъ Энгельманомъ, въ силу котораго онъ обѣщался представить первую часть этого труда въ теченіе 1843 года. „Я убѣжденъ", писалъ онъ Погодину, — „что подобный трудъ первѣйшей важности для Нѣмецкихъ и — могу, конечно, также сказать — для Словенскихъ историковъ. Прежде собранный мною библіографическій матеріалъ принимаетъ теперь все болѣе полный и живой образъ. Естественно, я привожу не только всѣ Восточные, Исландскіе, Франкскіе, Польскіе, туземные и т. д. источники для Русской Исторіи, но къ этому присоединяются очень интересныя замѣтки къ Исторіи исторической литературы вообще. Кромѣ того я привожу съ возможною полнотой указанія на новѣйшія работы и журнальныя статьи. Теперь вы хорошо поймете, почему мнѣ необходимо жить въ Петербургѣ: здѣсь

находятся Археографическая Коммиссія, Публичная Библіотека, Сахаровъ, Востоковъ, библіотека Академіи Наукъ, Аделунгъ съ описаніями путешествій иностранцевъ по Россіи и т. д. Поэтому всѣ прочія работы я пока оставляю въ покоѣ. За Русскою Литературой послѣдуетъ Польская. Обработка остальныхъ литературъ пока остается дѣломъ будущаго". Въ другомъ своемъ письмѣ къ Погодину объ этомъ предметѣ А. А. Куникъ пишетъ слѣдующее: „Въ настоящее время я занимаюсь Русскою частью и полагаю, что въ состояніи дать трудъ не только въ высшей степени интересный, но и не безполезный—но только въ Петербургѣ. Какой богатый матеріалъ я собралъ. Вы именно знаете, что еще старикъ Бакмейстеръ начиналъ подобную работу; его толстая рукопись, представлявшая преимущественно сводъ статьямъ, разсѣяннымъ въ здѣшнихъ и иностранныхъ журналахъ и въ *Запискахъ Академіи*, перешла къ Буле, который оставилъ вполнѣ обработаннымъ второй томъ своей литературы по Русской Исторіи, а для третьяго тома собралъ матеріалъ. Кипа его бумагъ находится въ рукахъ Аделунга, доброту котораго ко мнѣ я не могу достаточно расхвалить вамъ. Онъ самъ говоритъ: „Я не могу достаточно поощрить васъ къ работѣ". Его собраніе (изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ) болѣе, чѣмъ драгоцѣнно. Онъ теперь приступаетъ къ печатанію своего многолѣтняго труда объ иностранныхъ извѣстіяхъ о до-Петровской Руси; подобныхъ извѣстій у него болѣе трехсотъ, и все-таки я могу дать нѣсколько весьма немаловажныхъ дополненій. Однако, объ этомъ и о многомъ другомъ по поводу этого переговоримъ лично въ ближайшемъ будущемъ".

Но чтобы съ успѣхомъ вести подобный трудъ необходима матеріальная обезпеченность и съ нею нераздѣльно связанное спокойствіе духа; но А. А. Куникъ въ то время еще не обладалъ этимъ сокровищемъ [275]).

LII.

14 марта 1842 года скончался въ Москвѣ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, этотъ, по отзыву близко его знавшаго князя П. А. Вяземскаго, „рыцарь любви и чести, который не былъ бы неумѣстнымъ и лишнимъ въ той исторической порѣ, когда рыцарство почиталось призваніемъ и удѣломъ возвышенныхъ натуръ“.[276]). Такъ понимали Орлова его ровесники, люди одного съ нимъ поколѣнія. Послушаемъ теперь отзывъ объ этомъ человѣкѣ писателя другого младшаго поколѣнія. Когда Герценъ узналъ о кончинѣ Орлова, то записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 26 марта 1842 года: „Вчера получилъ вѣсть о кончинѣ Михаила Ѳедоровича Орлова. Горе и пуще бездѣйственная косность подъѣдаетъ геркулесовскія силы, онъ вѣрно прожилъ бы еще лѣтъ двадцать пять при другихъ обстоятельствахъ. Жаль его. Я никогда не считалъ Михаила Ѳедоровича ни великимъ политикомъ, ни истинно опаснымъ демагогомъ, ни даже человѣкомъ тѣхъ огромныхъ способностей, какъ о немъ была fama. Но онъ имѣлъ въ себѣ много привлекательнаго, благороднаго, начиная съ наружности до обращенія и пр. Онъ былъ человѣкъ, между Московскими аристократами, исполненный предразсудковъ, отсталый отъ новаго поколѣнія, упорно державшійся теоріи репрезентативности, какъ она была постановлена въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, и выдумывавшій свои теоріи, дивившія своей неосновательностію. Молодое поколѣніе кланялось ему, но шло мимо, и онъ съ горестью замѣчалъ это. Я былъ лѣтъ девятнадцати, познакомившись съ нимъ. Тогда онъ былъ еще красавецъ. Именно съ такою наружностью можно увлекать людей. Возвращенный изъ ссылки, но не прощенный, онъ былъ въ очень затруднительномъ положеніи въ Москвѣ. Снѣдаемый самолюбіемъ и жаждой дѣятельности, онъ былъ похожъ на льва, сидящаго въ клѣткѣ и не смѣвшаго даже рычать. Онъ окружилъ себя небольшимъ кругомъ знакомыхъ и проповѣдывалъ тамъ свои теоріи: главное лицо по талан-

тамъ и странностямъ занималъ въ этомъ кругу Чаадаевъ. Правительство смотрѣло на него какъ на закоснѣлаго либерала, а либералы—какъ на измѣнника своимъ правиламъ. И въ самомъ дѣлѣ", замѣчаетъ Герценъ,—„непріятно было видѣть на Московскихъ гуляньяхъ и балахъ Михаила Ѳеодоровича въ то время, какъ всѣ его товарищи ныли и уничтожались въ каторгѣ. Въ сущности", заключаетъ Герценъ,—„онъ сохранилъ много рыцарски доблестнаго до конца жизни, въ немъ было бездна гуманнаго, добраго. Съ моей стороны я посылаю за нимъ въ могилу искренній и горькій вздохъ" [277]).

Москвитянинъ ограничился самымъ краткимъ извѣстіемъ о смерти Орлова, а годъ спустя, въ *Утренней Зарѣ*, былъ напечатанъ отрывокъ изъ его записокъ: *Капитуляція Парижа* [278]). Пребывавшій въ то время въ Москвѣ, В. П. Титовъ писалъ Погодину: „Коли у тебя есть *Утренняя Заря*, не можешь ли ссудить меня на двадцать четыре часа. Хотѣлось бы весьма прочесть статью Орлова о *Капитуляціи Парижа*" [279]).

19 апрѣля того же 1842 года, въ день Свѣтлаго Воскресенья, скончался ректоръ Московскаго Университета Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій—„Труженическую жизнь честнаго человѣка", свидѣтельствуетъ С. М. Соловьевъ,—„онъ окончилъ тихою смертію праведника" [280]).

Не смотря на то, что Погодинъ съ Каченовскимъ былъ въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ и велъ съ нимъ, какъ съ главою Скептиковъ, упорную войну, но по смерти его почтилъ память его самымъ сочувственнымъ образомъ. „Каченовскій", писалъ Погодинъ,—„обладалъ многочисленными и разнообразными свѣдѣніями и занимался любимыми своими предметами до послѣдняго дня жизни: въ минуту кончины была еще передъ нимъ развернута книга — историческая библіографія Чіампи. Русскій языкъ онъ зналъ очень хорошо и писалъ, какъ пишутъ немногіе. Онъ былъ самымъ исправнымъ профессоромъ даже въ старое время, когда профессоры читали лекціи по произволенію. Какъ ректоръ, онъ былъ строгимъ блюстителемъ закона и его формы до послѣдней буквы. Какъ

человѣкъ, отличался честностію и безкорыстіемъ, былъ твердъ и смѣлъ, не боясь идти противъ общаго мнѣнія и какого бы то ни было лица. Напротивъ, онъ находилъ въ томъ какое-то удовольствіе; разумѣется, въ послѣдніе годы, со старостью, характеръ его долженъ былъ измѣниться въ этомъ отношеніи. Въ обществѣ онъ славился нѣкогда своими остротами, коихъ осталось много и въ *Вѣстникѣ Европы.* Въ семействѣ и домашнемъ быту онъ украшался всѣми добродѣтелями. Оставляемъ другія замѣчанія до полной біографіи.

Кончина была у него самая спокойная: поутру въ день Свѣтлаго Воскресенья, послѣ обѣдни, онъ расположился отдохнуть въ своихъ ученыхъ креслахъ, уснулъ и не просыпался. Никто не видалъ и не слыхалъ его смерти. Черезъ четыре дня лицо его не измѣнилось ни мало, и всякій прощающійся опасался кажется разбудить его. При погребеніи присутствовали всѣ профессоры и многіе ученики изъ разныхъ поколѣній. Студенты несли гробъ на рукахъ до скромнаго Міусскаго кладбища, гдѣ онъ желалъ лечь, назначивъ это мѣсто во время своихъ прогулокъ".

Въ некрологѣ Каченовскаго Погодинъ заявилъ и о слѣдующемъ: „Редакторъ *Москвитянина* съ перваго своего появленія на литературномъ поприщѣ разошелся въ мнѣніяхъ съ своимъ учителемъ: Каченовскій отвергалъ Нестора, я признавалъ его; онъ приводилъ Русь съ Юга, я—съ Сѣвера; онъ не принималъ Русской Правды, я былъ убѣжденъ въ ея подлинности,—но не смотря на это ученое разногласіе, я всегда чтилъ его достоинства".

Обращаясь же къ университетскому начальству, Погодинъ взывалъ: „Послѣ Каченовскаго осталась вдова, два сына и дочь—и никакого состоянія. Благодѣтельное начальство, вѣроятно, употребитъ всѣ свои старанія, чтобъ достойно успокоить семейство почтеннаго гражданина, заслуженнаго ученаго и литератора, который пятьдесятъ лѣтъ трудился изо всѣхъ силъ, сколько могъ, на поприщѣ Отечественнаго просвѣщенія,

и выкупалъ недостатки—кто же не имѣетъ ихъ — своими трудами и заслугами“ [281]).

Гласъ Погодина не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и графъ С. Г. Строгановъ писалъ С. С. Уварову: „Отдавая все должное уваженіе столь долговременной и безпорочной службѣ покойнаго профессора, его ученымъ заслугамъ и трудамъ на пользу наукъ и общественнаго воспитанія, я почитаю священною обязанностью обратиться къ вамъ съ моею усерднѣйшею просьбою объ исходатайствованіи семейству сего профессора пенсіи по новому окладу. Эта милость Монарха для семейства извѣстнѣйшаго въ Россійскихъ университетахъ профессора и члена Академіи Наукъ принята будетъ мною и Московскимъ Университетомъ съ вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ“ [282]).

За престарѣлымъ Каченовскимъ послѣдовалъ въ могилу одинъ изъ младшихъ учениковъ его. 25 октября того же 1842 года, скончался въ Москвѣ Вадимъ Васильевичъ Пассекъ на тридцать пятомъ году отъ рожденія. Онъ, по словамъ его жены, „истинно любилъ и уважалъ Погодина“. Литературная дѣятельность Пассека извѣстна всего болѣе изданіемъ *Очерковъ Россіи* [283]). Еще въ началѣ сего года Пассекъ принималъ дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ протоколахъ Общества имя его въ послѣдній разъ упоминается 2 мая 1842 года. Быстро развившаяся чахотка свела его въ могилу.

Кончину Пассека горько оплакалъ Герценъ, его родственникъ и товарищъ. „Мы“, писалъ онъ,—„послѣдніе годы волею и неволею видались рѣдко. Онъ жилъ въ южныхъ губерніяхъ, я въ сѣверныхъ, онъ въ Москвѣ, я въ Петербургѣ; къ этому присоединялась разница въ образѣ воззрѣнія на предметъ слишкомъ яркій, чтобъ можно было примириться... Онъ отъ словенофильства дошелъ до ортодоксности и даже до ненависти къ Западу; такимъ образомъ ему пришлось отвергнуть все историческое развитіе человѣчества, всю науку, философію, всю мысль нашего вѣка — на это силъ не было,

осталось das vornehme ignoriren и защита мѣста, тутъ надобно дойти до безумія, чтобъ сдѣлаться интереснымъ, то-есть, какъ Морошкинъ. Но при всемъ этомъ я цѣнилъ въ этомъ человѣкѣ всегда высокое благородство души, чистоту жизни, съ которой онъ проламывался сквозь ужасные несчастія и недостатки". Въ несчастіи, постигшемъ семейство Пассека, приняло самое сердечное участіе почтенное семейство Чертковыхъ. Супруга Александра Дмитріевича, Елизавета Григорьевна (рожденная графиня Чернышова) поразила Герцена „изяществомъ всего существа своего". „Она", пишетъ онъ,—„меня удивила образомъ участія: ни слезъ безпрерывныхъ, ни банальныхъ утѣшеній, ни перешептыванья, ни жестовъ, ничего—спокойное, глубокое участіе, безъ словъ, но ясно звучащее въ этой группѣ, составленной изъ мертвеца и его пріятелей, хлопочущихъ около него, и жены въ отчаяніи, и дѣтей испуганныхъ. Эта женщина была артистическая необходимость въ этой группѣ— безъ нея картина была бы черною и безнадежною". Вся эта обстановка произвела сильное впечатлѣніе на Герцена, и онъ чистосердечно замѣчаетъ: „Вотъ и моя дань аристократіи, въ ней именно важнѣйшую долю изящной формы и изящныхъ формъ надо отнести чистой благородной крови и правамъ истинной аристократіи".

29 октября происходили похороны Пассека въ Симоновѣ. На нихъ присутствовалъ Герценъ, и, по его свидѣтельству, „похороны были торжественны по истинному участію людей, окружавшихъ гробъ. Жена твердо шла за гробомъ... Въ Симоновѣ покойника встрѣтилъ самъ архимандритъ Мельхиседекъ, бывшій пріятелемъ съ Вадимомъ Пассекомъ, и эта дань уваженія была хороша". Когда гробъ опустили въ могилу Архимандритъ подошелъ къ вдовѣ и сказалъ: *Довольно, это не наше, въ церковь за мной молиться Богу.* „И мы взошли", говоритъ Герценъ,—„въ церковь уже безъ покойника, уже онъ сталъ совершенно прошедшее. Вотъ гдѣ крѣпость Религіи", продолжаетъ онъ,—„въ эти минуты человѣкъ готовъ все сдѣлать, чтобъ найти выходъ и примиреніе. Религія врачуетъ

все. Когда мыслитель, гражданинъ, говоритъ о подчиненіи индивидуальнаго всеобщему, на нихъ смотрятъ, какъ на людей безъ сердца; когда художникъ или ученый скажетъ, что звукъ его лиры, его кисть утѣшительница въ его горести—назовутъ эгоистомъ. А когда Религія рѣзко говоритъ: *оставь, это мое, идемъ молиться, покоряйся безропотно,* тогда все покоряется и склоняетъ колѣна, безъ разсужденій, повинуясь слѣпо" [284]).

Прахъ Вадима Пассека покоится въ Симоновѣ монастырѣ въ двухъ шагахъ отъ могилы Д. В. Веневитинова [285]).

Оплакавъ кончину какъ маститаго наставника, такъ и его разцвѣтавшаго ученика, порадуемся появленію на ученомъ поприщѣ Вукола Михайловича Ундольскаго.

Въ 1842 году, на страницахъ *Москвитянина,* является впервые его имя. Въ отдѣлѣ матеріаловъ для Русской Исторіи вообще и Исторіи Русской Словесности онъ напечаталъ *Неизвѣстное сочиненіе Стефана Яворскаго.*

Уроженецъ Владимірской епархіи, Ундольскій высшее образованіе получилъ въ Московской Духовной Академіи, въ которой кончилъ курсъ въ 1840 году со степенью кандидата. По свидѣтельству о. протоіерея С. К. Смирнова, „зачатки любителя Древней Русской Письменности замѣтны были въ Ундольскомъ еще во время ученія его въ Академіи. Онъ внимательно пересмотрѣлъ рукописи академической и лаврской библіотекъ, подружился съ лаврскимъ библіотекаремъ о. Иларіемъ, а по окончаніи курса всю сентябрьскую треть 1840 года прожилъ въ Академіи, ежедневно занимаясь въ лаврской библіотекѣ, гдѣ на рукописяхъ оставилъ много замѣтокъ и составилъ для себя запись о лаврскихъ рукописяхъ съ обозначеніемъ ихъ содержанія". Работы молодого кандидата обратили на себя вниманіе начальника Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ князя М. А. Оболенскаго и послужили поводомъ къ ихъ взаимному сближенію. Объ этомъ сохранилось любопытное свидѣтельство въ слѣдующемъ письмѣ лаврскаго библіотекаря о. Иларія (отъ 22 іюня, 1841 года) къ самому Ундольскому: „Послѣ вашего отъѣзда

11-го іюня, 15-го іюня пріѣхалъ въ Лавру его сіятельство князь М. А. Оболенскій, который, какъ Отцу Намѣстнику *) хорошо знакомъ, то остановился у него. Вотъ въ тотъ же день въ субботу на воскресенье, въ вечерню, прибѣгаетъ на крылосъ Петръ келейникъ, приказываетъ мнѣ чрезъ Отца Намѣстника, чтобъ я поскорѣе шелъ въ библіотеку, и тутъ хотя Намѣстникъ только-что довелъ да ушелъ, а князь до самаго во вся звону до всенощни сидѣлъ и занимался... на другой день въ 5 часовъ утра, до самаго отзвона къ обѣднѣ, сидѣлъ и разспрашивалъ, такъ какъ увидалъ на многихъ книгахъ помѣтки и приписки карандашемъ, и ваши, кто занимались въ библіотекѣ, и чѣмъ, какими кто рукописями; я показалъ реэстры забираемыхъ книгъ каждаго ректора, Горскаго и вашъ. Онъ чрезвычайно удивился, увидя вашъ заборъ и захотѣлъ полюбопытствовать, что было для васъ занимательнаго (да вить вамъ что долго писать, всего не упишешь): пересмотря ваши отмѣтки, сказалъ: „Да кто онъ?“ Я говорю: „Студентъ кончалый Академію кандидатомъ, но безъ мѣста; ибо нѣтъ праздныхъ“. Онъ говоритъ: „Жалко, что такіе люди съ талантами и трудолюбіемъ не въ глазахъ. А что, имѣетъ ли онъ наклонность къ духовному сану?“ Я говорю: „Не знаю, только что говаривалъ, что я бы, кажется, если случай былъ, занимался при Императорской Публичной Библіотекѣ“. Онъ тотчасъ спрашиваетъ имя, отечество, фамилію. Я ему сказалъ. Онъ сейчасъ вынимаетъ какъ бы бумажникъ, изъ него памятную книжку и тутъ же серебряную палочку съ большимъ, какъ въ гороховину, или болѣе, яхонтомъ, тронулъ и высунулся какъ ниточка карандашъ. Записалъ ваше имя, отечество и фамилію; и мнѣ вынялъ еще синюю ассигнацію, ибо по вечеру далъ еще синюю. Я вижу, хоть онъ и въ соломенной шляпѣ и просто, безъ орденовъ, но, знать, человѣкъ большой. Осмѣлился спросить: кто онъ такой и гдѣ служитъ? Онъ сейчасъ беретъ бумаги и чернилицу и пишетъ: *Начальникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностран-*

*) Архимандриту Антонію.

ныхъ Дѣлъ и членъ Археографической Коммиссіи князь М. Оболенскій. Потомъ говоритъ: „Если ему что будетъ угодно, то увѣдомьте его, что я его съ удовольствіемъ приму; ибо это отъ меня зависитъ. Я очень люблю умныхъ, тѣхъ, которые занимаются". Я опять спроста сказалъ: „Такъ вы господину Прокурору Протасову по этой части не знакомы ли?" Онъ говоритъ: „Да это одна Коммиссія *), въ которой и я членомъ". Я говорю: „Такъ вотъ у насъ изъ библіотеки взяты въ разное время нѣкоторыя рукописи туда. Вотъ и указы. Могутъ ли возвратиться?" Тутъ зазвонили во вся къ обѣднѣ, и онъ только сказалъ: „Возвратятся, возвратятся", и пошелъ къ обѣднѣ. А послѣ обѣда у меня въ кельѣ былъ. Увидалъ вашъ историческій словарь; и какъ я ему объяснился, что это этотъ студентъ въ память далъ, онъ говоритъ: „Да, умнаго человѣка умныя и книги и акуратность". Ихъ посмотрѣлъ—увидалъ антикварія, засмѣялся и ничего не сказалъ, только говоритъ: „Прошу васъ, пожалуйста, пріѣзжайте ко мнѣ въ Москву, и я буду ждать, какъ и поручаю вамъ сіи вещи выписать, и его зовите, для его вѣрно будетъ недурно. Вотъ я вамъ свою библіотеку ту и рѣдкости покажу". Я его еще спросилъ: „Если и трафится быть въ Москвѣ, такъ какъ ваше сіятельство можно отыскать?" Онъ мнѣ сейчасъ пишетъ записку, причемъ и сообщаю, только возвратите. Человѣкъ онъ премилый, словоохотливый такой въ сужденіяхъ и преумный, кажись, еще не болѣе сорока-пяти лѣтъ. Такъ вотъ, другъ любезный, думай какъ лучше; ибо онъ говоритъ, что чрезъ него можно и при Императорской Библіотекѣ быть... Послѣ сего остается вамъ меня увѣдомить о вашемъ мнѣніи".

Вскорѣ послѣ этого письма мы видимъ Ундольскаго на службѣ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [286])

Въ это время князь М. А. Оболенскій принесъ въ даръ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ собственноручное слово Стефана Яворскаго,

*) Археографическая Коммиссія.

говоренное имъ въ январѣ 1696 года въ церкви Свято-Троицкой Батуринской изъ текста: *учителю благій, что сотворю, да животъ вѣчный наслѣдую?* Это сочиненіе Яворскаго было посвящено гетману Ивану Мазепѣ. Рукопись, въ которой помѣщено сіе слово, принадлежала нѣкогда Самойлу Величко, канцеляристу Войска Запорожскаго, который, по предположенію Ундольскаго, получилъ ее отъ Мазепы. Съ разрѣшенія своего начальника Ундольскій напечаталъ эту драгоцѣнную рукопись въ *Москвитянинѣ* [287]).

LIII.

Въ Москвѣ и по всей Россіи славилась библіотека Археографа нашего П. М. Строева. Въ ней заключалось богатое собраніе рукописей. Мы же предоставимъ самому владѣльцу этихъ драгоцѣнностей объяснить значеніе и цѣль его собранія.

„При составленіи этого собранія рукописей“, пишетъ онъ,— „главною цѣлію было собрать все, что относится собственно къ Отечественной Исторіи, гражданской, церковной и литературной. Здѣсь нѣтъ ни одной богослужебной книги и очень мало переводовъ Отцевъ Церкви: ими преисполнены всѣ извѣстныя наши собранія рукописей, и все это полезно для однихъ филологовъ. Харатейныя книги очень дороги и замѣчательны только въ отношеніи филологическомъ.

Историческая литература нашихъ предковъ, кромѣ лѣтописей, хронографовъ и другихъ книгъ сего рода, преизобилуетъ отдѣльными сочиненіями, извѣстными подъ названіями сказаній, повѣстей и отрывковъ историческихъ.

Ни одна библіотека не представляетъ полнаго собранія ихъ; они разсѣяны всюду и до сихъ поръ мало оцѣнены. Историческіе сборники этого собранія заключаютъ въ себѣ до тысячи ста такихъ статей, которыя исчислить здѣсь подробно не позволило время; ибо это увеличило бы каталогъ по край-

ней мѣрѣ въ десятеро. На бѣлыхъ листахъ въ началѣ каждаго сборника они исчислены подробно.

Житія Святыхъ Русскихъ, въ разныя времена сочиненныя, передѣланныя, дополненныя, представляютъ богатый и почти не початый запасъ для исторіи общежитія, мнѣній и повѣрьевъ прежней Руси, и даже въ нихъ есть много фактовъ, не замѣченныхъ бытописателями. При сокращеніи ихъ для Минеи-Четіихъ Святителя Димитрія всѣ эти любопытныя черты исчезли совершенно. Святый мужъ имѣлъ одну цѣль представить въ трудѣ своемъ школу христіанскихъ добродѣтелей. Кто соберетъ всѣ Житія Святыхъ Русскихъ, сказанія объ иконахъ и крестахъ, отдѣльныя описанія чудесъ и т. под. и прочтетъ все это со вниманіемъ и критикою, тотъ удивится богатству этихъ историческихъ источниковъ. Карамзинъ воспользовался только тѣмъ, что случайно попалось ему подъ руки; но чего не извлекъ бы этотъ великій мужъ, еслибы приготовлено было напередъ полное собраніе? Наше заключаетъ въ себѣ уже болѣе половины.

Здѣсь собрано также очень довольно памятниковъ для исторіи литературы. Еще болѣе по части законовѣдѣнія.

Очень много сочиненій полемическихъ, pro et contra, относительно ересей, вкравшихся въ нашу Церковь и для другихъ отдѣловъ литературы положены прочныя начала. Стоитъ только приращать это собраніе, и оно съ каждымъ днемъ будетъ полнѣе и драгоцѣннѣе. Нѣкоторыхъ статей едва ли сыщутся когда и гдѣ другіе экземпляры.

Собиратель предполагалъ приращать свое собраніе до конца жизни, собственно для себя и въ своей системѣ. Накупить рукописей богослужебныхъ и духовныхъ очень легко и довольно скоро; но историческое попадается рѣдко, и чѣмъ идешь далѣе, тѣмъ менѣе пріобрѣтаешь недостающаго".

Понятно, что на такое драгоцѣнное собраніе не могъ взирать равнодушнымъ окомъ Погодинъ. Къ тому же житейскія обстоятельства такъ неблагопріятно сложились для Строева, что онъ находился вынужденнымъ продать свое собраніе

„плодъ многолѣтнихъ поисковъ и немалаго иждивенія“ [288]). Еще съ 1840 года Погодинъ начинаетъ свои приступы, и въ *Дневникѣ* его подъ 22 сентября того года читаемъ: „Любопытный разговоръ съ Строевымъ, который, кажется, сдается. Сказалъ ему на отрѣзъ, что онъ морочитъ насъ, и что онъ, объявивши себя на сторонѣ *Скептицизма*, ошибся въ разсчетѣ. У него есть нѣкоторыя сочиненія Сильвестра. Академія отвергла было купленную имъ Грузинскую Кормчую, которая теперь составляетъ Европейскую драгоцѣнность. Строевъ переписываетъ грамоты для Археографической Коммиссіи по рублю за листъ!“ Погодинъ нарочно отправляется въ Англійскій клубъ для свиданія съ Строевымъ. „Перечелъ множество газетъ. Скучно послѣ обѣда. Наконецъ пришелъ Строевъ. Проситъ восемь тысячъ. Просидѣлъ долго за картами и проигралъ. Очень было досадно“. Погодинъ посѣщаетъ Строева въ его домѣ на Садовой, противъ Спасскихъ казармъ, разсматриваетъ его библіотеку и замѣчаетъ: „Разсматривалъ библіотеку Строева. Всѣ Русскія въ новыхъ переплетахъ. Есть хорошія, но нѣтъ рѣдкихъ“ [289]). Но тѣмъ не менѣе Погодинъ обращается къ Строеву съ слѣдующимъ письмомъ: „Я слышалъ стороною, что вы не прочь отъ уступки вашего собранія. Меня разобрала охота, и я осмѣливаюсь предложить вамъ—будьте благодѣтелемъ и обогатителемъ моей библіотеки. Вы согласитесь, что ваши рукописи у меня принесутъ пользы болѣе, чѣмъ у кого другого. Притомъ онѣ будутъ находиться въ полномъ вашемъ распоряженіи, какъ и всѣ прочія. Надѣюсь, что вы положите съ меня, какъ съ своего брата-рудокопателя, цѣну собственную. Въ нынѣшнемъ году я поиздержался, но въ январѣ надѣюсь разбогатѣть. Благоволите прислать мнѣ каталогъ, хоть съ г. Тромонинымъ. Просьба: пришлите мнѣ посланія Сильвестровы, списать или прочесть, какъ позволите. Употребленія никакого кромѣ лекціи, безъ вашего позволенія, я не сдѣлаю“. Въ другомъ письмѣ Погодинъ сообщаетъ Строеву свой разговоръ съ Тромонинымъ. „Въ отвѣтъ на вопросъ г. Тромонина о библіотекѣ, я отвѣчалъ: Мнѣ сказали

(то-есть, прежде, нежели я видѣлъ ваше собраніе, ваши знакомые), что вы уступите оное тысячи за двѣ или за три. Съ этими данными я отнесся къ вамъ съ просьбою. Узнавъ же о цѣнѣ теперь положительно, я не могу поднять ее. Если журналъ пойдетъ хорошо и денегъ у меня будетъ много, тогда я войду въ переговоры съ Павломъ Михайловичемъ. Мнѣ кажется, г. Тромонинъ не такъ понялъ и передалъ мои слова. Возстановляя ихъ текстъ, я повторяю ихъ снова, прибавляя, что журналъ пошелъ, кажется, хорошо, и я не упущу драгоцѣннаго случая".

4 октября 1841 года Погодинъ обѣдалъ у Строева и часа четыре посвятилъ на осмотръ его библіотеки. Возвратясь домой, онъ написалъ Строеву: „Возвращаю вамъ каталогъ. Библіотека ваша мнѣ очень нравится, хотя я и не узналъ ее порядочно, осмотрѣвъ вскользь и боясь васъ разспрашивать. Мнѣ хочется пріобрѣсть ее, но я прошу васъ подождать до января. Теперь же, если вы непремѣнно хотите знать мой отвѣтъ, я не могу предложить вамъ, вмѣстѣ съ сочиненіемъ каталога, шести тысячъ р. асс. Продавать своей библіотеки я не намѣренъ, а безпрестанно собирать ее и оставить въ наслѣдство дѣтямъ вмѣсто богатаго села. Не осердитесь на меня, это дѣло полюбовное: всякій руководствуется своими разсчетами.... Повторяю—не сердитесь на меня: я сказалъ вамъ свое мнѣніе, потому что вы именно хотѣли имѣть его немедленно" [290]).

Не смотря на просьбу Погодина не сердиться, Строевъ очень разсердился и написалъ ему рѣзкій отвѣтъ: „Прочитавъ вашу записку", писалъ онъ,—„я не осердился, а *изумился*: вы человѣкъ ученый и такъ цѣните ученые собранія и труды! Я спрячу вашу записку и можетъ быть дамъ ей мѣсто въ моихъ *Запискахъ*, которыя я намѣренъ оставить своимъ дѣтямъ. Побойтесь Бога: можно ли взять по крайней мѣрѣ двѣ тысячи пятьсотъ за составленіе столь огромнаго каталога: слѣдовательно за библіотеку вы предлагаете только три тысячи пятьсотъ. Эту сумму дадутъ и на площади. Если вы думаете, что

обстоятельства заставятъ меня надѣлить васъ библіотекой и проработать для васъ за шесть тысячъ, то вы совершенно ошибаетесь. Библіотека моя открыта во всякое время; разсматривайте ее сколько хотите и вопрошайте сколько угодно. Я могу ждать и до генваря и до февраля, но въ такомъ случаѣ вы должны обезпечить меня задаткомъ и оставить книги до полученія отъ васъ полной суммы. Я напередъ зналъ, что вы хотите не купить, а надуть; но въ Древностяхъ я самъ знатокъ и не пойду на консиліумъ съ площадными знатоками, какъ дѣлаютъ другіе. Оставимъ все это: пріѣзжайте, смотрите, разсматривайте, торгуйтесь въ какихъ-нибудь сотняхъ, до тысячи рублей; а не воображайте, чтобы вамъ удалось взять у меня что-либо за безцѣнокъ. Хотя вы капиталистъ, но и я также не нищій. Никакое дѣло благородное не состоится, если ведущіе его не будутъ имѣть должнаго уваженія одинъ къ другому. Повторяю: начинайте безъ церемоніи торгъ снова, разсмотрите хорошенько разъ, и два, и три; скажите настоящую цѣну; быть можетъ, мы сойдемся и останемся добрыми пріятелями, какими до сего времени были“ [291]). На это письмо Погодинъ тотчасъ же отвѣчалъ: „Хорошо, что я нрава тихаго и спокойнаго: иначе изъ-за вашего письма должна бы возникнуть большая непріятность. Теперь я разберу его для дополненія къ вашимъ *Запискамъ. Я напередъ зналъ, что вы хотите не купить, а надуть.* Оставляю все неприличіе, чтобы не сказать болѣе, выраженія, не употребляемаго между порядочными людьми, и обращу ваше вниманіе только на то, что въ дѣлѣ библіографіи и библіотекскомъ вы мой учитель, а я ученикъ; вы знаете вдесятеро болѣе меня—какимъ же образомъ могу я хотѣть надуть васъ? Надувать можетъ только тотъ, кто знаетъ больше. Это просто противъ логики. Кто, напримѣръ, можетъ надуть (употребляю съ крайнимъ неудовольствіемъ ваше выраженіе), покупая у меня мое собраніе печатныхъ книгъ, слишкомъ мнѣ извѣстное? Никто на свѣтѣ. *А не воображайте, чтобъ вамъ удалось,* и проч. Для воображенія моего есть право занятія не только лучше, но

даже выгоднѣе какой-нибудь тысячи рублей. Я цѣню ее слишкомъ мало, ибо увѣренъ, что могу имѣть всегда столько, сколько хочу. *Удалось!* Да Богъ съ вами и со всѣмъ. Не средство же къ царству небесному заключается въ вашей библіотекѣ. Еслибъ я зналъ, что получу письмо отъ васъ съ такими выраженіями, я не начиналъ бы переговоровъ даже въ надеждѣ получить ее въ подарокъ. Вы знаете меня очень мало! *Если вы думаете, что обстоятельства заставятъ меня* и пр. Если обстоятельства заставятъ васъ, такъ вы спрашивайте у меня просто денегъ; а я не отказывалъ еще ни одному своему знакомому. Еслибъ вы по такимъ обстоятельствамъ продавали вашу библіотеку, такъ я не сталъ бы покупать ее. Видите, что я кротокъ и смиренъ, и пропускаю ваше письмо безъ дуэли, такъ же, какъ пропустилъ вашу бранную приписку на оффиціальной бумагѣ, и многія ваши выходки въ этомъ родѣ. Я уважаю васъ за многое и—считаю недостойнымъ человѣка въ нашихъ лѣтахъ и ученаго считаться такими мелочами. Теперь о дѣлѣ въ поясненіе, чего вы по горячности не поняли. Вы требовали отвѣта теперь: я и далъ его, прибавивъ, что желалъ бы лучше торговаться въ январѣ, когда буду знать свои доходы. Я не говорю вамъ, что библіотека ваша не стоитъ болѣе; а только, что я не могу дать больше. Въ январѣ пойдетъ журналъ мой хорошо, и тогда мнѣ легко будетъ дать болѣе. Такъ поступалъ я и прежде: получивъ, не ожидая, Демидовскую премію, я отдалъ ее сполна на книги; а безъ нея на то же дѣло не далъ бы болѣе двухъ тысячъ рублей. Понимаете ли вы меня? Труда вамъ не предстоитъ много, ибо вашъ каталогъ почти готовъ, мой печатный также, а для письменныхъ много подготовлено; я предполагалъ избавить васъ совершенно отъ большой части механической работы. Заключаю. Теперь я не могу по своимъ обстоятельствамъ предложить болѣе, а въ январѣ, можетъ быть, представятся другія соображенія. Итакъ: мою записку можете вы помѣстить въ вашихъ *Мемуарахъ*, но совѣтую вамъ попросить меня, чтобъ я уничтожилъ вашу. Впрочемъ, я теперь шучу: я давно знаю

вашу угловатость, и она не мѣшаетъ питать къ вамъ искреннее уваженіе... Продержалъ письмо нарочно пять дней, чтобъ взглянуть безпристрастнѣе, и хладнокровнѣе. Остаюсь при прежнемъ. Все такъ—умѣренно и справедливо! Пріѣзжайте же вечеромъ ко мнѣ, на полюбовную сдѣлку. Предоставляю третейскій судъ вашей супругѣ и увѣренъ, что она обвинитъ васъ, за что я впередъ ее благодарю".

Строевъ не побывалъ въ этотъ день у Погодина, и этимъ письмомъ переговоры на время прекратились.

LIV.

Не уладивши дѣло продажи своего Собранія съ Погодинымъ, Строевъ обратился по тому же дѣлу къ Директору Департамента Народнаго Просвѣщенія князю П. А. Ширинскому-Шихматову. „Милостивое расположеніе вашего сіятельства", писалъ онъ ему, отъ 6 ноября 1841 года,—„знаки котораго я имѣлъ случай видѣть неоднократно, осмѣливаетъ меня и теперь обременять благосклонное вниманіе ваше изложеніемъ нижеслѣдующихъ обстоятельствъ, быть можетъ, слишкомъ подробныхъ, и подаетъ совершенную надежду на содѣйствіе вашего сіятельства, если только будетъ возможно; въ противномъ случаѣ да простите мнѣ великодушно излишнюю смѣлость. Семейство мое состоитъ изъ меня, жены моей, престарѣлой тещи, шестерыхъ дѣтей и пяти человѣкъ наемной прислуги. Содержаніе столь немалолюдной семьи при своемъ домѣ, безъ лошадей, съ платою кой-какимъ учителямъ дѣтей, при крайней экономіи, превышаетъ восемь тысячъ р. а. ежегодно. Доходы мои состоятъ изъ двухъ тысячъ р. пенсіи и оброка съ небольшаго родоваго имѣнія въ Саратовской губерніи, который въ урожайные годы не превышаетъ трехъ тысячъ р. ас.; недостающія слишкомъ три тысячи р. должно добывать собственными руками. На небольшое приданое жены моей купленъ домъ въ отдаленной части города: иначе здѣсь нельзя жить, квартиры

очень дороги и неудобны. Кой-какіе остатки прежнихъ счастливыхъ лѣтъ издержаны въ 1839 и 1840 годахъ, когда дороговизна необходимыхъ потребностей превышала здѣсь вѣроятіе; и теперь все еще не прежняя дешевизна. Учеными и литературными трудами здѣсь ничего не добудешь. Оттого наши литераторы переселяются въ С.-Петербургъ. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ я рѣшился продать лучшую часть моей библіотеки — собраніе рукописей, которое собиралъ съ 1817 года съ такимъ раченіемъ и издержками (сколько сообразить могу—до восьми тысячъ р.); намѣреніе мое было пріумножать до конца жизни. Во времена графовъ Румянцовыхъ, Толстыхъ я могъ бы продать это собраніе съ немалымъ барышемъ; но теперешніе Московскіе любители Древностей, люди коммерческіе, узнали, что я разстаюсь съ моимъ собраніемъ по нуждѣ, и хотятъ пріобрѣсти за полцѣны, если не менѣе. Требовалось много времени, труда и усилій, чтобы составить такое собраніе. Мои рукописи въ отличномъ порядкѣ, въ началѣ каждой полное ея оглавленіе. Число всѣхъ, продаваемыхъ мною, съ немногими старопечатными, простирается до трехсотъ двадцати пяти. Новообразованное Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности при новыхъ предметахъ занятій, ему предписанныхъ, и при неразрывной связи съ Археографическою Коммиссіею, въ которую оно поставлено, по моему мнѣнію, должно имѣть собственное хорошее собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ; оно владѣетъ уже прекрасною коллекціею сихъ послѣднихъ, которую Россійская Академія пріобрѣла покупкою отъ Ширяева. Не угодно ли будетъ вашему сіятельству довести до свѣдѣнія его высокопревосходительства г. Министра Народнаго Просвѣщенія главное изъ вышеизложенныхъ мною обстоятельствъ? Быть можетъ, мое собраніе рукописей найдетъ мѣсто въ библіотекѣ Отдѣленія Русскаго языка и Словесности, а я получу возможность содержать мое семейство еще года три-четыре, не прибѣгая къ послѣднему средству – залога имѣнія въ банкъ, и чрезъ то полную свободу дѣйствовать на поприщѣ, однажды навсегда мною избранномъ.

Великодушіе вашего сіятельства заставляетъ меня вѣрить, что просьба моя о ходатайствѣ въ семъ случаѣ у его высокопревосходительства г. Министра Народнаго Просвѣщенія не будетъ вами, сіятельный князь, отринута" [292]).

Узнавъ объ этихъ переговорахъ Строева, Сахаровъ писалъ Погодину: „Не грѣшно ли вамъ было выпустить Строевскую библіотеку изъ Москвы?.. Грѣховодники! Вѣдь надобно же когда-нибудь открыть публичную библіотеку; а когда откроется, что у васъ будетъ? И всего она (то-есть, Строевская библіотека) стоитъ *полмедальки*, да и того вамъ сыскать негдѣ было. Какъ будто вывелись люди-охотники въ Бѣлокаменной" [293]).

Къ утѣшенію Сахарова переговоры Строева съ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ кончились ничѣмъ. Потерпѣвъ неудачу въ Петербургѣ, П. М. Строевъ снова вступилъ въ переговоры съ Погодинымъ, который, 2 февраля 1842 года, писалъ Строеву: „Если угодно, милостивому государю Павлу Михайловичу, я готовъ теперь вступить въ новые переговоры о библіотекѣ" [294]). Въ отвѣтъ на это Строевъ писалъ: „Съ большимъ удовольствіемъ и я готовъ вступить въ переговоры на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Всѣ непріязненныя впечатлѣнія прежнихъ переговоровъ должны быть забыты, *какъ бы того не было*, и всѣ непріятные взаимные отзывы должны быть взяты назадъ: мы вступимъ въ переговоры какъ старые знакомые и пріятели. 2) При переговорахъ должна быть совершенная искренность и взаимное уваженіе. 3) Переговоры должны кончиться рѣшительнымъ постановленіемъ условій, не растягивая этого дѣла вдаль. 4) Не худо было бы взять посредника. Выборъ этого лица предоставляется вамъ безусловно. 5) Мнѣ бы желалось кончить это прежде 1-го марта. За симъ 6) покорнѣйше прошу увѣдомить меня о времени и мѣстѣ переговоровъ, будетъ ли то у васъ или гдѣ вамъ угодно" [295]). „Ну вотъ", писалъ Погодинъ, — „давно бы такъ, почтеннѣйшій Павелъ Михайловичъ; такія письма читать пріятно и отвѣчать на нихъ весело. Я не помню никогда... Ну, да пи-

сать съ лекцій некогда. Теперь бѣда только та, что у меня въ домѣ скарлатина: я не ѣзжу и не принимаю, опасаясь причинить опасеніе и неудовольствіе. Я думаю, что мы можемъ сговориться при соблюденіи вашихъ же условій и безъ посредника. Впрочемъ, не прочь и отъ него. Кого же? Назначьте сами: Шевырева, Давыдова, Вельтмана, Пассека? Словомъ, кого хотите, и пришлите отвѣтъ въ мою контору нынѣ во вторникъ".

Получивъ это письмо, Строевъ, въ тотъ же *вторникъ*, не взирая на скарлатину, свирѣпствующую въ домѣ Погодина, отправился вечеромъ къ нему, на Дѣвичье Поле, и продажа состоялась. На другой или на третій день *по договорѣ* Погодинъ писалъ: „Охота пуще неволи, любезнѣйшій Павелъ Михайловичъ, мнѣ не спится по ночамъ, и потому прошу васъ, взваливъ шкапы на ломовыхъ лошадей, прислать мнѣ библіотеку теперь. Я думаю, всего лучше и удобнѣе перевязать ихъ толстыми веревками, чтобъ не вывалились спинки и проч. Впрочемъ, какъ знаете. Только нынче, нынче" [296]). Но аккуратный Строевъ каждое дѣло привыкъ дѣлать въ строгомъ порядкѣ, и потому на нетерпѣливое письмо Погодина отвѣчалъ слѣдующее: „Такъ перевозить нельзя, и денежныя дѣла надобно дѣлать аккуратно: благоволите купить коробовъ съ крышками (такъ я перевозилъ всегда книги), пожалуйте сами съ *семью тысячами* рублей и примите рукописи. Иначе можетъ быть какое-нибудь недоразумѣніе. Совѣтую сдѣлать это немедля, потому что дней черезъ десять надѣюсь отправиться въ Петербургъ" [297]).

Погодинъ взволновался. „Могу ли я", писалъ онъ,— „ѣхать отъ больной жены? Боитесь ли вы Бога? И не сказали ль вы сами, что пріѣдете? Объ томъ прошу васъ и теперь. Денегъ я вамъ отдамъ съ прежними пять тысячъ р., да по принятіи съ Петербургскимъ каталогомъ тысячу пятьсотъ, а двѣ тысячи, какъ вы сами говорили, удержу до изданія каталога. Коли хотите дѣлать формально, то благоволите написать условіе. Мое слово возьмутъ на биржѣ, не только

обязательство, которое я вамъ дамъ пожалуй хоть за какими угодно двадцатью поруками. Вы требуете, чтобы я купилъ коробовъ и веревокъ. Павелъ Михайловичъ! Павелъ Михайловичъ! Ну, да я смолчу. Велите, пожалуйста, купить моему кучеру да обвязать шкапы, въ которыхъ и привезутъ книги. Мнѣ хочется, чтобы онѣ безъ дальнихъ хлопотъ съ вашей и моей стороны стали у меня въ комнатѣ, какъ стояли въ вашей. Такъ мнѣ будетъ легче обозрѣніе. Я купилъ у васъ библіотеку почти не смотря—неужели это не знакъ довѣренности? Я принялъ ваше слово и не сталъ торговаться—неужели это не знакъ довѣренности? Я далъ задатокъ, не думая о вашей роспискѣ—неужели это не знакъ довѣренности? Не повѣрилъ ли я вамъ также, что вы отдаете всѣ рукописи сполна? А вы грозно спрашиваете и проч. Божусь вамъ, что писать эту записку и гонять въ другой разъ къ вамъ человѣка—великая утрата для меня. Дѣло могло обойтиться любовно, ладно, а вы все шершавите его, и изъ ничего. Такъ обойдется и теперь. Увѣряю васъ, что вы не раскаетесь: только успокойте меня. Предполагаю ваше возраженіе: зачѣмъ удерживать двѣ тысячи, а не одну? Затѣмъ, что я ваше изданіе ставлю дорого; ну, какъ вы откажетесь, по срединѣ дѣла, по какимъ бы то ни было причинамъ? Повторяю мою покорнѣйшую просьбу: кончите нынче, безъ дальней переписки, и пожалуйте ко мнѣ съ книгами. Увѣренъ, что ваша супруга присовѣтуетъ вамъ то же. Что я сказалъ, то свято". Въ концѣ этого письма Погодинъ приписалъ: „Человѣкъ мой оказался пьянымъ—слѣдовательно, поручать ему ничего нельзя" [298]).

Но Строевъ не сдавался. „Записки вашей", писалъ онъ,—„я не съумѣлъ разобрать и въ половину, потому что она написана очень связно; да и что за маперъ переписываться, когда должно переговаривать на словахъ? У насъ было все покончено: я вамъ сказалъ напередъ, что продаю библіотеку не иначе, какъ на *чистыя деньги*, что у васъ останется *тысяча р.* до окончанія каталога, и вы мнѣ дали небольшой задатокъ для того, чтобы я ужь никому не продавалъ книгъ, хотя я у васъ того

и не просилъ. Слѣдовательно, опять повторю, привозите ко мнѣ семь тысячъ рублей; мы покладемъ въ короба книги, я ихъ запечатаю своею печатью, вы возьмете короба къ себѣ, а когда получится каталогъ изъ Петербурга повѣримъ по нимъ книги, и вы увидите, что ихъ будетъ *слишкомъ*! Что жъ касается до того, вы боитесь, чтобы я не отказался послѣ отъ составленія каталога за тысячу рублей, то вашъ страхъ напрасенъ... Я, быть можетъ, человѣкъ тяжелый, но цѣлою жизнью своею доказалъ, что *человѣкъ честный*, и такою репутаціею дорожу всего болѣе. На этотъ разъ будьте покойны. Прошу васъ покорнѣйше прекратить переписку, ибо я тратить время на пустяки не стану“ [299]). „Съ вами не сговоришь“, писалъ Погодинъ,—„приходится уступать. Деньги готовы будутъ, когда угодно. Мнѣ пріѣзжать нельзя, ибо жена больна. Привозите уже съ каталогомъ, ибо стоять запечатаннымъ (то-есть, книгамъ) у меня до каталога все равно, что у васъ“ [300]).

На эту записочку Строевъ съ горечью писалъ: „Я не отвѣчалъ вчера на писульку вашу съ посланнымъ вами человѣкомъ для того, чтобы не писать отвѣта подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, ею на меня произведеннаго. Обдумавъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ, въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, имѣю честь сообщить вамъ слѣдующее. Чтобы исполнить столь не маловажное дѣло, какова продажа моихъ рукописей и составленіе каталога вашей библіотеки, къ возможному обоихъ насъ удовольствію, должно начать съ того, чтобы войти въ самыя, если не дружескія, то пріятельскія отношенія: sine qua non. Графъ Толстой былъ мой другъ и благодѣтель, его огромная библіотека находилась въ совершенномъ моемъ завѣдываніи нѣсколько лѣтъ и, когда должно было сдавать въ Императорскую Публичную, никакихъ утратъ не оказалось; каталогъ его и теперь еще цѣнится учеными. Г. Царскій мнѣ также хорошій пріятель, всѣ его книги гостили у меня по мѣсяцамъ, все сдано въ цѣлости, и каталогъ его также сдѣланъ какъ должно. А. Д. Черткову угодно было поручить мнѣ изданіе своей Нумизматики, я нянчился съ нею какъ съ своимъ дѣ-

тищемъ, вынянчилъ и сдалъ, что̀ онъ предложилъ мнѣ въ возмездіе за трудъ я принялъ съ благодарностью, и теперь, мнѣ кажется, мы не въ худыхъ отношеніяхъ, пользуясь его пріязнью и гостепріимствомъ. И другіе люди, имѣвшіе со мною дѣло, оставались мною довольны, потому что ввѣрялись мнѣ *съ полною довѣренностью.* Слѣдовательно, и у насъ съ вами только тогда будетъ то же, когда вы такъ же поступите; но оказывается иначе. Главное состоитъ, извините, въ *горделивомъ* вашемъ со мною обращеніи: теперь vous me traitez en canaille (вамъ пришла странная мысль, что я на половинѣ каталога его брошу! а для чего?); послѣ, когда я буду составлять каталогъ, vous me traiterez en ouvrier, то-есть, будете командовать по вашимъ капризамъ. Или сдѣлаемся пріятелями и имѣйте ко мнѣ всякое довѣріе, или разойдемся: средины быть не можетъ. Теперь или послѣ, когда будетъ полученъ изъ Петербурга извѣстный вамъ каталогъ, я все-таки не могу доставить моихъ рукописей въ домъ вашъ, хотя бы желалъ. Причина самая простая: моя прислуга состоитъ изъ двухъ мальчиковъ, бабъ и дворника, Саратовскаго мужика, который кромѣ сохи и лопаты ни о чемъ не имѣетъ понятія и Москвы далѣе Сухаревой башни не вѣдаетъ; неужели вамъ хочется, чтобы ветеранъ археографъ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ, нагрузивъ свои книги на ломового извозчика, самъ сѣлъ на возъ или шелъ подлѣ къ Дѣвичьему монастырю. Въ этомъ случаѣ я увѣренъ въ вашей снисходительности. Я куплю короба, приготовлю извозчика, но все-таки вамъ придется у меня присутствовать при томъ, когда я буду укладывать книги со всею осторожностью для переплетовъ, заплатить деньги у меня на дому и приставить вашего человѣка для сопровожденія воза къ дому вашему. Шкапа, въ которомъ помѣщаются биткомъ мои рукописи, не только нельзя положить на возъ вмѣстѣ съ ними, но десять человѣкъ едва ли могутъ вынесть эту громаду изъ комнаты... Возвращаясь въ среду отъ васъ при жестокомъ вѣтрѣ, я захватилъ простуду, а какъ всякая простуда обращается у меня въ насморкъ и такой, что вы, я думаю, ни-

когда не видывали; я лежу и едва смотрю тогда, но слава Богу это не продолжается долѣе недѣли, и болѣзнь эта у меня періодическая. Теперь мнѣ получше, а къ концу недѣли надѣюсь выздоровѣть. Я не осмѣливаюсь просить васъ посѣтить меня, ибо знаю, что вы *не унизитесь*; но покорнѣйше прошу въ исходѣ недѣли назначить мнѣ часокъ въ конторѣ *Москвитянина*, я явлюсь туда, и, если не уладимъ этого дѣла въ началѣ, то, не пуская впередъ на авось, я возвращу вамъ задатокъ, вы останетесь при деньгахъ, а я при рукописяхъ. Первая брань лучше послѣдней, поговорка Русская. Скажу вамъ откровенно, что мнѣ хотѣлось бы доказать вамъ, что̀ можно изъ меня сдѣлать, когда обращаются со мною со всею довѣрчивостью и съ уваженіемъ: въ дѣлахъ на чести и совѣсти я совершенный Римлянинъ. Вѣрьте или не вѣрьте, ваша воля; пожалуй хотя смѣйтесь“.

Кончилось все-таки тѣмъ, что Погодинъ самъ привезъ Строеву семь тысячъ р. асс., а въ субботу, 7 марта 1842 года, Строевъ, съ грустью отправляя свою библіотеку Погодину, писалъ ему: „Посылаю библіотеку мою *всю сполна*, только *слушаясь васъ* и не хотя огорчить васъ отказомъ. Вы не сдержали слова: хотѣли прислать въ первомъ часу, а прислали въ девять, я не имѣлъ времени, какъ обѣщалъ, перенумеровать книгъ. Всѣхъ книгъ, рукописныхъ и старопечатныхъ, посылается *триста двадцать пять*, да въ Коммиссіи Археографической четыре Лѣтописца, итого *триста двадцать девять*, а продавалось по каталогу всѣхъ *триста семнадцать* слѣдовательно, вы пріобрѣли лишку цѣлую *дюжину*. Признаюсь: страшусь за васъ, посылая такое сокровище въ такую дальнюю сторону, подъ толь слабымъ прикрытіемъ. Еслибъ я могъ плакать, то заплакалъ бы навѣрно, разставаясь съ моими питомцами, которые такъ долго лелѣялъ, а право жаль. Не держите меня въ неизвѣстности и увѣдомьте, какъ къ вамъ драгоцѣнности довезлись“ [301]).

Это письмо очень разстрогало Погодина, и онъ отвѣчалъ Строеву самымъ сердечнымъ образомъ: „Извините“, писалъ

онъ,—„милостивый государь Павелъ Михайловичъ, что не увѣдомилъ васъ въ субботу, я воротился домой поздно, а вчера не имѣлъ ей Богу ни минуты. Библіотеку получилъ, и тронутъ былъ вашими словами. Почитайте ее своею, ибо она столько же въ вашемъ распоряженіи, какъ и моемъ“ [302]).

„Слава тебѣ! Чудо, чудо!“ писалъ Шевыревъ Погодину. „Какъ я радъ этому пріобрѣтенію! Это придаетъ мнѣ еще силъ къ работѣ“...

LV.

1842 годъ былъ счастливымъ годомъ для Древлехранилища Погодина. Пріобрѣтая библіотеку П. М. Строева, онъ въ томъ же году пріобрѣлъ и библіотеку Московскаго собирателя Никиты Петровича Филатова. Въ то время, когда переговоры Погодина съ Строевымъ приходили къ желанному концу, Сахаровъ писалъ къ первому: „У васъ продаетъ собраніе Филатовъ, который торгуетъ близъ церкви Василія Блаженнаго въ Гостинномъ ряду. У него есть рукописи пергаментныя и бумажныя старопечатныя книги. Неужели у васъ, въ Москвѣ, никогда не думаютъ о публичной библіотекѣ? Въ Питерѣ всего много, а изъ Москвы и послѣднее волокутъ. Хвала и честь вамъ, что вы удержали собраніе Строева, попекитесь также и о собраніи Филатова. Право, въ Москвѣ безъ васъ некому позаботиться о публичной библіотекѣ, это прямая обязанность ваша, и вы дадите отвѣтъ въ этомъ предъ потомствомъ. Ради этого только вамъ открываю о продажѣ собранія Филатова, лишаю даже себя участка. Если вы хотите поволочиться за собраніемъ Филатова, то дѣйствуйте сами безъ свидѣтелей, безъ коммисіонеровъ. Онъ приходитъ въ упадокъ и производитъ продажу своего собранія скрытно. Коммисіонеры, какъ Татарскіе баскаки, сдерутъ *колымъ* съ васъ и съ него. Отъ этого только увеличится цѣна собранію. Впрочемъ, вы болѣе знаете сами, что

дѣлать въ этомъ случаѣ“ [303]). Получивъ это извѣстіе, Погодинъ писалъ Строеву: „Прошу васъ покорнѣйше оказать мнѣ помощь. Н. П. Филатовъ продаетъ свое собраніе—взгляните на оное, нельзя ли нынѣ или завтра; сдѣлайте одолженіе и подайте мнѣ благой совѣтъ, чего оно стоитъ по вашему мнѣнію. Филатова лавка на Варваркѣ, близъ угла къ Василію Блаженному“. Не получивъ отвѣтъ на эту просьбу, Погодинъ опять писалъ: „Г. Филатовъ предлагаетъ мнѣ купить его собраніе. Я попрошу васъ сказать объ ономъ ваше мнѣніе, а такъ какъ для этого вамъ нужно знать, что есть у меня, то не благоволите ли вы пожаловать ко мнѣ завтра съ утра, пораньше, вмѣстѣ и откушаете хлѣба-соли. Кстати мы разберемъ все собраніе (оно уже подготовлено) соединенными силами, и такимъ образомъ приготовимъ окончательно къ Описанію вашему“ [304]). Наконецъ П. М. Строевъ написалъ отвѣтъ Погодину слѣдующаго содержанія: „Я нездоровъ и не выхожу болѣе недѣли. Филатова собраніе я видѣлъ прежде: тамъ большею частію дрянь; впрочемъ не хочу мѣшаться не въ свое дѣло и разбивать васъ, дѣйствуйте по своему усмотрѣнію сами“. Узнавъ объ этомъ отзывѣ, Филатовъ оскорбился и писалъ Погодину: „Къ прискорбію моему я слышу стороннiе отзывы нащетъ покупки моихъ книгъ, бутто бы оныя не стоютъ той цены. Жалею, очень жалею, что мое къ вамъ, именно къ вамъ расположеніе и почтеніе, но я этому не вѣрю слуху и верить не могу, ибо я здѣлалъ чистосердечно и откровенно... Какъ люди стороннія не зная вещей и сущности и не видавши можетъ быть никогда вещей рѣдкихъ и судятъ... Конечно судьею быть лехко чужого дела“ [305]).

Какъ бы то ни было библіотека Филатова за четыре тысячи пятсотъ рублей вошла въ составъ Древлехранилища Погодина. Между прочимъ въ ней находились отличный списокъ Патерика Печерскаго, подлинникъ Симеона Полоцкаго, дополненія къ Строевскому собранію Житій Святыхъ и проч. [306]).

Счастливыя пріобрѣтенія Погодина недоброжелательно волновали другихъ собирателей, и одинъ изъ таковыхъ, извѣст-

ный Петербурскій собиратель Кастеринъ, писалъ счастливцу: „Позвольте васъ поздравить съ покупкою книгъ и спросить, которую это библіотеку купили? Будетъ ли этому конецъ, что вы все покупаете громадами? Мало того, что вы за границею выжали... Вамъ становится мало; предвижу напередъ, что вамъ должно будеть опустошить Востокъ, забрать въ свои руки Цареградскую и Аѳонскія библіотеки. Вы съ Филатовымъ поступили по Московски, забрали въ свои руки, да и начали смѣяться надъ Петербургскими людьми. Актовскую библіотеку купилъ графъ Строгановъ“.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что Древлехранилище приводило Погодина въ близкія сношенія съ людьми всѣхъ сословій Русскаго Царства. У насъ имѣется любопытное письмо къ Погодину И. И. Головина изъ Твери, въ которомъ читаемъ: „Записка ваша, пущенная 1-го марта, шла ко мнѣ на волахъ по почтѣ, получена мною 14 марта вечеромъ. Является крестьянинъ низенькой, смуглинькой, черниңькой, въ нанковомъ халатѣ. Держа въ рукѣ записку и не отдавая еще мнѣ, онъ началъ.

Крестьянинъ. Михаилъ Петровичъ, мой истинный благодѣтель, прислалъ со мною письмецо. Вы сдѣлаете большое ему одолженіе, ужь вы не оставьте меня, онъ вамъ все вознаградитъ съ честію.

Головинъ. Что же такое?

Получаю и читаю записку.

Михайло Петровичъ пишетъ, говорю я, чтобы тебѣ помочь деньгами рублей до двадцати за мѣдныя вещи, ежели онѣ стоятъ. Что же это за вещи?

Крестьянинъ. А вотъ видите, батюшка Иванъ Ивановичъ, кажется, васъ такъ зовутъ, Михаилъ-то Петровичъ ошибся, а мнѣ въ Семинаріи вашей сказали, что вы не Николай, а Иванъ Ивановичъ. Вотъ еще это было осенью, здѣсь я въ Твери увидалъ у одного мужичка монету Юрія Всеволодовича; вотъ я былъ у Михаила Петровича и говорю, съ различными книжками, образочьками, иную возьметъ, да и деньги отдастъ всегда

честно, а иную назадъ отдастъ; видѣлъ, я говорю, въ Твери такую монету Юрія Всеволодовича. Вотъ онъ меня — ступай скорѣй, ступай, нарочно далъ десять рубликовъ на дорогу, а тамъ, говоритъ, сочтемся.

Головинъ. Да гдѣ же монета-то? Покажи мнѣ!

Крестьянинъ. Я уже сторговалъ ее за двадцать пять рублей.

Головинъ. Михаилъ Петровичъ пишетъ помочь тебѣ только до двадцати, и то ежели стоитъ.

Крестьянинъ. И батюшка! Что тутъ такое!

Головинъ. Ну хорошо, хорошо! Пойдемъ же посмотримъ.

Крестьянинъ. Нѣтъ ужь я къ вамъ ее принесу часа черезъ два; будете вы дома?

Головинъ. Буду, буду.

Ушелъ мой крестьянинъ, а я остался думать думу крѣпкую. Ну, подумалъ я, поручилъ же мнѣ Михаилъ Петровичъ коммиссію! За кого онъ меня почитаетъ. Я не умѣю отличить Павловскаго гроша отъ Николаевскаго, а онъ мнѣ предоставляетъ цѣнить монету за шестьсотъ лѣтъ бывшую. Вѣрно, меня считаютъ на всѣ руки умнымъ. Въ добрый часъ! Дай Боже! Да вить и въ дураки-то записные попасть не хочется. Руки, ноги затряслись. Вотъ прекрасный случай опозориться и разувѣрить добрыхъ людей въ моихъ свѣдѣніяхъ. Ахъ Ты, Господи! Хоть бы съ неба упала какого-нибудь Черткова что ли книжка *о монетахъ*, чтобы было съ чѣмъ свѣрить! Приходитъ крестьянинъ. Дрожащею рукою схватилъ я завернутый въ бумагу пятакъ. Крестьянина посадилъ къ чаю, а самъ сѣлъ къ окну, чтобы въ сумеркахъ—до свѣчки рѣшить свою горькую участь. Открываю, смотрю: Пятакъ! Такъ! пятакъ съ человѣкомъ съ подписью кругомъ. Ну, слава Богу! Отдохнуло сердце. Нынѣшняя, простая, безъ замысловатостей отдѣлка, буквы, правописаніе, языкъ—все это гораздо ниже временъ Петровыхъ, все это близкое къ намъ. Крестьянинъ между тѣмъ, прихлебывая чай, приговариваетъ:

Крестьянинъ. Это такая вещь, за которую и мнѣ, и вамъ

скажетъ Михаилъ Петровичъ большое спасибо. Что жъ вы тамъ долго разсматриваете.

Головинъ. Вотъ я годъ не разберу, не то 1218, не то 1215— не знаю.

Межъ тѣмъ думаю, какъ бы мнѣ оставить эту вещь до утра, чтобы какъ-нибудь сдѣлать съ нея снимокъ и послать его для удостовѣренія къ Михаилу Петровичу.

Послушай, любезный, нельзя ли тебѣ оставить эту вещь у меня до утра. У насъ есть въ Семинаріи книга, гдѣ всѣ такія монеты напечатаны; я тамъ разсмотрю годъ и такая ли точно фигура монеты.

Разумѣется, это была ложь, я думаю такой книги и въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ.

Крестьянинъ. Помилуйте, государь мой, Иванъ Ивановичъ! Да что вы сомнѣваетесь, повѣрьте мнѣ, я ужь и по мѣди знаю; такой мѣди теперь и нѣтъ у насъ, да и персона та старинная.

Головинъ. Такъ, мой батюшка! Но все-таки лучше, до утра оставить не бѣда.

Согласился крестьянинъ и вышелъ, крѣпко наморщившись. Какъ же снять снимокъ. Рисовать я не умѣю. Поднялся на хитрость. (Пожалуйста не объявляйте никому этотъ способъ— можетъ быть, онъ открытіе). Завернулъ монету или лучше медальонъ въ бумагу и давай тереть серебреною ложкою; всѣ слова, персона и выпуклости вышли, подправилъ карандашемъ, и спряталъ въ столикъ, чтобъ отослать при письмѣ къ вамъ. По моему мнѣнію — это было какое-нибудь полное изданіе всѣхъ князей и царей Русскихъ при Александрѣ или Николаѣ. Цифры въ скобкахъ (24) не показываютъ ли порядка ихъ слѣдованія. Но увидавши рисунокъ *ложкою* — вы сами рѣшите вѣрно. Утро. Входитъ крестьянинъ.

Головинъ. Ну, любезный, вѣдь вещь-то новая, а не старая.

Крестьянинъ. Какъ новая?

Головинъ. Такъ!—Я справлялся: въ книгѣ совсѣмъ не та.

Крестьянинъ. Ахъ, батюшка, какъ вы меня озадачили, вить я двадцать пять рублей за нее отдалъ.

Головинъ. На что же ты отдалъ, не показавши мнѣ.

Крестьянинъ. Да вить я сторговалъ, а онъ не даетъ, не получивши денегъ.

Головинъ. Ну, вотъ я хотѣлъ съ тобой сходить, а ты сказалъ, что самъ принесешь.

Крестьянинъ. Эхъ, батюшка Иванъ Ивановичь, да што объ этомъ толковать; вы мнѣ пожалуйте деньги, я свезу монету къ Михаилу Петровичу. Онъ самъ увидитъ, годится,—годится, а не годится—такъ быть. Онъ прекраснѣйшій человѣкъ, слава Богу, Господь наградилъ его состояніемъ, ужь вы не сомнѣвайтесь, объ этихъ пустякахъ онъ и толковать не будетъ.

Головинъ. Да! Михаилъ Петровичъ прекрасный человѣкъ, не двадцать, а все что имѣю, и что могу занять по его письму, я радъ все выполнить, но все-таки я тебѣ денегъ не дамъ. Ежели бы онъ мнѣ написалъ прямо просто: дай дескать столько-то; а то пишетъ: ежели стоютъ вещи. А я вижу, что не стоитъ пятакъ, такъ вези самъ, коли хочешь, и дѣлай, какъ вѣдаешь.

Завопилъ, взмолился мой крестьянинъ.

Крестьянинъ. Помилуйте, батюшка, да что жъ я буду дѣлать, я и сюда шелъ всю дорогу пѣшкомъ, а теперь у меня и десяти копѣекъ нѣтъ.

Головинъ. Ты виноватъ, зачѣмъ отдалъ деньги, но я постараюсь помочь твоему горю; я здѣсь въ городѣ человѣкъ немаловажный (сказалъ не усмѣхнувшись): мнѣ здѣсь и полицеймейстеръ и губернаторъ — всѣ подъ руками. Коли хочешь, я съ тобою схожу къ мужику, поговорю ему, чтобы онъ взялъ свою рѣдкость, а тебѣ отдалъ назадъ деньги; коли не отдастъ честью, я черезъ полицеймейстера вытребую.

Задумался крестьянинъ.

Крестьянинъ. Такъ ужь вы мнѣ никакъ не дадите денегъ?

Головинъ. Никакъ!

Крестьянинъ. Такъ пойдемте сейчасъ къ мошеннику, ужь вы похлопочите.

Отправились: отыскали на берегу Тверцы трактиришко въ

родѣ харчевни. Дорогой что-то мнѣ напѣвалъ крестьянинъ, что онъ пойдетъ впередъ одинъ и будетъ грозить моимъ знакомствомъ, но продавшій монету самъ попалъ на встрѣчу. Это былъ буфетчикъ трактира. Говорю ему:

Головинъ. Отдай деньги и возьми свою монету, не то пойдемъ со мною къ полицеймейстеру. У меня есть письмо изъ Москвы отъ Голицына, чтобы я посмотрѣлъ монету, а ты продаешь фальшивую.

Трактирщикъ. Чѣмъ же я-то, сударь, виноватъ? Вѣдь онъ у меня съѣлъ двѣ селянки, двѣ порціи чаю. Прикажите, сударь, хоть пополамъ грѣхъ, ужь пять рубликовъ я ему отдамъ.

Головинъ. Какъ пять рубликовъ?

Трактирщикъ. Такъ-съ, за двѣнадцать рублей онъ у меня купилъ.

Головинъ. Неужто?

Трактирщикъ повеселѣлъ и зашумѣлъ.

Трактирщикъ. Помилуйте, сударь, да что вы хлопочете за мошенника, вѣдь онъ меня просилъ сказать, что ежели онъ придетъ съ человѣкомъ, то чтобы я сказалъ, что онъ-де заплатилъ за нее двадцать пять рублей.

Головинъ. А! Такъ, братъ, вѣдайся же самъ, сказалъ я, и вышелъ изъ трактира.

Въ 12 часовъ прихожу изъ класса и вижу у себя на столѣ два старыхъ образа. Черезъ часъ пришелъ крестьянинъ.

Головинъ. Что скажешь?

Крестьянинъ. Вотъ посмотрите эти образа.

Головинъ. Я въ нихъ толку не знаю.

Крестьянинъ. Нѣтъ, ужь это наше дѣло, а только вы пожалуйста такихъ образовъ мнѣ поищите, да Псалтырей Іосафа, Іосифа, Филарета и еще кого-то... У васъ священники и всѣ духовные подъ руками, вамъ это ничего не стоитъ, а я ужь вамъ услужу, привезу вамъ съ Ильинки вашихъ ученыхъ книжечекъ за дешевую цѣну. Только Богомъ васъ прошу, не пишите Михаилу Петровичу, я вѣдь и то потерпѣлъ убытокъ,

пяти рублей не отдалъ разбойникъ. А напишите, что онъ мнѣ не давалъ и говорилъ, что нѣтъ и монеты у меня, коли ты приведешь человѣка. Вотъ вить отъ чего я напередъ и купилъ-то у него, а то бы и съ вашею милостію напередъ бы сходилъ, и я бы не былъ въ убыткѣ.

Головинъ. Какія же у тебя еще есть мѣдныя вещи?

Крестьянинъ. Это образочки и крестики; да ужь эти я самъ купилъ, это безобманно; а вотъ извольте-ка посмотрѣть монету, что̀ по вашей-то милости стоитъ она.

Головинъ. Ну, за эту можно дать четвертакъ.

Крестьянинъ. Два цѣлковыхъ просятъ.

Головинъ. Нѣтъ, дальше полтинника ничего не прибавляй.

Ушелъ. Вѣроятно, онъ самъ къ вамъ ее повезетъ. Монета ростомъ не больше новаго пятіалтыннаго, но вдвое толще. Римская рожица по ключицу, въ лавровомъ вѣнкѣ, смотритъ вправо. Кругомъ ея, отъ лѣвой руки къ правой, читается: ANTONINVS PIVS AVG. B... Дальше не разобралъ. На другой сторонѣ стоитъ фигурка человѣческая во весь ростъ, кажется, съ лукомъ на лѣвой рукѣ, подписи не разобралъ. Край монеты немного треснулъ. Вечеромъ пришелъ опять крестьянинъ, сказалъ, что заплатилъ за эту монету два рубля ассигнаціями и просилъ дать ему эти деньги, потому что у него нѣтъ ни гроша на дорогу. Отдалъ ему два рубля ассигнаціями. Все прошеніе крестьянина состояло въ просьбѣ написать къ вамъ письмо такъ, какъ онъ говорилъ. Я, кажется, довольно точно исполнилъ его просьбу, какъ сами видите. Монета оставлена мнѣ для пересылки къ вамъ. Посылаю ее, равно какъ и снимокъ съ той".

Въ то же время С. Д. Нечаевъ изъ своего Рязанскаго имѣнія, Сторожевая Слобода, сообщаетъ Погодину: „Деревня, изъ которой пишу къ вамъ, находится противъ стараго Данковскаго городища. Здѣсь рыли колодезь саженяхъ во сто отъ рѣки Дона, и въ глубинѣ девяти аршинъ нашли большой слоновый зубъ и другія допотопныя кости. Назадъ тому года три, при рытіи отводной канавы изъ пруда, на Куликовомъ Полѣ,

которое отсюда отстоитъ верстахъ въ двадцати, нашли въ глинистомъ слоѣ слоновые же зубы, но меньшей величины, и это уже не въ первый разъ. Всѣ эти находки отправлены уже на Дѣвичье Поле". У насъ имѣется не менѣе интересное письмо къ Погодину отъ В. Борисова, изъ Шуи, въ которомъ читаемъ: „Позвольте разсказать вамъ анекдотецъ, доказывающій, до какой степени сдѣлались извѣстны ваше имя и любовь къ Древностямъ... Въ Шуйскомъ уѣздѣ существуетъ старинное село Пупки, въ которомъ есть монастырь во имя чудотворца Николая, замѣчательный въ особенности тѣмъ, что въ немъ имѣлъ пребываніе нѣсколько годовъ новопрославленный чудотворецъ Митрофанъ. Сюда-то именно и писалъ онъ къ архимандриту Александру то письмо, списокъ котораго былъ напечатанъ въ вашемъ журналѣ. Въ этомъ селѣ Пупкахъ бываетъ каждогодно, въ 9 мая, порядочная ярмарка. Нынѣшній годъ бывши на ней и разбирая на столикѣ у одного крестьянина-букиниста разныя статьи, я встрѣтилъ рукописное Евангеліе, написанное такъ четко, чисто и красиво, украшенное такими затѣйливыми заставными буквами и виньетами, что сильно прельстился имъ и захотѣлъ купить его. Въ этихъ мысляхъ я спросилъ торговца, что возьметъ онъ за него? Да недорого, батюшка, отвѣчалъ онъ мнѣ: всего, сударь, только восемьдесятъ рубликовъ". Послѣ торговли крестьянинъ сказалъ Борисову: „Коли дорого, такъ не покупайте. Мы и безъ васъ продадимъ; у насъ купитъ его и господинъ Погодинъ!.." Имя ваше сдѣлалось извѣстно: отъ Шафарика и Ганки—до мужика, и отъ Праги и Бреславля—до какихъ-то Пупковъ".

LVI.

Въ 1842 году вернулись изъ своего путешествія по Словенскимъ землямъ Бодянскій, Срезневскій и Прейсъ и заняли новооснованныя Уставомъ 1835 года каѳедры въ нашихъ университетахъ Исторіи и Литературы Словенскихъ нарѣчій. Бо-

дянскій въ Москвѣ, Срезневскій въ Харьковѣ и Прейсъ въ Петербургѣ.

Еще въ 1840 году Максимовичъ спрашивалъ Погодина: „А что мой землячекъ Бодянскій?“ [307]). На этотъ вопросъ Бодянскій съ одра болѣзни отвѣчалъ Погодину длиннымъ письмомъ изъ Фрейвалдау отъ 7 мая 1840 года: „Боже мой, Боже мой! Вскую меня оставилъ еси! Приходится, видно, схоронить свои кости на чужбинѣ, что, разумѣется, не такъ еще велика бѣда, но вотъ худо, въ такую пору моей жизни, въ первый годъ мужества, когда только что окончилъ свои приготовленія, сбирался дѣйствовать, и вдругъ пута на ноги! Такова ужъ моя доля! Скачы, враже, якъ панъ каже, говорятъ Малоруссы. Грустно, невыносимо грустно на сердцѣ, когда подумаешь, что весь этотъ запасъ свѣдѣній, добытыхъ цѣною безсонныхъ ночей и на послѣднюю денежку, вся наглядная опытность, пріобрѣтенная на самомъ мѣстѣ, у самаго родника, весь юношескій жаръ и пылъ, подкрѣпляемый мужескою стойкостью и твердостью, вся безграничная, но съ тѣмъ вмѣстѣ отчетливая любовь и привязанность къ своему предмету и, наконецъ, весь этотъ рой мыслей, думъ и гаданій о Словенщинѣ, ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, все это бухъ въ могильную канаву, прощай житейская скудель! Лучше во сто разъ не родиться было, чѣмъ такъ, ни за цапову (козлиную) душу пропасть, какъ выражаются мои земляки! Не шутя, на всякій случай, хочу здѣсь написать вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, нѣчто въ родѣ духовной, можетъ быть, еще не такъ-то скоро расплююсь съ этимъ свѣтомъ, а все не худо нѣсколько попрежде приготовиться ко дню, въ онь же воззоветъ мя сѣдяй на высокихъ. Я почти вполнѣ убѣжденъ, что мнѣ не видать ужь моей Святой Руси. Разумѣется, не въ послѣдній разъ еще говорю съ вами письменно, но лицемъ къ лицу и при томъ у себя—пиши пропало! И потому все мое ваше, въ Москвѣ, Прагѣ, здѣсь; дѣлайте изъ него какое вамъ угодно употребленіе. Роднымъ моимъ пошлите малую толику изъ роду звенящихъ и, по воз-

можности, утѣшьте ихъ, хоть я увѣренъ, что вѣсть о моей смерти будетъ для нихъ погромомъ. Дай Богъ, чтобы они и послѣ того жили долго-долго: я имъ обязанъ больше, чѣмъ за одну жизнь (правду сказать—слишкомъ хрупкую), они мнѣ дали воспитаніе не по своему карману, извините за выраженія! Въ такомъ положеніи я хватаюсь за первое слово, сколько-нибудь объясняющее мою мысль, мое чувство. Да, вотъ что значитъ ревность не по разуму! Въ голову мнѣ не приходило, чтобы пустяшная простуда въ Прагѣ, при обозрѣніи музея и другихъ библіотекъ, привела меня, ну, почти ко гробу. Она отняла у меня столько драгоцѣннаго времени, и теперь, самъ не знаю, на долго ли привязала къ Австрійской Силезіи, вѣроятно, здѣсь суждено мнѣ лечь костями, по крайней мѣрѣ много уйдетъ воды, пока отсюда выберусь. „Хорошо!" скажете вы. „Да чѣмъ же ты станешь жить и лечить себя?" Пока моимъ жалованьемъ, а тамъ, что Богъ пошлетъ... Какъ бы то ни было, жаль одного только на этомъ бѣломъ свѣтѣ, что мнѣ не суждено было положить камня въ голову угла для того величественнаго зданія Всесловенства на Руси, въ сердцѣ истиннаго Словенства, которое такъ ужь обворожительно при одной мысли объ его возможности. И къ чему послужили мнѣ всѣ эти приготовленія, тяжкія, но съ тѣмъ вмѣстѣ невыразимо сладостныя? Къ чему мнѣ эта легкость и свобода, съ которой я теперь владѣю семью Словенскими языками, на которыхъ объясняюсь, какъ на своемъ родномъ? Потому что я всегда былъ того мнѣнія, что для живаго и плодоноснаго преподаванія моего предмета непремѣнно надо было усвоить себѣ совершенно или по крайней мѣрѣ до точки возможности всѣ тѣ живые Словенскіе языки, о коихъ пришлось бы толковать съ своими слушателями. И счастье мнѣ въ этомъ благопріятствовало. Думаю, вы не сочтете этого пустымъ хвастовствомъ, тѣмъ болѣе, что о справедливости, или ложности моихъ словъ всегда можете освѣдомиться въ Прагѣ. Да и что за охота врать въ ту пору, когда такъ близко находишься къ могилѣ?!.." [308]).

Но цѣлебныя воды возстановили силы Бодянскаго, и 9 сен-

тября 1842 года онъ уже былъ въ Москвѣ и вступилъ на каѳедру Исторіи и Литературы Словенскихъ Нарѣчій.

Это было счастливое время для Бодянскаго: тогда онъ сдѣлался предметомъ общаго вниманія и сочувствія. Просвѣщенный и любознательный начальникъ Москвы князь Д. В. Голицынъ, по свидѣтельству Шевырева, „съ участіемъ выслушивалъ изъ устъ профессора Бодянскаго о новыхъ открытіяхъ Шафарика въ Словенскомъ мірѣ" [309]).

Но Погодину не пришлось быть свидѣтелемъ первыхъ успѣховъ на поприщѣ Словеновѣдѣнія своего ученика; онъ въ это время путешествовалъ по Европѣ, и во время своего путешествія получилъ слѣдующее любопытное письмо отъ Шафарика: „Другъ Бодянскій написалъ мнѣ длинное письмо о началѣ своего учебнаго курса: *о ходѣ литературы* и проч., что меня очень порадовало. Только мнѣ показалось, что его воображеніе нѣсколько поразгорячилось, что̀ я приписалъ его молодости. Онъ говоритъ тамъ о вещахъ, о которыхъ я ничего не знаю и знать не желаю. Вы знаете, что я простой, сухой грамматикъ, антикварій и филологъ, и почти о другомъ не знаю и ничего знать не хочу. Хотя я ему въ вину не ставлю подобныя экстравагантности и модныя мечтанія и фантазію ради его молодости, но другіе, читая его письма, могутъ понять иначе ихъ и дать имъ иное толкованіе. Еслибы я стоялъ къ нему ближе и былъ бы съ нимъ довѣрчивѣе, то сказалъ бы ему по сербски: *da ne luduje!*" [310]).

Воротившись въ Москву, Погодинъ самымъ задушевнымъ образомъ привѣтствовалъ вступленіе Бодянскаго на Словенскую каѳедру. „Никогда не забуду", пишетъ Бодянскій, — „той торжественной для него и для меня минуты, когда онъ увидѣлъ меня въ первый разъ на учительскомъ сѣдалищѣ. *Слава Богу! Цѣль наша достигнута — Словеновѣдѣніе водворено въ Первопрестольной, а черезъ нее и въ цѣлой, дастъ Богъ, Россіи,* сказалъ онъ во всеуслышаніе, обнимая и цѣлуя меня при всѣхъ въ моей аудиторіи" [311]).

На первыхъ же порахъ своей профессорской дѣятельности

Бодянскій вступилъ въ полемику съ человѣкомъ, которому во дни своей юности былъ много обязанъ.

Въ пріятельскомъ письмѣ къ Погодину М. А. Максимовичъ написалъ между прочимъ замѣчаніе о Шафариковой Словенской картѣ: „Въ Кіевѣ нѣсколько минутъ только“, писалъ онъ, — „видѣлъ я знаменитую этнографическую карту Шафарика. Взглянувъ въ ней на Южную Русь, я съ удивленіемъ прочелъ въ ней *Переясливъ*, *Васильkивъ*, *Пивтава*, *Перекипъ* и проч. Къ чему такой излишній, искусственный малороссіянизмъ? Живучи постоянно девятый годъ уже на родинѣ моей, я не встрѣчалъ даже простолюдиновъ ни въ Переясловѣ, ни въ Васильковѣ, которые называли бы свои города *Переясливъ*, *Васильkивъ;* въ Херсонскихъ и Крымскихъ степяхъ я не встрѣчалъ ни одного чумака, который называлъ бы Перекопъ *Перикипомъ*... Виноватъ передъ Шафарикомъ, кто посовѣтовалъ ему такой провинціальный пересолъ... И Шафарикъ очень бы хорошо сдѣлалъ, еслибы при новомъ изданіи карты своей всуе употребленный Южно-русскій звукъ *возвелъ опять къ общесловенскому коренному звуку о*... Ты самъ вѣдь ѣхалъ недавно изъ Полтавы на Переясловъ... *Пивтавы*, *Переяслива*, вѣрно, не слыхалъ изъ устъ народа, развѣ отъ Бодянскаго; но любезный землякъ мой вообще слишкомъ малороссіянитъ, даже умышленно, а иногда и неумышленно ошибается, когда, напримѣръ, говоритъ, что р. Рось впадаетъ въ Днѣпръ *насупротивъ Канева* (что вслѣдъ за нимъ повторено было и въ одной Петербургской газетѣ, помнится, въ длинной критикѣ на Исторію Устрялова): ты самъ съ Горы моей видѣлъ Каневъ и, вѣрно, на той же правой сторонѣ Днѣпра замѣтилъ устье Роси, верстахъ въ шести ниже Канева... Напиши мнѣ однако, гдѣ теперь Бодянскій и поправился ли онъ своимъ здоровьемъ?“ [312]). М. А. Максимовичъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Погодина сообщить это замѣчаніе Шафарику, но Погодинъ сдѣлалъ это посредствомъ своего журнала и напечаталъ замѣчаніе Максимовича.

На эту замѣтку Бодянскій, скрывшись подъ буквою N,

отвѣчалъ въ *Москвитянинѣ* бранчливою критикою подъ слѣдующимъ замысловатымъ заглавіемъ: *Господину возводителю къ общесловенскому коренному звуку.* Въ этой статьѣ доказывается, что надо писать и говорить не Полтава, а *Пивтава*, не Васильковъ, а *Василькивъ*, не Переясловъ, а *Переясливъ*, не Перекопъ, а *Перекипъ*, и это потому, что въ Малороссіи, какъ утверждаетъ критикъ, такъ произноситъ это названіе городовъ простой народъ, живущій на проселочныхъ дорогахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ критикъ утверждаетъ, что Максимовичъ не имѣетъ даже права замѣтить ошибку Шафарикова совѣтника, такъ какъ онъ недостаточно знакомъ съ Малороссійскимъ языкомъ. „Для вѣрнаго и безошибочнаго сужденія объ отличительныхъ свойствахъ какого бы то ни было языка мало быть туземцемъ, надобно взрость среди своего народа, достигнуть, по крайности, возмужалыхъ лѣтъ, проникнуться своимъ роднымъ насквозь, да насквозь изучить его у деревенскаго простонародья, самой упругой и твердой части народа, долѣе и болѣе всѣхъ привязанной къ старинѣ и языку предковъ... А то какое тутъ знаніе языка своей родины, если васъ привезли, положимъ, въ нѣжномъ дѣтствѣ и воспитали среди другого народа, хотя и родственнаго, но во многомъ вопрекъ не схожаго съ вашимъ, если вы принялись за родной языкъ по книгамъ и скуднымъ сборникамъ народныхъ пѣсенъ, подкрѣпляя себя въ этомъ одномъ лишь темнымъ-претемнымъ воспоминаніемъ младенческихъ лѣтъ! Много ли подвинетесь вы въ своемъ языкѣ даже и тогда, когда судьба приведетъ васъ, наконецъ, жить у *себя*, но исключительно въ городахъ, въ которыхъ все говоритъ и языкомъ господствующаго народа, или же какою-то чудною смѣсью Варяго-Русскаго?“ Максимовичъ не остался въ долгу у своего критика и отвѣтилъ ему вѣскою антикритикою, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *О Малороссійскомъ произношеніи мѣстныхъ именъ. Объясненіе, относящееся къ Шафариковой Словенской картѣ.* „Г. N“, пишетъ Максимовичъ,— „изготовилъ большой, обдуманный, однако не мѣткій ударъ на защиту Шафарикова совѣтника. Прямо ко мнѣ обратилъ

онъ статью свою, хотя онъ и говоритъ, что ни лично, ни по наслышкѣ не знаетъ Шафарикова совѣтника. Меня онъ называетъ *извѣстнымъ писателемъ, пламеннымъ любителемъ родного* и проч., и въ то же время прямо и намеками говоритъ разныя колкости обо мнѣ, моихъ знаніяхъ и мнѣніяхъ, бросаетъ мнѣ въ спину бранчливыя пословицы, и самъ скрывается подъ литерою N. Къ чему такая застѣнчивость и потаенность, особенно съ тѣмъ, кто давно поставилъ себѣ правиломъ говорить прямо и открыто всѣ свои мнѣнія и не печатать ничего безъименнаго. Поприще критики открыто и доступно для всякаго; всякъ воленъ говорить, что ему угодно о моихъ трудахъ по части Южно-Русскаго и Словесности; объ нихъ можетъ отзываться съ небреженіемъ и *тотъ, кто нѣкогда въ Москвѣ говорилъ мнѣ съ восторгомъ, что моя книжечка Малороссійскихъ пѣсенъ и особенно ея предисловіе возбудило въ немъ пламенную любовь къ занятію Южно-Русскимъ языкомъ и поэзіей*. И тотъ, однако, не можетъ отвергнуть одного, что изслѣдованіе Южно-Русскаго языка, сравнительное съ другими Словенскими, начато мною сперва въ упомянутомъ изданіи *Малороссійскихъ Пѣсенъ* (М. 1827); потомъ въ *Изслѣдованіи о Русскомъ языкѣ* (1838) и въ *Исторіи Древней Русской Словесности*, изданной въ Кіевѣ въ 1839 году". При этомъ Максимовичъ заявляетъ, что „первыми средствами" къ этимъ изслѣдованіямъ были для него: *Словенская Грамматика* Добровскаго, *Сербскія пѣсни* и *Словарь* Вука Караджича, также личныя бесѣды съ Каченовскимъ, Ходаковскимъ, Мицкевичемъ и Венелинымъ. Максимовичъ выражаетъ сожалѣніе, что его *объясненіе о Шафариковой картѣ* должно быть отвѣтомъ на безъименную статью г. N. „Впрочемъ", пишетъ онъ, — „изъ нея видно, что г. N человѣкъ ученый, въ свѣжей памяти сохраняющій произношеніе многихъ Словенскихъ языковъ, съ прилежаніемъ изучившій Южно-Русскій языкъ, какимъ говорятъ въ Карпатахъ", и при этомъ Максимовичъ ссылается на Срезневскаго, въ его донесеніяхъ Министру Народнаго Просвѣщенія. „По этимъ уважительнымъ качествамъ", продол-

жаетъ Максимовичъ,—„кто бы не былъ г. N—я могу войти въ подробное разсмотрѣніе, какъ онъ защищаетъ того, кто присовѣтовалъ Шафарику писать *Переяслив*, *Васильків*, *Пиатава*, *Перекіп*, и какъ онъ опровергаетъ мое утвержденіе, что имена этихъ городовъ должно писать, какъ писали доселѣ—Переясловъ, Васильковъ, Полтава, Перекопъ". Но критикъ Максимовича утверждаетъ, что такое произношеніе онъ могъ подслушать только у горожанъ, а не у деревенскаго простонародія.

„Это несправедливо", возражаетъ Максимовичъ,—„само по себѣ, а въ отношеніи ко мнѣ даже превратно; ибо случилось же такъ, что въ простонародіи упомянутые города слышалъ я не иначе, какъ съ звукомъ *о*, *а Переяслив Пиатаву* впервые встрѣтилъ на Шафариковой картѣ и у г. N., слѣдовательно, у людей грамотныхъ, у горожанъ. Поводомъ къ такому превратному толку г. N. послужило то, что я вторыя пятнадцать лѣтъ жизни моей провелъ въ Москвѣ, а потомъ около семи лѣтъ пробылъ въ Кіевѣ. Но пребываніе въ этихъ городахъ не только не лишало меня возможности бывать на родинѣ моей, среди поселянъ, но доставило мнѣ способъ и случай посѣтить *всѣ* Русскія губерніи, въ которыхъ живетъ народъ и звучитъ языкъ Южно-Русскій. Теперь я третій годъ уже почти постоянно живу среди поселянъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ устья рѣки Роси, въ сорока пяти верстахъ отъ Переяслова. Я имѣю теперь не только досугъ и охоту, но долженъ по необходимости слушать говоръ народный. Зачѣмъ же г. N. недосказанными намеками о подробностяхъ моей жизни, наводитъ сомнѣніе на мое знаніе народнаго языка, если самъ же называетъ меня *пламеннымъ любителемъ родного*, *щирымъ малороссіяниномъ*. Когда зашелъ вопросъ, какъ у Малороссіянъ называются ихъ города и деревни, то я, конечно, имѣю здѣсь всѣ средства для вѣрнаго и точнаго рѣшенія. Правду сказать, и дѣло это немудреное. Самъ г. N. говоритъ, что для этого отнюдь не надо мудрствовать, и что же? Г. N. мудрствуетъ: заставляетъ имена Южно-Русскихъ мѣстъ звучать такъ, какъ ему хочется,

а потомъ доказываетъ, что они по своей природѣ не сумѣютъ звучать иначе, и составляетъ для того особенныя правила“.

Доказавъ, что слѣдуетъ писать Переясловъ, а не Переясливъ, Васильковъ, а не Васильківъ, Полтава, а не Пивтава и Перекопъ, а не Перекипъ, Максимовичь заключаетъ: „И Пивтава, и Переясливъ и Перекипъ—эти названія пригодны для театральной сцены, а не для этнографической карты Словенской, составленной Шафарикомъ. Я съ полнымъ убѣжденіемъ готовъ еще просить его, чтобы онъ отмѣнилъ это нововведеніе въ названіяхъ Южно-Русскихъ мѣстностей, чтобы онъ писалъ ихъ съ звукомъ *о*, какъ всегда писали и пишутъ во всей Южной Руси. За что на картѣ Словенской Южная Русь является въ первый разъ съ такимъ черезъ-чуръ простонароднымъ голосомъ, въ такомъ до крайности провинціальномъ видѣ?“

Союзникомъ Максимовича по этому вопросу явился почтенный Галицкій ученый Зубрицкій. „Радовался я статьею Максимовича“, писалъ онъ Погодину,—„на нелѣпое искаженіе этнографической карты Шафарика; это надѣлали наши молодчики, воспользовавшись его добродушною легковѣрностью“ [313]).

LVII.

Вслѣдъ за Бодянскимъ, а именно 23 сентября 1842, возвратился изъ Словенскихъ земель въ Харьковъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій и занялъ въ тамошнемъ Университетѣ каѳедру Исторіи и Литературы Словенскихъ нарѣчій.

По свидѣтельству В. И. Ламанскаго, Срезневскій „вывезъ изъ своего заграничнаго путешествія огромный запасъ разнообразныхъ впечатлѣній, живыхъ замѣтокъ и наблюденій надъ бытомъ и жизнію Западно-Словенскихъ народовъ, множество важныхъ уроковъ и свѣдѣній, почерпнутыхъ въ бесѣдахъ съ Боппомъ, Поттомъ, Шафарикомъ, Копитаромъ, Вукомъ Караджичемъ и другими Словенскими и Нѣмецкими учеными и писателями, а также въ занятіяхъ кабинетныхъ и библіотечныхъ въ зимніе мѣсяцы, въ пребываніе свое въ Берлинѣ, Дрезденѣ,

Прагѣ, Вѣнѣ и пр. Его большой оригинальный умъ сильно развился въ эти годы и обогатился обширнымъ личнымъ опытомъ; прежняя его разбросанность исчезла, его горячія, кипучія силы и неустанная энергія стали умѣряться и сосредочиваться" [314]). Подтвержденіе этого позднѣйшаго свидѣтельства В. И. Ламанскаго находимъ въ свидѣтельствѣ современномъ, а именно въ письмѣ П. А. Муханова къ Погодину, въ которомъ читаемъ: „Пуркине не нарадуется на Срезневскаго, что за пылкость, что за способности по изученію Словенскихъ языковъ, по-чешски отлично говоритъ и пр. Пуркине", продолжаетъ Мухановъ, — „проситъ меня дозволить посвященіе мнѣ своего сочиненія о Русскомъ языкѣ, въ коемъ предлагаетъ Латинскими буквами замѣнить Кирилловскія! —Я отклонилъ отъ себя и не захотѣлъ, чтобы имя мое стояло рядомъ съ такою профанаціею. Но онъ премилый человѣкъ" [315]).

Надо замѣтить, что лично Срезневскій познакомился съ Погодинымъ въ 1839 году, когда проѣздомъ изъ Харькова въ чужіе края былъ въ Москвѣ. О впечатлѣніи, произведенномъ Погодинымъ на Срезневскаго мы узнаемъ изъ письма послѣдняго къ матери, изъ Москвы отъ 7 октября 1839 года. Въ этомъ письмѣ мы читаемъ: „Погодинъ—ничего не могу сказать о немъ: добръ и ласковъ, простъ и не церемоненъ, но вынеси изъ кабинета его и его не узнаешь, кто онъ, и въ кабинетѣ своемъ онъ скорѣе надсмотрщикъ, библіотекарь, нежели хозяинъ. Онъ только что воротился изъ-за границы, былъ въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи,—и воротился вмѣстѣ съ Гоголемъ. Вотъ почему я имѣлъ случай увидѣться и съ этимъ русскимъ испанцемъ. Очень молодой человѣкъ, хорошенькій собою, умненькій, любящій все Словенское, все Малороссійское, но съ перваго виду мало обѣщающій" [316]).

Прошло нѣсколько лѣтъ, Срезневскій, совершивъ свое Путешествіе къ Словенамъ, возвратился въ Харьковъ и, занявъ въ тамошнемъ Университетѣ Словенскую каѳедру, продолжалъ съ Погодинымъ самыя дружелюбныя сношенія, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся его письма къ Погодину. „Вы желаете", писалъ Срезневскій, — „незабвенный Михаилъ Петро-

вичъ, чтобы я написалъ вамъ большое письмо. Исполняю желаніе ваше тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что не могу этого не желать и самъ. Мысленно переношусь въ вашъ кабинетъ, сажусь, какъ сидѣлъ когда-то противъ васъ,—и начинаю болтать... Сначала объ себѣ. Ровно годъ, какъ я въ Харьковѣ, и тотчасъ по пріѣздѣ началъ чтенія: нашъ ректоръ любитъ акуратность и позволилъ мнѣ только выздоровѣть. Вниманіе и студентовъ, и профессоровъ, и другой посторонней публики къ моему первому чтенію было для меня вовсе неожиданно: зало было полно, слушали съ любопытствомъ. Я уже воображалъ, что одержалъ побѣду, особенно, когда, по прочтеніи лекціи, услышалъ похвалы и благодарность. Я уже начиналъ строить воздушные замки... Но эта была мечта, и, разумѣется, лопнула, какъ мыльный пузырь. На другую лекцію изъ необязанныхъ меня слушать явилось не болѣе десяти. На третью еще меньше. Потомъ я остался при своихъ; потомъ и свои не всѣ посѣщали, особенно когда пришло время готовиться къ экзаменамъ. Всего легче мнѣ было подумать, что я дурно читаю, что студенты мною недовольны, но этого я не замѣчалъ, и, сколько смѣю судить, не могъ заслужить подобнаго отзыва: каждая лекція мнѣ стоила не менѣе десяти часовъ, круглымъ числомъ, и были студенты, цѣнившіе мои труды. Причина охлажденія если и зависѣла отъ меня, то не совсѣмъ. Она зависѣла отъ многаго другаго: 1) наши студенты обременены очень лекціями, такъ что рѣдкій день не должны ихъ выслушать пять, шесть; 2) я никогда не принуждалъ и не стану принуждать посѣщать меня,—вольному воля; важнѣе же и этихъ двухъ причинъ я считаю еще одну: нашу южно-русскую холодность, нашъ характеръ, который не позволяетъ намъ предаваться ничему неумѣренно, а заставляетъ умѣрять всякій порывъ. Увлечь насъ можно; но на это надобно силъ поболѣе, нежели у меня, и все-таки многихъ не увлечешь такимъ предметомъ, какъ Словенство: онъ слишкомъ близокъ къ политикѣ, которая для насъ не существуетъ, и очень далекъ и отъ вседневной жизни нашей, и отъ нашихъ обычныхъ мечтаній. Вспомня

это, я утѣшался,—поворотилъ оглобли въ сторону,—и вовсе не думая объ увлеченіи, хочу только пріучить студентовъ къ моему предмету, пріучить ихъ считать его въ числѣ важнѣйшихъ. И дѣло идетъ на ладъ, понемногу. Вотъ мой планъ преподаванія: Студентамъ 1-го курса читаю каждый годъ одно и то же: Энциклопедическое введеніе въ изученіе Словенства, излагая въ немъ, послѣ рѣшенія общихъ вопросовъ о пользѣ и содержаніи науки о Словенствѣ, какое мѣсто принадлежитъ Словенамъ въ Европѣ въ отношеніи этнографическомъ, историческомъ и географическомъ,—далѣе общую характеристику Словенскаго языка и разнообразіе его нарѣчій, главныя черты Словенскихъ народностей и судебъ,— наконецъ въ общемъ очеркѣ содержаніе Словенской литературы. Студенты же 2-го и 3-го курсовъ слушаютъ у меня одинъ годъ о Словенахъ западныхъ южной отрасли, а другой годъ о Словенахъ западныхъ сѣверной отрасли: каждый Словенскій народъ разсматривается отдѣльно по его жилищамъ въ прежнее и наше время, по его древности, его судьбамъ, его современному состоянію, его нарѣчію и литературѣ. Имъ же объясняю, по разу въ недѣлю, лучшія произведенія Словенской литературы. Грамматикъ я не читаю; на памятники палеографическіе обращаю вниманіе только слегка; изъ писателей выбираю только тѣхъ, которыми долженъ дорожить всякій Словенинъ; изъ историческихъ событій болѣе останавливаюсь на самыхъ важныхъ, стараясь пересказывать ихъ сколько можно подробнѣе; а болѣе всего думаю о томъ, чтобы познакомить слушателей съ народностями Словенъ нашего и прежняго времени, съ памятниками ихъ быта и образованности, съ ихъ общественнымъ состояніемъ въ то и другое время. Вообще изъ моихъ лекцій одна треть филолого-литературныхъ и двѣ трети историко-этнографическихъ: на первыхъ слушателей обыкновенно бываетъ гораздо менѣе, нежели на послѣднихъ, что и заставило меня увеличить число ихъ и пользоваться всѣми случаями вмѣшивать въ нихъ филологическія изысканія. Само собою разумѣется, что слушателей всего болѣе занимаетъ то, что

имѣетъ отношеніе къ нашему родному, Русскому, нашей собственной Исторіи, нашимъ народностямъ, нашему языку и литературѣ, и что слѣдовательно я, сколько могу, стараюсь сближать все Западнословенское съ нашимъ Русскимъ, знаю я средство увеличить число слушателей: это—читать лекціи по написанному и такъ, чтобы все было хотя нѣсколько торжественнымъ; но гдѣ же мнѣ взять времени, чтобы писать лекціи и написывать фразы на фразы. Это будетъ для меня возможнымъ развѣ тогда, когда я соберу всѣ нужные матеріалы и когда, приготовляясь къ лекціи, буду въ состояніи думать только о томъ, какъ бы краснорѣчивѣе прочесть. Да и тогда развѣ можно будетъ освободиться отъ учительскихъ объясненій, особенно въ лекціяхъ филологическихъ. Впрочемъ я виню всего болѣе самого себя, стараюсь искать своихъ ошибокъ, поправлять ихъ, и долгомъ почитаю слушаться всѣхъ благоразумныхъ совѣтовъ опытности и ума. Такъ совѣтъ и съ вашей стороны, Михаилъ Петровичъ, сколько бы ни заставлялъ онъ меня отучаться отъ моихъ привычекъ, былъ бы для меня драгоцѣненъ. Помогите мнѣ, поучите меня—если не для меня лично, то во имя Словенства. Я сумѣю оцѣнить ваше искреннее слово, и употреблю всѣ усилія воспользоваться имъ. А между тѣмъ вотъ и еще нѣсколько словъ о нашей холодности: вся моя библіотека открыта всѣмъ, я радъ давать книги, самъ предлагаю, прошу,—но до сихъ поръ, въ теченіе года, едва ли взято было и сто книгъ; я дарю книги, но и подарки цѣнятъ только какъ подарки. Не подумайте впрочемъ, что мы холодны къ одному Словенству; ко многому другому мы еще холоднѣе. Мы сходимся въ кабинеты для чтенія болѣе чтобъ поболтать, нежели чтобы прочесть что-нибудь дѣльное; мы не дадимъ ходу ни одному книгопродавцу; мы, еслибы только захотѣли, могли бы и должны бы были издавать хорошее повременное изданіе,—и не хотимъ; мы бы могли писать въ десять разъ болѣе,—и не пишемъ, потому что можемъ не писать; мы бы должны были собираться на литературные вечера,—и осмѣяли бы перваго, кто бы вздумалъ затѣять ихъ.

Мы холодны ко всему книжному,—и не холодны только къ той наукѣ, которая съ перваго разу приноситъ видимую, осязательную пользу, и то на время, пока есть намъ отъ нея польза. Есть у насъ профессора, которые бы украсили собою любую каѳедру—ихъ не цѣнятъ; есть у насъ люди увлеченные—ихъ никто не знаетъ и знать не хочетъ; есть отличныя дарованія—на нихъ никто не обращаетъ вниманія. Если бы можно было измѣнить направленіе толпы, Харьковъ завтра бы блеснулъ инымъ свѣтомъ; а пока это направленіе останется, все будетъ по прежнему. Университетъ имѣетъ, правда, вліяніе, но и то тайно, никому не давая о томъ знать, или даже, часто, самъ того не зная. Нашъ Иннокентій имѣетъ тоже вліяніе, но и оно—только на время, пока онъ у насъ, да и къ нему даже мы привыкаемъ, мало по малу забываемъ уже, кто онъ. Изъ другихъ, которые бы могли имѣть вліяніе, одни безъ средствъ и силъ, другіе безъ охоты. Мы впрочемъ живемъ, благодаря Бога, не дурно, и стоитъ только умѣрять порывы сердца, примѣняться къ господствующимъ обычаямъ, не имѣть собственныхъ ни глазъ, ни ушей, ни мозгу, чтобы наслаждаться всѣмъ вполнѣ. А наслаждаться есть чѣмъ: вотъ преферанчикъ, вотъ обѣдъ или ужинъ, вотъ балъ, вотъ визитное утро, вотъ три-четыре дюжины шампанскаго, вотъ выгодная сдѣлка съ барышемъ пятьдесятъ на сто, и пр. и проч. Наслаждаться есть чѣмъ, и мы наслаждаемся, чего же болѣе? Я однако не теряю надежды, какъ не теряю и уваженія къ Харькову. Прошу у Бога только терпѣнія и постоянства. Студенты мои уже начинаютъ трудиться, начинаютъ видѣть, что трудъ не напрасенъ и не слишкомъ тяжелъ...“

Обращаясь къ себѣ, Срезневскій сообщаетъ слѣдующія біографическія данныя:

„Что касается до моего *запаздыванья*“, пишетъ онъ,—„о которомъ вы спрашиваете, оно, вѣроятно, ужь на роду мнѣ написано. Въ 35-мъ еще сдалъ въ магистры, черезъ три мѣсяца подалъ разсужденіе, но его читали полтора года, и чуть было не покончили тѣмъ, что я—опасный человѣкъ, что я

хоть и не вижу деспотизма у насъ, но все же очень браню его; еслибы графъ Головкинъ не прочелъ самъ моего разсужденія, то и до сихъ поръ мнѣ бы оставаться при 35-мъ годѣ. Въ 1838-мъ подалъ я разсужденіе на доктора: въ немъ изложены были тѣ самыя мысли, которыя излагалъ я студентамъ, и мнѣ позволено было продолжать излагать ихъ, но два факультета, собравшись судить о моемъ разсужденіи, *балотировкою* рѣшили, что оно не достойно степени, и дѣло брошено; я только издалъ разсужденіе. Съ путешествіемъ была та же возня. По возвращеніи моемъ тоже. Просить я не прошу, и не стану: честный человѣкъ самъ долженъ видѣть, чего я стою, а передъ безчестнымъ не стоитъ унижаться. Ректоръ рѣшилъ, наконецъ, балотировать меня въ экстра-ординарные, оказалось только два черные, представили помощнику попечителя, и дѣло остановилось: мнѣ говорили, что онъ не рѣшается ни на что безъ попечителя, да и что онъ могъ сказать обо мнѣ, когда онъ у меня на лекціи ни разу не былъ. 30 августа былъ нашъ актъ, я читалъ отчетъ; публика была довольна, помощникъ тоже—и рѣшился, наконецъ, представить въ *исправляющія*. Коли такъ, пусть и такъ; а кланяться не стану, ни взятки не дамъ. Мнѣ, безъ сомнѣнія, досадно, но досада проходитъ, а характеръ мой при мнѣ всегда, думаю я, и утѣшаюсь. Еще бы у Министра я рѣшился просить, еслибы зналъ, *какъ*, чтобы его не оскорбить; но у Цертелева, которому и нужды не было до моего путешествія, который принялъ меня въ первый разъ по возвращеніи моемъ, на другой день по пріѣздѣ, такъ, что мнѣ показалось, будто я у него уже въ сотый разъ и съ какою-нибудь просьбою... нѣтъ, этого онъ не дождется. Онъ мнѣ начальникъ, это я знаю, и исполню всегда законный долгъ подчиненнаго, болѣе ни онъ не въ правѣ ожидать отъ меня, ни я не намѣренъ дѣлать. Твердо увѣренный, что кто меня не знаетъ, тотъ раньше или позже узнаетъ, а кто знаетъ, тотъ не будетъ обо мнѣ дурнаго мнѣнія, я иду своей дорогой – piano ma sano, за трудомъ забываю всякую досаду, за воспоминаніемъ о людяхъ достойныхъ

памяти,—всѣхъ недостойныхъ. Тяжело, правда, жить; надобно, для добавки къ жалованью, искать другихъ средствъ, а ихъ—честныхъ—мало; что же дѣлать! Все же съ голоду не умру; и хоть ночей спать не буду, а на книги найду деньги. По возвращеніи въ Харьковъ, четыре мѣсяца я жилъ безъ жалованья, пока не зажилъ слѣдуемой трети; а все же остался живъ и почти безъ долговъ, по крайней мѣрѣ теперь уже нѣтъ на плечахъ ничего кромѣ того, что придется платить Меликовскому за три ящика, имъ высланные. Можно бы и меньше нуждаться, еслибы времени отъ приготовленія къ лекціямъ было болѣе; авось либо впередъ и будетъ лучше. Искренно вѣрю, что все къ лучшему, и безропотно жду лучшаго времени.

Съ Преосвященнымъ Иннокентіемъ я не то, чтобы очень сблизился, но бываю у него; и счастливъ, когда могу провести съ нимъ часъ, другой. И какъ пастырь, и какъ любитель наукъ онъ достоинъ безграничнаго уваженія. Притомъ же онъ у насъ—единственный. Съ нимъ однимъ я говорю о Словенствѣ: у него одного могу просить совѣтовъ искреннихъ; ему одному могу повѣрять свои мысли, свои надежды—это солнце наше, которое оживляетъ всю нашу нравственную природу"...

Въ томъ же письмѣ, по просьбѣ Погодина, Срезневскій выражаетъ свое мнѣніе и о *Москвитянинѣ*. „Въ немъ", пишетъ онъ,—„мало повѣстей; для такъ-называемыхъ Европейцевъ мало пустозвону; а для любителей науки—это безспорно лучшій журналъ. Жаль только—извините, что скажу, какъ думаю—корректоръ дуренъ. Да—повторю опять: нельзя ли что-нибудь въ родѣ непостояннаго отдѣленія для Словенскихъ книгъ. Хоть бы такъ, напримѣръ, сдѣлать: все Словенское помѣщать вмѣстѣ въ особомъ отдѣлѣ, не отдѣляя отъ него ничего въ другіе отдѣлы"...

Письмомъ этимъ Погодинъ остался видимо доволенъ, что явствуетъ изъ отвѣтнаго письма Срезневскаго, въ которомъ читаемъ: „Душевно благодарю васъ за искренно высказанное вами мнѣніе о моихъ лекціяхъ, и очень радъ, что не со-

всѣмъ отстаю въ планѣ чтенія отъ вашего желанія, вполнѣ вѣря, что изученіе нарѣчій должно составлять одну изъ важнѣйшихъ частей преподаванія Словенства. Одними переводами ограничиться у насъ нельзя для чести и пользы предмета; но и выпускать ихъ изъ содержанія лекцій было бы тоже дурно. Такъ со студентами 1-го курса я перевожу образцы всѣхъ десяти западныхъ нарѣчій, имѣя въ виду познакомить слушателей если не съ чѣмъ болѣе, то хоть съ общей характеристикой и взаимною близостью Словенскихъ нарѣчій. Со студентами же слѣдующихъ курсовъ занимаюсь постоянно по одному часу въ недѣлю переводами образцовыхъ сочиненій, особенно Чешскихъ и Сербскихъ; Польское нарѣчіе у насъ изучается многими студентами и безъ того, потому что много студентовъ изъ Поляковъ, такъ что даже въ медицинскомъ факультетѣ господствуетъ нарѣчіе Польское. Въ нынѣшнемъ году въ первомъ семестрѣ я объяснялъ *Краледворскую рукопись*; а во второмъ надѣюсь перглядѣть всю *Дочь Славы*. Притомъ же объясняя имъ подробно характеристику сѣверозападныхъ нарѣчій, читалъ и буду читать образцы всѣхъ этихъ нарѣчій, и новыхъ и старыхъ, и книжныхъ и народныхъ. На слѣдующій годъ, по совѣту вашему, постараюсь обратить еще большее вниманіе на переводы, что и для студентовъ будетъ облегченіемъ. Не менѣе благодаренъ вамъ и за предложеніе написать *Краткую Исторію Словенскихъ народовъ*. Сдѣлать наскоро можно это скоро, потому что я прохожу со студентами и о древности Словенъ вообще, и судьбы каждаго Словенскаго народа; но передъ студентами можно извиниться въ промахахъ, поправлять ихъ послѣ; а передъ публикою это уже не то...“ [317]).

LVIII.

27 ноября 1842 года С. С. Уваровъ писалъ Погодину: „Увѣдомляю васъ съ удовольствіемъ, что Прейсъ возвратился

и скоро начнетъ свои лекціи. Я полагаю на него много надеждъ"[318]).

По свидѣтельству В. И. Ламанскаго, „Петру Ивановичу Прейсу принадлежитъ по праву почетное мѣсто въ Исторіи Словеновѣдѣнія. Онъ стоитъ непосредственно за Добровскимъ, Востоковымъ, Копитаромъ и Шафарикомъ. Въ Россіи и вообще въ Словенствѣ онъ является первымъ по времени крупнымъ ученымъ въ области сравнительнаго языкознанія и первымъ критикомъ Бопповой грамматики. Въ Россіи и вообще въ Словенствѣ онъ былъ и первымъ ученымъ знатокомъ Литовскаго языка. Онъ же въ Россіи является и первымъ отличнымъ изслѣдователемъ Словенскихъ Древностей"[319]).

Вскорѣ по возвращеніи Прейса въ Россію Погодинъ завязалъ съ нимъ дружелюбныя, ученыя сношенія. Памятникомъ сихъ сношеній у насъ сохранилось письмо Прейса къ Погодину, который въ то время изучалъ творенія нашего древняго писателя Іакова черноризца. „Къ сожалѣнію, долженъ начать отвѣтъ на пріятное письмо ваше", писалъ Прейсъ, — „извиненіемъ: замедлилъ, по независящимъ отъ меня причинамъ. А. Х. Востоковъ успѣлъ уже переслать вамъ свой прекрасный трудъ; я же теперь только могу исполнить ваше желаніе. *Полное извѣстіе*, найденное вами о Яковѣ минхѣ, очень порадовало меня. Я жду съ нетерпѣніемъ вашихъ изысканій по этому предмету, а потому умалчиваю о собственныхъ. Года за четыре тому назадъ думалъ я издать *Похвалу Якова*, но недостатокъ необходимыхъ для того средствъ остановилъ меня". При этомъ Прейсъ сообщилъ Погодину и слѣдующія свѣдѣнія:

„*Похвала Владиміру мниха Якова* хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ копіи, снятой Ермолаевымъ со списка 1414 г. Неизвѣстно, куда дѣвался подлинникъ сего списка. *По Исторіи Карамзина* (I, пр. 110) и по словамъ Эверса (*Kritische Vorarbeiten*, с. 308, пр. 5, также *Сѣверн. Архивъ* 1824, ч. X, с. 222) можно догадываться, что подлинникъ Ермолаевской копіи дѣйствительно находился нѣкогда въ библіотекѣ графа А. И. Мусина-Пушкина. Въ

Časopis'ъ Českiho Museum (1838, с. 265) напечатано извѣстіе, что г. Царскій пріобрѣлъ покупкою *Похвалу Владиміра*, писанную на пергаминѣ въ княженіе в. кн. Ярослава. Любопытно сличить послѣдній кодексъ съ предлагаемыми мною выписками изъ Ермолаевской копіи. На основаніи сихъ выписокъ г. Шафарикъ упомянулъ о *Похвалѣ* мниха Якова въ *Slowenský narodopis* (с. 17), относя ее къ 1037 г.

Копія сдѣлана г. Ермолаевымъ съ дипломатическою точностью, строка въ строку, буква въ букву. Онъ означалъ скобами тѣ слова и буквы, которыя писаны новѣйшею рукою. Замѣчанія его, находящіяся внизу страницъ, отличены мною ковычками. Рукопись содержитъ въ себѣ 54 листа. Начало слѣдующее (с. 2): Мца Июля въ єі днь памѧт и похвала кнзю Рускому Володимиру, како кртися Володимеръ и дѣти своꙗ крти. и всю землю Рускую. ѿ конца и до конца. и како кртися баба Володимерова Ольга. преже Володимира. Списано Иꙗковомъ Мнихомъ.

Паоулъ стыи аплъ црквныи оучтль и свѣтило всего мира посылая к Тимофѣю еже слыша ѿ мене многы послухы. тоже предаи же вѣрнымъ члвкмъ. иже доволнѣ будуть и ины наоучити... (Руководствуясь тѣмъ, что многіе, л. 2 об.) многых стхъ писати начаша житья и мчнья. тако же и ꙗзъ худыи мнихъ Ияковъ. слышавъ ѿ многыхъ. ѡ благовѣрнемъ кнзѣ Володимери. всея Руския земля. ѡ сну Стославлѣ, и мало собравъ ѿ многыя добродѣтели ѥго, написахъ ѡ сну ѥго. реку же сто[ю] славную мчнка Бориса и Глѣба.

Похвала оканчивается слѣдующимъ мѣстомъ (л. 39 об.):

Добръ послухъ о благовѣрью твоему, о блаженице, свщнѣная црквы стыя бца Мрья юже създа на правовѣрнѣи основѣ, идеже и мужественное твое тѣло лежить ждя трубы арханглвы; добръ зѣло послухъ снъ твои Георгии. Его же створи гь намѣстника по тобѣ твоему влцьству не рушаще твоихъ оустовъ, но оутвержающа ни оумаляюща (л. 40) твоему блговѣрью положеныя, но паче прилагающа и неказяща, но оучиняюща, иже не доконченая твоя доконцавая аки Соломонъ Двдва,

иже домъ Бии великии Стыя его Премдрсти създа на стость и на осщнье граду твоему, юже всякою красотою оукраси. о Хѣ іСѣ Гѣ нашелъ ему же слава чть и покланяние. съ оцмъ и стымъ дхомъ и нынѣ и при въ вѣкы вѣкомъ аминь. *Стих два гла и.*

За симъ слѣдуютъ:

л. 4 об. Канонъ Владиміру (Придѣте стечемся вси);

л. 41 об. Канонъ Кюрику и Улитѣ;

л. 45 о крещеніи и смерти Владиміра;

л. 50 об. мученіе Кюрика и матери его Улиты.

Рукопись заключается слѣдующимъ послѣсловіемъ:

В лѣт ҂ѕ ц [1]) КВ написана бы книга си. къ стму Володимеру црkви блгниемъ влцѣ (атона) повелѣниемъ Сидора Кюприянова . . . . (Т) . . . . Матфѣя Кусова. а хто сю книгу оукрадетъ да будетъ проклятъ: Сеи [2]) зимы мця Ноября въ зі пострижеся влка (антонъ) въ схиму, и масломъ мазася въ манастыри на Деревяници, по се днии. а посадникъ Кирило Дмитрѣевич преставис.

Примѣчанія г. Ермолаева:

1) „*Прав.* Щ, но сія буква въ церковномъ древнемъ и нынѣшнемъ счисленіи не употреблялась и не употребляется. Видно, что поправлявшій хотѣлъ сдѣлать рукопись древнѣе, нежели она въ самомъ дѣлѣ есть, но, по незнанію или не хотя скоблить, чтобы не подать сумнѣнія, поправилъ и вмѣсто ѱ сдѣлалъ *щ*, не зная, что сіи буквы никогда одинаково не писались“.

2) „*Прав.* тою же рукою: о зимѣ“ [320])

Слѣдуетъ замѣтить, что въ это любопытное сообщеніе П. И. Прейса вкралась одна важная неточность. Копія со Сборника 1414 года, принадлежавшаго графу А. И. Мусину-Пушкину, никогда не составляла собственность Императорской Публичной Библіотеки; въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ эта приписываемая А. И. Ермолаеву копія была пріобрѣтена въ числѣ другихъ рукописей И. И. Срезневскимъ, у наслѣдниковъ котораго хранится она и понынѣ [321]).

Мы уже знаемъ, что въ это время А. Д. Чертковъ трудился надъ Манассіиной Лѣтописью. Прейсъ, интересуясь этимъ памятникомъ, писалъ Погодину: „Хотѣлось бы мнѣ знать, будетъ ли напечатана Манассіина Лѣтопись, и притомъ кѣмъ? Вопросъ естественный всякаго изъ любителей Церковно-Словенской Письменности. У насъ, кромѣ А. Х. Востокова, едва ли кто найдется вполнѣ знакомымъ съ рукописями Болгарской фамиліи, а къ нимъ—притомъ къ позднѣйшимъ принадлежитъ Лѣтопись Манассіи“ [322]).

Въ то время, когда первые насадители у насъ Словеновѣдѣнія: Бодянскій, Срезневскій и Прейсъ вступили на поприще своего дѣланія, исполнилось пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности патріарха Словенской Филологіи Самуила Линде. Погодинъ почтилъ этотъ юбилейный годъ его жизни напечатаніемъ въ *Москвитянинѣ* его біографіи [323]). Въ день юбилея, Линде, по представленію Уварова, былъ украшенъ Станиславскою звѣздою. По неизвѣстной намъ причинѣ П. А. Мухановъ остался недоволенъ напечатаніемъ біографіи Линде: „Къ чему было“, писалъ онъ Погодину: — „проповѣдовать столь нескромно о будущихъ ученыхъ трудахъ нашего общаго знакомаго, сего истинно усерднаго ученаго, истинно преданнаго нашему Правительству. И такъ на него гнѣвятся всѣ безтолковые фанатики, а вы или вашъ журналъ подвергаете его прежде времени ихъ злобѣ. Ради Бога будьте осмотрительнѣе“. Въ томъ же письмѣ Мухановъ писалъ Погодину: „Рекомендую вамъ весьма пасынка своего барона Артура Моренгейма *). Онъ способный малый, но зѣло самолюбивъ; любите его, но ради Бога щадите его самолюбіе“ [324]).

По свидѣтельству Поплонскаго, Линде, по выходѣ въ отставку послѣ своей многотрудной жизни, „отдыхалъ въ тиши своего кабинета, и всѣмъ казалось, что онъ уже кончилъ свое литературное поприще; объ немъ стали говорить меньше, вспоминать рѣже и наконецъ почти совсѣмъ забыли. Одно

*) Баронъ Артуръ Павловичъ Моренгеймъ, нынѣ чрезвычайный и полномочный посолъ при Французскомъ Правительствѣ.

обстоятельство спасло его отъ гражданской смерти: это былъ пріѣздъ въ 1839 году въ Варшаву М. П. Погодина. Онъ отыскалъ здѣшнихъ ученыхъ словенистовъ, разспрашивалъ объ ихъ занятіяхъ, однихъ поощрилъ къ труду убѣжденіями, другимъ выхлопоталъ денежное вспоможеніе, спрашивалъ всѣхъ, что дѣлаетъ Линде, и никто не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта; наконецъ, рѣшился самъ навѣстить Словенскаго патріарха, и что же увидѣлъ? Линде читаетъ Русскія книги и выписываетъ изъ нихъ на отдѣльныхъ карточкахъ чѣмъ-нибудь замѣчательныя выраженія... Дѣло объяснилось. Вышедши въ отставку, Линде обратился опять къ своему любимому предмету — къ Словенскимъ языкамъ, и составилъ себѣ планъ *Сравнительнаго Словаря Словенскихъ нарѣчій*. Когда къ нему явился Погодинъ, онъ уже обработалъ буквы В, Г и половину *Д*. Ревнуя ко всему, что только носитъ печать Словенскую, Погодинъ не могъ не быть восхищеннымъ, видя огромный трудъ, полезный всѣмъ Словенамъ. Онъ взялъ у Линде обработанную часть словаря съ собою и, по возвращеніи въ Россію, представилъ ее Уварову" [325]). Но когда зашелъ вопросъ о печатаніи этого Словаря, то, по разсмотрѣніи его, Комовскій писалъ Погодину: „Рукопись его въ томъ видѣ, какъ онъ ее подготовляетъ, нельзя печатать, она требуетъ много передѣлокъ. Линде мало знакомъ съ Русскою Литературою и достоинствомъ, или лучше сказать, авторитетомъ нашихъ писателей. Въ числѣ законодателей Русскаго слова почасту встрѣчаются у него *Сѣверная Пчела* и *Репертуаръ театральный* г. Кони.—Что вы думаете о моемъ предложеніи: купить у Линде его трудъ какъ матеріалъ и пригласить Московскихъ членовъ Словеснаго Отдѣленія Академіи заняться составленіемъ Сравнительнаго Словаря, въ который все подготовленное Линде войдетъ въ исправленномъ видѣ? С. П. Шевыревъ писалъ къ Сергію Семеновичу о своемъ желаніи содѣйствовать къ составленію Словаря. Поговорите объ этомъ съ И. И. Давыдовымъ, Степаномъ Петровичемъ и другими и сообщите ваши мысли" [326]). Но Поплонскій, какъ бы пред-

видя подобное сужденіе о трудѣ Линде, писалъ: „Для своего Сравнительнаго Словаря Линде читаетъ Русскія книги образцовыхъ, посредственныхъ и плохихъ писателей; этихъ послѣднихъ потому, что въ языкѣ есть слова, которыхъ не употребятъ лучшіе писатели, а примѣры къ нимъ находятся у такихъ, которые въ литературномъ отношеніи ничего не значатъ, а въ отношеніи къ языку важны именно этою отрицательною стороною" [327]).

Не смотря на свое сочувствіе къ Словенамъ, Уваровъ вынужденъ былъ заготовить слѣдующій циркуляръ: „По нѣкоторымъ политическимъ обстоятельствамъ я нахожу полезнымъ обратить вниманіе цензуры на печатаемыя въ Русскихъ изданіяхъ статьи, относящіяся къ южнымъ Словенамъ и нынѣшнему ихъ положенію. Хотя статьи эти сами по себѣ не представляютъ ничего прямо непозволительнаго и вообще благонадежны, однако настоящія политическія отношенія побуждаютъ положить нѣкоторое ограниченіе изъявленіямъ въ Русскихъ изданіяхъ сочувствія и участія въ дѣлахъ Словенскихъ племенъ, къ иноземнымъ державамъ принадлежащихъ". Но дать ходъ этому циркуляру Уваровъ не рѣшился. Комовскій, посылая копію съ него Погодину, писалъ ему: „Такого содержанія предложеніе хотѣлъ С. С. Уваровъ дать Московской цензурѣ, но удержался единственно, чтобъ не вооружить ее слишкомъ и исключительно на *Москвитянинъ*; кромѣ этого журнала, вѣдь, нѣтъ другихъ изданій, говорящихъ у васъ про Словенъ. Его высокопревосходительство предпочелъ приказать мнѣ частнымъ образомъ предварить по этому предмету васъ, какъ издателя, и просить, отъ его имени: не печатать пока до времени ради современныхъ политическихъ обстоятельствъ *ничего на счетъ Словенскихъ соплеменниковъ нашихъ*, по крайней мѣрѣ безъ предварительнаго представленія на его усмотрѣніе и рѣшеніе" [328]).

Въ бумагахъ Погодина нашелся листокъ, писанный неизвѣстною намъ рукою и относящійся къ болѣе позднему времени, но объясняющій тѣ причины, которыя побудили

С. С. Уварова составить только-что приведенный проектъ министерскаго циркуляра. Вотъ что мы читаемъ въ этомъ листкѣ: „Когда я передалъ списокъ Псалтыря г. Шафарику, въ Прагѣ, онъ просилъ довести до свѣдѣнія г. Погодина слѣдующую просьбу, которую постараюсь передать собственными словами г. Шафарика: Передайте г. Погодину, что Австрійское Правительство обратило особенное вниманіе на сношенія мои съ нимъ. Оно понимаетъ г. Погодина руководителемъ Русско-Словенской партіи, старающейся печатными и рукописными сочиненіями возбуждатъ Словенскія племена Австріи. Когда въ прошломъ году посѣтили меня: прежде сынъ г. Погодина вмѣстѣ съ молодымъ г. Мамонтовымъ, потомъ и самъ г. Погодинъ,—то послѣдствіемъ этихъ посѣщеній было—учрежденіе надо мною строгаго надзора. Все, что я пишу другимъ и что другіе мнѣ пишутъ—прочитывается. Не знаю, что ожидаетъ меня въ будущемъ; во всякомъ случаѣ я убѣдительнѣйше прошу г. Погодина, чтобы во всѣхъ печатныхъ и рукописныхъ статьяхъ, касающихся Словенъ, не упоминать моего имени и вообще не связывать его съ политикою, которою я не могу и не долженъ заниматься: я желаю остаться при своихъ чисто-ученыхъ трудахъ. Въ настоящемъ моемъ положеніи всякое привлеченіе моего имени къ дѣлу Словенъ—причинитъ мнѣ и семейству моему большое горе. Прошу Васъ, когда будете внѣ предѣловъ Австріи, при первомъ удобномъ случаѣ довести все это до свѣдѣнія г. Погодина, которому описывать свое положеніе, по сказаннымъ причинамъ—не могу“.

КОНЕЦЪ КНИГИ ШЕСТОЙ.

1) *Москвитянинъ* 1841, № 5, стр. 234—236. *Русская Старина* 1889, ноябрь, стр. 325—326. *Дневникъ* 1841, подъ 15 апрѣля, 1 мая. *Москвитянинъ* 1841, № 6, стр. 547—548. *Дневникъ* 1841, подъ 13, 14 мая. *Сочиненія Филарета М. Московскаго.* М. 1882, IV, стр. 145—146. *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2082.

2) *Москвитянинъ* 1841, № 1, стр. 3—29.

3) *Письма*, XI. *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 310.

4) *Москвитянинъ* 1841, № 1, 219—296. *Русская Старина* 1889, ноябрь, стр. 328.

5) *Письма*, XI.

6) *Москвитянинъ* 1841, № 4, стр. 325—401.

7) *Дневникъ* 1841, подъ 14 марта.

8) *Письма*, XI.

9) Ефремовъ. *Сочиненія В. А. Жуковскаго.* С.-Пб. 1885, I, стр. XXXI.

10) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 601.

11) *Письма*, XI; *Дневникъ* 1841, подъ 13, 16, 17 января.

12) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 601—602.

13) *Письма*, XI.

14) *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 206—207.

15) *Письма*, XI.

16) *Москвитянинъ* 1841, № 1, стр. 342, 51—53.

17) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 275.

18) *Москвитянинъ* 1841, № 3, стр. 6.

19) *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 206.

20) *Дневникъ* 1841, подъ 5 января.

21) *Письма*, IX, XI.

22) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 275.

23) *Дневникъ* 1841, подъ 5 января, 6—9 февраля.

24) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 94—95.

25) *Жизнь и Труды П. М. Строева.* С.-Пб. 1878, стр. 288.

26) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2083.

27) *Дневникъ* 1840 подъ 3, 16 января, 9 сентября; 1841, подъ 18 февраля.

28) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2083—2090.

29) *Дневникъ* 1841, подъ 5 марта.

30) *Письма*, XI.

31) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2090—2095, 2096—2098.

32) *Дневникъ* 1841, подъ 1—5 апрѣля.

33) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2098—2099.

34) *Письма*, XI.

35) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2098, 2095—2096. *Письма*, XI.

36) *Москвитянинъ* 1841, № 12, стр. 300—336.

37) *Письма*, XI.

38) *Русскій Архивъ* 1885, № 6, стр. 306—307.

39) *Письма*, XI.

40) *Дневникъ* 1841, подъ 14—15 апрѣля.

41) *Русскій Архивъ* 1883, № 1, стр. 94—95.

42) *Дневникъ* 1841, подъ 6 января.

43) *Письма*, XI.

44) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*. М. 1890, стр. 47.

45) *Дневникъ* 1841, подъ 8, 10 марта.

46) *Письма*, XI.

47) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 51.

48) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*. С.-Пб. 1857, V, стр. 445.

49) *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 206; 1886, № 3, стр. 323. *Письма*, XI.

50) *Москвитянинъ* 1841, № 5, стр. 34—35.

51) *Письма*, XI.

52) *Дневникъ* 1841, подъ 9 января, 12 марта.

53) *Русскій Архивъ* 1880, II, стр. 274.

54) Веселовскій. *В. В. Григорьевъ*, стр. 73.

55) *Письма*, XI.

56) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*. М. 1879, стр. 120—121.

57) *Письма*, XI.

58) *Отечеств. Записки* 1841, № 1, стр. 31. XIV. Библ. Изв., стр. 83—84.

59) *Письма*, XI.

60) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 512.

61) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ*. С.-Пб. 1869, стр. 26.

62) *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 227—228; 1885, № 6, стр. 307.

63) Пыпинъ. *Бѣлинскій, его жизнь и переписка*. С.-Пб. 1876, II, стр. 133—135.

64) *Московскія Вѣдомости* 1841, № 16.

65) *Отечеств. Записки* 1841, № 4, Библіограф. Хрон., стр. 38—40.

66) *Дневникъ* 1841, подъ 25 апрѣля, 2 мая.

67) *Москвитянинъ* 1841, № 6, стр. 509—510.

68) *Письма*, XI.

69) *Отечеств. Записки* 1841, № 7, стр. 27—30.

70) *Письма*, XI.

71) *Москвитянинъ* 1841, № 4, стр. 572—573.

72) *Письма*, XI.

73) *Москвитянинъ* 1841, № 5, стр. 239—241.

74) *Письма*, XI.

75) *Москвитянинъ* 1841, № 7, стр. 236—238.

76) *Письма о Кіевѣ*. С.-Пб. 1871, стр. 117.

77) *Письма*, XI. *Письма М. Московскаго Филарета къ А. Н. Муравьеву*. Кіевъ. 1869, стр. 133.

78) Буткевичъ. *Иннокентій Борисовъ, бывшій архіепископъ Херсонскій*. С.-Пб. 1887, стр. 130.

79) *Письма*, XI.

80) *Письма о Кіевѣ*, стр. 114—116.

81) *Письма*, XI.

82) *Письма о Кіевѣ*, стр. 116.

83) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 114—116.

84) *Письма*, XI.

85) *Русскій Архивъ* 1886, № 3, стр. 326.

86) Буткевичъ. *Иннокентій Борисовъ*, стр. 131.

87) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 560, 547—557.

88) *Письма*, XI.

89) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 557.

90) *Письма*, XI.

91) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 557—560. *Сочиненія А. И. Герцена*. Женева. 1875, I, стр. 182.

92) *Письма*, XI.

93) *Русская Исторія*. С.-Пб. 1872, I, стр. 194.

94) *Москвитянинъ* 1841, № 5, стр. 198—216.

95) *Жизнь и труды П. М. Строева*. С.-Пб. 1878, стр. 370—371, 374.

96) *Дневникъ* 1841, подъ 7 марта.

97) *Извѣстія Императорской Ака-*

міи Наукъ. С.-Пб. 1857, VI, вып. III, стр. 209—213.

98) *Письма*, XI, X.

99) *Дневникъ* 1841, подъ 11 января.

100) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 538—547.

101) *Письма*, XI.

102) *Отечеств. Записки* 1841, XVI. Библіогр. Хрон., стр. 30—31.

103) *Москвитянинъ* 1841, № 4, стр. 491, 492, 499.

104) *Письма*, XI.

105) *Москвитянинъ* 1841, № 4, стр. 479—481, 483, 501, 486—487; № 11, стр. 162—170; 1842, № 2, стр. 585; *Письма*, XII.

106) *Письма*, XII.

107) *Дневникъ* 1841, подъ 24, 4 мая.

108) *Русск. Истор. Сборникъ*. М. 1843, VI, проток., стр. 18.

109) *Дневникъ* 1841, подъ 1 февраля.

110) *Письма*, XI.

111) *Русскій Историческій Сборникъ*. М. 1843, VI, прот., стр. 23—24.

112) *Письма*, XI, XIII.

113) *Русск. Истор. Сборникъ*. М. 1843, V, прот., стр. 27.

114) *Письма*, XI.

115) *Москвитянинъ* 1844, № 12, стр. 511—517; *Письма*, XI.

116) Пономаревъ. *М. А. Максимовичъ*. С.-Пб. 1872, стр. 48—53.

117) *Русскій Архивъ* 1882, № 5, стр. 86—87.

118) *Москвитянинъ* 1841, № 2, стр. 676.

119) Н. И. Веселовскій. *В. В. Григорьевъ*. С.-Пб. 1887, стр. 41.

120) *Письма*, XI.

121) *В. В. Григорьевъ*, стр. 73.

122) *Москвитянинъ* 1841, № 4, стр. 553—559.

123) *В. В. Григорьевъ*, стр. 73, 71.

124) *Москвитянинъ* 1841, № 6, стр. 535—540.

125) *Біографич. Словарь Московскаго Университета*, II, стр. 226.

126) *Дорожный Дневникъ* 1839. М. 1844, III, стр. 115—116.

127) *Біографич. Словарь Московскаго Университета*, II, стр. 226.

128) *Письма*, XI.

129) *Біографич. Словарь Московскаго Университета*, II, стр. 226—227.

130) *Москвитянинъ* 1841, № 6, стр. 515—525; № 1, стр. 460—462.

131) *Письма*, XI.

132) *Русская Старина* 1889, ноябрь, стр. 331—332.

133) *Автобіогр. Записки Погодина* (гр. Строгановъ), л. 8 и об. *Дневникъ* 1841, подъ 15 мая, іюнь.

134) *Москвитянинъ* 1841, № 8, стр. 569; № 9, стр. 156—190.

135) *Письма*, XI.

136) *Москвитянинъ* 1841, № 9, стр. 166—188. *Письма*, XI.

137) *Письма*, XI.

138) *Русская Старина* 1889, декабрь, стр. 727—729. *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2101.

139) *Письма*, XII; *Воспоминанія о И. И. Давыдовѣ*, л. 2; *Москвитянинъ* 1841, № 9.

140) *Рѣчи*. М. 1872, стр. 289.

141) *Москвитянинъ* 1841, № 8, стр. 569, 572; № 9, стр. 271—283.

142) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. С.-Пб. 1878, стр. 374.

143) *Письма*, XI.

144) *Москвитянинъ* 1841, № 9, стр. 283—314.

145) *Письма*, XII.

146) *Москвитянинъ* 1841, № 11, стр. 237—243.

147) *Письма*, XIII.

148) *Москвитянинъ* 1841, № 11, стр. 244—268; 1842, № 8, стр. 249—265.

149) *Письма*, XI.

150) *Москвитянинъ*, 1841, № 3, стр. 270—272; № 5, стр. 3—9.

151) *Письма*, XI.

152) *Москвитянинъ* 1842, № 8, стр. 258, 272—273, 265—283; 1843, № 11, стр. 244—260, 184; № 12, стр. 99—109. *Русская Старина* 1887, октябрь, стр. 11—12. *Московскій Симоновъ Монастырь*. М. 1890, стр. 10—11.

153) *Источники Русской Агіографіи.* С.-Пб. 1882, стр. 45.
154) *Москвитянинъ* 1843, № 12, стр. 109—122.
155) *Біографіи и Характеристики.* С.-Пб. 1882, стр. 250.
156) *Письма*, XI.
157) *Москвитянинъ* 1842, № 12, стр. 310—336; № 8, стр. 428—433; № 4, стр. 547—554.
158) *Письма*, XI, XII.
159) *Русская Старина* 1887, октябрь, стр. 10.
160) *Письма*, XI, XII.
161) *Москвитянинъ* 1842, № 3, стр. 237—259.
162) *Письма*, XII, XIII.
163) *Москвитянинъ* 1842, № 3, стр. 253—265, 1841, № 7, стр. 256—258.
164) *Письма*, XI.
165) *Дневникъ* 1841, подъ 2 февраля.
166) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ.* М. 1890, стр. 49—50.
167) *Москвитянинъ* 1841, № 5, стр. 37—40.
168) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ.* М. 1890, стр. 117—118. *Письма*, XI.
169) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 48.
170) *Дневникъ* 1841, подъ 24 мая.
171) *Русская Старина* 1889, январь, стр. 149.
172) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя.* С.-Пб. 1857, V, стр. 450, 452—453.
173) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 51—52, 55—56, 58.
174) *Москвитянинъ* 1841.
175) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* С.-Пб. 1884. IX, стр. 195—196.
176) *Москвитянинъ* 1841, № 8, стр. 476.
177) Пыпинъ. *Бѣлинскій, его жизнь и переписка.* С.-Пб. 1876, II, стр. 184.
178) *Москвитянинъ* 1841, № 1, стр. 54—56, 324—326.
179) *Отеч. Записки* 1841, XVIII. Библіограф. Хрон., стр. 5.
180) *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 206.
181) *Письма*, XI.
182) *Бѣлинскій*, II, стр. 121.
183) *Москвитянинъ* 1841, № 9, стр. 320; № 4, стр. 525—540.
184) *Русскій Архивъ* 1885, № 6, стр. 307.
185) *Письма*, XI.
186) *Бѣлинскій*, II, стр. 127.
187) *Письма*, XI.
188) *Москвитянинъ* 1841, № 11, стр. 272—274.
189) *Дневникъ* 1841, подъ 14 января.
190) *Письма Митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. Муравьеву.* Кіевъ. 1869, стр. 101—102.
191) *Письма*, XI.
192) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* С.-Пб. 1883. VIII, 453—454.
193) Буткевичъ. *Иннокентій Борисовъ, бывшій архіепископъ Херсонскій.* С.-Пб. 1887, стр. 137.
194) *Москвитянинъ* 1842, № 4, стр. 553—554.
195) *Иннокентій Борисовъ*, стр. 139.
196) *Письма*, XII.
197) *Иннокентій Борисовъ*, стр. 139—140.
198) *Москвитянинъ* 1842, № 3, стр. 281.
199) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 60.
200) I Кор. II, 1—2, 4—5.
201) *Письма*, XII,
201) *Письма М. М. Филарета къ Намѣстнику Свято-Троицкія Сергіевой Лавры архимандриту Антонію.* М. 1878, II, 25.
203) *Москвитянинъ* 1842, № 8, стр. 405; № 1, стр. I—XXXII.
204) *Бѣлинскій*, II, 149, 132—133.
205) *Отечеств. Записки* 1842, XXI. Смѣсь, стр. 39—45.
206) *Бѣлинскій*, II, стр. 133, 137.
207) *Письма*, XII.

208) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

209) *Письма*, XII.

210) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 53—54.

211) *Русская Старина* 1889, январь, стр. 143—144, 146.

212) *Бѣлинскій*, II, стр. 147.

213) *Русская Старина* 1875, сентябрь, стр. 118—119; *Москвитянинъ* 1842, № 10, стр. 281. *Отечеств. Записки* 1842, № 12. Смѣсь, стр. 108—110.

214) *Бѣлинскій*, II, стр. 136. *Автобіограф. Записки*, л. 5 об.

215) *Письма*, XIII.

216) *Сочиненія А. И. Герцена.* Женева. 1875, I, стр. 58—59.

217) *Письма*, XII.

218) *Москвитянинъ* 1842, № 6, стр. 252—266; № 8, стр. 376—382.

219) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

220) *Москвитянинъ* 1842, № 10, стр. 456—469.

221) *Письма*, XII.

222) *Отечественныя Записки* 1842, № 12, стр. 412.

223) *Письма*, XII.

224) *Москвитянинъ* 1842, № 11, стр. I—V; № 1, стр. I—XXXII.

225) *Письма*, XII. *Сочиненія А. И. Герцена.* Женева. 1875, I, стр. 52—53, 57—58, 64.

226) *Русскій Архивъ* 1880. Кн. 2, стр. 281—282, *Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина.* М. 1880, V, стр. XLI, XLIII —L.

227) *Русскій Архивъ* 1880. Кн. 2, стр. 294, 285, 295—298.

228) *Письма*, XIII. *Русскій Архивъ* 1884, № 5, стр. 228.

229) *Москвитянинъ* 1842, № 5, стр. 80.

230) *Отечественныя Записки* 1842, XXIV. Библ. Хрон., августъ, стр. 26—28.

231) *Сочиненія А. И. Герцена*, I, 25—26.

232) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 62—63.

233) *Русская Старина* 1890, мартъ, стр. 855; февраль, стр. 411; 1875, сент., стр. 116. *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя.* С.-Пб. 1857, VI, 131—134.

234) *Москвитянинъ* 1842, №№ 7 и 8. *Русскій Архивъ* 1880. Кн. 2, стр. 298—300.

235) *Русская Старина* 1875, ноябрь, стр. 120.

236) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 69, 71, 74.

237) *Отечественныя Записки* 1842, XXV. Критика, стр. 14—15.

238) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

239) *Русская Старина* 1890, февраль, стр. 409—410.

240) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*, стр. 76.

241) *Письма*, XII.

242) *Москвитянинъ* 1842, № 2, стр. 86.

243) *Письма*, XII.

244) *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 200—212; № 4, стр. 507—513; № 5, стр. 176—182; № 6, стр. 374—379.

245) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

246) *Письма*, XII.

247) *Москвитянинъ* 1842, № 11, стр. 45.

248) *Письма*, XII.

249) *Москвитянинъ* 1842, № 6, стр. 267—324; № 7, стр. 125—206.

250) *Письма*, XII, XIII. *Отечественныя Записки* 1842. Библ. Хрон., октябрь, стр. 14—17.

251) *Москвитянинъ* 1842, № 12, стр. 405—444.

252) *Письма*, XII.

253) *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 58—76.

254) *Письма*, XII.

255) *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 97—116, 149—164.

256) *Письма*, XII, XIII.

257) *Дневникъ* 1840, подъ 27 августа, 7 сентября, 30 августа, 16 и 29 сентября.

258) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2100.

259) *Письма*, XI.

260) *Москвитянинъ* 1842, № 3, стр. 68—104.

261) *Письма*, XII, XIII.

262) *Русскій Историческій Сборникъ*. М. 1843, VI, стр. 37, 43.

263) *Письма*, XIII.

264) *В. В. Григорьевъ*, стр. 76—77.

265) *Москвитянинъ* 1842, № 4, стр. 559.

266) *Письма*, XII.

267) *В. В. Григорьевъ*, стр. 79, 78, 77.

268) *Письма*, XII, XIII. *В. В. Григорьевъ*. С.-Пб. 1887, стр. 86—88.

269) *Вѣстникъ Европы* 1886, іюнь, стр. 460.

270) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

271) *Бѣлинскій*, II, 203. *Вѣстникъ Европы* 1886, іюнь, стр. 488, 485.

272) *Москвитянинъ* 1842, № 4, стр. 559.

273) *Письма*, XIII.

274) *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 247—257.

275) *Письма*, XIII.

276) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* С.-Пб. 1883, VIII, стр. 380.

277) *Сочиненія А. И. Герцена*. Женева. 1875, стр. I, 1—4.

278) *Утренняя Заря* на 1843 г. С.-Пб., 1843, стр. 3 и т. д.

279) *Письма*, XIII.

280) *Біографическій Словарь Московскаго Университета*, I, стр. 403.

281) *Москвитянинъ* 1842, № 5, стр. 208—210.

282) *Русская Старина* 1889, октябрь, стр. 202.

283) *Отечественныя Записки* 1842. XXV. Смѣсь, стр. 128—129.

284) *Сочиненія А. И. Герцена*. Женева. I, стр. 45—50.

285) *Отечественныя Записки* 1842, № 12. Смѣсь, стр. 129.

286) *Русскіе Палеологи сороковыхъ годовъ*. С.-Пб. 1880, стр. 7—9.

287) *Москвитянинъ* 1842, № 3, 105—109.

288) *Жизнь и Труды П. М. Строева.* С.-Пб. 1878, стр. 375—376, 385.

289) *Дневникъ* 1840, подъ 11 и 23 ноября.

290) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 385—386.

291) *Письма*, XI.

292) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 386—389.

293) *Письма*, XII.

294) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 389.

295) *Письма*, XII.

296) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 389—390.

297) *Письма*, XII.

298) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 390.

299) *Письма*, XII.

300) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 390—391.

301) *Письма*, XII.

302) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 391.

303) *Письма*, XII.

304) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 409.

305) *Письма*, XIII.

306) *Автобіограф. Зап.* (Древлехранилище), л. 2 об.

307) *Письма*, XII, X.

308) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*. М. 1879, стр. 104—107.

309) *Біографическій Словарь Московскаго Университета*. I, стр. 93. *Москвитянинъ* 1844, № 5, стр. 161.

310) *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель*, стр. 317—318.

311) *Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ*. 1877, III, стр. 1—3.

312) *Собраніе Сочиненій М. А. Максимовича*. Кіевъ. 1880, III, стр. 329—330.

313) *Москвитянинъ* 1843, № 5, стр. 249—258; № 10, стр. 455—468; 1844, № 7, стр. 188.

314) *И. И. Срезневскій.* М., 1890, стр. 17.

315) *Письма*, XIII.

316) *Живая Старина.* С.-Пб. 1892. I, стр. 66.

317) *Письма*, XIII.

318) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 2102—2103.

319) *Живая Старина.* С.-Пб. 1890. II, стр. 108.

320) *Письма*, XIII.

321) Срезневскій. *Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ*, II, стр. 84.

322) *Письма*, XIII.

323) *Москвитянинъ* 1842, № 11, стр. 97—115.

324) *Письма*, XIII.

325) *Москвитянинъ* 1842, № 11, стр. 110—111.

326) *Письма*, XII.

327) *Москвитянинъ* 1842, № 11, стр. 111.

328) *Письма*, XII.

Дополнительное свѣдѣніе къ главѣ VI-й книги пятой Жизни и Трудовъ М. П. Погодина:

Въ VI-й главѣ пятой книги настоящаго труда, при описаніи учебной подготовки Василія Васильевича Григорьева къ ученой дѣятельности, оказался нѣкоторый пробѣлъ. Покойный Василій Васильевичъ и другъ его, извѣстный оріенталистъ, нумизматъ, Павелъ Степановичъ Савельевъ, по окончаніи курса въ Факультетѣ Восточныхъ Языковъ С.-Петербургскаго Университета, зачислились въ 1834 году воспитанниками Учебнаго Отдѣленія Азіятскаго Департамента, гдѣ и остались до 1836 года. Но ни тотъ, ни другой не поступили на драгоманскую службу, къ которой готовились въ Отдѣленіи. Служебная карьера ихъ извѣстна. Одну изъ открывшихся, такимъ образомъ, въ этомъ учебномъ заведеніи вакансій, занялъ пишущій эти строки, нынѣшній управляющій Отдѣленіемъ М. А. Гамазовъ.

